Мир искателя

М. Войлошников
ГНЕВ ВЛАСТЕЛИНА

В. Головачев
КАТАСТРОФА

Annotation

Содержание: • Борис Воробьев. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И СТАРЕЦ ФЕДОР КУЗЬМИЧ. (историческое расследование) • Максим Войлошников. ГНЕВ ВЛАСТЕЛИНА. (повесть) • Джеймс Хэдли Чейз. ПОЛОЖИТЕ ЕЕ СРЕДИ ЛИЛИЙ. (роман) • Василий Головачев. КАТАСТРОФА. (рассказ)

- МИР ИСКАТЕЛЯ
  - Новинки
    -
    - Борис Воробьев
    - Максим Войлошников
      -
      - Глава 1. ДИНГАРД
      - Глава 2. ОСТРОВ ЯТХОЛЬМ
      - Глава 3. ХОРОВОД СЕЙДОВ
      - Глава 4. ОЗЕРНЫЙ ГОРОД
      - Глава 5. БИТВА ХУСКАРЛОВ
      - Глава 6. БАШНЯ ИЗКАРА
      - Глава 7. КОЛДОВСКОЕ ГНЕЗДО
      - Глава 8. ЛЕСА ДОННЕРВАДА
      - Глава 9. ИДОЛЫ НА СКЛОНЕ
      - Глава 10. БЕЛИЧЬИ МЕХА
      - Глава 11. РАРОГОВЫ ВАЛЫ
      - Глава 12. ЖИТЕЛИ ТЕЛЕОРМАНА
      - Глава 13. СКЛОН ХАРВАДА
      - Глава 14. ВОЛНЫ НОСТРАНДА
      - Глава 15. МЕДНАЯ БОГИНЯ ВОЙКАРА
      - Глава 16. УБЕЖИЩЕ ВЕТЕМУРТ
      - Глава 17. ЗЕРКАЛО ТУНДАР
      - Глава 18. ЗНАМЯ ПРИИ
      - Глава 19. ГНЕВ ЧЕРНОБОГА
      - Глава 20. СЛЕД КОЛЕСНИЦЫ
      - Глава 21. ПОСОХ ЮМБЕЛА
      - Глава 22. СТРУИ КРИВАСЭЛЬВЕН
  - Ретро
    -
    - Джеймс Хэдли Чейз
      - Глава первая
      - Глава вторая
      - Глава третья
      - Глава четвертая

- Глава пятая
- Глава шестая

- По страницам «Искателя»
-
- Василий Головачев

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Мир Искателя

ДЕТЕКТИВ • ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Новинки

3 *Борис Воробьев*
ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И СТАРЕЦ ФЕДОР КУЗЬМИЧ
Историческое расследование

38 *Максим Войлошников*
ГНЕВ ВЛАСТЕЛИНА
Повесть

Ретро

164 *Джеймс Хэдли Чейз*
ПОЛОЖИТЕ ЕЕ СРЕДИ ЛИЛИЙ
Роман

По страницам «Искателя»

343 *Василий Головачев*
КАТАСТРОФА
Рассказ

1998

МИР ИСКАТЕЛЯ

Новинки

Борис Воробьев

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И СТАРЕЦ ФЕДОР КУЗЬМИЧ

В полдень 4 сентября 1836 года к одной из деревенских кузниц в Красноуфимском уезде Пермской губернии подъехал верховой и попросил подковать его лошадь. Кузнец, по роду занятий неплохо разбиравшийся в лошадях, с одного взгляда определил, что конь под незнакомцем не просто хороший, а чистых кровей, и стоит больших денег. Такой конь мог принадлежать лишь какому-нибудь сиятельному лицу, тогда как его действительный хозяин, хотя и обладал представительной внешностью, но был одет бедно, по-крестьянски.

Пока кузнец прилаживал подкову, к кузне подошли еще несколько деревенских и тоже заинтересовались лошадью. А затем и ее обладателем — крестьян очень удивил тот факт, что у бедного, судя по всему, человека такой прекрасный скакун. Стали спрашивать приезжего о том, о сем, тот отвечал как-то уклончиво, чем и возбудил подозрения. Словом, незнакомца задержали и препроводили в полицию.

В Красноуфимском земском суде задержанный назвался Федором Кузьмичом, сказал, что ему 70 лет, что он неграмотен, православный, но происхождения своего не помнит. Допросили еще раз и одновременно составили описание примет Федора Кузьмича, из коих следовало, что старец имел «роста — 2 аршина 6 1/2 вершков, волосы на голове и бороде — светло-русые с проседью, нос и рот посредственные, подбородок кругловатый, от роду имеет не более 65 лет, на спине есть знаки наказания кнутом или плетью».

Поскольку, по существу, Федор Кузьмич оказался бродягой без роду и племени (а за бродяжничество в то время в России судили), Красноуфимский уездный суд приговорил его к наказанию плетьми и последующей ссылке в Сибирь на поселение. 12 октября Федор Кузьмич получил положенные ему двадцать ударов, а на другой день был этапирован в деревню Зерцалы Томской губернии, где ему отныне надлежало жить.

Но почему же этот человек, которого все вскоре стали называть «старцем», отождествлялся тогда и отождествляется многими и ныне с личностью императора Александра I? Легенду об этом автор во всех подробностях разберет ниже, а пока лишь перечислит «доказательства», которые приводят в пользу «перевоплощения» императора сторонники этой версии:

1. Александр I был неузнаваем в гробу.

2. Наличие двух записок старца Федор Кузьмича, расшифровка которых якобы подтверждает его принадлежность к русской императорской фамилии.

3. Слухи о посещении могилы старца великими князьями Александром Николаевичем (будущим императором Александром II) и Николаем Александровичем (будущим императором Николаем II).

4. Слухи о том, что в кабинете императора Александра III якобы висел портрет Федора Кузьмича.

5. Факт вскрытия могилы Александра I в 80-х годах XIX столетия и в 1921 году, причем было обнаружено, что могила пуста.

6. Портретное сходство императора и старца.

7. Записка Н.Н.Врангеля, озаглавленная «Правда о Федоре Кузьмиче».

8. Версия о бегстве Александра I из Таганрога на английском судне.

Об этих «доказательствах» будет также сказано, однако прежде необходимо проследить за тем, как возникла и развивалась во времени легенда об императоре Александре I и старце Федоре Кузьмиче. А для этого придется начать издалека.

О жизни Александра I, его государственной деятельности и о его человеческих свойствах написана не одна сотня книг. Их авторы, признавая за Александром большой ум, любознательность, доброту, личное обаяние в то же время говорили о слабой воли императора, о его скрытности и двоедушии, упрямстве и тщеславии, о его способности быстро загораться и столь же быстро остывать.

Таким образом, перед нами предстает фигура весьма противоречивая, способная на непредсказуемые поступки и принятие неожиданных решений, и в то же время постоянно колеблющаяся, как плохо уравновешенные весы. Этой двойственности должно быть объяснение, и оно, по мнению большинства исследователей, есть и заключается в тех условиях жизни и воспитания Александра, которые сопутствовали ему в детстве и в ранней юности, когда он одновременно находился под сильным влиянием своей бабки Екатерины II и отца Павла Петровича, ставшего впоследствии русским императором.

Как всем известно, законным мужем Екатерины (вначале великой княгини, а затем всероссийской императрицы) был внук Петра I великий князь Петр Федорович (впоследствии русский император Петр III). Известно и то, что их супружеская жизнь не

заладилась с самого начала и что в этом виноваты оба супруга. И Петр, и Екатерина не любили друг друга, а потому супружеская измена была у них в семье в порядке вещей. Петр содержал любовницу открыто, Екатерина же хоть и старалась соблюдать какие-то правила приличия, но это ей плохо удавалось, и все при дворе были уверены, что сын Екатерины Павел родился вовсе не от Петра, а от одного из любовников великой княгини графа Салтыкова.

Совершив в июле 1762 года государственный переворот и став императрицей, Екатерина всеми силами старалась не приближать к трону нелюбимого Павла, держа его в отдалении, в Гатчине, и по-прежнему занимаясь любовными играми.

Павел платил матери той же монетой — нелюбовью, которую даже не скрывал, и жил лишь ожиданием, когда Екатерина либо состарится, либо умрет, чтобы самому сделаться императором. Конечно, Екатерина все это понимала, и ее выводила из себя мысль, что рано или поздно на российский престол вступит так нелюбимый ею Павел; поэтому когда у Павла родился первенец, названный в честь Александра Невского Александром, императрица тотчас отобрала внука у родителей и принялась за его воспитание — ей показалось, что со временем можно будет обойти в вопросе престолонаследия сына и сделать русским царем Александра.

Именно с этого момента и началась ожесточенная борьба между Екатериной и Павлом за душу Александра. Как и всякая борьба подобного рода, она не могла положительно повлиять на характер того, кто стал ее объектом. Раздираемый внутренними противоречиями, любивший и отца, и бабку, Александр, оказавшись как бы между молотом и наковальней, был вынужден потрафлять вкусам и требованиям обеих враждующих сторон. С тех пор, как считают историки, в его душе и появились признаки двоедушия, которые затем упрочились и стали едва ли не главной чертой Александровой натуры.

Очень хорошо об этом сказал Наполеон, неоднократно встречавшийся с русским императором и понявший его человеческую суть: «Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; он неискренен: это истинный византиец — тонкий, притворный, хитрый».

Но чье же влияние — Екатерины или Павла — оказало большее воздействие на формирование характера Александра? Об этом спорят до сих пор, хотя пальму первенства нужно, конечно же, отдать императрице.

Наша официальная история наделила Екатерину II всеми добродетелями, назвала ее «Великой» и тем самым как бы выдала

ей надежную индульгенцию в деле искупления всех ее прегрешений. Но в материале о «княжне Таракановой», опубликованной в первом за этот год выпуске «Мир „Искателя“», автор уже говорил о чудовищной мифологизации нашей истории; результатом этого, в частности, является искажение истинного облика Екатерины II в сторону безудержного восхваления ее достоинств и добродетелей. В действительности же он никоим образом не соответствует тем лаковым парсунам, по которым складывалось общественное мнение о «северной Семирамиде», как называли русскую императрицу льстецы всех мастей и оттенков.

Здесь нет нужды говорить о государственной политике Екатерины. Проживи императрица дольше, ее политика привела бы Россию к полному банкротству — это отдельная тема, мало согласующаяся с замыслом данного очерка; что же касается человеческих качеств Екатерины, то многие ее современники ставили на первое место как раз ее выдающееся лицемерие.

И вот внук Александр, названный за свою неискренность византийцем. Как говорится, природа отдыхает на детях (сын Екатерины Павел отличался как раз спартанским прямодушием), зато щедро передает внукам гены бабок и дедов.

Да, можно с полным правом заявить, что Александр пошел характером в бабку, был ее баловнем и относился к ней с искренней любовью, но столь же искренне он любил поначалу отца. Беда Павла, приведшая в конце концов к тому, что Александр сделался его врагом, заключалась в суровости и деспотичности, с которыми Павел относился к сыну.

И дело здесь вовсе не в психопатстве Павла, в чем его изначально обвиняло большинство историков, и что совершенно не соответствует действительности, а в желании вырастить из сына достойного человека и правителя — честного и благородного. Каким, кстати, был сам Павел, о чем, к сожалению, умалчивается и до сих пор. Павел рисуется только деспотом, без попыток объяснить причины этого самого «деспотизма».

Однако в случае с Александром вина Павла очевидна. В своем стремлении воспитать из сына рыцаря он, что называется, перегнул палку. Тонкий и чувствительный Александр не был создан для восприятия тех методов воспитания, к каким прибег отец. Окрики и постоянная суровость, переходящая иногда в насмешку над слабостями Александра, не могли достичь результатов, поскольку наследник был создан для умного разговора и деликатного обращения. Воспитательная метода Павла вполне бы подошла к третьему сыну императора, Николаю, который впоследствии будет править Россией; в применении же к

Александру она привела к противоположным результатам — подавляемый отцом, Александр все больше и больше отдалялся от него, а затем просто возненавидел. Что и определило его участие в заговоре против Павла I — 11 марта 1801 года.

Но пока что на дворе лишь конец 1796-го. Недавно умерла Екатерина II, многие годы лелеявшая мысль передать престол внуку в обход родного сына. Эту идею императрица высказала впервые еще в 1787 году, то есть в то время, когда Александру было всего десять лет. Он, кстати, был посвящен бабкой в этот план, но сам же и расстроил его, рассказав о замысле Екатерины отцу и поклявшись ему в том, что никогда не выступит против него.

Но вот Екатерина умерла, и на престол вступил Павел. Вопреки распространенному мнению, он не был психически ненормальным человеком, доведшим Россию за четыре года правления чуть ли не до катастрофы. Все обстояло как раз наоборот, и Павлу пришлось расхлебывать результаты деятельности своей матери, Екатерины «Великой». А что касается его как человека, то он был умным, честным и благородным (правда, чересчур эмоциональным), а потому не вписывался в систему координат тогдашней российской действительности. Недоброжелатели называли Павла гатчинским капралом (двор Павла находился в Гатчине), а он был хорошо воспитанным и образованным человеком, проявившим большую склонность к занятиям математикой и к инженерным наукам и знавшим три языка — немецкий, французский и латынь.

Объективную оценку дал Павлу I в своих «Записках» генерал-майор Конной гвардии Николай Саблуков. «Это был человек в душе вполне доброжелательный, — писал конногвардеец, — великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество. К несчастью, все эти похвальные и добрые качества оставались совершенно бесполезными, благодаря его несдержанности и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения».

Другими словами, суровые меры, принятые Павлом для наведения в стране порядка, встретили жесточайшее сопротивление дворянской оппозиции. Но разве нужны были эти суровые меры, это требование беспрекословного повиновения, о котором говорит Саблуков? Ведь Павел стал царствовать после «золотого» века Екатерины, когда, по уверению нашей официальной историографии, Россия достигла пика своего могущества и когда, казалось бы, не пристало говорить ни о

каких суровых мерах в деле наведения порядка в стране.

Это — очередной миф нашей истории. Да, территориальные приобретения при Екатерине поражали воображение (именно тогда к России был присоединен Крым и основан Севастополь), но какой ценой были оплачены эти приобретения? Ценой жизни бессчетного числа русских солдат, являвшихся до призыва на службу крепостными крестьянами, то есть основными работниками государства.

Рекрутские наборы, производимые по всей стране, собирали под знамена Румянцева, Суворова и Потемкина сотни тысяч людей, трупами которых устилали затем все поля победы. Но какое дело было русской императрице (русской, впрочем, лишь по стране проживания) до крепостных мужиков, которых именно она довела своими указами до рабского состояния? Ведь это при «великой» Екатерине крепостничество в России достигло своего апогея, когда крестьянам, например, было запрещено под страхом физических наказаний жаловаться на своих господ; когда их продавали наравне с тяговым скотом и секли за малейшую провинность. Ведь это при Екатерине помещица Дарья Салтыкова, вошедшая в историю под именем Салтычихи, замучила до смерти свыше ста своих крепостных. Жалоба на нее дошла до императрицы лишь после десятого захода, когда отчаявшиеся мужики всеми правдами и неправдами прорвались к Екатерине. Им грозило битье кнутом на площади — не жалуйся! — или вырывание ноздрей, но они пренебрегли опасностью и донесли до государыни всю правду о своей жизни.

Салтычиха была отдана под суд, и судьи, пораженные жестокостью помещицы, приговорили ее к смертной казни, хотя таковая в отношении дворян не применялась. Исправляя «ошибку» суда, Екатерина заменила смертную казнь заточением в монастырь, и Дарья Салтыкова остаток дней провела в одной из московских обителей.

Но это, как говорится, лирическое отступление; вернувшись же к основной теме, стоит отметить один лишь факт и задать один лишь вопрос. Факт заключается в том, что Екатерина II царствовала тридцать четыре года, и все это время Россия находилась в состоянии войны, которая безостановочно пожирала свои жертвы — русских солдат, бывших крестьян, оторванных от хозяйства. А отсюда вытекает и вопрос: могло ли государство после стольких лет разорения находиться в состоянии благоденствия?

Каждый, кто находится в здравом уме, ответит: конечно же, нет. И это будет той правдой, которую, оценивая царствование Екатерины, выскажет в суровых и нелицеприятных словах

А.С.Пушкин: «Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Придя к власти, Павел I тотчас увидел катастрофичность положения. Россия находилась, образно говоря, у разбитого корыта. Хозяйство было разорено, в казне не оказалось денег (да и откуда они могли быть там, если только своим любовникам — стеснительные историки называют их благозвучным словом «фавориты» — Екатерина раздарила свыше 90 миллионов рублей и сотни тысяч крепостных душ — одним Орловым 50 тысяч), так что новому императору предстояло, по сути, спасать государство от банкротства.

И он попытался сделать это, по мере возможности наполняя расстроенную Екатериной казну и поведя энергичную борьбу против роскоши, расточительности, мздоимства и коррупции. И конечно же, встретил полное неприятие своих взглядов со стороны знати и чиновничества. Положение осложнялось еще и резким, вспыльчивым нравом императора, что привело сначала к возрастанию неприязни к нему, а затем — и к заговору.

В том, что он существует, Павел нисколько не сомневался, более того, он верно «вычислил» главных заговорщиков, начиная от госсекретаря Никиты Панина и петербургского губернатора графа Палена и кончая своим старшим сыном Александром.

Оценивая роль последнего в заговоре 1801 года, многие историки умаляли ее, утверждая, что Александр вошел в число заговорщиков чуть ли не под принуждением. Но факты говорят о обратном. Известно, что противники Павла не единожды предлагали наследнику силой свергнуть императора с престола и занять его место. Как в этом случае должен был поступить человек, лояльный к Павлу? Вероятно, предупредить его об опасности. Это можно было сделать безболезненно для тех, кто предлагал Александру сместить отца, не называя их имен, а лишь дав понять Павлу, что против него существует оппозиция.

Александр этого не сделал. Он выслушивал предложения, наматывал, как говорится, на ус и молчал. Не есть ли это доказательство того, что в голове наследника уже бродили кое-какие мысли относительно престола? Конечно, верховная власть в России рано или поздно должна была перейти в руки Александра, но ведь мы хорошо знаем, что в таких случаях претенденты на

трон желают получить его как можно раньше. Мало ли что может случиться, пока ты будешь терпеливо дожидаться урочного срока!

События ускорили свой бег, когда в начале 1801 года Павел I арестовал несколько десятков человек, подозреваемых в заговоре. Знал ли он в то время о том, что и Александр определенным образом связан с заговорщиками? По-видимому, догадывался, поскольку имеется известие, что император как-то сказал своему обергофмейстеру графу Кутайсову, что Александру уготовано место в Шлиссельбургской крепости. Само собой понятно, что такие заявления не могли не дойти до наследника, который стал всерьез опасаться за свою безопасность. Время колебаний близилось к концу, надо было определяться, на чью сторону вставать, и Александр определился. О том, как это произошло, рассказывал после переворота его главный вдохновитель граф Петр Пален. Считается, что его рассказ сильно приукрашен, но никто не сомневается в достоверности самого факта, и это главное.

А случилось следующее. Получив от кого-то предупреждение о заговоре (принято думать, что это сделал генерал-прокурор П.Х.Обольянинов), Павел призвал к себе графа Палена и поделился с ним своими планами в отношении заговорщиков, сказав в частности, что к заговору причастен и Александр, которого, видимо, придется арестовать.

Пален, не знавший в подробностях, что же известно Павлу о заговоре и заговорщиках, подумал, что, наверное, известно все, и его ждет плаха. Но граф был на редкость хладнокровным человеком, а потому, не моргнув глазом, признался Павлу в том, что заговор действительно существует и что он, Пален, состоит в нем.

Павел I был поражен этим заявлением, но Пален тут же успокоил императора, сказав, что он состоит в заговоре лишь с одной целью — чтобы узнать все его нити и имена злоумышленников. И он уже на пути к этому, так что императору не стоит волноваться: не сегодня-завтра он получит все необходимые сведения.

Павел был по натуре благородным человеком, а потому легковерным. Слова Палена он принял за чистую монету, тогда как граф, понимая, что земля горит у него под ногами, прямо от Павла направился к цесаревичу и передал ему весь разговор с его отцом. Перспектива оказаться в крепости ужаснула Александра, но Пален сказал, что выход есть — нужно сместить императора, и тогда все останутся целы. Перед Александром встал выбор: либо, по примеру императора Ивана Антоновича, оказаться заточенным до конца своих дней в крепость, либо согласиться на

предложение графа Палена. Поскольку о физическом устранении отца не было и речи, Александр выбрал второе.

Но дальнейшее предстало перед ним в самом страшном виде. Заговорщики, ворвавшись в ночь на 11 марта 1801 года в спальню Павла I, предъявили ему требование об отречении, однако император отказался подписать его, после чего и был убит. Бытует мнение, будто заговорщики решились на это под воздействием винных паров (они отправились к императору после ужина, сопровождаемого обильной выпивкой), но, думается, что такие утверждения беспочвенны. Судьба Павла I была определена заранее. Он вызывал у заговорщиков слишком большую ненависть, чтобы надеяться на их великодушие.

Что же касается Александра, то весьма вероятно, что он и в самом деле был далек от мысли, что отца убьют. Тому же Палену было выгодно до последнего момента держать наследника в неизвестности, чтобы затем поставить его перед свершившимся фактом. Что и было сделано.

Убив Павла I, заговорщики тем самым кровью повязали с собой Александра, поэтому в дальнейшем все его уверения о том, что он не давал согласие на убийство отца, выглядели трусливым самооправданием и не встречали ни у кого сочувствия.

С этой незаживающей душевной раной и жил всю жизнь Александр. Она роковым образом подействовала на него, заставляя нового императора все время казниться ужасной мыслью отцеубийства и предаваться тяжелейшим укорам совести. С этим, в конце концов, связана и легенда об уходе Александра из мира и его объявления через двенадцать лет в Сибири в образе старца Федора Кузьмича.

Такова в самых общих чертах прелюдия легенды, и теперь остается проследить ее становление, задуматься над тем, действительно ли император Александр I воплотился в образе упомянутого старца, и рассмотреть имеющиеся на сегодняшний день варианты этого перевоплощения. А также — проанализировать те предположения относительно личности Федора Кузьмича, которые имеются на сегодняшний день.

Александр I родился в 1777 году, следовательно, к моменту смерти, случившейся в Таганроге 19 ноября 1825 года, ему было всего 48 лет. Смерть в таком возрасте, который считается расцветом мужских сил, была удивительна еще и потому, что Александр от рождения был необыкновенно здоровым человеком, никогда ничем не болевший. И вот всего за две недели его свела в могилу якобы простудная лихорадка, настигшая императора во время поездки по Крыму.

Конечно, в жизни бывает всякое, но стоит согласиться и с тем, что такая скоротечная смерть в отношении Александра действительно выглядит подозрительно. Именно поэтому на другой же день после кончины императора поползли слухи, что с ней, с кончиной, дело обстоит странно.

Говоря об этом, автор должен отметить тот факт, что в исторической литературе версия смерти Александра I от простуды не оспорена и до сих пор. Лишь однажды автору пришлось столкнуться с утверждением, будто смерть Александра стала результатом отравления, но об этом говорилось в художественном произведении, так что нельзя отнестись к такому заявлению серьезно.

Но что понадобилось русскому императору, могущественнейшему монарху тогдашней Европы, победителю Наполеона, в заштатном городке Таганроге? Каким ветром его занесло туда?

Как ни странно, в источниках нет ответа на этот вопрос.

Считается, что Александр I был большой любитель путешествовать, и это вполне подтверждается, стоит лишь изучить маршруты поездок императора по России — они очень впечатляют. Остается принять на веру, что и в Таганроге Александр I оказался только потому, что им в очередной раз овладела охота к перемене мест. Правда, в «Истории династии Романовых» Марии Евгеньевой (за этим псевдонимом скрывается неизвестный автор), изданной в предреволюционные годы, говорится о том, что в Таганрог император поехал вслед за женой, которая якобы заболела и которой врачи предписали лечение на юге.

Так это или не так, не столь уж и важно, но уже осенью 1825 года Александр I с женой, императрицей Елизаветой Алексеевной, объявился в Таганроге.

По внешнему виду сорока восьмилетний император не производил впечатления страдающего человека, однако годы жизни и царствования оставили в его душе глубокий и тяжелый след. Не исполнились мечты юности о введении в России конституции и о смягчении положения крестьянства, один за другим следовали потрясения в личной жизни — сначала, в 1818 году, умерла любимая сестра Александра Екатерина Павловна, а вскоре, в возрасте 16 лет, скончалась его любимая дочь Софья. О терзаниях в связи с убийством Павла I уже говорилось, так что можно представить себе душевный настрой императора, когда уже в Таганроге он в довершении ко всему получил от своих агентов сообщение о широком антиправительственном заговоре в армии (нарыв прорвется в декабре 1825 года на Сенатской

площади в Петербурге). Как видим, спокойствия не было, о чем свидетельствует и обращение Александра к религии, и попытка найти какое-то облегчение в мистицизме.

Когда заходит речь о том, что Александр I якобы инсценировал свою смерть, а на самом деле тайно удалился от престола и начал частную жизнь, приводят в пример его странное поведение в день отъезда в Таганрог. Свидетели рассказывали, что в этом поведении ясно звучала нотка прощания с петербургской жизнью. Александр посетил в Павловске мать, ночью побывал в Александровской лавре, где были похоронены его дочери, после чего сел в коляску и покинул Петербург. Но у заставы долго стоял, обернувшись лицом к городу, словно прощался с ним навсегда.

Загадочны некоторые высказывания Александра и после его приезда на юг. Так, в одном из разговоров с генерал-адъютантом князем П.М.Волконским император заявил о своем желании навсегда остаться в Крыму и жить там как частный человек. При этом он добавил, что честно отслужил государству и людям 25 лет, а после такого срока даже солдатам дают отставку.

Но здесь надо заметить, что в похожем духе Александр I высказывался и раньше, из чего некоторые исследователи делают вывод о том, что он будто бы тяготился короной и хотел передать ее достойному претенденту еще при своей жизни. В известной мере эти утверждения оправданы, поскольку за два года до смерти Александр официально объявил своим наследником брата Николая. При этом был составлен необходимый документ, который надлежало вскрыть не по кончине императора, а по его указанию, то есть в любой момент, как только это покажется нужным Александру. Что и дало основание говорить о его нежелании оставаться царем до смерти, как это было принято во всех царствующих династиях.

Однако имеется немало фактов и противоположного свойства, говорящих о стремлении Александра сохранить корону за собой, так что в этом вопросе невозможно отдать предпочтение какой-либо из версий. Каковы были действительные планы Александра — об этом знал только он сам.

Смерть императора в Таганроге, как уже говорилось, была неожиданной для всех. Роковым днем, приведшим к трагической развязке, считается 27 октября 1825 года, когда Александр ехал верхом из Балаклавы в Георгиевский монастырь. Дорога длилась четыре часа, дул сильный ветер, а император был одет в один лишь мундир. Нездоровье он ощутил уже в Бахчисарае, где у него поднялся жар, который он пробовал остудить барбарисовым соком. Но жар не спадал, и в Таганрог император вернулся уже

совершенно больным. Врачи, находившиеся при Александре, определили болезнь как простудную лихорадку и стали соответственно с диагнозом лечить ее, но все их усилия оказались напрасны: ко всеобщему изумлению, император, проболев две недели, умер в таганрогской резиденции 19 ноября.

Растерянность была общая. Предстояло привести к присяге новому императору народ и армию, но никто не знал, кто будет этим новым самодержцем. Его имя было начертано на документе, хранившемся в Успенском соборе в Москве, но пока это имя выясняли, прошло несколько дней, в течение которых в России, по сути, было безвластие. Кроме того, умершего требовалось доставить в Петербург, чтобы похоронить в фамильной усыпальнице в Петропавловской крепости, а это означало, что мертвое тело необходимо перевезти через всю Россию. Железных дорог тогда не было, везти мертвеца предстояло в специальной повозке, и в этих условиях первоочередной задачей становилось сохранение тела Александра в нетленном виде.

Забегая вперед, стоит отметить, что транспортировка тела заняла ровно два месяца — с 29 декабря 1825 года по 28 февраля 1826-го, так что уже из этого читатели уяснят себе те трудности, которые встали перед докторами. Им надлежало со всем тщанием забальзамировать тело покойного и тем самым обеспечить его сохранность на долгом пути.

Сделать это в полном объеме не удалось. В Таганроге не оказалось нужных для бальзамирования материалов (в частности, не хватало даже спирта, в котором тело покойного должно было содержаться несколько дней), и оно было произведено с нарушением общепринятой технологии, что не замедлило сказаться на результатах. Обработка тела еще продолжалась, а черты покойного уже стали неузнаваемо меняться, так что, когда бальзамирование закончили, никто не узнавал в покойном бывшего императора.

Это и породило слухи, первым из которых был: в гроб положили не императора Александра, а его фельдъегеря Маскова, трагически погибшего при дорожной аварии незадолго до смерти императора. Сам же Александр, утверждали слухи, не умер, а ушел странствовать по России. Другой вариант — государя извели «придворные изверги», а чтобы покрыть свое злодеяние, подменили умершего.

29 декабря 1825 года гроб с телом императора повезли в Петербург. Туда он прибыл в последний день февраля следующего года. Прибыл не без приключений. Поскольку, по словам историка Г. Василича, «молва бежала впереди гроба Александра» в Туле народ, взбудораженный слухами,

намеревался вскрыть гроб, чтобы удостовериться, действительно ли в нем везут императора. Пришлось вмешаться полиции, не допустившей проверки.

Чтобы исключить подобное в Москве, к Кремлю, где в Архангельском соборе поставили царский гроб, власти стянули войска, а у ворот выставили артиллерию.

Тело императора не было показано народу и в Петербурге. Гроб открыли ночью в Петропавловском соборе, в котором собрались лишь ближайшие родственники покойного, чтобы проститься с ним и предать земле (о загадке захоронения будет сказано ниже).

Таким образом, поводов для всевозможных пересудов и слухов было предостаточно. Однако со временем они затихли, и десять лет умершего императора вспоминали только в его семье. Впрочем, «семья» — это слишком сильно сказано, поскольку уже весной 1826 года, когда при возвращении из Таганрога в Белеве умерла жена Александра I императрица Елизавета Алексеевна (тоже странная смерть), семья, по сути, перестала существовать. И поминать покойного могли лишь его братья — император Николай I и Константин.

Забвение продолжалось десять лет, как вдруг в далекой Сибири появился человек, всколыхнувший давно забытое и породивший массу новых слухов как об умершем императоре, так и о самом себе. Но прежде чем вплотную заняться рассмотрением фигуры этого человека, необходимо остановиться вкратце на тех подозрительных моментах, связанных с болезнью и смертью Александра I, которые в немалой степени дали волю всем тем слухам, о которых говорилось выше и которые в такой же степени способствовали возникновению легенды о «воскрешении» императора в образе старца Федора Кузьмича.

Почувствовав недомогание еще 27 октября, Александр I возвратился 5 ноября из поездки по Крыму в Таганрог и слег. И хотя никаких признаков смертельной болезни у императора не было, 5-го же ноября три самых близких к нему человека — императрица Елизавета Алексеевна, генерал-адъютант Волконский и лейб-медик Виллие — начали, независимо друг от друга (?), вести дневники о ходе болезни Александра. Волконский и Виллие закончили свои записи в день смерти Александра, 19 ноября, Елизавета Алексеевна — неделей раньше.

Исследователей до сих пор волнует вопрос: чем объясняется такое поразительное единодушие названных лиц, когда, повторяем, ничто не предвещало трагического исхода? По их мнению, оно или необъяснимо вообще или обусловлено сговором между авторами дневников, которые поставили целью создать

единую картину развития болезни императора. Если допустить, что болезнь лишь симулировалась, а на самом деле готовилось исчезновение Александра, то версия о болезни, подтвержденная близкими к нему людьми, вполне объясняла и его смерть, на самом деле мнимую.

Немало удивлений вызывает и протокол вскрытия. Составленный врачами Стофрегеном (медиком императрицы), Тарасовым и все тем же Виллие, он являет собой «шедевр» эскулапова искусства, по которому невозможно понять не только ход болезни Александра, но и сказать с полной ответственностью, что в нем отражены моменты вскрытия именно императора, а не какого-то другого человека. То есть налицо та же запутанность, что и в случае с дневниками.

Следующий, не до конца выясненный, вопрос: кто же до самого последнего вздоха находился возле умирающего? Судя по дневникам — их авторы плюс доктор Тарасов. Однако советский историк профессор Андрей Сахаров, изучая документы, касающиеся таганрогских событий, обнаружил существенную «нестыковку» между дневниковыми записями и действительными фактами. Оказалось, что в последние дни жизни Александра возле него не раз и подолгу оставалась ОДНА императрица, и этот факт открывает широчайший простор для всякого рода предположений.

С императрицей же связано и еще одно свидетельство, сделанное генерал-адъютантом Волконским. Он заявил, что 11 ноября (а это, как мы помним, день, когда Елизавета Алексеевна прекратила вести свой дневник) император позвал к себе жену, и она пробыла у него полдня. Почему так долго, и о чем говорили они? И тут нелишне повторить, что в этот же день Александр получил от своих агентов сведения о существовании антиправительственного заговора, так что разговор с императрицей мог касаться этого вопроса, после чего супруги могли принять какое-то решение. Какое?

Непонятны и другие обстоятельства, связанные уже со смертью Александра. Например, на панихиде в таганрогском соборе не присутствовала императрица; не было ее и в составе траурного кортежа, доставившего тело императора в Москву. Но если этот факт в какой-то мере можно оправдать болезнью императрицы, то не сопровождение покойного генерал-адъютантом Волконским просто необъяснимо. Он по своей должности обязан был безотлучно находиться при императоре — живом или мертвом, — однако почему-то не выполнил этой святой обязанности. Может быть, он был занят в эти дни какими-то секретными делами?

Словом, не делая никаких радикальных выводов, тем не менее можно отметить, что даже в том случае, если Александр I действительно умер в Таганроге, то его смерть почему-то сопровождалась массой таинственных обстоятельств, которые не объяснены вполне и по сегодняшний день. А когда существует поле для предположений и догадок, на нем всегда произрастают легенды.

В начале повествования уже упоминалось о первом явлении миру человека, вошедшего в историю под именем старца Федора Кузьмича; теперь есть все основания поговорить о нем подробно.

Сосланный, как помнят читатели, в деревню Зерцалы Томской губернии, Федор Кузьмич прожил там до 1859 года. Он с первых дней привлек к себе внимание окрестных жителей своей представительной внешностью и величественной осанкой, но более всего — своими знаниями русской истории, придворного этикета и владением иностранными языками. Общаясь со старцем, каждый видел, что перед ним человек не простой, однако на все вопросы о своем прошлом Федор Кузьмич отвечал уклончиво и двусмысленно. Например, он говорил: «Я родился в древах. Если б эти древа на меня посмотрели, то без ветру вершинами покачали бы».

Ответ, как видим, действительно непонятный, и можно лишь представить, в какое смущение впадали простосердечные деревенские жители после таких эскапад старца. А он напускал еще больше тумана, намекая своим слушателям, что, «может быть, им и самого царя придется увидеть и даже беседовать с ним».

В 1859 году Федор Кузьмич перебрался из Зерцал поближе к Томску, на заимку богатого купца Семена Хромова, который стал ревностным поклонником старца. В один из дней он не удержался и задал ему сакраментальный вопрос: кто он? Федор Кузьмич ответил: «Нет, это никогда не может быть открыто. Об этом меня спрашивали преосвященные Иннокентий Камчатский и Афанасий Томский, и им не открыто».

Этой фразой старец в известной мере выдал себя. Дело в том, что одна из духовных особ, названных им, а именно Иннокентий Камчатский, семнадцать лет — с 1823 по 1840 — был миссионером на Алеутских островах и на Аляске, которые в то время принадлежали России, а затем стал епископом Камчатским. На Камчатке, по-видимому, старец и познакомился с ним. Но в каком качестве? Без сомнения — в качестве арестанта. И здесь надо, во-первых, вспомнить, что при освидетельствовании старца в Красноуфимском суде на его спине были обнаружены

следы от наказания кнутом, а во-вторых, сказать о том, что Камчатка долгое время была тем краем, куда отправляли на исправление разного рода преступников («сослать в Камчатку» — выражение именно тех лет).

Вероятно, таким преступником был и Федор Кузьмич. То, что он являлся дворянином — а это вне всякого сомнения — еще не гарантировало его от битья кнутом в случае нарушения им закона. Да, при Екатерине II физические наказания дворян были отменены, но в царствование Павла I их ввели вновь, и, таким образом, Федор Кузьмич мог за какое-то преступление вполне попасть под кнут. А после этого — в ссылку.

Правда, неизвестно, за какую провинность судили Федора Кузьмича, но его знакомство с епископом Иннокентием состоялось явно на Камчатке. Но каким образом старец оказался в Пермской губернии? Бежал из мест заключения? Этого никто не знает, так же, как совершенно неизвестно, откуда у Федора Кузьмича оказался тот породистый конь, на котором он подъехал к кузнице в злополучный для него день 4 сентября 1836 года.

Вопросы, которые приходят на ум, конечно, интересны, но они все же не главные в таинственной биографии старца. Главное, что мучило и мучает историков до сего дня — это личность Федора Кузьмича. Кто он? Обыкновенный ли дворянин, проштрафившийся перед законом и угодивший под кнут и в ссылку, или высокопоставленная особа (а об этом говорили многие приметы), заброшенная волей ли рока, собственной ли прихотью в глухие сибирские края?

Попытки выяснить инкогнито старца предпринимались не один раз, и в разное время разными исследователями выдвинуты три фигуранта на роль человека, скрывавшегося под личиной старца Федора Кузьмича. Это, во-первых, император Александр I, во-вторых, герой кампании 1812 года кавалергард Федор Александрович Уваров и, в-третьих, некто Симеон Великий, внебрачный сын Павла I и Софьи Ушаковой, дочери новгородского и петербургского губернатора.

Но есть еще и, так сказать, безымянная версия, которая, не делая попыток отождествить старца с кем-либо конкретно, оперирует интереснейшими данными, которые, быть может, позволят будущим исследователям установить истинное лицо Федора Кузьмича.

Ради интересов дела — ведь автор пытается выяснить, возможна ли была инсценировка смерти Александра I и его позднейшее «воскресение» в образе старца — стоит опустить версии с Уваровым и Симеоном Великим, и сосредоточиться на главном. Тем более что именно на этом направлении достигнуты

наиболее интересные результаты.

Выше приводились восемь «доказательств» «перевоплощения» императора, и теперь самое время разобрать каждое из них и установить, в какой мере они отвечают условиям решаемой задачи.

Те, кто считали и считают, что Александр I не умер в Таганроге, а всего лишь инсценировал смерть, приводят в доказательство тот факт, что император был неузнаваем в гробу. Что вместо Александра в него положили фельдъегеря Маскова, погибшего на глазах императора 3 ноября 1825 года (кстати, потомки Маскова были совершенно убеждены в этом). Но можно ли согласиться с этим? Не реальнее ли предположить, что изменения, происшедшие с обликом императора, есть результат неправильного бальзамирования, случившегося из-за нехватки необходимых медикаментов? Как свидетельствовал очевидец, «брак» был допущен уже в тот момент, когда бальзамировщики натягивали кожу головы, в результате чего «немного изменилось выражение черт лица».

Но уже говорилось, что покойника везли до столицы ровно два месяца, теперь же следует добавить, что в день смерти Александра в Таганроге было плюс пятнадцать градусов, а это также не способствовало консервации тканей. Кроме того, в дороге гроб вскрывался пять раз для осмотра тела, что, несомненно, повлияло на его сохранность. Выходит, первое «доказательство» не представляется серьезным.

Интересен факт наличия двух записок, найденных среди вещей Федора Кузьмича после его смерти 20 января 1864 года (старец прожил 87 лет, и если эту цифру отнять от года смерти, получим дату 1777 — год рождения Александра I). Но дело в том, что записки зашифрованы, и хотя в свое время два человека независимо друг от друга расшифровали одну из них, оба текста настолько разнятся, что нет никакой уверенности в правильности их дешифровки.

Вот оба текста:

«Анна Васильевна, я видел дикое злосчастие в сыне нашем: граф Пален извещает о соучастии Александра в заговоре. Сегодня следует куда-нибудь скрыться.

С.П.Б. 23 марта 1801. Павел».

«Се Зевес Е.И.В. Николай Павлович без совести сославший Александра от него аз нынче так страдающ от чего аз ныне брату вероломному вопию

Да возсия моя Держава

1837-го г. мар. 26-го».

Что тут можно сказать? Известно, что Павла I убили в ночь на

11 марта 1801 года, тогда как записка датирована 23-м числом. Выходит, Павел не был убит? Но какова же, в таком случае, его дальнейшая судьба? И кто такая Анна Васильевна, к которой обращается Павел? В его окружении подобной женщины не было.

Второй перевод еще более экзотичен. Если верить ему, что в несчастной судьбе Александра повинен не кто иной, как его брат Николай, «без совести сославший Александра». Могло ли быть такое?

Ничего конкретного по этому поводу сказать нельзя, и обусловлено это, в первую очередь, тем, что никто из исследователей до сих пор не задал такого вопроса: а какова роль в истории с таганрогскими событиями 1825 года Николая I? А тут, как кажется, автору, есть над чем поразмыслить, хотя, на первый взгляд, Николай вне всякого подозрения — ведь Александр I еще при своей жизни составил документ, по которому престол отдавался как раз Николаю. Ну а если предположить, что последний мог и не дождаться престола, поскольку Александр отличался отменным здоровьем и собирался жить долго? Не подвигла ли эта мысль Николая к устранению брата? И не осуществил ли он ее, прибегнув при этом к помощи англичан (кстати, в записке Н.Н.Врангеля говорится, что Николай был сыном не Павла Петровича, а лейб-медика императрицы Марии Федоровны англичанина Вильсона, но об этом чуть позже).

Может быть, свет какой-то истины откроется, если проверить это предположение? Пока же придется лишь повторить: никто не знает, насколько точны приведенные выше расшифровки, и ценность записок, таким образом, заключается лишь в том, что они оставлены Федором Кузьмичом. Какие результаты даст их последующее изучение — покажет время.

Эмигрантский историк Е.В.Ланге в работе «Александр I и Федор Кузьмич. Обзор мнений», изданной в Нью-Йорке в 1980 году, утверждал, что могилу старца на кладбище Томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря посещали в свое время великие князья, будущие императоры Александр II и Николай II.

Интригующее сообщение о встрече старца с какой-то высокопоставленной особой имеется в справке российского историка, великого князя Николая Михайловича, составленной им по результатам поездки в Сибирь чиновника особых поручений Н.А.Лашкова. Последний дважды ездил в Томск по заданию великого князя, чтобы на месте проверить некоторые слухи о старце Федоре Кузьмиче.

Лашков встречался в Томске с одной из дочерей купца Хромова, Анной Семеновной Оконишниковой, которая рассказала

чиновнику следующее: «Когда Федор Кузьмич жил в селе Коробейникове, то мы с отцом (Хромовым) приехали к нему в гости. Старец вышел к нам на крыльцо и сказал: „Подождите меня здесь, у меня гости“. Мы отошли немного в сторону от кельи и подождали у лесочка. Прошло около двух часов времени; наконец из кельи, в сопровождении Федора Кузьмича, выходят молодая барыня и офицер в гусарской форме, высокого роста, очень красивый и похожий на покойного наследника Николая Александровича. Старец проводил их довольно далеко и когда они прощались, мне показалось, что гусар поцеловал ему руку, чего он никому не позволял… Проводивши гостей, Федор Кузьмич вернулся к нам с сияющим лицом и сказал моему отцу: „Деды-то как меня знали, отцы-то как меня знали, дети как знали, а внуки и правнуки вот каким видят“».

Судя по всему, Анна Семеновна рассказывала о встрече старца с кем-то из Романовых. Но с кем? Кого она разумела под «гусаром», очень похожего «на покойного наследника Николая Александровича»?

Поскольку имеются сведения о посещении могилы Федора Кузьмича Александром II и Николаем II, то трудно понять, кого же встречал у себя в келье живой старец. Кто такой Николай Александрович, который якобы целовал у него руку? Имя и отчество этого человека соответствуют имени и отчеству императора Николая II, но он не мог встречаться с Федором Кузьмичом, поскольку родился спустя четыре года после смерти старца.

Неизвестным мог бы быть Александр II, но и тут ничего не сходится. Эпизод, рассказанный Анной Семеновной, не мог произойти ранее 1859 года, поскольку в то время Федор Кузьмич еще жил в Зерцалах, а Александр II уже был императором, в то время как в рассказе говорится о каком-то покойном наследнике Николае Александровиче. Может быть, в источнике, из которого позаимствована цитата (а это работа профессора Андрея Сахарова «Человек на троне»), присутствует элементарная опечатка и надо читать: Александр Николаевич? Но тогда почему Анна Семеновна назвала его наследником, ведь Александр II стал императором в 1855 году?

Относительно портрета Федора Кузьмича, якобы висевшего в кабинете Александра III. Об этом сообщал уже упомянутый Е.В.Ланге, но он же очень точно заметил, что этот факт (а скорее слух) говорит лишь «о значительности личности старца, но еще не доказывает его тождества с Александром I».

Гораздо труднее объяснить другое: почему при вскрытии могилы Александра I в Петропавловском соборе она оказалась

пуста? Этим аргументом всякий раз пользуются сторонники версии о «перевоплощении» императора, доказывая, что в 1826 году покойного потому и не показали народу, что показывать было нечего — гроб был пуст. Александр не умер, а ушел в отшельники и позднее объявился под видом старца Федора Кузьмича.

Но у их противников есть на этот счет свое возражение. Они говорят, что пустая могила еще не доказывает, будто Александр I не умер в 1825 году и не предан земле. Близкие императора хорошо знали о его нежелании быть похороненным в Петропавловском соборе рядом с Павлом I, а потому его погребли в другом месте — либо в Александро-Невской лавре, либо в Чесменской церкви под Петербургом.

Предположение, надо признать, не из ряда фантастических, и вопрос, таким образом, может решиться лишь с помощью проверки. Надо исследовать захоронения в Александро-Невской лавре и в Чесме, что, кстати говоря, может окончательно закрыть проблему. Если в одном из указанных мест обнаружится прах Александра, то его тайна перестанет быть таковой и останется лишь загадка Федора Кузьмича. Но пока что никаких движений в этом направлении не наблюдается.

Поистине поразительный эффект вызывает сравнение портретов Александра I и старца Федора Кузьмича. Когда смотришь на них, невольно спрашиваешь себя: неужели столь явное сходство не убеждает скептиков в том, что перед ними один и тот же человек? Но те, кто подумают так, ошибутся. Дело в том, что портрет старца — портрет не прижизненный. Его писали уже после смерти Федора Кузьмича, когда легенда о нем и об императоре владела умами и когда для ее доказательства и был изготовлен портрет старца, который, если выразиться грубо, был «подогнан» под оригинал портрета Александра I. Но об этом мало кто знает, а те, кто знают, но используют это фиктивное сходство, действуют в своих интересах, потому что все эти люди являются приверженцами версии о «воскрешении» Александра I в образе Федора Кузьмича.

Но, пожалуй, самые интересные сведения, касающиеся тайны Александра I и Федора Кузьмича, содержатся в записке Н.Н.Врангеля, озаглавленной «Правда о Федоре Кузьмиче» и в статье А.Айвазовского «Тайна смерти императора Александра I (Новые данные)». Но о них со всеми подробностями.

Прежде всего, надо сказать о том, кто такой Н.Н.Врангель. Это — брат известного генерала П.Н.Врангеля, последнего командующего белыми силами во время гражданской войны в России. В отличие от него Н.Н.Врангель не стал военным, а

выбрал своим жизненным занятием искусство. Он являлся известнейшим русским искусствоведом, но, как и брат, умер на середине жизни в 1917 году. Именно ему и принадлежит знаменитая записка, датированная 5 сентября 1912 года и сопровожденная надписью: «Разрешаю вскрыть после моей смерти». И хотя она случилась в 1917 году, конверт с запиской вскрыли только в 1935-м. Что же сообщал нам Н.Н.Врангель?

На нескольких листах писчей бумаги он передает рассказ своего знакомого полковника Игнатия Ивановича Балинского, который долгое время являлся управляющим конторой двора великого князя Николая Николаевича, дяди Николая II. Суть рассказа И.И.Балинского такова.

Однажды его отцу, известному психиатру, служившему в Петербургской Военно-хирургической академии, доставили письмо от министра двора графа Адлерберга, в котором он извещал, что по указанию императора Александра II в клинику профессора Балинского назначается швейцаром солдат Егор Лаврентьев, до этого служивший в Петропавловской крепости.

Небольшое отступление: солдат, видимо, был не простой, поскольку в его устройстве принимали участие министр двора и сам император. Как показало дальнейшее, все так и было.

Егор Лаврентьев проработал в клинике Балинского до глубокой старости и, на пороге смерти, посвятил одного из сыновей Балинского, Андрея, в тайну, хранителем которой был в течение трех десятилетий. Оказывается, в 1864 году, когда Лаврентьев служил в Петропавловской крепости, ему приказали ночью явиться в царскую усыпальницу. Прибыв туда вместе с тремя своими сослуживцами, они увидели в соборе графа Адлерберга, а вскоре в склеп приехал и император Александр II. Еще через минуту прибыл траурный катафалк, который сопровождал Галкин-Врасский, будущий член Государственного совета России. Из катафалка вынули гроб, в котором покоился длиннобородый старик. По приказанию Адлерберга была вскрыта гробница Александра I, которая, к удивлению Лаврентьева, оказалась пустой. Туда, в эту пустоту, и поместили гроб с телом старца. Когда могилу закрыли, Адлерберг предупредил всех присутствующих в соборе солдат, что все происшедшее в нем, свидетелями коего они оказались, должно навсегда остаться тайной и что их наградят за сегодняшние ночные труды. Солдаты и в самом деле получили по изрядной сумме денег, после чего их всех назначили на службу по разным местам. Егор Лаврентьев попал швейцаром в клинику Балинского.

Но на этом рассказ И.И.Балинского не заканчивается. Далее Н.Н.Врангель записывает полученные от него поистине

сенсационные сведения. Согласно им отцом императора Николая I был не Павел, а англичанин Вильсон, врач жены Павла I Марии Федоровны. Он-то и сыграл главную роль в деле исчезновения Александра I. Император, изобразив смертельную болезнь, на самом деле был переправлен в Индию, а вместо него в гроб положили тело фельдъегеря Маскова. Но по прибытии траурного кортежа в Петербург, его из гроба вынули, и захоронение, таким образом, оказалось пустым. Что же касается Вильсона, то он возвратился в Англию и оттуда пересылал Александру I деньги, которые секретным порядком переводились Вильсону из Петербурга. По утверждению Балинского, перевод денег закончился в год, когда в Сибири появился старец Федор Кузьмич, бывший на самом деле императором Александром I. Поэтому, когда он умер, его останки и перевезли из Сибири в Петропавловский собор, где и похоронили в полной тайне от общественности.

Рассказ, как видим, очень красочный, но на поверку в нем обнаруживаются такие несоответствия реальным фактам, которые опять-таки делают его мифом. Например, историки не нашли никаких подтверждений тому, будто Вильсону переводились деньги на предмет их дальнейшей пересылки Александру I, скрывшемуся в Индии.

Далее. Как соотнести рассказ И.И.Балинского о захоронении останков Александра I в Петропавловском соборе в 1864 году с тем фактом, что при вскрытии могилы в 1921 году она вновь оказалась пуста? Можно, конечно, поверить в то, что в 1826 году Маскова изъяли из гроба и похоронили в каком-то другом месте, но кто изъял похороненного (уже вместо Маскова) старца? Когда и зачем?

Это факты, так сказать, материального свойства. Но кроме них в системе доказательств есть несоответствия логические, а лучше сказать, психологические, к которым, в частности, относятся такие.

Становясь странником, Александр I не мог не сознавать, что в этом качестве ему придется столкнуться с массой трудностей. Ведь попади он на пути своего передвижения по стране в поле зрения властей, как его тут же обвинили бы в бродяжничестве (что и произошло, как мы видели, с Федором Кузьмичом в Красноуфимске). А оно в России преследовалось и наказывалось не просто арестом, но и физическим воздействием — плетками или кнутом. Мог ли бывший царь, человек, по уверению его близких, не способный по своему характеру переносить испытания подобного рода, обречь себя такому униженному состоянию?

Но главное даже не в этом. Если бы Александр действительно захотел скрыться от людей, то что же мешало ему? Он мог это сделать совершенно открыто, не прибегая ни к каким мистификациям. Так, к примеру, поступил в XVI веке император Священной Римской империи Карл V, отказавшийся от короны и ставший монахом. Вместо такого простого хода Александр разыгрывает грандиозный спектакль — зачем? И зачем после двенадцати лет пребывания в полной неизвестности вновь возвращается в мир? Какова логика таких поступков?

И, наконец, версия о возможном бегстве Александра I из Таганрога на английском судне. О ней рассказал в 1956 году на страницах русской эмигрантской газеты «Возрождение» А.Айвазовский, чьи предки по материнской линии были шотландцами и носили фамилию Гревс. С этим именем и связана еще одна таинственная история, имеющая отношение к событиям 1825 года в Таганроге. Но обо всем по порядку.

Бабка А.Айвазовского со стороны матери была одной из трех дочерей шотландца Якова Гревса, приехавшего с семьей в Россию незадолго до смерти Александра I. Пароход прибыл в Одессу, откуда Гревс должен был ехать в Петербург, но в это время на юге России началась эпидемия холеры, а потому семейство Гревсов было вынуждено несколько месяцев пробыть в карантине. Именно в это время в Таганрог и прибыл русский император.

Когда Гревс-старший получил разрешение на выезд из Одессы, он вместо того чтобы поехать в Петербург неожиданно отправился в Таганрог. Там он каким-то образом сходится с Александром I, но в день его смерти, то есть 19 ноября 1825 года, таинственным образом исчезает из города, оставив в полном неведении о себе всю свою семью.

Далее происходят не менее загадочные вещи. Семью Гревс, которая по-прежнему живет в Таганроге, неожиданно берет под опеку граф Михаил Романович Воронцов, впоследствии ставший наместником Николая I на Кавказе и князем. Он перевозит Гревсов в Крым, в свое имение «Алупка», устраивает одного из сыновей Якова Гревса в университет в Одессе, а другому сыну поручает заведывание своей личной библиотекой. Никто из Гревсов не знал, чем продиктована такая забота к ним со стороны Воронцова, но мать А.Айвазовского рассказывала ему, что в семье догадались, что граф действовал по чьему-то поручению.

Сам А.Айвазовский долгое время пытался встретиться с сыновьями другого Гревса, брата исчезнувшего Якова, и в 1917 году ему удалось это. От А.П.Гревса, командира 18-го драгунского полка, он узнал, что в имении этих Гревсов, расположенного в Киевской губернии, хранились конверты с

надписью: «Вскрыть в 1925 году».

Как полагал А.Айвазовский, в этих конвертах, содержались какие-то сведения, касающиеся Александра I, поскольку на это указывала сделанная на них надпись: по российским законам все сведения, имеющие отношения к какому-либо царствующему лицу, могли доводиться до широкой публики лишь через сто лет.

Но, к сожалению, эти конверты пропали во время революции, поскольку Гревсам пришлось покидать свое имение в спешном порядке. Может быть, предполагал А.Айвазовский, они и до сих пор лежат где-то и ждут своего часа.

Какова, однако же, связь между исчезнувшим Яковом Гревсом и то ли умершим, то ли исчезнувшим Александром I?

А.Айвазовский убежден: самая прямая. Он считает, что его прадед не случайно приехал в Россию, не случайно вместо Петербурга «завернул» в Таганрог и не случайно так быстро сошелся там с императором — судя по всему, он был своего рода агентом, посланным теми силами (какими?), которые подготовили исчезновение Александра I. Вот как оно выглядело, по мнению А.Айвазовского.

19 ноября 1825 года в Таганроге отмечено тремя событиями: смертью Александра I, исчезновением Якова Гревса и уходом из Таганрогского порта яхты лорда Кеткарта, бывшего английского посла в России. Как считает А.Айвазовский, эти события связаны между собой прочнейшей внутренней связью. Поскольку исчезновение Александра было решено заранее, он имитировал собственную смерть, а сам тем временем тайно перебрался на яхту лорда Кеткарта, захватив с собой и Гревса. Последний должен был исчезнуть навсегда, чтобы ничем не навести любопытных на след тайны Александра.

Но куда же доставила яхта своих пассажиров? В Палестину, уверяет нас А.Айвазовский. Там Александр жил некоторое время, затем, когда его внешность достаточно изменилась, его высадили с английского же судна на северном побережье России, откуда он и начал свое продвижение в Сибирь. Что же касается Якова Гревса, то его следы утеряны безвозвратно.

В подтверждение своей версии А.Айвазовский приводит такие доказательства. Во-первых, лорд Кеткарт был не просто послом, но еще и близким другом императора; во-вторых, когда известный российский историк, великий князь Николай Михайлович, написавший труд об Александре I, просил допустить его к бумагам из архива лорда Кеткарта, ему в этом было отказано; в-третьих, А.Айвазовский утверждает, что в архиве царской семьи имеется выписка из вахтенного журнала английского судна, ушедшего в день 19 ноября 1825 года из

Таганрога, свидетельствующая о том, что лорд Кеткарт приказал взять на борт какого-то пассажира, которого требовалось переправить в Палестину.

В заключение остается сказать лишь о том, что известно на сегодняшний день о личности старца Федора Кузьмича.

Сведений о его жизни очень мало, но все-таки они есть. И кое-какие факты наталкивают историков на любопытные выводы. Многие из тех, кто знал Федора Кузьмича, отмечали, что в его речи не так уж редко встречались польско-малороссийские слова и выражения. Вряд ли ими мог пользоваться коренной россиянин, так что историки делают вывод: вероятно, Федор Кузьмич довольно долго жил на территории, где преобладало польское население. Впрочем, это не обязательно — польско-малороссийские вкрапления в речи старца могли быть обусловлены просто его частым общением с поляками. Но где было возможно такое общение?

В Киеве, отвечают историки, и при этом указывают на тот факт из биографии Федора Кузьмича, когда он, проживая под Томском, посылал в Киево-Печерскую лавру свою воспитанницу Александру Никифоровну. Посылал не просто так, не наобум, а к конкретным людям, отшельникам, живших в пещерах лавры, назвав воспитаннице их имена. Когда Александра Никифоровна прибыла по адресу, выяснилось, что старцы Киево-Печерской лавры хорошо знали Федора Кузьмича, и, таким образом, его связь с Киевом подтверждалась самым непосредственным образом.

На связь с Киевом же указывают и книги, обнаруженные в келье старца после его смерти, в частности, Киево-Печерский молитвенник.

Федор Кузьмич знал иностранные языки, и этот факт обычно приводится в пример, когда говорят о дворянском происхождении старца. Однако некоторые исследователи, например, кандидат исторических наук А.Серков, высказали противоположное мнение. На их взгляд, Федор Кузьмич мог и не происходить из дворян, выучившись иностранным языкам в Киевской Духовной Академии. Но пока это только предположение.

Ничто не мешает признать, что перечисленные факты в большой степени подтверждают существование у Федора Кузьмича давних связей с Киевом, однако тут возникает правомерный вопрос: если это так, то почему старец оказался в Сибири и почему никому не открыл свое подлинное имя?

Есть несколько догадок на этот счет, но, по мнению автора, самая правдоподобная из них та, которая предполагает в старце церковного еретика. Собственно, это даже и не догадка,

поскольку многие современники Федора Кузьмича отмечали у него отклонения от православных догм. Он, например, нерегулярно ходил в церковь, отказывался от исповеди, а самое главное — признавал Богородицу в качестве четвертой божественной ипостаси, то есть почитал ее наравне с Богом Отцом, Богом Сыном и Святым Духом, что расценивалось как ересь.

В пользу такого поворота говорит и то обстоятельство, что в келье Федора Кузьмича обнаружили икону Почаевской Божьей Матери, долгое время являвшейся одной из главных ценностей униатских священнослужителей, то есть тех православных священников, которые вошли в унию с западной католической церковью. Икону вернули православию лишь после польского восстания 1830-31 годов, а до этого она находилась в Почаево-Успенском монастыре на Тернопольщине, принадлежавшему униатам с 1713 года.

Таким образом, есть основания предполагать, что, кроме Киево-Печерской лавры, Федор Кузьмич некоторое время обитал и в Почаево-Успенском монастыре. По каким причинам он оказался позднее в Киеве — неизвестно, но, видимо, именно там он проявился как еретик и был, по всей вероятности, изгнан из лавры. Так началась его странническая жизнь, кончившаяся высылкой старца в Сибирь.

Можно ли все-таки узнать, кто в действительности скрывался под именем Федора Кузьмича? Думается, что да, но для этого следует провести обширные архивные розыски и определить:

— имена тех, кто жил в Почаево-Успенском монастыре до 1831 года;

— кто из братии покинул его после возвращения монастыря в лоно православной церкви;

— кто из монахов монастыря участвовал в польском восстании 1830-31 годов;

— кто из них был наказан за это (либо ссылкой, либо кнутом — вспомним, что у Федора Кузьмича на спине имелись следы, очень схожие со следами ременной плети или кнута).

Выяснив все это, вероятно, можно будет приблизиться к разгадке тайны Федора Кузьмича.

Но, с другой стороны, имеются факты, связанные с пребыванием старца в Сибири и входящие в явное противоречие с тем, о чем мы только что поведали. Так, очевидцы, описывая жилище Федора Кузьмича в Зерцалах, свидетельствуют, что в нем рядом с иконами висел образок с портретом Александра Невского. Князь, как известно, давно причислен русской православной церковью к лику святых, и мы помним, что именно

в его честь Александр I получил свое имя, так что образок, имевшийся у старца, наводит на определенные умозаключения.

Однако дело не ограничивалось одним образком. Оказывается, в день Александра Невского в келье Федора Кузьмича обязательно появлялись пироги и собирались гости, коим старец рассказывал о петербургской жизни, причем эти рассказы отличались достоверностью и наличием таких деталей, которые может привести или их очевидец и сопережеватель, или крайне умелый мистификатор.

Удивительны и еще два обстоятельства, заставляющие нас снова и снова спрашивать самих себя: так кто же, в конце концов, скрывался под маской сибирского отшельника?

Первое такое обстоятельство — исключительно заботливое, можно сказать, нежнейшее отношение Федора Кузьмича к детям, и особенно к девочкам. Если вспомнить, что двух своих дочерей Александр I потерял, когда они были еще малолетними, то указанная черта характера старца странным образом роднит его с российским императором — известно, что Александр так же нежно относился к детям.

Второе обстоятельство — фраза, сказанная однажды Федором Кузьмичом. Вспоминая как-то день, в который он расстался с обществом, старец заметил, что это случилось в хорошую солнечную погоду. Быть может, это простое совпадение, однако день 19 ноября 1825 года (когда Александр I, как считается, «ушел из мира») был тоже теплым и солнечным. В дневнике императрицы Елизаветы Алексеевны отмечена даже температура дня — плюс 15 градусов по Цельсию.

Вот и все, что известно на сегодняшний день о таинственной связи меду императором Александром I и старцем Федором Кузьмичом. И напоследок остается лишь добавить, что 10 июля 1903 года состоялось вскрытие могилы старца. В присутствии свидетелей подняли крышку гроба и увидели в нем «остов старца, голова которого покоилась на истлевшей подушке. Волосы на голове и борода сохранились в целости, цвета они белого, т. е. седые. Борода волнистая — протянулась широко на правую сторону».

Но вскрытие могилы не пролило никакого света на выяснение личности Федора Кузьмича. Кто он? — на этот счет по-прежнему можно строить какие-угодно догадки.

Новинки

Максим Войлошников
ГНЕВ ВЛАСТЕЛИНА

Озерный край, суровый край —
Ты память предков передай:
О том, как из воды и камня
Поднялись в небо великаны,
И семь шагов пройдя вперед
Достигли ледяных высот…

Из древней песни «Предания страны Аб Дор»

Может быть, тысячу, а может, и две тысячи лет назад, была земля, прозываемая Озерный Край, а иначе — Аб Дор, как именовали ее обитатели. Исполинские озера сверкали гладью под высоким и бледным небом, протягиваясь дугой с заката на восход; говорили, что то были следы богов прежнего времени. Дремучие леса преграждали сюда дорогу случайным путникам, и лишь отчаянные торговцы да невежественные разбойники решались проникать в эту страну. И оттого так скудны известия о ней.

В этом краю обитали разные народы, обладавшие таинственной историей, обычаями и вовсе не схожие друг с другом. Но мало кто из тех племен дожил до появления нынешних людей… С той поры поредели чащобы, обмелели могучие реки, усохли исполинские озера. Но отрывки преданий о стране Аб Дор еще можно услыхать то там, то здесь…

Глава 1. ДИНГАРД

Небольшой то ли город, то ли поселок протянулся над полноводной синей рекой там, где она делает пологую излучину, прежде чем впасть в бескрайние свинцовые воды озера-моря. Река зовется Кривасэльвен, а город — Дингард.

… Солнце палило долго. Каждый день люди с надеждой поглядывали на высокое чистое небо, на котором, точно в насмешку, не было ни облачка. Только густые корабельные сосны сухо шумели на боровых песках за широким опольем древнего града, да свинцовела, отблескивая на солнце, гладь Кривасэльвен, равнодушно стремящейся к озеру. Напрасно крестьянин молил о

дожде, торговец — о попутном ветре; шли недели, но лишь новые напасти делали жизнь еще тяжелее. То дохлая рыба внезапно усеивала берег зловонным покрывалом, то начинала расползаться мертвая ржавчина по лесным глубям. «Босоркун» — имя страшного духа засухи точно пожар поползло по домам…

— Смотри! Смотри! Туча идет! — вы́сыпали однажды все из своих бревенчатых домов на тревожный крик. Темная ветровая туча надвигалась откуда-то с северо-запада. Все с надеждой ожидали сильную грозу, но в воздухе не парило, а лишь зловеще потрескивало. Зоркие не замечали внизу тучи синей дождевой вуали; зато вдруг потянулся от нее хобот к земле — темный и страшный.

Он шел прямо на город, и вскоре было уже слышно, как он утробно ревет, всасывая вздымаемые тучи земли, кусты, точно спички ломая деревья своей темной воронкой, в которой иногда посверкивали красноватые молнии. «Спасайтесь!» — кричали все, бросившись бежать к лесу, пытаясь спасти жен и детей от неминуемой гибели. Но лес был далеко…

И только один человек в развевающейся белой рубахе выскочил прямо в сторону приближающегося ревущего чудовища. Порывы ветра растрепали его золотистую бороду. В богатырской руке он держал копье с заостренным железным наконечником. Может быть, он подчинялся властному голосу человеческой гордыни, питаемой древними легендами? Или решил погибнуть вместе с городом, который не в силах был спасти? Он стоял на пути страшного хобота и смотрел, как взлетают в воздух точно пушинки, обломки сараев и вырванные с корнем деревья.

Вихрь был уже совсем рядом, и казалось: еще секунда — и человек будет сметен. Внезапно сверкнул, точно искра, стальной наконечник — копье понеслось прямо в сердцевину темного, завывающего хобота. Оно исчезло во тьме — и вдруг оттуда раздался леденящий душу вой, и на землю брызнула красная влага, капли которой были горячи — одна из них попала на лицо человеку. Смерч странно скособочился, стремительно втянулся в тучу, и она, гневно сверкнув молнией, внезапно пошла на юг, утробно громыхая клубящимся нутром.

Богатырь так и застыл разинув рот от изумления. Долго смотрел он вслед исчезающей за горизонтом загадочной туче, а люди стали возвращаться в город…

Ночью на юге полыхали зарницы. Наутро людей заставил выбежать новый крик, и они усеяли зеленый крутояр, на котором чудом держались крайние избы.

— Смотри-и! — все показывали на реку, а некоторые женщины в страхе и жалости отворачивались. По мутной, грязной

поверхности реки плыли какие-то обломки, стволы деревьев, коряги, доски — и среди них трупы животных и людей. Мужчины кинулись вылавливать человеческие тела, чтобы похоронить их.

Белобородый дед, опиравшийся на волховской посох с резной личиной на навершии, и молодой, могучий богатырь в белой рубахе — тот, который вчера поразил копьем смерчевой хобот, — стояли рядом. Старик удержал его, когда он хотел сбежать вниз, вслед за остальными.

— Страшное дело произошло, видно, в верховьях снес вихрь деревни на озере Кам! — вздохнул тяжело дед. — Колдовство невиданное… Засуха колдовская — погубит она нас! Что зимой есть будем? Напрасно взывал я к богам — деревянные их лики безответны, никакого знака не последовало — только на щепу их порубить осталось! Молчит и Властелин великих камней…

— Что делать-то? Скажи, дед?.. — богатырь развел руками.

— Погадать надо — вдруг ошибается чутье мое, стариковское? — уклончиво отвечал старик по волховской привычке. — Пойдем со мной.

Они поднялись к избе волхва, наполовину уже вросшей в землю. Перед входом был разложен костер, над ним висел котел с ключевой водой, для гаданий. Старик кряхтя наклонился и, ударив по кресалу, стал раздувать огонь. Дождавшись, когда вода забила ключом, дед бросил в котел веточки, всякий сор. И тотчас все, что плавало на поверхности, будто магнитом потянуло к северной стороне котла.

— Да, не ошибся я! — воскликнул старик. — Тебе отвечу на вопрос, озерный конунг Дингарда! — торжественно объявил он, взмахнув посохом. — К северу показывает гаданье. На север должен идти ты на своей ладье, через Великое озеро, туда, где стоит на острове древний храм Оракула. Его должен спросить: чем одолеть злое колдовство, растворить запруду в небесах для земли, изнывающей от жажды!

— Но кто навел это колдовство? — спросил богатырь.

— Только могущественнейшие из свартен — сил тьмы способны на такое. И могущественнейший из них — Чернобог, да погибнет его имя, — понизил голос старый волхв. — Но не только их должен опасаться ты в своем походе, который, может статься, будет и дальним, и тяжелым; добровольные прислужники свартен — форлокки-совратители, способные заморочить разум многим людям, могут встретиться на твоей дороге…

Лишь на мгновение задумался витязь.

— Я иду. Помолись богам о моей удаче, дед! — сказал он и зашагал к своему дому, стоявшему почти в центре городка. По пути подозвал мальчишку: — Беги, оповести дружину моего

корабля, что Бор зовет их в поход! Сбор не мешкая! — Мальчик убежал.

Озерный конунг — предводитель в походах. Что было ему долго собираться, если полжизни проходит в плавании? Размашистым шагом вошел он в дом из таких же громадных бревен, как изба волхва и многие дома Дингарда. Из сундука достал чистую рубаху, гребень и плащ. С крюка в стене снял отцовский княжеский меч в старых ножнах. Был тот меч непомерно длинен для человека обычного роста, но приходился по руке озерному вождю Дингарда. Стебель его рукояти завершался потемневшим серебряным грибом, в маковке которого алел рубин. Вынув меч и полюбовавшись его лезвием, выдержавшим долгую службу, хозяин привесил клинок к поясу.

Взял он свой рог редкостной величины, для пиров, если случится заехать в другой город, и бочонок для пьяных медов. Все вещи положил в плащ и завязал в узел. Потом из угла достал покрытый пылью ведерный шлем с вмятинами от ударов и богатырский корабельный круглый щит, весь иссеченный сталью. Нагрузившись этим, последний раз окинул взглядом жилище, слегка поклонился в дедовский угол, надел шлем на соломенные кудри и шагнул за порог.

Как у всякого предводителя, была у него ладья с командой гребцов. И вскоре, получив весть о сборе, стали сходиться к нему верные люди. Когда было уже двадцать пять человек, направились они к стоявшему на склоне сараю, отперли его. И глазам их представился княжеский корабль с ранней весны просмоленный и окрашенный.

— Ну-ка, продевай канаты в петли! Тащи! — Князь сам впрягся впереди, и вот общими усилиями широкая ладья пошла, шурша, по дымящимся от трения дубовым полозьям вниз, и теперь ее уже только удерживай. И взрезала она килем мутную воду реки, закачавшись на привязи.

— Мы пойдем к Священному острову. Надо узнать, как одолеть нам колдовскую засуху. И кто знает, куда двинемся дальше и все ли вернемся? Собирайте запасы, попрощайтесь с домашними — и в путь, — сказал озерный конунг.

Гребцы понесли с берега припасы в бочонках и корзинках. Пришли к ним прощаться печальные женщины в платьях и поневах, в круглых кокошниках на головах, с которых на виски спускались серебряные усерзи, тихо позванивая в такт лебединым движениям женских шей.

— Крепко обнимайте мужей, возлюбленных и братьев своих и тревогу в сердце храните за ушедших! Ибо бескрайне Великое озеро, Суурярв, куда лежит путь витязей! И бурным и страшным

бывает оно, и немало душ приняло безвозвратно в свои холодные воды! — говорил, проходя меж них, седой волхв, напутствовавший уходящих. — Но взбодритесь, ибо ярок путь идущего!

Наконец, развесив щиты по бортам, гребцы сели на банки, взяли в руки весла с отполированными их мозолями рукоятками, со стуком вставили их в уключины. И князь их, усевшийся на высокой корме, взялся за правѝло и взмахнул рукой:

— Весла на воду! Загребай! — И единым разом весла вспенили мутную воду, и нос ладьи, украшенный треугольной головой Ящера, владыки глубоких вод, на длинной изогнутой шее, повернул вниз по течению. Ладья, уходя от берега, вырвалась на стрежень.

— Ставь мачту! — Со дна ладьи подняли и укрепили в гнезде высокую мачту, подтянули талями к ее верхушке прямой холщовый парус, придавший черной приземистой ладье сходство с крылатой птицей. Парус хлопнул, надувшись ветром, — загудели натянутые ванты, бег ладьи ускорился. На корме, на вставленном копье с перекладиной, развернулся треугольный княжеский штандарт: серебряная оленья голова на червленом поле. Олень, свободолюбивый обитатель лесов, был символом Дингарда и его главного бога.

Город остался позади, и гребцы затянули протяжную прощальную песнь, звук которой усиливался во время редких ударов веслами. Мимо проплывали знакомые с детства холмистые берега, покрытые пашнями, на крутоярах поднимались, точно стога сена, дерновые курганы древних героев дингардского народа. Немые сосновые побережья сменили болотистые приозерья, блистающие водяными прогалинами, камыши, из которых с шумом взлетали стаи уток. И наконец на левом берегу показалось всхолмление, увенчанное видимым издалека с разлившейся вширь реки, установленным с незапамятных времен и уже покосившимся громадным каменным широколопастным крестом. Он вещал: «Отсюда пути во все стороны открыты!»

И долго виднелся этот прощальный, путеводный знак земли, когда выйдя из мутных речных вод, корабль рассек кристальные синие воды Великого озера.

Глава 2. ОСТРОВ ЯТХОЛЬМ

Корабль удалялся в глубь синего пространства, сужались позади берега, и Бор твердо правил на север. Чайки с криком летали в безоблачном небе, ныряя к ладье и вновь поднимаясь

ввысь, но постепенно отстали. Солнце проходило свой обычный долгий летний путь, помогая выдерживать верный курс…

Наступила короткая призрачная ночь. Гребцы улеглись под плащами на сене, набросанном на дне корабля, положив головы на бочонки с провизией, и волны укачивали усталых людей. Лишь вахта из двух человек бодрствовала, следя по звездам, чтобы корабль не сносило с пути…

Утром, поднявшись и позавтракав, гребцы снова сели на весла. Молодой князь по-прежнему восседал на руле, и его золотистую бороду растрепал ветер, ударявший в тугой парус. Солнце взошло высоко, когда на закатной стороне блеснул ему в глаза чужой парус. Но больше часа прошло, пока гребцы различили красно-черные цвета полотнища и бортов, — встречный корабль принадлежал чужакам. Он был крупнее дингардского, и число людей на нем вдвое превышало команду князя: не меньше сорока сияющих на солнце конических стальных шлемов высовывалось из-за бортов чужого судна.

— Хускарлы! Хускарлы! — закричали дингардцы, вытаскивая из-под скамей копья и шлемы, и готовясь к схватке.

Хускарлами звались дружины, поднимавшиеся по реке Болотне с заката, со стороны моря, чтобы грабить жителей Поозерья. Уже слышались их крики, они ходко шли наперерез нежданной добыче, подгоняя свой корабль сильными ударами весел и размахивая сверкающими секирами и копьями Они уже предвкушали покорность захваченных врасплох или, может быть, разогревающую кровь, короткую победоносную схватку с командой торгового судна.

Но вспенилась вода под горделивым носом дингардского корабля, ярко заблистало оружие, и на корме заплескалось развернувшееся серебряно-червленое знамя озерного конунга. И при виде грозного символа, за которым стояла закаленная боевая дружина, рука кормчего невольно дрогнула, и ладья хускарлов, изменив курс, как поджавшая хвост собака пролетела за кормой княжеского корабля. Вряд ли хорошая добыча будет на походном княжеском судне — зато добрая встреча обеспечена наверняка!

— Эй, волчье племя, что хвост поджали? — закричали гребцы с дингардской ладьи.

На корме корабля хускарлов бешено вскочил коренастый, почти квадратный человек с лохматыми огненно-рыжими бородой и волосами, и проорал, размахивая огромным, широким топором:

— Это я, я — воин оленьего хвоста, рыжий Вирре Бердекс, Крутящий Секирой! Ни к чему мне ловить нищету, плывите себе поздорову! Но, клянусь огненной колесницей Тюра, мы еще встретимся как-нибудь!

— Вали своим курсом, Трухлявый Топор! — рявкнул басом озерный конунг, и его гребцы покатились от хохота.

— Ну, я до тебя еще доберусь! — заорал вождь хускарлов. Суда между тем расходились все дальше и постепенно потеряли друг друга из виду. Однако встреча эта озаботила дингардцев.

— Как думаешь, Бор, не нападут ли они на наши дома, пока мы в плавании? — заговорил старший из воинов князя, пегобородый Гунн. — Не воротиться ли?

— Думаю, бояться нам не стоит, — отвечал тот. — Один корабль ничего городу не сделает: там бойцов немало осталось, и караульные, надеюсь, не дремлют… Да и хускарлы идут к торговому перекрестью, надеются пощипать Шурышкар или Изкар… Назад ворочаться — примета дурная: пути не будет.

Солнце слепило глаза сидевшим на веслах. Но с кормы конунг увидел над озером полоску тьмы. Быстро катилась эта полоса над сверкающей гладью. Стих ветер и парус обвис.

— Буря надвигается с гор Тундар! — сказал тревожно Бор сидевшему вблизи Гунну. И точно: ветер дохнул с севера, вспенив волны белыми гребешками.

— Нечасты бури летом; повезло нам, выходит! — Воин подергал свою короткую полуседую бороду, потрогал занывший шрам на щеке.

— Дети Войпеля, духа зимней бури, решили нам помешать, как видно!

— Спускай парус! — распорядился конунг, и, быстро свернув полотнище, они сняли мачту. Кораблю прибавилось остойчивости — и вовремя! Шквал, страшно ревя, едва не опрокинул ладью. Волны яростно вздыбились вокруг, швыряя судно, и борта затрещали под их ударами.

Тучи неслись по потемневшему небу. Закутавшись в плащи от летящих брызг и пены, люди сидели на скамьях, убрав весла, которые волны сломали бы как щепки. И только прави́ло в твердой руке князя сопротивлялось бешеному напору кипящей воды, направляя ладью носом к волне.

— Ишь, взводень подняло! Надолго нас не хватит! — перекрикивал волны и ветер Гунн, вычерпывая кожаным ведром прибывающую воду.

— Ничего, не потонем, старина! — кричал в ответ конунг, навалившись на прави́ло, так что покраснел от усилия. — Войпель скоро выдохнется!

Мокрые с головы до ног, они сражались с волнами, казалось, целую вечность. Однако на самом деле прошло, наверное, не больше часа, и ветер начал спадать. Волны были уже не так высоки, и сквозь разрывы тающих над озером туч начало

проглядывать голубое небо и желтое солнце.

— Остров! — вдруг выкрикнул один из гребцов, поднявшийся с банки, чтобы размять затекшие мышцы.

— Вижу! — отвечал князь со своего места.

— Неужели дошли до Священного острова?! — воскликнул юный дружинник, сидевший позади Гунна.

— Не может того быть! — ответил он, разворачивая мокрый плащ.

— Ветер противный был, как же мы до Йемсалу добрались бы?! Нет! Должно быть, это Каменный остров.

— Неужто нас так на восток снесло? — запоздало удивился князь. — Да, он это, Ятхольм, проклятый Серединный остров! — Как шишка торчит он в самой маковке озера, со всех сторон тянет к нему, на погибель, корабли в непогоду… — Продолжись буря еще немного, и нас вынесло бы прямиком на гибельные камни…

Судно начало огибать остров, и молодой гребец, приподнявшись, воскликнул:

— Глядите, корабль!

— Молодец, Талма! — похвалил его конунг, также увидевший приземистый силуэт на берегу.

— Хускарлы? Нас опередили! — воскликнули несколько человек, готовясь вооружиться.

— Нет, это другой корабль! — прищурясь, успокоил всех Гунн. — Он разбился тут не так давно, однако, смотрите, волны уже успели вылизать корпус.

— Подойдем ближе! — скомандовал князь. — Здесь можно причалить между камней. Высадившись, мы наверняка найдем бедолаг, которым нужна помощь!

— Если на этих голых скалах кто-то выжил, как бы он не вцепился нам в глотку и не прибрал к рукам наш корабль! — проворчал в бороду бывалый Гунн.

Зорким взглядом конунг обежал берег и направил медленно идущую ладью между торчащих из воды камней. Наконец гребцы слаженно подняли весла вверх, корабль мягко врезался в пляж, шурша бортами по мелким камешкам.

— Высаживаемся! — Они повыпрыгивали прямо в воду по колено; первым — сам озерный конунг, потом его помощник Гунн, а следом остальные. Поодаль, накренившись, лежал остов неведомого корабля.

— Где же люди? — воскликнул Бор. — Судно давно разбито, и следов вокруг нет…

— Не пошарить ли в округе? — предложил Гунн.

— Ладно! Шестеро остаются у ладьи, караулить. Остальные расходятся по округе — искать людей!

Все еще не очень твердо ощущая землю после качки, воины разошлись маленькими группками. Зловещая тишина стояла над островом, странные искореженные сосны поднимали искривленные узловатые сучья к небу.

— Смотрите, кости! — воскликнул вдруг один из разведчиков. На земле, под корнями мертвого дерева лежал скелет человека.

— Кто это? Должно быть, не так давно помер, коли костяк еще цел! — сказал Гунн. Рядом со скелетом валялся топор с потемневшей рукояткой, но на покрытом ржой лезвии еще можно было различить выбитое изображение рыбы.

— Топор из Шурышкара, Озерного града; рыба — их герб! — заметил Бор, рассматривая находку. — Значит, они пришли с востока.

— Эй, скорее сюда! Здесь человек! — раздался зов с южной стороны.

Опережая остальных, предводитель дингардцев кинулся на крик.

Сбежавшись, они увидели лежащего на подстилке из полуистлевших тряпок исхудавшего человека. Борода несчастного вылезала клочьями, открытое тело с выступающими костями покрывали язвы. Его тело изредка сотрясалось, и дыхание приподнимало грудь.

— Он жив, он дышит! — протянул руку один из воинов. Человек открыл глаза.

Князь сделал знак, чтобы несчастному подали баклагу с водой. Тот судорожно приник к горлышку, обнажив пустые кровоточащие десны.

— Ты кто? — спросил его Бор, когда он напился.

— Я Байдур из Изкара, мы шли из Озерного града, когда буря выбросила корабль на береговые камни, — прошептал тот. — Проклятый остров! Все погибли, кроме меня, но и я вот-вот последую за ними.

— Но что случилось? — встревожился князь.

— Туман. Сиреневый туман выползает каждую ночь на скалы из сердцевины острова. Кто попадает в него, того сжирает ужасная болезнь; и я умираю от того же. Приходит слабость, одышка, мужчина превращается в бессильное дитя, неспособное поднять даже нож. Страшная боль разрывает спину, слепнешь, теряешь зубы и волосы — точно за несколько дней становишься стариком. Затем, после этих мук, наконец милосердно накрывает своим темным крылом Морена.

— Откуда же эта напасть?! — воскликнул князь, пораженный.

— Рыбаки мне когда-то говорили… Однажды ночью

раскрылись небеса и огненная капля упала на остров. Она сожгла все живое и принесла с собой этот туман. И от нее пошел тот странный и страшный, тусклый и завораживающий свет, что мерцает ночью в самой глубине этой проклятой каменной сковороды! — Умирающий говорил трудно, с одышкой. — Вы не должны оставаться здесь на ночь! Смотрите, солнце уже опускается! Бегите отсюда, или вы погибнете, как все мои товарищи! Ибо раз побывав в этом тумане, вы уже обречены.

— Он прав! Нечего сомневаться! Бежим отсюда! — воскликнули дружинники, слушавшие этот разговор. — Такая смерть — что может быть хуже для воина, который должен с оружием предстать на том свете.

— Берите этого человека и быстро на берег! — рявкнул Бор.

— А вдруг болезнь с него перейдет на нас и мы так же помрем? — выразил общее сомнение один из гребцов.

— Он нас предупредил, и уже за это мы ему по гроб обязаны! Кладите его на плащ! — И конунг скинул наземь свой плащ.

Но только подняли двое воинов легчайшее тело несчастного, чтобы переложить, как он дернулся, вскрикнул, изогнувшись всем телом, и изо рта хлынула потоком густая черная кровь.

— Кончился! — угрюмо промолвил Гунн, концами грубых пальцев прикрывая веки умершего. Князь мельком глянул на уже низко сидящее солнце.

— Костра нам ему до заката не сложить, да и тащить с собой уже нет смысла. Дайте мне топор, а сами идите и спускайте корабль на воду поживее!

Все с облегчением, глядя на заходящее светило, кинулись к берегу, а Гунн, отдав свой топор предводителю, медленно пошел последним.

Оставшись один, князь наклонился к мертвецу, желая покрепче запечатлеть в памяти черты предостерегшего их человека. Он заметил на исхудалом пальце кольцо с печаткой: перстень сошел легко, и князь спрятал его в пояс, рассчитывая передать кому-нибудь из близких покойного. Взамен он вложил в коченеющую руку старую монету — для потустороннего перевозчика мертвых. Затем, оглядевшись и увидев разлапистую, корявую сосну, он одним махом топора снес мохнатый сук и укрыл им тело от птиц.

— Прощай, Байдур! Пускай твой дух не преследует нас за то, что мы не предали твое тело огню или земле! — И быстрым шагом он двинулся нагонять товарищей.

На берегу дружинники уже изо всех сил толкали неожиданно крепко засевшую ладью — она точно вросла в землю, и только когда озерный конунг присоединил мощь своих мышц, она легко

стронулась с места и сошла на воду. Прямо из воды все поспешно вскарабкались на борт корабля и стали его разворачивать; в этот момент солнце коснулось водной глади.

— Смотрите! — вскрикнули несколько гребцов, когда ладья повернулась к острову кормой. Оглянувшийся через плечо конунг увидал, как из-за береговых скал неожиданно быстро выползли щупальца сиреневатой дымки, казалось, светящейся изнутри, независимо от лучей заходящего солнца. Точно живые существа они облизывали камни, клубы тумана расползались все шире. Наконец он достиг берега, занимая все новое пространство, и застыл ровно, по самой кромке воды, мутной, шевелящейся сиреневой стеной. Ладья покачивалась в двух десятках саженей от этой призрачной ограды.

— Скорее, нужно уйти как можно дальше от скал, пока не наступила темнота! — вывел всех из заторможенного состояния голос Бора. И никогда ладья не шла так быстро, грациозно облетая стоящие на пути коварные камни, как в этот сумеречный час.

— Теперь — к Йемсалу! Мы должны поспеть туда завтра днем! — сказал конунг.

Глава 3. ХОРОВОД СЕЙДОВ

Они радовались, избегнув страшной участи на Ятхольме, и весла так и летали в руках. С рассвета они шли курсом на северо-запад, направляясь к Йемсалу — Священному острову, цели своего плавания.

В полдень завиднелся и низкий берег, образованный растресканными гранитными глыбами, оглаженными волнами. Все ближе они, и на их темной поверхности различимы даже светлые рисунки человеческих и звериных фигур: таинственные древние знаки острова.

— Знаки! — с благоговением прошептали вполголоса несколько гребцов. На веслах, опустив парус, они вошли в уединенную бухту. В ней белая песчаная полоса вдоль камней и почерневший деревянный причал облегчали подход. Коснувшись бортом пристани, ладья качнулась, и не успел канат обвиться вокруг сваи, как настил заскрипел под тяжестью шагов богатыря-конунга.

— Мы сейчас идем вглубь, к Хороводу, чтобы спросить Оракула! — сказал князь, обращаясь к своим людям. — Половина вас остается здесь, под командой Айсата, так как Гунн пойдет со мной. Мы возьмем припасов на два дня — охотиться здесь запрещено обычаем предков. Помните об этом и остающиеся!

— Бор, мы не нарушим заветы заповедных мест! — отвечал за всех Айсат — средних лет широкоплечий дружинник с кустистыми бровями северянина.

Махнув на прощание рукой, князь и с ним остальные двенадцать человек цепочкой углубились в лес по узкой, извилистой тропе, шедшей между вековых сосен. В лесу дышалось как-то по особому покойно, точно сень вечного мира овевала эти священные места. Среди стройных корабельных стволов иногда мелькал силуэт зверя, забывшего страх перед человеком; в глубине крон пели птицы. На солнечных полянах горели цветы. Большая часть острова была заповедна и не населена, хотя на другом его конце приютилась пара деревенек, принадлежавших волхвам Оракула и местным рыбакам.

Тропа все время шла в гору по пологому склону, то там, то здесь виднелись глыбы камня. Наконец на вершине холма вековой лес расступился, и перед глазами столпившихся на опушке дингардцев открылось просторное дерновое, каменистое поле. Посередине его возвышались громадные, вертикально установленные камни, высотою в три человеческих роста. Эти гигантские, плохо обтесанные глыбы, которых Бор насчитал двадцать три, образовали хоровод, застывший на века и тысячелетия. Сумрачным величием веяло от этого грубого древнего сооружения.

— Вот он, Хоровод Сейдов! — напряженно прошептал Талма. Тесной группой приблизились они к исполинскому каменному кольцу, и тень его пала на них.

— Давно, слышал я, стоят эти камни… — промолвил задумчиво Бор, притрагиваясь ладонью к шершавой поверхности гранитной глыбы. — Ты, Гунн, помнишь предания о них?

— Слыхал я, что в давние времена обитали тут повелители камней, великаны-сейды. Водили они меж собою хороводы. Но как-то раз обидели чем-то Властелина великих камней, прогневался он, и тень бога опустилась на них. И тогда обратились они в камень, и стоят по сей день!

— И это все? — недоверчиво взглянул князь на неровные глыбы.

— Ну, есть и другое предание. Говорят, тысячу лет назад жили здесь древние люди, колдуны, которые возвели себе на славу эти столбы, храм из камня, и наделили его даром прорицания, каким доселе обладало лишь круговращение звезд! И возгордились они необычайно. Но после из-за гор Тундар пришли тучи, и на много лет заволокло ясное небо пеленой. Мгла опустилась над миром, и наступили долгие холода… А когда облака наконец рассеялись, то уже не было этих людей. И

остались от них лишь длинные могильные холмы…

— Да, это больше походит на истину… — Между тем, пока они обходили вокруг, озерный конунг разглядел в каменном кольце проход с востока, образованный недостающим двадцать четвертым столбом. Оттуда тянулась аллея, обозначенная небольшими глыбами, вросшими по самые верхушки в землю. Дорожка упиралась в вертикальный плосковерхий камень, немного выше макушки человека, со сквозным отверстием вверху размером с кулак.

— Что бы это могло быть? — вырвалось у князя.

— Это Визир, — раздался негромкий голос. Зашуршал папоротник, и перед путниками предстал невысокий темноволосый человек в белом волховском плаще. Его странное лицо имело почти ромбическую форму: то был потомок древнего племени, один из тех, кто пережил время вместе с Хороводом. — Что вы здесь делаете? Что привело вас сюда? — спросил он их.

— Мы пришли узнать, как нам защититься от колдовства и остановить небывалую засуху! — ответил Бор за всех. — Мы шли из Дингарда получить ответ. Кто ты, в плаще волхва, задающий вопросы?

— Я — один из тех, кто при храме Оракула извечном. Тысячу лет мы спрашиваем совета у каменного хоровода великого Властелина, и тысячу лет дает он свои туманные, но верные ответы. Хотя иной раз и трудно бывает их разгадать…

— Сможет ли он ответить на наш вопрос?

— Прорицание происходит на рассвете: солнечный луч через «око» в камне Визира падает на внутреннюю поверхность глыб Хоровода и освещает один из тысяч вырезанных там рисунков. И каждый раз это оказывается нечто, служащее ответом на заданный вопрос, хотя тысячу лет назад нанесены на камень эти изображения… Такова сила древней мудрости!

— А пока я прошу вас покинуть это место и расположить лагерь на травах, в стороне от храма, чтобы не был потревожен ночной покой духа Оракула И еще — лишь благородный металл, извлеченный из камня, допускается сюда — но не темное болотное железо. Вы должны оставить свое оружие в лагере, и вернетесь за ним позднее.

— Мой меч не из болотного металла! — отвечал Бор волхву. — Привезен он из дальней стороны. Выплавлено было железо из рудного камня, и на берегу холодной реки в огненных горнах откован меч искусными карликами и закален в текучих водах. Выпал этот меч на зеленую траву из руки вождя воинственных пришельцев, сраженного моим отцом в дни его молодости, и мой он теперь по праву наследия!

— Хорошо, свой меч ты можешь оставить на бедре, — ответил волхв. — Но помните, здесь вы должны быть еще до рассвета! Пока прощайте. — И он растворился в зелени леса.

— Не поймешь этих волхвов Оракула — темно они говорят… — протянул Гунн. — Но незрелое железо болотное не любят они, предпочитая светлую бронзу…

За каменным Хороводом начинался луг, на котором то там, то здесь загадочно поднимались из травы глыбы, покрытые древними рисунками и письменами. В одном месте вдоль их тропы протянулась длинная насыпь высотой по грудь человеку.

— Вот он, длинный курган, — сказал Гунн, кивнув головой. — Будто спят под ними исполины, принесшие камни для Хоровода, и наступит день, когда они восстанут по слову бога…

Раскинув свой небольшой стан по возможности дальше от древних могил, путники перекусили чем судьба послала, оглядывали окрестности и до вечера бродили по округе, силясь прочитать надписи, в давние времена запечатленные древними письменами на вросших в землю камнях. Но вот стемнело. И только разложили костер из сушняка на давнем кострище, послужившем не одному поколению, как вдруг, на севере, лучиками вспыхнули, а затем развернулись полотнища сполохов розовато-голубого сияния.

— Смотрите! Смотрите! Знамение! — закричали все, вскакивая и вглядываясь в чудесную игру света на небе.

Один Гунн не разделил всеобщего восхищения.

— Говорят, в горах Тундар их видят куда как чаще! То отсветы подземных кузен, где куется ледяное оружие Чернобога, — медленно проговорил он.

— А наш волхв говорил, что это сполохи битвы Чернобога с Юмбелом… — возразил Бор.

— Кто их знает, что это такое…

— Скажи, Гунн, эта холмы, камни на острове — словно старые могилы…

— Я слыхал, в старину, чтобы мертвые не беспокоили живых, их хоронили на островах: вода — преграда для навий… Говорят, и сам Хоровод стоит на таком погребении, самом древнем…

Огонь потихоньку переползал с полена на полено, оберегая дрему уморившихся за день людей. Князь, сидевший в стороне от дружинников, встал и отошел за пределы светового круга. Внезапно ему почудилось, точно какие-то тени поднялись над древней могилой.

— Что это? — вырвался у него шепот.

— Здесь иногда оживают тени минувшего, чтобы вспомнить великое свое прошлое, оглянуться и вновь уйти в землю! —

прозвучал над ухом у него голос незаметно подошедшего Гунна.

— Смотри! — Бор схватил своего спутника за плечо и показал на темневший на верхушке острова приземистый расчлененный силуэт Хоровода. Словно редкий пар восходил над столбами в свете звезд, и посверкивали в нем искры.

— Тысячи лет! Этим камням тысячи лет, конунг! И они обладают могучим волшебством предсказывать грядущее, и живут своей древней жизнью…

— Да, ты прав… Они словно говорят со звездами…

Все поднялись еще до света. Поблескивало составленное пирамидой оружие. Только у князя на поясе одиноко висел меч. В полутьме приблизившись к Хороводу, они увидели как от темных камней навстречу им отделилась фигура в белом.

— Идите внутрь и станьте по сторонам от входа. — По голосу узнавался давешний волхв. Они прошли внутрь круга, и отсюда было видно, что расстояние между камнями достаточно велико. Слабо белел в темноте столб светлого камня-визира. Волхв, войдя следом, раздвинул их в стороны и сам стал так же, обратившись на закат, что было странно Бору.

Так прошло несколько томительных минут в молчании. Внезапно из лесу долетел гомон птиц, увидевших светило. И вот из-за горизонта, который с этой стороны непостижимым образом не закрывали от стоящих людей верхушки деревьев, вспыхнул край солнечного диска.

— О Хорс великий, дай нам знание! — воздел руки волхв. В этот момент Бор различил, что вся внутренняя поверхность каменных столбов, обращенных к выходу, покрыта тысячами вырезанных рисунков и знаков — сверху донизу. Он понял, отчего волхв стал именно таким образом. В ту же секунду яркий луч света озарил небольшой кружок на одном из камней, высветив несколько рисунков. Это были: круг на длинном древке, посох с навершием, шестигранник, похожий на щиток черепахи, и бесформенная одноногая фигура с растопыренными руками. Через мгновение солнечный зайчик сместился и исчез.

— Что означает это, скажи, волхв? — нарушил молчание Бор.

Монотонным голосом, точно заученными фразами тот отвечал:

— Первый рисунок — личина на древке; то могущественное, древнее знамя богини Прии, богини цветения, противостоящее злу. Предание говорит, что оно находилось на острове, но потом было утеряно, давно. Камни вещают, что настало время отыскать его. Второе — посох, обладающий грозной силой. Но кому посвящен этот могущественный амулет — предание умалчивает. Третье — знак грома. Есть разные толкования: обиталище грома,

венец грома, око грома… К одному из них приведет вас судьба. Четвертое — воплощение свартен, злых сил, ярость которых вам предстоит одолеть, чтобы достигнуть цели… — Волхв умолк.

— Что делать нам во исполнение предвещания? Куда направиться? Ответь! — спросил князь.

— Хорошо, — ответил волхв уже обычным голосом. — Ну прежде всего «гром» может обозначать и озеро Громовое, ибо оно так называлось издревле. Прибегнем к гаданию по рунам. — Рука его вынырнула из-под одеяния, неся рожок для костей. Он склонился над неровной каменной плитой, выступавшей среди дерна, покрывавшего землю внутри каменного круга. Волхв выбросил две кости. — Пять, — назвал он выпавшую сумму. — Пятая руна — «рейд», руна пути…

— Ну, это я и сам знаю, что предстоит дорога! — воскликнул конунг.

— … дорога не близкая! — закончил волхв. Он выбросил три кости. — Шестнадцать! Шестнадцатая руна — «соль» — знак восхода. Путь на восток. — Он бросил в третий раз — четыре кости. — Двадцать три! Редкое число. Оно соответствует количеству камней Хоровода. Двадцать третья руна — «этель» — руна древнего наследия, которое будет обретено.

— Бросай еще! — попросил Бор, завороженный краткими и четкими ответами, видя, что волхв прячет рожок.

Но тот покачал головой:

— По правилам делается лишь три броска: две кости, три кости и четыре кости. Ведь рун всего двадцать четыре, столько же может выпасть на четырех костях. Бросив пять костей, я спутаю нити между прошлым и грядущим, на радость свартен.

— Что теперь?

— Надлежит возблагодарить богов. Идите за мной, — отвечал волхв. Выходя, конунг положил руку на рукоять меча, и конец его случайно задел одну из каменных колонн. Внезапно точно жидкий огонь вспыхнул в крови Бора, и он вскрикнул от неожиданности; те же, кто был вблизи, увидали, как ножны меча и рукоять окутались на миг сиянием.

— Что это?! — воскликнул изумленный князь. Впервые на губах волхва появилось сумрачное подобие улыбки.

— Сейды благословили твой меч, конунг, — ответил он. — Они признали его.

Выйдя из Хоровода, они направились в глубь леса. Тропинка привела их к ручейку и повернула вдоль него. Вскоре они достигли поляны, посреди которой лежал в тени ветвей громадный камень ослепительно белого цвета, из-под которого выбивался, прозрачный ключ, дававший начало ручью. Ключ был

совсем небольшим, и это, казалось, удивило и озаботило волхва.

— Ключ обмелел?! — вполголоса воскликнул он. — А ведь я был тут всего две недели назад! Приложи-ка руку к камню, — велел волхв конунгу.

Бор послушно прижал широкую пятерню к боку глыбины, и к своему удивлению, ощутил слабый ток тепла, идущий в ладонь, несмотря на то, что ночь и утро были холодными.

— Там точно костер горит глубоко в сердцевине, под каменной толщей!

— Твои чувства тебя не обманули…

— Так значит, это он и есть. Ключ из-под Камня, над истоком вод стоящего, о котором поется в преданиях?!

— Да, здесь витает дух самого творца Юмбела. Это одно из самых святых мест Озерного Края, если не самое… Но впервые на моей памяти обмелел источник, и значит, происходящее сегодня действительно несет страшную угрозу!

Бор между тем достал из-за пазухи мешочек с монетами и, вынув несколько кружочков светлого серебра, положил у камня. Коснулись огромного валуна, оставив по монетке, и все его люди. Будет нужда, и слуги Оракула заберут монетки, а пока они сиротливо остались поблескивать возле ослепительно чистой белой глыбы.

— Ступайте с миром и не оглядывайтесь, чтобы доброй была дорога! — напутствовал их волхв и исчез в лесу. Они же двинулись по собственным следам. Когда пришли в свой временный стан, раздались изумленные возгласы:

— Эй, смотрите, ребята, а на оружье-то ржавые пятна!

И действительно, рыжая ржавчина украсила потеками блестящую сталь. Откуда она взялась — никто не мог понять.

— Ты помнишь, как засветился твой меч, Бор? — спросил Гунн. — Быть может, это отзвуки сил, бушевавших в камнях Хоровода в момент прорицания? Тогда, будь оружие с нами, мы получили бы вместо него куски рассыпающейся ржавчины? — рассмеялся воин.

Они двинулись по направлению к своему кораблю, собрав пожитки.

— Что это значит? Знамя, посох, гром, зло, наследие? — сам с собою рассуждал князь. — Путь на восток — хоть это, спасибо, разъяснили… — Слушай, Гунн, ты не слыхал, что такое знамя Прии? — обратился он к помощнику, шедшему рядом.

— Говорят, Прия могущественна в плодородии и побеждает все препоны пред жизнью…

— Да это я и сам знаю! — не выдержал озерный конунг. — Да только не люблю я всех этих волшебств! Подсунул мне «дед»

порученьице, нечего сказать!

— А засуха, видать, и вправду колдовская! Ишь ты, Ключ-из-под-Камня пересыхать начал! Не этот ли одноногий, которого показали, и запруду поставил?

— Поглядим, — бросил коротко князь.

Так они шли, пока, выбравшись на опушку, не были с радостью встречены ожидавшими их на берегу товарищами. И вскоре ладья уже отчаливала от пристани.

— Идем на Шурышкар, к востоку, — распорядился Бор. — Может быть, там услышим что-нибудь!

Глава 4. ОЗЕРНЫЙ ГОРОД

Стороною обогнув Опасный остров, они уже на следующий день приметили издалека, меж разошедшейся зелени лесов, очертания прибрежного города. Его бревенчатые стены и башни с зубцами выплыли из-за горизонта. Севернее города берега разрывало устье полноводной торговой реки Тагэт, соединявшей Суурярв со вторым великим озером — Доннервад, или Громовым. На реке и вырос город.

Ладья шла быстро, и через час уже была видна торговая пристань, на которой с недавно прибывшего судна выгружали бочонки и кули с товаром. Мощный бревенчатый частокол с высокими каланчами, нависавший над ней, придавал Шурышкару куда более внушительный вид, чем Дингарду, да и людей тут было намного больше. Многочисленные корабли и лодки скопились на берегу, правда, лишь немногие из них были боевыми судами. Бор обратил внимание и на какие-то обгорелые остатки у берега.

Вскоре ладья подошла к пристани и замерла. Тотчас князь заметил какое-то торопливое передвижение на берегу, и через минуту навстречу ему уже вышли человек десять, вооруженные копьями и мечами и возглавляемые богатырем в шлеме и панцирной рубахе, с серебряной гривной на груди. Бор, бывавший тут несколько лет назад, еще юношей, был слегка удивлен такой почетной встречей, так как не поднимал княжеского стяга.

— Вы кто будете, люди добрые? — спросил богатырь озерного конунга, только сошедшего наземь.

— Как — кто? Мы — дингардцы, разве не видно? — отвечал Бор с достоинством.

— А зачем вы приплыли? — прищурился круглолицый шурышкарец.

— А ты представился бы нам, гостям добрым, честь по чести, мы бы и ответ держали, — не потерял себя перед зажиточными

озерянами князь.

— Я — Вогур, сотник шурышкарского князя Венцлова, — отвечал тот, показывая гривну.

— А я — Бор, озерный конунг Дингарда, — хлопнул дингардец по рукояти богатырского меча. — А приехал я по нуждам своего города, имею разговоры к вашим волхвам и людям. Потому нет у меня товаров для торговли, и оттого торговая мзда с нас не положена, — отрезал он.

— Что ж, конунг Бор, добро пожаловать, коли прибыл по-доброму. Я, на твоем месте, не стал бы тянуть, чтобы почтить князя Венцлова приветствием, потому как он на звериные ловы собирался завтра.

— Не обессудь, сегодня же приду — передай поклон князю.

Вогур, пристально оглядев прибывших, ушел к городским воротам. Показалось конунгу, что не доверяет ему сотник. Не по душе ему пришелся и оружный прием — да со своим уставом к чужим воротам не ходят.

— Шататься нам по городу всем нечего. В этот раз со мной Айсат пойдет.

Оба помощника согласно кивнули.

— Не нравятся мне тутошние порядки, гостей на пристани чуть не рогатинами привечают. Да, видно, есть причины. Не затевайте свары с местными, Гунн, да и от ладьи далеко не отходите. Кто со мной — копья не берите! — С тем Бор и его люди при одних мечах да топорах пошли в город.

У самых ворот, в сторонке, они увидали десятка полтора вооруженных воинов — что-то действительно было неладно, однако те их пропустили беспрепятственно. Длинные одноэтажные дома и двухэтажные бревенчатые палаты зажиточных горожан, крытые двускатной кровлей, выходили на площадь, от которой шли лучами мощенные бревнами улицы. Самая широкая из них направлялась в верхнюю часть Шурышкара, где стоял княжий дом, заметный не только размерами, но и развевавшимся над ним знаменем. С другой стороны виднелось большое, круглое строение, со срезанной конической крышей, из которой вилась струйка дыма.

Бор, плохо помнивший город, поманил прохожего мужичка:

— Будь здрав, человече!

— И ты будь здрав!

— Что это за хоромы круглые, из которых дымок вьется?

— Издалека, видать ты, ежели не знаешь, что это храм самого Поревита пятиглавого, нашего главного бога!

Бор повернул в ту сторону и вскоре, оставив своих людей снаружи, входил в ворота храма. Огромное помещение из стоймя

поставленных бревен накрывала пологая коническая крыша, поддерживаемая изнутри столбами; в середине ее, срезая конус, располагалось большое световое отверстие. Прямо под ним, из утоптанного грунтового пола, выступали края большого круглого жертвенного очага, на котором можно было бы поджарить целого быка. Но сейчас он слабо курился дымком угольев.

В глубине высилась огромная деревянная пятиглавая статуя бога, с грубыми чертами лиц, нахмуренных или искаженных угрозой, яростью или свирепой радостью, так что мурашки шли по коже. В руках его были круглый щит и поднятый меч. То был Поревит, воинственный бог озерян. Сбоку стояли еще две статуи поменьше, изображавшие второстепенных божеств торговли.

Только Бор показался на пороге, навстречу появился бородатый волхв в белом плаще с красным кругом, означавшим кровавые жертвы, угодные богу.

— Ты пришел пожертвовать великому владыке, Поревиту, незнакомец? — спросил он.

— Я пришел из Дингарда. На Йемсалу я получил предсказание: чтобы разомкнуть небеса для плодородных дождей, остановить вредносное колдовство, обрушившееся на Озерный Край, нужно найти знамя богини Прии и вступить в сражение со свартен. Можешь ли ты, волхв, помочь мне в моих поисках?

Волхв нахмурился:

— С Поревитом Прия в неприязни, ибо он несет гибель врагам, она же — дарит жизнь всем без разбора… Дай засуха нам не очень в тягость, ибо Шурышкар — город торговый… Однако я скажу тебе то, что знаю: наш храм не очень древний, но издавна в нем существует предание, что знамя, врученное богиней Прией, было унесено на восток — для тяжелой борьбы. С каким врагом — не упоминается, однако обратно оно не возвратилось. Тогда же, говорится в этом сказании, исчез и древний посох Юмбела, обладавший могучей силой. Более ничего мне не известно, и ничем не могу я помочь… — Он умолк, скрестив руки на поясе.

Бор поклонился в пояс громадному молчаливому идолу, положил в жертвенную чашу серебряную монету и вышел. Тяжелые думы тучами окутали его чело: он понял, как трудно ему будет отыскать следы на просторах Поозерья. Затем, увидав идущего навстречу шурышкарского воина, он вспомнил про ладью, разбившуюся на Ятхольме, и спросил его:

— Не знаешь ли, доблестный, где проживал изкарец Байдур? Была ли у него семья?

Брови воина удивленно приподнялись, но он ответил:

— Да, я знал его, мы жили рядом. Он пропал уже месяц, не вернувшись вместе с кораблем, на котором ушел. Но я могу

отвести тебя, если ты хочешь, к его жене.

— Хорошо, — ответил князь и, сделав знак своим людям оставаться на площади, пошел вслед за проводником к одному из длинных домов.

Они вошли в дом, и воин провел его по коридору в одну из разгороженных комнат этого халла. Бор увидел там черноволосую женщину, печально укачивавшую ребенка.

— Здравствуй, женщина! — сказал он. Та подняла изможденное лицо. — Байдур из Изкара был твоим мужем?

— Да. Ты привез от него послание? — Глаза женщины вспыхнули надеждой, но затем до нее дошло значение слова «был», и брови ее исказились.

— Нет. Он умер на моих руках, и Морена смилостивилась к нему, положив конец мучительной болезни. Но предупреждением своим он спас меня и мою команду от страшной смерти, и за то вовек мы ему благодарны. Вот его кольцо, я привез его. — Он достал кольцо и подал его женщине. В это время стоявший позади воин-провожатый куда-то вышел.

Женщина подалась вперед.

— Где, где ты нашел его?

— Они разбились на Ятхольме, и умерли все. Он один дожил до нашего приезда.

— Ты закрыл ему глаза? — спросила женщина, судорожно сглатывая и сморщив веки, точно ей было очень больно.

— Да, я закрыл ему глаза и дал монету, чтобы он мог заплатить перевозчику через глубокую Туонелу и не быть ввергнутым в ее вековечные воды.

— Тогда возьми это кольцо себе, — протянула женщина перстень обратно, и было видно, что ей трудно отказаться от дорогого украшения. — Он привез его из Изкара…

— Хорошо, — отвечал Бор. — Но мы все хотели бы отблагодарить близких нашего спасителя, поэтому не погнушайся нашими деньгами. — И он насыпал из кошелька на полог старых благородных монет. — Может быть, это поможет в твоей горькой вдовьей доле.

Женщина зарыдала, кивая головой. Князь вышел, нахмуренный, огляделся, словно в недоумении. В этот момент на него навалилось больше десятка вооруженных людей:

— Хватай его! Это хускарл! Я видел у него кольцо Байдура, значит, они и корабль Ульфа захватили! Это он третьего дня грабил! — кричал кто-то.

— А ну, отцепись! Я дингардский озерный конунг! Только с Йемсалу пришел! — Бор отвешивал полновесные удары, так, что валил с ног и, встряхивая плечами, разметывал прицепившихся,

точно собак. — Я ж вам покажу, ужо, как не верить! — Он отбился. — Байдура корабль на Ятхольме разбился давно, и все они погибли!

— Он говорит правду! — закричала с порога выбежавшая на шум вдова. — Он денег принес! — Но женщину никто не стал слушать, а на него со всех сторон нацелились рогатины и мечи.

Тогда, не желая открывать вражду и стремясь закончить миром, он не стал вынимать свой меч, а сказал:

— Пойдем к вашему князю, а там рассудим. Только меча моего не трогайте: не вы мне его на пояс навесили — не про ваши руки и снимать! Не то быть сече!

— Хорошо! — ответил ему за всех тот, кто постарше, понимая, что так просто разоружить богатыря не удастся. И окружив кольцом направленных копий, они повели его к дому, над которым висел щит с золотой рыбой на лазоревом поле — знак шурышкарского князя.

Так, толпой, подошли они к воротам халла, где было полно народа, окружавшего сидящего на крыльце князя. Венцлов — худолицый, чернобородый человек с глубоко посаженными глазами — кутал узковатые плечи в алую мантию. Завидев пришедших, он заговорил, не дожидаясь приветствия Бора:

— Ты был опознан людьми Вогура по светлой бороде и волосам, которых не скрыть и ночью, как и ражую фигуру! Ты — вождь хускарлов, которые третьего дня грабили и палили ладьи и пригороды у пристани. Нынче, мне сказали, что и торговый корабль Ульфа — твоих рук дело, и ты хвалился перстнем одного из его людей! Наглый хищник, ты явился сюда, чтобы высмотреть еще добычи! — Глаза Венцлова горели. — Так вот она: ты будешь принесен в жертву славному Поревиту, грозному покровителю Озерного Града! Связать его! Я оправдаю надежду моего народа на твердую защиту!

— Окстись, князь! Дай оправдаться! — воскликнул, разгорячившись, Бор. — Так ты гостей встречаешь? Знаю, приняли меня, верно, за рыжего хускарла Вирре Бердекса — он да с ним сорок его молодцев в стальных шлемах встретились мне по пути на Йемсалу, да раздумали нападать, и мы разминулись мирно. Он шел на ваш берег.

— А, да ты и есть он самый! — вскричал князь, еще распаляясь. — Хватайте его, да меч заберите и вяжите!

— А так?! Добудь меч, как он моим предком был добыт! — выкрикнул озерный конунг, разметывая навалившихся сзади воинов.

— Не пожалеть бы тебе, князь, за горячность!

Выхваченный меч молнией сверкнул в его руке, сшибая

древки тонких шурышкарских копий. Напролом он ринулся к выходу, разгоняя толпу; на пути его вырос Вогур с поднятым мечом, но блеснула сталь и с резким звяком меч сотника сломался, перерубленный у рукояти, и тот подался назад перед неудержимой силой князя. Прыжком Бор выскочил за ворота, и брошенные вслед ему копья просвистели мимо — и только одно или два разодрали плащ и рубаху.

На бегу он заметил, как ниже, на площади, его люди, точно затравленные медведи, отбиваются от насевших со всех сторон шурышкарцев.

— За Дингард! — взревел он луженой глоткой, с тыла раздавая могучие удары плашмя по головам и плечам нападавших и действуя пудовым своим кулачищем. Как снопы валились оглушенные, воя бежали взгретые.

— Древками бей, не колоть! — крикнул он своим дружинникам, подхватившим выроненные озерянами копья. — За мной! — И они, воспрянув, ринулись за ним малой горсткой, точно шлейф камней за движущейся скалой, сокрушавшей тех, кто преграждал выход из города.

Отбиваясь, они выбежали в незапертые ворота и сломя голову кинулись к пристани, чтобы опередить преследователей. Увидев товарищей, Гунн не растерялся, отдал команду, и когда подбежавшие начали прыгать в ладью, она была готова отчалить. Бор в горячке оглянувшись — не отстал ли кто, — сунул меч в ножны и рявкнул:

— Навались! — Ладья уметом отскочила от берега, выходя на стрежень широкой реки.

— Плохую шутку с нами сыграл Вирре Бердекс! — сказал зло князь. — Айсат! Айсата нет! — вдруг в отчаянии воскликнул он, треснув себя ладонью по голове. Действительно, в спешке одного человека не досчитались.

— Смотрите, вот он! — Гребцы и конунг увидели, как в воротах города показались торжествующие, точно скрутили медведя, воины, которые на растянутых веревках тащили избитого, в изорванной одежде человека. То был Айсат, поникший головой.

— Подойдем ближе к берегу, может быть, посчастливится отбить его, — приказал Бор, вскакивая на ноги. Но в это время плененного Айсата утащили назад, а вместо него спустился рослый Вогур в сопровождении своих людей.

— Негостеприимные озеряне, что вы собираетесь делать с моим человеком?! — крикнул ему конунг, сложив ладони рупором.

— Он займет твое место на жертвеннике Поревита, вор! —

крикнул ему сотник.

— На выкуп согласитесь?

— Нет! Это отучит вас нападать на мирный город!

— Говорю тебе, мы не хускарлы — ты б и сам это понял, если бы глаза тебе не застила злоба! Но, хорошо! Что ты скажешь, если я не позже чем через три дня привезу вам настоящего вожака хускарлов — обменяете его на нашего человека?

— Привези себя сам! — крикнул Вогур, потрясая копьем и готовясь кинуть его, так как ладья подошла излишне близко. — Ночью вы убили семерых наших и имели наглость вернуться опять!

— Не мы убивали! Сегодня вы отделались синяками — я не хочу войны! Но убью двадцать, отплачу сторицей, если вы не дождетесь, когда я привезу настоящего разбойника на замену! — разъяренно крикнул Бор. — Помни: три дня, или вы умоетесь кровью!

— Хорошо, три дня! — насмешливо крикнул Вогур в ответ.

Глава 5. БИТВА ХУСКАРЛОВ

— Если мы не найдем хускарлов и не одолеем их, нам не избегнуть позора и междуусобицы! — сказал князь своим людям.

— Ты думаешь, находники спрятались по реке? — спросил Гунн Бора.

— Руку даю на отсечение, что они затаились где-то там и выжидают. Они прячутся где-нибудь в заводях, выше Шурышкара, и, подстроив неожиданное нападение, мы победим их.

Ладья осторожно плыла в сумерках вдоль лесистого берега Тагэт; весла плавно и редко опускались в воду.

— Дым! — вдруг тихо сказал зоркий Талма, посаженный на нос впередсмотрящим, различив еле заметную струйку дыма на изкарской стороне.

— Сойдем, посмотрим! — велел Бор.

С подошедшей к берегу ладьи он осторожно высадился в сопровождении двух человек. Они покрались сквозь лес, держа наготове метательные копья. Наконец показался отсвет пламени, и тотчас до их ушей донесся хриплый рык:

— Рилле, рилле, хундс! — «Ройте, ройте, собаки!» — Эти деньги вернутся к нам в загробном мире, и мы будем там хорошо жить, а не прозябать на берегах тоскливой Туони! Того, что у нас осталось, на гулянки хватит! — распоряжался голос Бердекса. Слышался скрежет и звон лопат и шорох отбрасываемой земли.

— Клад закапывают посмертный! — догадался Бор. — Ишь ты! Вовремя. Смотри, часовых у них много: видишь тени? Нынче

на них нападать не будем, они настороже, можем упустить Рилле… тьфу, Вирре! — прошептал он сопровождавшему его дружиннику. — Возвращаемся, я, кажется, кое-что придумал назавтра…

Без происшествий добравшись до ладьи, он рассказал об увиденном своим людям:

— Сейчас на них нападать не будем: их больше, да и настороже они в темную пору. А вот завтра мы их увидим! Так сделаем, что лишь часть их с нами выйдет на сражение.

— Как это?

— Притворимся, что мы торговая ладья — они и оставят заслон на берегу! Ну-ка! — велел он ожидавшим команды людям. — Снимай щиты с бортов! Голову на носу — завесить! Половину весел убрать внутрь…

В самую темную пору ночи, обмотав весла тряпками, ладья украдкой поднялась по реке выше разбойничьего становища…

На следующее утро река блестела, как зеркало, лес отражался у берегов в воде, только кое-где еще висели клочья ночного тумана. Судно, похожее на торговое, завернуло за лесистый мыс и показалось перед зеркальной заводью, на берегу которой горел одинокий костер, сушились сети и, вытянутый на берег, чернел рыбацкий челн. Несколько человек занимались там каким-то своим делом, лениво поглядывая на объявившееся судно.

Однако только корабль достиг середины заводи, как из-под пригнутых к воде ветвей в дальнем углу бухты вылетела боевая ладья, на ней блестали шлемы, топоры и наконечники копий.

— Интересно, как они умудрились упрятать такой большой корабль? — под нос себе проворчал Бор. Но он не сомневался, что хитрость хускарлов простирается дальше, и не меньше десятка людей скрывается в засаде на берегу, чтобы схватить тех, кто попытается сбежать в лес от нападавших. На это он и рассчитывал.

— Я Вирре Бердекс из Треллеборга! Сдавайтесь, и я пощажу ваши жалкие жизни! — загремел с носа знакомый Бору голос рыжего главаря в сверкающем панцире и рогатом шлеме. Песенка купеческого судна была спета. Но когда хускарлы были совсем уже близко, поднялись из-за его бортов в свою очередь щиты и сверкающие шлемы, и ощетинилась ладья частоколом копий. Открылась зубастая голова ящера, а за ней на носу, со сверкающим мечом в руке грозно встала фигура озерного конунга и на корме взлетело Оленье знамя.

— А, это ты, пес?! Я знал, ты попадешься мне! — потряс секирой вождь пришлых.

— Нет, это ты мне попался, рыжий Вирре! — гулким эхом

отозвался на реке громовой голос князя дингардцев, и даже не знающие страха сердца хускарлов дрогнули. Силы были почти равны, ибо Вирре и вправду попался в собственный капкан: трем десяткам хускарлов, остававшихся на борту судна противостояли двадцать четыре дружинника во главе с конунгом-богатырем.

Ладьи ударились бортами; затрещали, впиваясь в дерево, крючья. Кинулись вперед, размахивая топорами, нападавшие, но тут же половина их была сброшена в воду или на свою ладью.

А затем и вовсе произошло нежданное. Только Вирре размахнулся топором, чтобы перескочить на дингардский корабль, как рослая фигура конунга точно на крыльях перенеслась на его собственный. Дважды сверкнула молния меча, и двое хускарлов упали молча, зарубленные. Не прошло и нескольких мгновений, а Вирре лишился трети людей.

— Хасли! Рапп! Руби их! — рявкнул он своим помощникам и обрушил страшный топор на озерного конунга. Но меч встал на пути сверкающего полукруга, описанного секирой, и снопы искр жигнули во все стороны. Дингардцы хлынули на корабль хускарлов, и началась безжалостная сеча. Разбойников оттеснили к корме, стоны, крики, лязг и скрежет стали далеко разносились над тихой заводью.

Вот Вирре, взревев, страшно взмахнул своим топором, но внезапно, точно неведомая сила вырвала секиру из его крепких рук, и в следующее мгновение сверкающий умбон конунгова щита надвинулся к его глазу, огромный, ослепительный, как солнце, и коснулся его лба. Раздался ужасный треск, и все померкло перед глазами хускарла, когда он опрокинулся на дно ладьи.

— Вяжи! — коротко приказал озерный конунг своим и легко двинулся между переломанных скамей и распростертых тел к корме корабля. Полтора десятка уцелевших в битве хускарлов, отфыркиваясь, уплывали к берегу, по которому бегали их бессильные помочь товарищи.

Бор велел прицепить корабль хускарлов к своей корме и двинулся вниз по реке. Четверо из его дружинников неподвижные молча лежали под плащами с навсегда застывшими лицами. Еще четверо стонали или ругались в полузабытьи. Остальные, в повязках, окровавленные, устало гребли по течению. Под сапогами князя лежал бесчувственный пленник — главная добыча.

Когда Вирре пришел в себя и увидел нависшую бороду конунга, он заскулил от злости.

— Ты сам виноват, Вирре Бердекс, что попался мне. Ты своим ночным грабежом навел на нас подозрения шурышкарцев, один из моих людей был захвачен, и мне пришлось с тобой биться. Я

обменяю тебя на своего человека, которого хотят принести в жертву Поревиту неразумные озеряне.

— Ты не сделаешь! Ты не сделаешь этого! — в диком страхе воскликнул Вирре, у которого волосы встали дыбом. — Тот, кто погиб на алтаре, никогда не попадет к подножию Тюра на том свете!

— Я не люблю человеческих жертвоприношений, но мой человек — невинен, а на тебе — их кровь. Я дам тебе маленький нож, которым режут мясо во время еды. И если они не прикончат тебя сразу, им одним будет досадно, когда придя, чтобы утащить человека на жертвенник, они увидят, что он успел перерезать себе жилы, отправившись последней дорогой воинов. Ты сможешь умереть достойно.

…Прошло несколько часов, и за лесом показались стены Шурышкара. Подплыв ближе, Бор остановился и громким голосом начал выкрикивать имя Вогура до тех пор, пока тот не появился, осторожности ради прикрываясь большим щитом.

— Смотри, Вогур! — поднял князь за шиворот тяжелого рыжего хускарла. — Разве он не больше похож сам на себя, чем я на него?

— Ты прав! — отвечал Вогур неохотно. — Мне кажется, это действительно он. Я постараюсь убедить волхва, который уже назначил жертву, чтобы он поменял его на этого человека. Но наш волхв не очень-то слушает кого бы то ни было, кроме князя, а Поревиту все равно, что тот, что этот…

— Теперь слушай меня, Вогур! — проревел Бор, давая выход ярости. — Ежели ты не выполнишь наш уговор, я отпущу этого человека с его кораблем и предложу ему присоединиться ко мне с командой хускарлов. Через неделю под Шурышкаром будут стоять все боевые струги Дингарда. Ты знаешь — нас мало, зато мы многого стоим! Ты все не верил мне, но тогда — поверишь!

— Да, это слова озерного конунга Дингарда! — ответил Вогур, слегка побледнев. — Я был глуп, как пень, но мне, наверное, отвели глаза. Скорее я пойду на ссору с волхвом, чем продолжу распри с тобой! Мне хочется надеяться, что я не опоздаю, потому что мое обещание тебе для него ничего не значит.

Не прошло и часа, как Вогур вновь появился на берегу в сопровождении нескольких воинов, приведших мрачного Айсата, лицо которого покрывала засохшая кровь, но руки были свободны.

— Вот твой человек!

— Он без оружия, а взят был с мечом, — терпеливо напомнил Бор.

— Да, конечно! — И не спрашивая ничего, сотник снял меч с пояса одного из своих людей, подал Айсату и подтолкнул того к ладье.

Бор швырнул на берег спеленатого хускарла. Но перед этим, незаметно для окружающих, сунул ему в руку маленький ножик. Затем помог растиравшему затекшие от веревок руки Айсату забраться в ладью.

— Послушай, конунг! Я не хотел вражды, — заговорил Вогур. — Мы можем по честной цене купить трофейный корабль, чтобы хоть как-то смягчить обиду, нанесенную вам этим недоразумением.

— Хорошо. Деньги пригодятся семьям моих павших людей, выполнивших вашу работу! — ответил спокойно конунг, хотя глаза его зло блеснули.

— Тогда вот плата! — Сотник бросил Бору мешочек с серебром и две штуки тонкого полотна, дорого ценившегося на Озерах. Князь велел отвязать судно хускарлов, с которого забрал лишь часть оружия, и отплыл от берега. Лишь отойдя на изрядное расстояние вверх по реке, он велел пристать на лесистой излучине.

Сойдя на берег, они сложили костер на чистом месте, на него возложили мертвых товарищей в боевом убранстве. Поместив к убитым деньги и вещи, воины обступили огнище кругом, и Бор зажег погребальное пламя. Ветер, раздувал языки огня, и люди, опершись на копья, сосредоточено смотрели, как в желтых и красных колеблющихся полотнищах исчезают их боевые друзья…

Взойдя на челн, Бор велел идти к противному берегу реки.

— Попробуем заскочить в Изкар: может быть, там больше повезет с поисками. Да и лекарь нужен для раненых.

Глава 6. БАШНЯ ИЗКАРА

Некогда Изкар проиграл торговое соперничество Шурышкару. Но не только запущенность его древних валов и бревенчатой стены, покосившиеся ворота и редко проходившие между них люди отличали его. Название — Каменный город — отражало его суть. Камень выступал из-под древних валов, он лежал на земле, выглядывал под корнями деревьев. Там, где стена ограды вползала на склон городского всхолмия, поднималась высокая башня, сложенная из камня — только островерхая крыша ее была тесовой; и с обеих сторон к ней примыкал кусок древней каменной стены или вала.

С изумлением озерный конунг задрал голову, разглядывая эту древнюю четырехугольную башню, казалось, хранившую

какую-то мрачную тайну. За пределами городской стены виднелась голая вершина высокого каменистого холма, на которой можно было различить развалины каких-то зданий.

— Что это там? — поинтересовался он у стражника, одиноко скучавшего у ворот.

— Лысая гора, — как-то не очень охотно отвечал тот.

Пелена уныния, полузаброшенности точно была накинута на город, хотя все вокруг свидетельствовало о властвовавшем здесь некогда процветании и богатстве.

— Послушай, я чужеземец и никого здесь не знаю, — снова обратился он к привратнику. — Но мне нужен лекарь для моих людей. Лучший лекарь.

— Да, это то немногое, что еще осталось в Изкаре, — отвечал тот. — Лучший лекарь в городе и, быть может, во всем Поозерье — Каст из Старой Башни. Хотя за лечение чужаков он берет немало.

— Ничего. И еще — не подсказал бы ты мне человека, который знает древние предания? Может быть, волхв при городском храме?

— Волхвы при храме давно уже все позабыли, — отчего-то нахмурился бородатый воин. — Каст знает предания лучше, чем кто-либо другой: он происходит из древнего рода, и оттуда же он унаследовал лекарское искусство… Но ты хорошо сделаешь, приезжий, если первым делом почтишь нашего древнего бога, Инмара, и пожертвуешь ему маленькую толику на поддержание святилища — таков наш обычай. Его храм — первое каменное строение здесь, он полуразрушен с давних пор, но никто не берется восстановить его, потому что строить как прежде уже никто не умеет…

В отличие от Шурышкара дома тут были разных размеров, а улицы оставались немощеными, так как земля была каменистая. Вопреки совету стражника, конунг прошел вдоль крепостной стены прямиком к башне. Он постучал, и на стук отворил человек довольно необычного для Поозерья облика: он был невысок, темноволос, его подбородок украшала борода настолько короткая, что наводила на мысль о бритье; большой прямой нос придавал лицу некоторую надменность и резкость, а темные глаза были остры и живы.

— Ты лекарь Каст? — спросил князь скорее утвердительно.

— Да, — ответил тот, точно отрубил.

— Я Бор, озерный конунг Дингарда Несколько моих людей изранены в битве с хускарлами, и я прошу тебя помочь им. Мои люди ждут у ворот, они проводят тебя к дорожной избе, которую мы заняли Я же должен соблюсти ваш городской обычай и

почтить вашего бога. Задаток вот, — он протянул лекарю несколько монет из светлого серебра.

— Хорошо. Мне необходимо собрать сумку, ты же можешь идти. Храм расположен в центре города, и ты не ошибешься, увидев его, — ответил Каст.

Бор быстро вышел к небольшому храму необычной формы, стоявшему между домов, построенному из белого камня и крытому четырехскатной кровлей. Войдя в его широкие двери, князь увидел перед собой каменную статую бога, на которую падал свет из круглых окон под крышей. Статуя была необычна — неведомый мастер выточил ее из камня с таким искусством, словно это было дерево, передававшее гладкую поверхность кожи, — фигура юноши, с загадочной улыбкой на губах, в накинутой на плечи шкуре быка и с посохом в руке.

В храме было пусто. Одинокой казалась бронзовая чаша, стоявшая перед статуей. Древностью, затерянным в веках искусством, казалось, веет от изваяния, но это ощущение было совершенно иным, чем при виде громадин Хоровода, более светлым — хотя изображение было явно чуждо простым нравам Поозерья. Внезапно светлое настроение переменилось — Бору почудился недобрый взор, следящий за каждым его движением. Он быстро поднял глаза, но губы божества по-прежнему изгибались в легкой улыбке и слепобелые глаза по-прежнему заглядывали в неведомое. Встряхнув головой, чтобы прогнать навязчивое ощущение, Бор бросил в чашу серебряную монету и вышел из пустого храма.

Возвращаясь обратно, он увидел, как его раненые, поддерживаемые товарищами, в сопровождении лекаря входят в городские ворота.

— У меня они быстрее пойдут на поправку, — объяснил Каст подошедшему конунгу.

— Я слыхал, ты собираешь древние сказания? — спросил его Бор, сопровождая всю компанию к башне.

— Да, — отвечал изкарец. — Я происхожу по прямой линии от первостроителей этого города, и поэтому мой интерес к его прошлому естествен. Им некогда была поручена оборона этой башни, и возможно, это одна из причин, если не главная, по которой мой род уцелел до сих пор… Но почему ты, озерный конунг, интересуешься этим?

— Я получил прорицание на Йемсалу о том, что должен найти древнее знамя для борьбы с силами зла…

— А… Хорошо. Когда я закончу накладывать повязки раненым, мы сможем поговорить.

Первый этаж башни был сумрачной залой, освещенной через

узкие бойницы, к которым надо было подниматься по приступкам. Здесь находился большой стол, полки с горшочками, корчагами, ящичками, наполненными неведомыми зельями и травами. В углу стояла хозяйская постель.

Раненых сразу повели на второй этаж по почерневшей от времени лестнице, где им постелили на сене. Лекарь сделал им повязки с мазью, облегчавшей боль, и они сразу погрузились в живительный сон. Люди Бора, простившись, отправились обратно, а самого его хозяин пригласил присесть на табурет к столу.

— Вначале я поведаю тебе, конунг, как был создан этот город, — начал свой рассказ Каст. — Было это много веков тому назад. Леса в ту пору не были так густы, и через них легче прокладывались дороги. А на юге было время крепостей, когда могучие правители многолюдных народов строили и укрепляли их, дабы защитить свои богатства от других таких же властителей. Один из этих правителей, имевший самое сильное войско, владел огромными странами. Он вел войны и строил крепости на своих границах.

И однажды пришли к нему купцы с севера, и рассказали о красе Озер и о величии здешнего края. И загорелся он мыслью поставить свою ногу и здесь. Он отправил войско и велел выстроить крепость, которая обозначала бы границу его владений на Озерах. С юга пришли они, может быть, через волок Иктыль, а быть может (и скорее) по суходолу, прокладывая путь через леса, как я уже говорил, не столь густые, что в нашу пору. И стали возводить крепость из камня, как принято было у них на юге, неуязвимую для времени и огня.

Долго жил тот правитель, и город успели построить, но и этот человек был не вечен, а его наследники мало интересовались делами в дальних краях. Однако город привлекал купцов, и земледельцы видели в его стенах надежную защиту. И когда настало время, подобное прежним, и каждый город, и каждая земля стали сами за себя, он по-прежнему процветал. А между тем время продолжало идти — дороги ветшали, тропы зарастали, и реки оставались единственными надежными путями через чащи..

Каст поднялся из-за стола и показал на холм, вершина которого виднелась в бойнице:

— Несколько веков назад, прослышав о богатстве города, которое на самом деле уже не было таким, как прежде, сюда привели свою силу вожди хускарлов. Незадолго до того разразилось невиданное доселе бедствие — содрогнулась земля, потемнело небо и часть городских укреплений была разрушена.

Хускарлы воспользовались этим, они захватили холм и поставили свой замок, пустив в дело возвышавшуюся там сторожевую башню, такую же древнюю, как и эта. Спустя сто лет народ возмутился и прогнал правителей хускарлов, бравших с города дань.

Однако город был разрушен и разграблен во время штурма, и большие каменные строения к тому времени давно разучились возводить. А на противоположном берегу Тагэт уже вырос торговый городок предков князя Венцлова. Они вырвали первенство у обескровленного Изкара, и с тех пор город пустеет и пустеет…

— А замок хускарлов — я вижу его развалины?

— А я разве не сказал? Там, лет сто назад, поселились ведьмы. Еще с давней поры Лысая гора была зловещим местом, там приносили жертвы, а теперь оно оправдало свою славу…

— Хорошо, мы еще поговорим об этом. А пока возвратимся к более древним временам. Ты знаешь что-нибудь о знамени Прии?

— Немного слышал об этом… История произошла еще до того, как был заложен Изкар — незадолго до того… В ту пору силы волшебства действовали гораздо сильнее, чем позднее. То ли из-за гор Харвад, то ли откуда-то с юго-востока вторглись в леса желтолицые кривозубые люди с кривыми мечами и кривыми душами. О вторжении этих орд заранее оповестили при помощи древних костровых башен, и навстречу им двинулась рать Поозерья. Но пришельцы были вооружены также древним колдовством. И с острова Йемсалу были вместе с войском посланы могучие талисманы: знамя Прии, посох Юмбела, а третий — корона Грома — был символом власти одного из князей Озерного Края.

— Корона Грома? Не ее ли символ — вытянутый шестигранник?

— Да, знак Грома, украшающий венец.

— Но на Йемсалу ничего мне о ней не сказали, хотя знак был.

— Она ведь не принадлежала храму острова, и в преданиях Хоровода о ней может ничего не говориться…

— Они исчезли вместе?

— Нет, судьба талисманов оказалась разделена. Знамя, бывшее хоругвью победоносного войска, было отправлено назад, но будто бы затерялся его след на пути, в межозерье, в лесах Тайвала. Посох находился в искусных руках главного волхва, оставшегося на юге. Что стало с ним после — известное мне предание умалчивает. Но, говорят, этот посох был похож на жезл статуи Инмара, стоящей в нашем городе. Ведь некоторые считают Инмара одним из воплощений творца — Юмбела…

— А корона? — с жадным любопытством спросил Бор.

— Венец Грома был утерян на поле брани вместе с гибелью владевшего им князя. Никто больше не видал эту реликвию — одни считали, что корона была погребена вместе с телом вождя. Другие — что разломана на части жадными пришельцами, которым посчастливилось бежать с поля битвы…

— А у них тоже было магическое оружие?

— Говорят, зеркало, обладавшее странной силой. Зеркалом тьмы называли его… Но оно не помогло им…

— На Йемсалу мне был показан Одноногий, воплощающий зло…

— В сказах Поозерья упоминается одноногий Охотник Чернобога…

Внезапно Каст заметил кольцо на пальце Бора.

— Откуда оно у тебя? — воскликнул он взволнованно.

— Этот перстень тебе знаком?

— Да. Он принадлежал человеку, который вынужден был покинуть Изкар, как и многие лучшие из наших людей…

— Его звали Байдур?

— Да.

— Он погиб на Ятхольме вместе со всеми своими товарищами от неведомой болезни. Его вдова в Шурышкаре уже знает об этом. Что это за кольцо?

— На нем руна «Турс» — что значит «Врата», врата меж добром и злом. Предание говорит, что тот, кто окажется достаточно силен, обладая им, сможет одолевать злые силы… Байдур знал это предание, он пытался изгнать ведьм с Лысой горы, однако его сил хватило лишь на то, чтобы не погибнуть и бежать. А они только стали сильнее.

— Но как вы миритесь с ними? И почему я даже в Шурышкаре не слышал о них?

— Кто же признается добровольно, что зло властвует над ним? И потом, они не владычествуют полноправно. Просто с покровом ночи становится небезопасно ходить за городом. Впрочем, никто так же не знает, куда деваются пожертвования из храма Инмара…

— Как? Из храма Инмара?

— Увы, лишь на статуе, запечатленный древним мастером, он — юноша. Народы, которым он покровительствовал, состарились и исчезли, наш город пришел в упадок…

— Значит, ведьмы подобны паразитам, поселившимся на сваленном, гниющем древе?

— Да. Поэтому, главное покрепче закрывать на ночь ставни и двери. Впрочем, несмотря на эти предосторожности, некоторые

старые дома, в которых жили неугодные люди, наутро оказывались навсегда опустевшими или носили следы страшных пиршеств… Но это было давно. Кстати, уже начинает смеркаться — надо и нам закрыться, — указал Каст на ослабевший свет из бойниц, украсивший стену тенями верхушек деревьев с дальнего холма. Внезапно, когда Каст направился к бойницам, Бору показалось, что очертания теней на мгновение поменялись, а затем сделались прежними.

— Ты заметил? — с некоторой растерянностью сказал лекарь.

— Нас подслушивали снаружи, я так думаю, — спокойно отметил Бор.

— Тот, кто это сделал, лазает как ящерица. Поэтому, я на твоем месте закрыл бы ставни и наверху. — Говоря это, конунг пересек залу и прыжком оказался возле бойницы. Однако ничего он в нее не увидел, кроме солнца, опускавшегося к лесу.

— Всякие духи, зло, навьи — просачиваются сквозь щели, но, слава Инмару, стены здесь прочны и заговорены древними заклятьями. Надо лишь хорошо закрыться, и мы в безопасности.

— Отсиживаться за стенами? Это не по мне! — ответил конунг, спрыгивая вниз. — Ведьмы все время в развалинах?

— Как будто бы нет, лишь с наступлением сумерек они являются туда из лесу или из других неведомых укрытий, чтобы творить свои черные дела. Но… Неужели ты решишься пойти туда в этот роковой час?! Тех, кто рискнул совершить это, иногда находили растерзанными, а чаще они исчезали без следа. Лишь один или два, подобно Байдуру, возвратились с запечатанными ужасом устами.

— Ничего, сейчас я схожу за доспехами и заодно предупрежу своих людей, чтобы соблюдали осторожность.

— Пускай разведут огонь побольше.

— Да. Еще я хотел спросить, в чем действие этого перстня?

— Это древний перстень, их было несколько принадлежавших тем, кто в древности возглавлял крепость… Он должен запечатывать или отпирать какие-то проходы, или двери, о которых уже никто давным-давно не слышал…

— Хорошо… Я пришлю сюда, пожалуй, нескольких людей для охраны? — предложил Бор, собираясь к выходу.

— Я сумею постоять за себя и за раненых. — Каст указал на висевший на стене короткий, широкий меч в старинных ножнах и даже продемонстрировал его лезвие, непривычно заостренное на конце.

— Ха-ха! Детская игрушка! Как же ты собираешься рубить таким коротким мечом? — засмеялся князь.

— Он предназначен для того, чтобы колоть. Мои предки

сражались в строю, шеренгой; для замаха не было места, зато враг не мог разбить их поодиночке. В этом была их сила.

— Это могут позволить себе лишь многочисленные народы, — заметил Бор, — чего не скажешь о нынешних временах Изкара. Ладно, пойду я. Скоро совсем стемнеет.

Пройдя городскими воротами, он вышел к бухте, на берегу которой укрывался полуразвалившийся причал из все еще мощных дубовых свай, возле него почти в одиночестве притулилась дингардская ладья. Неподалеку чернели бревенчатые избы для приезжих, лишь одна из которых не перекосилась — там и остановилась дружина озерного конунга.

Открыв дверь, он увидел, что паутина была сметена из углов, столы и лавки чисто вымыты. Его люди сидели, занятые починкой одежды, доспехов, точили оружие.

— Будьте настороже — здесь всякая нечисть водится! — предупредил Бор, беря шлем и панцирную рубаху. — Кострище разжарьте перед дверьми, наложите руны, оберегающие от свартен на окна и двери. Про ладью не забудьте — перед ней выставляйте караул.

— Куда ты собираешься, Бор? — спросил Гунн, вставая из-за стола. — Ты наш конунг, и мы не можем оставить тебя одного.

— Да тут есть одно местечко, нечистое будто бы. Вот и решил я туда наведаться да поглядеть что к чему, — туманно отвечал князь, не желая подставлять своих дружинников неведомой опасности.

— Ладно, все останутся, но я пойду с тобой — надо же кому-то спину прикрыть в случае чего! А тут Айсат будет.

— Ну, ладно. Да! Еще четверо пускай вооружатся и идут в башню, где наши раненые лежат — так оно поспокойнее будет. Кроме меня никому не отпирайте: хозяин гостей не ждет, а незваные гости — хуже хускарлов!

Глава 7. КОЛДОВСКОЕ ГНЕЗДО

Стало смеркаться, когда Бор с Гунном начали свой подъем на Лысую гору, возвышавшуюся в стороне над Изкаром. В старину, как видно, она служила укреплением.

— Да, не назовешь это место добрым! — показал Гунн на бледные огоньки, зловеще перебегающие по молчаливым развалинам, окутанным сумерками. Точно приглашая незваных гостей, вышедших на площадку вершины, монотонно скрипела, раскачиваясь, полуоткрытая дверь, через которую просачивался изнутри мертвенный свет. К доскам двери был ржавым штырем пригвожден закопченный человеческий череп.

Бор ударом ноги распахнул ее. В сумрачной комнате, освещенной странным синеватым светом, сочившимся из светильников-сосудов, на низкой лавке в углу сидела одинокая старуха. Из-под головной повязки выбивались космы седых волос. Она тянула пряжу и повернула голову на звук; глаза ее, казалось, источали огонь. Старуха обнажила щербатые желтые зубы.

— А, касатик пришел! — Голос ее был дребезжащий, противный. — Бабушка Кло прядет, прядет — ждет, пока гость придет. — Веретено прялки завращалось быстрее, разбрасывая искры. Глаза слипались, Бор не мог оторвать взгляда. Прошла, казалось, вечность в неподвижности. Краем уха, как бы в отдалении, он услыхал грохот падения. «Гунн не выдержал, заснул, свалился», — отметило отстраненно его сознание.

— Был уже молодец, вроде тебя — и с этим кольцом на пальце, — шипела-шептала старуха. — Сгнил на острове, да? Не спасло его кольцо Инмара… И тебя не спасет… Иди сюда, касатик… Слапп, слапп, типп… — бормотала она хускарлские заклятья-слова.

Бор почувствовал, что ноги его стали точно чужие, и помимо воли ступают вперед.

— Кло — «Коготь», — так меня мои сестры зовут, Вом — «Утроба», и Даие — «Смерть». А у меня и вправду коготок есть! — захихикала она, выпрастывая из-под платья другую руку, на которой сверкал длинный, острый металлический коготь, изогнутый как серп.

— Клейве-клатт, колоть-латать — чем себя мне занимать… — оставался один шаг. Коготь поднялся, невозможно было оторвать взгляда от его сверкающего, как золотая игла, кончика.

Но тут Бор титаническим усилием воли разорвал сверкающую, слепящую паутину, окутавшую, отуманившую сознание, наплетенную волшебной прялкой.

— Ты так?! — взревел он. Меч вылетел из ножен и ударил по блестящему когтю, срезав его начисто. Затем он обрушился на колдовскую прялку и разнес ее в куски.

— Стой, милок! — Глаза обезоруженной ведьмы блеснули еще ярче. — Не уйти тебе от рока! — Она молниеносно загородилась прозрачной паутиной, от которой со звоном отскочил меч.

— Лабб, Лапка! Биккье, собачка, куси, куси! — позвала она.

Из неприметного прохода в стене просочилось в комнату странное, кошмарное существо, ростом с годовалого теленка, с тяжелой головой и вывороченными мощными лапами, украшенными длинными когтями. И разинув зубастую пасть, это создание с невероятной быстротой набросилось на конунга.

Он не растерялся, махнул острым мечом, и одна из лап была отхвачена почти напрочь. С шипением, напоминающим звук пара, вырывающегося из плотно закрытого котла, зверь отпрянул. Конунг махнул еще раз, но меч был неожиданно выбит у него из руки неуловимо быстрым и чудовищным по силе ударом уцелевшей лапы. И не успел поразиться Бор невероятной живучести зверя, как пришлось спасаться от яростных бросков окровавленного чудовища. Меч закатился в угол. Он хотел схватить топор Гунна, но тот валялся у самого порога. Оставалось умереть с честью.

Внезапно краем глаза он заметил висящий на стене ржавый меч, судя по его виду, оставшийся тут еще со времени прежних «хозяев» замка — хускарлов. Совершив невероятный прыжок, он молнией сорвал со стены заржавленное оружие, оказавшееся тупым, зазубренным и очень тяжелым. Гибкий зверь метнулся, наклонив голову к горлу князя, и тот инстинктивно ударил острием, хотя собрался использовать тупое оружие как палицу. Меч точно сквозь масло прошел через конвульсивно содрогающееся тело чудовища. С ужасным воплем-стоном это невероятно мускулистое туловище рухнуло наземь в предсмертных корчах. Вырвав меч, Бор ринулся к укрытой за блестящей паутиной колдунье и с размаху ударил точно копьем: меч прошел паутину, будто ее и не было, и пронзил колдунью.

— А-а! Будь ты проклят! — завопила она, и тотчас ее плоть стала распадаться, и обнажившиеся кости скелета, к ужасу Бора, посыпались наземь. Видно, заклятие времени лежало на ведьме, быть может, еще со времен правления хускарлов, но ржавый меч разбил его.

Бору послышались жуткие крики и вой в проходе, из темноты которого вынырнула страшная «собачка» ведьмы. Тяжелая каменная дверь, скользившая в желобе, оставалась явно со времен более ранних, чем безыскусное зодчество хускарлских «мастеров». Бор налег на плиту, и со скрежетом она задвинулась до конца, не оставив даже щели. Внезапно он почувствовал, как с противоположной стороны на нее давит чудовищная сила, еще секунда — и даже ему не удержать эту дверь. Неминуемая, грозная опасность чувствовалась там, за камнем, и казалось вот-вот она ворвется в распахнувшийся проход.

Но тут глаз его зацепился за маленькую ямку в середине двери, с полустершимся обратным изображением руны «Турс» в глубине. Помимо воли его рука, на которой был перстень, поднялась и вложила печатку, на которой был знак той же руны, в эту выемку. Раздался отвратительный протяжный скрежет, точно пришли в движение огромные, веками несмазанные засовы, и

содрогнувшаяся под давлением извне плита замерла, словно от века была лишь частью древнего монолитного фундамента.

— Через этот проход в углу ведьмы приходили сюда! — воскликнул князь. — Но откуда?

Потрепав Гунна по щекам, он привел его в чувства. Приподнявшись, тот выпучил глаза при виде туши невиданного зверя. Последнее, что он помнил, была старуха, и удивился, узнав что от нее остались одни кости.

— Что это у тебя? — вдруг обратил внимание Гунн на ржавый, окровавленный меч, который конунг еще держал в руках, сунув свой клинок в ножны.

— Этот меч, тупой и ржавый, я сорвал со стены, когда оказался обезоружен, — ответил Бор. — Но мне казалось, я резал бритвой, а не мечом: он точно холстину рассек неодолимую колдовскую защиту ведьмы…

— Когда я был совсем юным воином, как-то у костра я слыхивал предание о ржавом мече… — сказал бывалый боец. — Он был негоден в обычной схватке, так как предназначался для битв с колдовством, и выглядел как и надлежало оружию потустороннего мира смерти, распада и тлена. Я думаю, ты держишь его в руках.

Они вышли наружу. Царила тишина и ночь. Обойдя кругом развалины, Бор не нашел более ничего и никого, и они стали спускаться с холма.

Каст был изумлен появлением конунга среди ночи, и к тому же со ржавым древним мечом под мышкой.

— Я убил ведьму Кло и ее свартен — «биккье» и запечатал кольцом потайной ход, которым они являлись в развалины, — сказал Бор.

— Это хорошо, значит они не смогут уже незамеченными попадать туда. Где нет тайны — нет и власти. Но существует легенда о том, что первостроителями Изкара был проложен подземный ход, по которому можно было попадать из святилища Инмара в сторожевую башню на Лысой горе…

— Ах вот оно что! Так вот как ведьмы могли проникать в город незамеченными! Тогда быстрее в святилище! — Конунг вспомнил как днем в храме почудился ему давящий взгляд. — Ночью оно охраняется?

— Нет, туда побаиваются ходить в ночные часы, хотя это объясняют благовидным преданием о ночном отдыхе божества… Но что это за меч у тебя? — с любопытством он глядел на тяжелый ржавый клинок.

— Я взял его в древней башне, и с его помощью убил ведьму. Гунн сказал мне, что он предназначен для борьбы в схватке с

колдовством.

— Я слышал, что такой меч имел то ли вождь хускарлов, то ли был взят им из сокровищницы города…

— Двое идут с нами, — приказал Бор своим людям, оставшимся у Каста. — Возьмите факелы, будете светить.

Ночными улицами они торопливо зашагали к центру города, где пустынная площадь окружала полуразрушенное святилище. Факелы разорвали тьму, царившую внутри, и храм не казался Бору столь ветхим, как при дневном свете.

— Где же может быть потайной ход? — ругался он сквозь зубы, оглядывая пыльные углы, в которых ничто не могло бы скрыться.

— Может быть, он за жертвенником? — предположил Гунн. Они вдвоем заглянули в тень, отбрасываемую назад статуей прекрасного юноши в трепещущем свете факелов. И действительно, тотчас увидали таившуюся там широкую расщелину между камней, откуда на них пахнуло сыростью и тленом. В ту же секунду послышался скрежет, плита раздвинулась и проход стал шире. Нечто полупрозрачное, светящееся голубоватым сиянием, вышло оттуда и нежным женским голосом прошептало:

— Я Дайе, «Смерть»… Подчинись мне… Отдайся мне… — Ледяные пальцы ее касались тела и, казалось, замораживали его, вынимали из него душу. Бор почувствовал, как ледяная рука тянет ржавый меч у него из-за пояса.

— Э, нет! — Его рык взорвал тишину ловушки. Вцепившись толстыми пальцами в гарду ржавого клинка, он выхватил его и попытался обернуть против туманной фигуры. Но встреченное им сопротивление было невероятно, и лишь чудовищным усилием мышц одолел он его и вогнал древний меч в плечо полупризрака. Вопль неистово прозвучал под сводами храма; казалось, полыхнуло пламя, и струя крови хлынула на землю из туманного создания, расплываясь на плитах пола лужицей зловонной жидкости. Навь, или ведьма, кто бы это ни был, — исчезла в темноте прохода.

Вдвоем они навалились на тяжелую плиту, и она мягко стала на место, в пазы, намертво перегородив ход. Озерный конунг обнаружил «скважину» для перстня в знакомом месте и, теперь уже сознательно вложив его, услышал, как рокочут древние каменные запоры.

— Теперь в город им не выйти! — сказал он своим. — Возвращаемся.

Однако какая-то мыслишка не давала ему покоя на пути обратно, точила мозг, точно стук равномерно падающих капель в

тишине. Он поднял голову и увидел впереди башню, точно перст поднимавшуюся в свете луны на фоне Лысой горы. Он даже открыл рот, но ничего не успел сказать.

Внезапно над древней башней полыхнуло багровое пламя. Раздался оглушительный скрежещущий вой.

— Как я мог позабыть?! — вскричал Бор.

— Развалины на горе, башня и храм на одной линии? — мгновенно понял Гунн.

— Да! — Князь понесся вперед сломя голову, остальные кинулись следом.

Подбежав, они увидели, как из распахнутых дверей башни, кашляя, выбрались двое дружинников с закопченными лицами. Они помогали идти раненым.

— Колдовство! — прохрипел один из них.

— Живее, тащите остальных! — приказал Бор сопровождавшим, шагнув через порог и оглядывая залу, где царил ужасный разгром. В дыму он не сразу различил, скорее, по стонам отгадал залитое кровью тело лежавшего навзничь Каста, сжимавшего в руке меч. Широкая рана зияла на теле лекаря. Конунг наклонился к раненому.

— Как я мог позабыть? — с трудом прошептал Каст. — Ведь башня, святилище и укрепление на Лысой горе строились одновременно! Они пробирались тут, подо мной, были рядом все это время, могли подслушивать — но не пользовались этим выходом, берегли его про запас; и я не подозревал о нем!

— Кто это был?

— Вом, «Утроба», страшное, отвратительное существо — самая глупая и свирепая среди ведьм… Меч оказался слишком короток: если бы копье… Спаси мои рукописи…

— Да, конечно. Сейчас я перевяжу тебя. — Бор стал оглядываться в поисках какого-нибудь куска ткани и увидел темную щель потайного хода за одним из огромных камней в углу.

— Она вылетела через крышу… — сказал Каст, показав глазами на дыру в тлеющих балках. — Превратилась в огненный столб… — Я умираю. На полке в углу — эддер, смертельный яд. Он в высоком сосуде. Дай его мне. Не дыши им…

— Ты хочешь умереть от яда? — удивился Бор, для которого такая смерть была бы одной из наихудших.

— Наш обычай позволяет это…

Конунг снял с полки в углу заросший пылью сосуд и, вынув плотно пригнанную пробку, нацедил в кружку зеленоватую жидкость. Лишь на секунду коснулся его дыхания сладковатый запах — и точно на миг нахлынула волна, помрачающая

сознание, ослабли колени. Он протянул кружку Касту, и тот, выдохнув, проглотил смертоносную жидкость одним глотком, содрогнулся всем телом и, перестав дышать, замер…

Бор молча отвернулся, подошел к открытому тайнику и, упершись, мощным рывком задвинул камень на место. Затем он запечатал проход при помощи кольца Байдура.

В эту минуту вошли дружинники и принялись тушить тлеющие головни. Конунг положил начинающего коченеть Каста на засыпанный обломками стол, за которым они еще недавно беседовали. Дым постепенно рассеивался. Вместе с Гунном они собрали с полок рукописи древние и принадлежавшие руке погибшего. Сложив свитки в один из сундуков, Бор запер его на висячий замок. Он велел Гунну взять сосуды с теми мазями, которыми пользовался лекарь для врачевания его воинов.

— Я поднимусь на крышу башни, чтобы осмотреться. Сегодня мы уйдем отсюда, — сказал князь помощнику. — А ты распорядись, чтобы с рассветом начали складывать погребальный костер…

Он поднялся на башню. Здесь царил ветер, выдувавший призраки страшной ночи своим свежим, холодным дыханьем. На восходе над лесом разгоралась красная полоска зари, и на миг конунгу показалось, что поднимаясь где-то вдалеке, ее пересекает тонкая струйка дыма…

Тело Каста, обернутое в его лучший плащ со сложенными на груди руками лежало поверх погребального костра, возвышавшегося у городской стены. Бор поднес факел, и политые маслом дрова охватило пламя, завеса которого скрыла от глаз собравшихся тело погибшего. Гудящее пламя рвалось вверх, и ветер помог огню быстро превратить в пепел то, что оставалось от отважного и мудрого хранителя преданий…

Бор передал сундук с рукописями на хранение городскому голове. Он объявил собравшимся на погребение горожанам:

— Благодаря помощи и великим знаниям погибшего, я избавил вас от ведьм и закрыл их потайные лазы в город! Отныне спите спокойно.

Однако немало прошло после того времени, прежде чем увидя, как над Лысой горой не является колдовское свечение, самые смелые из горожан решились туда подняться, и нашли следы побоища и истлевший труп чудовищной «собачки»…

С помощью мазей раны воинов почти затянулись и зарубцевались. Бор решил не откладывать отплытие. Это было воспринято с облегчением всеми, ибо неспокойный дух дружины конунга смущал горожан. Следуя смутным указаниям преданий, Бор двинулся вверх по реке Тагэт, к озеру Доннервад.

Глава 8. ЛЕСА ДОННЕРВАДА

Два дня они плыли против течения, прежде чем раскрылось ослепительной синью озеро Доннервад. Бескрайние хвойные и смешанные леса раскинулись по его берегам. Тот, что тянулся вдоль закатного побережья, назывался Тайвал, что значило «перешеек». Он занимал весь обширный перешеек до самого озера Суурярв, простираясь на многие дни пешего пути.

Теперь надлежало решить: куда двинуться дальше?

— Надо идти на юг, на Ланки-Вош, Беличий Город. Там, на торжище мехов, на перекрестье путей узнаем что-нибудь от торговцев или от охотников, — предложил опытный Гунн.

Однако встречный ветер, казалось, подговоренный недругами, не дал им идти вдоль полуденного берега и вынудил повернуть к северу. Они пристали к тайвальскому побережью. Ладья уткнулась в разрыхленный галечник в небольшой бухте и замерла.

— Главное — осторожность! — напомнил Гунн. — Мы бросили на этой стороне четверть сотни хускарлов Бердекса. Хоть и не близко, да за эти дни они могли добраться и сюда.

— Конечно! — согласился Бор. — Костер развести поменьше, и так разложить, чтобы с берега его вообще не было видно. Ночью пускай караулит по четыре-пять человек зараз. А сейчас, Айсат, возьми двоих и разведай незаметно округу!

Лесовик Айсат с двумя такими же опытными лазутчиками бесшумными тенями скользнули в тень деревьев. Прошло около часа, когда серыми тенями они вынырнули из сумерек.

— В соседней бухте брошены несколько рыбачьих лодок. Похоже, челны из Ланки-Вош. Но людей нет, а на земле видны следы борьбы, вроде как вчерашние — должно, в плен их угнали, — доложил Айсат.

— Неужто это хускарлы рабов угоняют? — удивился Бор. — Этого терпеть нельзя. Собирайтесь, — он указал на нескольких воинов, — Айсат поведет нас по следу! Остальные остаются с ладьей, под твоим началом, Гунн. Все готовы? Пошли! — И через минуту спешно вооружившийся отряд исчез в лесу.

Вскоре они добрались до брошенных береговых зарослей лодок. Следы борьбы ясно различимые при свете сумерек и факелов, следы борьбы вели в глубь леса.

— Это не хускарлы, — сказал Айсат, опытный следопыт, внимательно разглядев следы. — У них не башмаки, а обувь лесных жителей.

— Кто же обитает в этих местах?

— Точно я не знаю, но говорят, к северу живут ожуоласы, у

них селенье большое есть — Вежа-Кар, Священный Город прозывается почему-то. Но до сей поры не слыхать было, чтобы они рабов захватывали…

— Так поглядим, кому это рыбаки понадобились? — Внезапно, конунг услышал доносящийся откуда-то из чащи тихий плач.

— Что это, слышишь? — Он сделал знак. Айсат, также уловивший этот звук, бесшумно исчез в кустах и через минуту вернулся, неся на руках маленького мальчика.

— Ты откуда взялся? — спросил князь малыша.

— Чужие! Чужие люди, в личинах, увели всех. И мою сестру! — И он снова залился плачем.

— Отнесешь мальчонку на корабль, но будь настороже! — велел он одному из дружинников, который уже бывал здесь и знал дорогу. Остальные же, стараясь идти без шума, двинулись дальше в лес. Через какое-то время все остановились у развилки.

— Сначала попробуем налево, в чащу, — сказал князь, и они гуськом зашагали по новой тропке, окруженной темными молчаливыми стенами деревьев. Спустя полверсты вдруг на траве наткнулись на тело лежащего ничком человека в одежде хускарла. Из спины его торчала охотничья стрела.

— Так, кто-то вмешался, — произнес Бор. — Ну-ка, переверните его.

— И все-таки на нем башмаки, и хускарлы никогда не пользуются личинами! — упрямо пробурчал Айсат. Внезапно губы сраженного дрогнули, когда его повернули вверх лицом, и наклонившийся князь уловил обрывки едва слышных слов:

— Граве…Льют… — Могила, ложь, перевел он про себя. Дыхание раненого прервалось.

Они прошли еще немного, соблюдая осторожность, и внезапно лес расступился. Перед ними была поляна, окутанная ночным туманом, через который слабо пробивалась луна, освещавшая возвышавшиеся то там, то здесь холмики.

— Кладбище. Вот они, могилы… О них говорил убитый на тропе.

— Смотрите! — тихо произнес один из дружинников, указывая на темневший низкий холмик между двух могил. Несколько шагов убедили их, что это мертвый хускарл.

— Вон еще! — Возле разрытой могилы, на дне которой желтели кости, лежали еще двое мертвецов с лопатами в руках.

— Стреляли в спину! — отметил Айсат. — Подстерегли, когда они стали раскапывать могилу, и перестреляли.

— Это значит, что рыбаков действительно захватили не они, — подытожил князь. — Живо поворачиваем обратно — мы

выбрали не ту тропу, надо было направо! — И он пошел вперед, не снимая ладони с меча. Возвратясь к развилке, они свернули на тропу, ведущую на север через сумеречные высокорослые сосны. Спустя часа два быстрой ходьбы, в предрассветное время, отряд вышел к опушке леса.

Впереди виднелся поселок или город из почернелых бревенчатых домишек, поплоше, правда, чем дома в Дингарде. Над ним у самого озера поднималась довольно крутая гора. На гребне ее виднелись какие-то строения. От леса поселок отделяла неширокая речка, ее устье образовывало заросшую камышами узкую бухту, вероятно, довольно глубокую.

Князь с двумя воинами спустился среди зарослей к самой воде; его внимание привлекла группа людей, направлявшаяся от поселка к берегу.

— Нет, нет, не хочу! — вдруг взлетел эхом над рекой отчаянный девичий визг и так же внезапно замолк. В эту секунду лучи рассветного солнца озарили все вокруг, запели птицы. Богатырь внимательно следил за происходившим на той стороне.

Несколько человек в одеяниях из звериных шкур мехом наружу держали облаченную в белое фигурку, вероятно связанную. Они сели в лодку и, оттолкнувшись от берега, в несколько гребков вышли на середину реки. Здесь, подняв руки, они хором возгласили:

— Тебе, о повелитель вод, славный Нуме-Торум, дарим эту девушку, чтобы ты давал нам урожаи! — С этими словами люди схватили отчаянно извивавшуюся фигурку, столкнули ее в воду, и она камнем пошла на дно.

Между тем Бор, сразу смекнувший в чем дело, недолго с негодованием наблюдал за происходящим. Скинув плащ и сапоги, он уже скользнул под защитой папоротников в холодную и глубокую воду. Мощными гребками богатырь рассекал пучину, и через несколько секунд смог различить в глубине судорожно извивающуюся фигуру. Вероятно, ее удерживал привязанный к ногам камень. И чье-то мрачное, невидимое пока присутствие ощущалось поблизости.

Меч в руке в мгновение ока рассек веревку с грузом. Безжалостно ухватив жертву за волосы, князь под водой потащил ее к своему берегу. Как безумная, она продолжала извиваться, стремясь всплыть, но, к великому удобству спасителя, ее действительно крепко связали.

В этот момент что-то холодное, скользкое и, вероятно, большое коснулось босых ног конунга. У него уже начинался звон в ушах от недостатка воздуха, но он понял, что явился тот, кому предназначена была жертва. Меч в свободной руке витязя

взбороздил подводную темень и глубоко взрезал чью-то твердую шкуру и дряблую плоть под ней.

Вода страшно взбурлила, и конунга с его «утопленницей» чуть не выбросило на берег. Задыхаясь, он выплыл и вытащил свою ношу в прибрежные камыши и папоротник. Утопленница, с кляпом во рту, уже перестала сопротивляться и лежала с закрытыми глазами, не подавая признаков жизни. Это была скуластая девушка с соломенными волосами, руки и ноги ее были стянуты толстой веревкой, и мокрая рубашка облегала стройное тело.

В это время на лодке и на противоположном берегу подняли крик. Взбурлившая вода окрасилась кровью, но это не была кровь жертвы — на поверхности мелькнул лоснящийся белый бок гигантского подводного существа. С омерзением и ужасом наметанным глазом князь опознал в нем огромного, векового донного сома. Так вот кому на съедение отправлялись человеческие существа! Вода молчаливо смыкалась над жертвами, и ни один слух не проникал в соседние края…

Лодка уже поспешно причаливала к берегу, когда вдруг страшным ударом сом опрокинул ее! Люди забарахтались в воде, отброшенные назад, в реку — и внезапно один из них, воздев руки, резко ушел под воду, точно утянутый за ноги — исполинская рыба нашла все-таки себе жертву…

В это время Айсат вдвоем с дружинником уже развязали руки девушки и откачивали воду, которой она нахлебалась. Наконец, щеки ее порозовели, и она открыла ослепительно голубые глаза. С удивлением девушка стала переводить их с одной из окружавших ее воинственных фигур на другую, не понимая, каким это образом исчезли закутанные в звериные шкуры ожуоласы.

— Быстрее, уходим в лес, чтобы нас не увидали с того берега! — распорядился конунг, который уже отдышался и брезгливо вытер остатки рыбьего сала с меча о траву. Он перекинул ошеломленную девушку через плечо, и весь отряд бесшумно скрылся за деревьями.

Остановились они примерно через полчаса.

— Рассказывай, кто ты и отчего ожуоласы хотели принести тебя в жертву? — начал расспрашивать девушку Бор.

— Я Нюбюи из Ланки-Вош. Мы с рыбаками пришли, со мной был младший братишка. Стряпала я для них… На нас вдруг напали жители Вежа-Кара, чего отродясь не бывало, в звериных личинах, всех похватали, повязали и потащили с собой в город. Только братишка мой пропал вовсе…

— Мы нашли его, с ним ничего не случилось: он под кустами

схоронился.

— Ой, правда? — обрадовалась девушка. — Нас всех предназначили в жертву богам. Я им больше приглянулась, чем другие женщины, поэтому меня хотели утопить в жертву хозяину вод, страшному Нуме-Торуму. — Лицо ее побледнело от пережитого ужаса смерти. — Как вы спасли меня?

— Я нырнул и выволок тебя из-под носа огромного сома… — сказал озерный конунг. — А где остальные?

— Ах, да… — Нюбюи провела рукой по лбу, точно стараясь согнать ужас или, наоборот, силясь припомнить скрывшееся в тумане. — На горе выстроено огромное святилище, там стоят древние идолы; недавно они построили алтарь для человеческих жертв и собрались провести большое жертвоприношение. Для этого нас и захватили…

— А когда начнут?

— Сегодня до заката… Там еще человек пятнадцать остались, в основном наши, беличьегородские. И еще чужак с закатных стран, его оглушенным взяли, и для главного бога сожгут, наверное… — Она замолкла.

— Ну что, надо понаведаться к ожуоласам да узнать, к чему это они вздумали столько крови людской понапрасну лить? — полувопросительно-полуутвердительно сказал князь своим людям.

— Надо! Надо! — отвечали они. — Только маловато нас, хорошо бы всей дружиной собраться.

— Я с Талмой вперед пойду, на разведку: что да как. Он легкий, я его на дерево могу подкинуть, если сверху поглядеть надо будет. А вы с девушкой вместе, чтобы времени не терять, укрепитесь неподалеку на берегу и пошлите за ладьей. Лучше, если ты, Айсат, возьмешь кого-нибудь и сам сходишь к нашим. И лодки не забудьте прихватить: посуху от них не уйдешь, а в ладье тесно будет, дай нам Юмбел! — Тот наклонил голову утвердительно.

— Лучше с полуночи обойти, с той стороны лес вплотную к горе, по-моему, подступает, — дал совет следопыт.

Разделившись, оба отряда — большой и маленький — двинулись в противоположных направлениях.

Однако Бору удалось одолеть лишь часть пути в обход Вежа-Кара. Внезапно он наткнулся на отряд из десятка ожуоласов, возглавляемых человеком в звериной шкуре.

— Вот он, осквернитель божества! Хватайте его! — крикнул предводитель. Вооруженные люди кинулись на дингардцев.

Выхватив меч, конунг обратился в яростный вихрь мышц и стали. Перерубленные копья, разрубленные щиты полетели в

стороны. Истошно закричали раненые, рухнули убитые. Но, разбросав врагов, он услыхал воинственные вопли за спиной. Это Талма уже с трудом отбивался от нескольких противников, наскочивших сзади. Из многих его ран струилась кровь. Бор развернулся и несколькими взмахами клинка отогнал врагов.

На поляне засвистели стрелы, озерный конунг ловко отразил несколько из них щитом, одна вонзилась ему в ногу, но он даже не заметил этого в горячке боя. Снова спереди набросились, крича, несколько копейщиков, но только изготовившись отразить их, Бор почувствовал какое-то движение за спиной, но ничего не успел предпринять: сокрушающий удар в затылок, от которого даже на шлеме образовалась вмятина, свалил его наземь без чувств. Ожуоласы стреляли из камнемета…

Глава 9. ИДОЛЫ НА СКЛОНЕ

Гора носила имя Дункалнис, это значило — Гора у вод. Но было у нее и более древнее имя — звалась она Тодберг, гора Смерти, ибо с незапамятных времен уединенное это место служило поклонению силам зла. Позднее об этом было забыто, но недавно жертвы возобновились.

…Бор медленно приходил в себя. Он обнаружил свое тело обвитым толстой веревкой, точно куколка бабочки, и привязанным к железному кольцу, вделанному в каменную глыбу. Кругом его окружала деревянная клетка из толстых брусьев. С другой стороны камня был привязан кто-то еще, он слышал тяжелые вздохи этого человека. Судя по кучам хвороста, которыми была обложена клетка до уровня пояса, их собирались поджарить.

Клетка находилась на нижней ступени площадки, расположенной выше уровня леса, и следовательно, на вершине горы. Выше он увидел восемь каменных идолов, обращенных к нему и к озеру с грубо вырубленными ликами и признаками пола. Напротив каждого стояло по столбу, обложенному хворостом.

— Значит, будут жреть[1] девяти богам… — вслух подытожил озерный конунг невеселые подсчеты. С боков склон горы был огражден древними валами, а наверху протянулось длинное бревенчатое строение с несколькими воротами и узкими окошками-бойницами. Вероятно, там содержали жертв и находились жрецы.

— Да, скоро нас поджарят, медвежье мясо! — раздался хриплый голос, который показался Бору удивительно знакомым.

— Вирре Бердекс! — воскликнул он. — Каким образом ты уцелел, чтобы попасть сюда?

— Это ты, дингардец? Да, стоило трудиться… Эти шурышкарцы заперли меня до утра, и я той же ночью перерезал веревку и глотку караульному и пробрался к пристани, где был привязан мой добрый старый корабль. К счастью, мои молодцы успели тихонько спуститься на лодках, и мы там и встретились. А затем я решил попытать счастья повыше на реке…

На Бора рассказ этот не произвел особого впечатления, ибо двоедушие озерян казалось ему слишком явным: он сделал за них их кровное дело, и не его вина, что они были столь косоруки…

— Если бы я знал, что пойдешь сюда, я бы позаботился подготовить засаду. Но я не знал этого, а твой успех заставил меня быть осторожнее. Поэтому я легко клюнул на предложение одного своего мужичка, да упокоится он у подножия Тюра, пограбить богатые древние могилы. Нет, пожалуй, другого такого народа, который так любил бы обвешивать своих покойников цацками, как эти лесные выродки. Но только мы, углубившись в лес, занялись этим делом, как полетели стрелы и… Меня спасли доспехи, почти всех остальных положили, хотя, думаю, уцелела еще парочка наших, которые успели вовремя смыться — они были на другой стороне кладбища, и их могли не заметить. Попав в плен, я считал, что этих удовлетворит выкуп — не тут то было…

Хотя голову приходилось буквально выворачивать, и боль после ударов разрывала мозги в клочья, Бор все-таки сумел оглянуться и увидел внизу ослепительную, до горизонта гладь озера среди расступившихся лесов. На площадке появились люди, выносившие большие бубны-кудесы, используемые в богослужении волхвами-кудесниками. Под их рокот придется умирать ему.

Он мог разглядеть ожуоласов вблизи. У них были темные или бесцветные льняные волосы, узкие остроносые лица, в глубоких глазницах которых были посажены невыразительные водянистые глаза. Затем он обратил внимание на отдельно установленный столб, на котором на вбитых кабаньих клыках висело разное оружие, вероятно, захваченное у взятых в плен или убитых. Среди трофеев он заметил несколько хороших хускарлских секир и пожалел, что ни одной из них у него нет сейчас под рукой.

— Как бы нам удрать отсюда? — поделился он с Вирре заветной мыслью.

— Вы не убежите отсюда, святотатцы! — За его спиной прозвучал холодный, властный голос, от которого мурашки бежали по коже. Сбоку вышел человек в расшитой мехом мантии лесного кудесника с глубоко посаженными, как у всех ожуоласов, белесыми глазами.

— Остальных удушат перед сожжением, но до этого все

насладятся, как вы сгорите живьем!

— Ты откуда взялся, собака? — спросил его Вирре. — Я тебя здесь раньше не видел!

— Я — жрец Рота Мублену, Повелителя мира мертвых, древнейшего хозяина этой горы, — зловеще улыбнулся короткобородый обладатель кудес. — Крепко он держит вас сейчас своими железными руками, не впервой его идолу раскаляться в жертвенном пламени. Из вод темной Туони произрастает мировое древо, и все живое в конце концов уходит туда. Вы пройдете через огонь, и ваш прах будет развеян в его славу, и не будет у вас посмертного бытия! Мужайтесь в ваши последние минуты — ваши муки будут ужасны!

В это время ворота деревянного строения со скрипом распахнулись и из них начали выводить жертвы. Людей попарно привязывали к столбам, спина к спине. К двум, перед сумрачными богинями, привязали женщин.

— Эй ты, кудесник! Ударь-ка в кудесы, повесели напоследок озерного конунга, он тебе честь оказывает, муравьиный сын! — кликнул Бор жреца. Тигриной походкой снова появился тот, с перекошенным от ярости лицом, сжимая в руке короткую черноблестящую палицу. Он резко взмахнул и через брусья клетки ударил по груди конунга своим оружием. От неожиданной нестерпимой боли богатырь вскрикнул — дымящийся рубец прошел через его грудь.

— Это тебе наперед! — бросил кудесник отходя.

— Огненная палица! — прошипел князь сквозь стиснутые зубы. Но с облегчением почувствовал, что пережженная ударом веревка ослабла, и движениями рук стал постепенно высвобождаться от нее, не обращая внимания на боль.

В это время он увидел, как вперед вышел вождь ожуоласов, — высокий, узколицый человек с льняными волосами, на поясе у которого Бор узнал свой меч, с рубином, сверкающим на рукоятке, как видно оцененный по достоинству.

— Ах ты, собака! Тебе поднесли мой меч! Но я жив еще! — Конунг пришел в ярость, удвоил усилия.

— О великий Рота-Мублен и могучая Керемет! Избавьте мой народ от чужаков под звонкие удары кудес! Накормите мой народ досыта, избавьте его от скудности и нужды! За это мы даем вам много жертв, как это было встарь! Эго я говорю, Прис, вождь ожуоласов! — Он поднял руки, и раздались ритмичные гудящие удары огромных бубнов-кудес, в которые били человеческими берцовыми костями младшие кудесники. Послышалось заунывное пение молящихся. И в тот же момент до князя донесся треск горящих дров и потянуло дымком. Бор понял, что настало время

действовать.

Сбросив пережженные веревки с рук, он наклонился и сильными пальцами распутал узлы на ногах. Горло уже першило от дыма, и, кашляя, он почувствовал жар пламени.

— Не бросай меня на огненную смерть, не то я закричу и выдам тебя! — умоляюще сказал ему Вирре, прекративший отчаянно реветь чудовищные ругательства в адрес ожуоласов.

— Я и не собирался бросить тебя в этом месте! — ответил Бор, стараясь развязать ему руки. Дым поднимался, окутывая деревянную клетку и маскируя пленников. Пламя уже плясало вокруг, облизывая решетку, когда хускарл корявыми пальцами развязывал веревку на ногах.

— Теперь — долой отсюда! Только бы нас не расстреляли лучники!

Порыв бриза на секунду отогнал дымовую завесу, и они увидели, что толпа внизу отвлеклась, рассматривая что-то на озере. «Парус, корабль!» — донеслось сквозь шум пламени.

Сильными руками они вцепились, навалившись на один из мощных, горячих брусьев клетки, скрипя зубами, когда их пальцы облизывали языки пламени, и подпрыгивая, когда огонь подбирался к ногам. Не выдержав натиска двух богатырей, брус с треском вырвался из гнезда, и они выскочили наружу — с обгоревшими бородами и волосами, покрытые копотью, прихлопывая ладонями дымящуюся одежду.

Охрана и собравшиеся люди в первое мгновение опешили при виде фигур, вырвавшихся из огня. Прежде чем запели стрелы ожуоласов, богатыри были уже возле трофеев и схватили по хорошему топору и щиту. В ту же секунду они напали со всею мощью на многочисленных воинов, окружавших вождя Приса и, к счастью, вооруженных лишь копьями и мечами. Они были словно косцы на кровавой жатве, и никто не мог им противостоять.

— Поят! Поят! Косцы! Косцы! — в ужасе кричали воины, называя их именем страшных посыльных смерти.

— Освободим других и пробиваемся к берегу! — крикнул Бор.

Богатырь Прис с жестоким смехом выхватил меч и, подняв щит, кинулся на него. Вождь ожуоласов был росл и силен, как бык, и голова казалась маленькой на широких плечах, а льняные волосы падали на шею. Но конунг был слишком разъярен. Он молниеносно отбил копья одного, второго телохранителя, и, когда сверкающий меч, точно змея, устремился для рокового удара, он отразил его и вонзил топор по самую рукоять в тело ожуоласа. Точно срубленная сосна, тот рухнул наземь.

Издав победный клич, конунг молниеносно подобрал свой

меч и оглянулся. Ответом ему был ужасный вопль агонии. Это главный кудесник, видя, как редеют ряды ожуоласских воинов под ударами, а стрелки не могут бить, опасаясь поразить своих, стал ужасной жгущей палицей приканчивать привязанных к столбам. Прежде чем Бор преодолел разделявшее их пространство, еще один человек отправился к ногам Рота-Мублена в царство тьмы. Теперь кудесник был перед столбом, к которому был привязан окровавленный Талма, и уже занес палицу для рокового удара.

— Стой, вот он я! — проревел закопченный, как свартен, конунг. И едва успел отразить молниеносный удар палицы толстым сосновым щитом. Щит развалился у него в руках на две дымящиеся половины. Кудесник радостно засмеялся.

— Тебе конец, проклятый дингардец! — И взмахнул легкой смертоносной палицей. Колдовское оружие скрестилось с мечом. Вспыхнуло пламя. Но закаленная в ледяных струях, сталь, лишь зарделась там, где лезвие рассекло огненную палицу на части. И Бор прежде чем обрушить его меч, увидел ужас на ледяном лице кудесника.

— Чернобог мстит! — дико взвыл тот и рухнул с разрубленной головой.

Ни на минуту не останавливаясь, князь ударами меча принялся рассекать веревки, которыми были привязаны обреченные в жертву.

— Не разбегайтесь, держитесь вместе, хватайте оружие и пробиваемся к берегу! — кричал он. Кто мог, подбирал одеревеневшими пальцами оружие и поддерживал совсем обессиленных.

— Смотрите, это наши! — закричал Вирре, продолжавший разгонять перепуганных гибелью вождя и главного кудесника ожуоласов.

Не один, а два корабля пристали к подножью самой горы. Один из них был дингардский, другой — хускарлский. С обоих высыпало человек сорок воинов, двумя отрядами бросившихся в кровавую сечу. Казавшиеся сверху двумя медлительными металлическими гусеницами, они поднимались все выше по склону.

Навстречу им, сверху, устремилось полтора десятка освободившихся людей, возглавляемых двумя богатырями, залитыми чужой и своей кровью. Никто не мог противостоять этому встречному движению: сотни ожуоласов раздаются в стороны перед теми, чьи лица искажены мукой и яростью. Вот уже видны те, кто идет на выручку: левую колонну ведет Гунн, правую — хускарл Рапп. Соединившись вместе, все они быстро

двигаются вниз, прикрываясь щитами от стрел, которые уже начинают кое-где посвистывать. Сейчас, вот сейчас ожуоласские парни соберутся с силой и дадут чужакам последний раз в их жизни понять, что здесь для них не место. Вот сейчас…

Но копья дрожат при виде горящих гневом лиц и ощетинившихся вонзившимися стрелами грохочущих щитов.

— Да здравствует конунг Бор! — несется клич.

— Ура Вирре Бердексу! — раздалось с другой стороны. Оба отряда стремительно возвращаются к судам, которые растерявшиеся от такого напора ожуоласы даже не попытались отбить. Разместившись по кораблям, они отталкиваются от берега, и противник лишь в ярости толпится на берегу, пуская бессильные стрелы, в то время как весла и паруса уносят их все дальше в полуденную сторону…

— Вернувшись, мы отошли как можно быстрее, — повествовал Айсат. — Но по дороге мы повстречали ладью хускарлов. Они разыскивали своего предводителя, находившегося у ожуоласов в плену, и решили объединить с нами свои силы. Мы подобрали поджидавший нас отряд и пришли на выручку, кажется, вовремя…

— Сколько мы потеряли? — спросил Бор.

— Один пал, и одного ранило, — отвечал Гунн.

— Послушайте! — обратился князь, не успев даже отмыть лицо, к тем рыбакам, которые вскочили в его ладью. — Те из вас, кто чувствует в себе достаточно отваги для битвы, кого не будут ждать дома материнские слезы, присоединяйтесь к моей дружине! Мне нужны пять человек, ибо столько я потерял безвозвратно!

Однако лишь трое из беличьегородских рыбаков оказались способны после пережитого плена присоединиться к дингардцам. Остальные не проявили подобной решимости, мечтая лишь добраться до дома.

— Нам надо идти на Ланки-Вош. Надеюсь, что мы найдем там следы талисмана, — сказал князь Гунну.

Отойдя достаточно далеко, они причалили к берегу, и рыбаки пересели в свои лодки. Затем хускарлы первые подняли парус.

— Прощай, Вирре! — крикнул Бор их вождю.

— До следующей встречи, Бор! — отозвался тот. — Думаю, сейчас не стоит возобновлять вражду; но мы еще встретимся в другом месте, и я расплачусь с тобой за поражение, которое ты мне нанес! — И с этими словами судно хускарлов пошло прочь.

— Его ничто не исправит! — покачал головой князь. Больше, чем вражда Бердекса, его озаботил жестокий культ жертвоприношения неповинных людей, который не ожидал он

встретить даже в самых опасных уголках Озерного Края. Причем культ, лишь недавно возрожденный к жизни чьими-то зловещими усилиями. И еще — впервые, из уст погибающего кудесника, вооруженного страшным колдовским оружием, услыхал он имя зловещего Чернобога как угрозу.

Глава 10. БЕЛИЧЬИ МЕХА

Близ устья реки Рыбны, впадавшей с юга в длинное и глубокое озеро Доннервад, берег поднимался косогором. Смешанные леса уходили на восход и на запад. А по склону и у речного бережка Бор с корабля увидал множество небольших, чисто обструганных избенок, окружавших приречное торжище.

— Вот он, Ланки-Вош, Беличий город, сборное место лесных охотников и пристанище чужеземных торговцев, идущих через волок Иктыль! — сказал Гунн. Десятки людей в полотняных охотничьих безрукавках и в дорожных куколях сбежались на берег встречать прибывших. Однако князь приметил лишь несколько ладей, явно принадлежавших пришлым торговцам. Судя по их виду, хозяева зазимовали тут с прошлого года. Вновь прибывших судов не было видно.

Узнав от рыбаков приставших первыми, что дингардцы — спасители их родных и соседей, беличьегородцы криками восторженно приветствовали гостей. К ним вышел ланкивошский голова Сюзь, что означило «Филин», коренастый, широколицый старик с густыми седыми бровями и седой бородой. Протянув Бору руку, он заговорил:

— Не спрашиваю, цто привело тебя к нам, славный витязь. Располагайся, луцций дом велю вам отвести. В баньке попарься после дальней дороги. А вечером всех прошу на пир — там и поговорим, и сказителей послушаем… — Дингардцы были рады такой дружеской встрече и горячей бане, расслабляющей натруженные мышцы.

К вечеру, когда стылый сырой холод накатил с озера на городок рыбаков и лесных добытчиков, в деревянной пиршественной палате было тепло. Усадив озерного конунга за широкий стол вместе с дружиной и пришедшими на пир беличьегородцами, Сюзь наполнил рога пьяным пивом и спросил дингардского предводителя:

— Ну, витязь, какая такая судьба увела тебя далеце от родимого дома?

— Отыскиваем мы могущественные талисманы, утерянные в старину! — отвечал Бор, поднимая рог за здравие беличьегородцев. — Для борьбы с колдовством, что расползается

по Поозерью, точно навозная жижа. Все охватила засуха, почти в каждом городе на людей нападает еще и порча: в Шурышкаре — коварство, в Изкаре — попустительство ведьмовству, в Вежа-Каре — жертвы неповинных людей во славу смертебогов…

— Ну, про ожуоласов-то темные слухи и раньше ходили, что недобрые они соседи, хотя и не такое, конецьно, цто они сотвориць собралися… Ну, кто у темного места живет, сам темный станет… — Сюзь поскреб затылок. — А про талисманы древние и мы, однако, слыхивали. Скажу вот цто: с полудня на восход от наших мест есть большое такое поле с курганами, а дальше — валы древние, никто уж и не скажет, когда и против кого они были насыпаны… Мы зовем их Рароговы, далеко тянутся они, почти до самых гор Харвад на востоке. Есть предание о том, что в былые времена, когда еще не было Хоровода Сейдов на Йемсалу, огненный змей Рарог выжег леса и проложил их, вспахав землю когтями… А на курганном поле том была в старину битва с древними народами… Эх, запамятовал! Как там было, скажи-ка нам Кырныш? Это внук мой, охотник он.

— Сейчас, сейчас! — опрокинул в рот остатки недопитого рога темноволосый молодой беличьегородец в расшитой охотничьей безрукавке. Вытерев усы, он поднялся и, откашлявшись, начал нараспев говорить лесное сказание: — … Это были всадники из далекой степной страны Этелькуза, лежащей на полдень и восход, темноволосые, вооруженные кривыми мечами. Они хотели овладеть Озерным Краем и поработить его жителей, и выжечь его бескрайние леса для своих пастбищ… Но навстречу им встали все племена — каждое выставило свою дружину; возглавили войско конунг Даларн и мудрый волхв Дану…

Чужаки увидели, что леса суровы, а люди Аб Дор крепче камня. Они попытались обмануть вождей, а затем — напугать их. У них было зеркало, изготовленное мастерами с далекого востока. Оно искажало истину и призывало силы из Страны вечной тьмы. Однако поозерное войско находилось под защитой волшебного знамени богини Прии, у Даларна на челе сверкала корона Грома, подобно молнии озаряющая суть вещей, а в руке Дану был поднят посох Юмбела, обладающий великой мощью…

Началась битва! Сражение было кровопролитным, в нем пали и Даларн, и вождь людей Этелькузы. Первого из них похоронили в кургане на поле брани вместе с любимым его конем. А вершину кургана насыпали из шлака походной кузни, чтобы навсегда она осталась бесплодна и обозначала горе осиротевших воинов. А второго взяли с собой его отступившие люди и похоронили где-то далеко на востоке…

Остался Дану один и решил положить после этого крепкую заставу на главном удобном пути с юга — через волок Иктыль. И там он находился, когда с полудня пришли люди в железных панцирях, сражавшиеся строем. Дану решил сам остановить их, и некому было противостоять уже самонадеянности волхва, он обратил посох Юмбела, призывая темные силы свартен, дабы устрашением и ужасом разогнать пришельцев.

Но, к несчастью его, у предводителя их был меч, выкованный для битв в полутени. Говорят, волшебница на одном из далеких полуденных островов создала его и хранился он там как святыня, пока не пробил час и не взял его в руки этот человек в пернатом шлеме. Воспользовавшись мечом, он обратил свартен в бегство, и они, убегая, поразили Дану. Посох же был унесен его бежавшими помощниками. А пришельцы основали каменный город Изкар, который стоит и ныне… И еще говорят, — не все свартен, вызванные тогда, ушли из нашего мира…

— Так значит, этот меч, которым я победил ведьм в Изкаре, принадлежал вначале его основателям? И им они успешно сразились с мощью посоха Юмбела? — удивился Бор. — Но отчего посох обратился к тьме, и как им удалось победить — говорит ли об этом предание?

— Говорят, посох был создан раньше светлого знамени Прии, и оттого не различал он одну и другую стороны волшебства, но, беря темную сторону, терял половину силы… — ответил Кырныш.

— Хорошее предание! — сказал Бор. — И половину его я уже слышал, но здесь оно сохранилось полнее. Интересно, почему? Быть может, следуя его нити, мы сумеем отыскать талисманы…

Утром, когда князь объявил своим людям, что они пойдут вверх по Рыбне, к Иктылю, подошел Сюзь.

— Беспокоюсь я: уже неделю, не меньше, как должны были появицця торговые корабли черезволок, да все нету их. Узнай, витязь, цто могло их задержать? Я тебе в проводники Кырныша даю — он и охотник, и сказания знает. Сам с тобою давеце просился.

— Ладно, разузнаю, — отвечал князь. — А за Кырныша спасибо, приглянулся он мне.

Затем на ладью пришла Нюбюи, с узлом на палке.

— Прошу тебя, Бор, возьми меня с собой! Сирота я, оттого и пошла с рыбаками как стряпуха. А теперь, спасшись от жертвенной участи, выйдя живою из стылого мира, я и вовсе буду никому не мила. Мне нечего здесь оставлять, братишку я пристрою к дальней родне, а потому прошу — возьми меня. Буду вам готовить, помогать ставить парус… — своими синими глазами упрашивала она князя.

— Хорошо, я должен только спросить свою дружину, — поспешно отворачиваясь, чтобы не утонуть в этих глазах-озерах, отвечал конунг. — Эй, други, послушайте! — обратился он к своим гребцам. — Возьмем ли мы на корабль ради стряпни девушку Нюбюи, спасенную нами и не имеющую родных?

— Если угодна она твоему сердцу, озерный конунг Бор, то мы согласны на это, хотя тяжело, может быть, будет сберечь ее во время схватки с врагом.

— Я сама стану рядом с вами и буду помогать! — отвечала отважная девушка.

— Хорошо, так тому и быть! — решил князь.

Оттолкнувшись от берега, корабль двинулся вверх по течению.

Река Рыбна оправдывала название. Язь, сиг и даже форель серебристыми молниями мелькали в ее прозрачной воде, и ловить их было не очень трудно. Недаром беличьегородцы славились как прирожденные рыбаки, хотя городок вырос вокруг мехового торжища. Чем дальше они двигались, тем больше берез стояло по берегам, оттесняя хвойные деревья, и чаще встречались выступающие на склонах каменные глыбы и скалы. Так прошел весь день.

Однако наутро обмелевшая река закончилась гораздо раньше, чем ожидалось. За излучиной, где Рыбну напаивали сильные родники, по дну каменистого русла струился пересыхающий ручей.

— В былые-то годы, по верховьям до самого волока можно было взойти, а нынче — гляди-ка! — воскликнул Кырныш, почесывая затылок.

— Стало быть, нам к волоку пешком идти, — сказал Бор, вылезая из ладьи. — Пятеро со мной, остальные здесь, ждите у корабля. Далеко до волока, Кырныш?

— Отсюда — верст десять, наверное, будет.

Само название Иктыль значило «Древний речной волок». Долго они шли по подсохшему руслу вдоль ручья, до того места, где начинался проложенный еще в древние времена желоб, пересекавший невысокий водораздел.

Бор обратил внимание, что скалы и камни, окружающие волок, в некоторых местах точно оплавлены молнией, некогда ударявшей в них. Не одна гроза должна была свирепо бушевать над этим местом в ту пору, чтобы оставить столько отметин небесного огня…

— Мне кажется, именно здесь происходила та колдовская битва, о которой упоминает легенда… — сказал он Кырнышу. — Но хорошо бы найти место заставы волхва Дану, и тогда, быть

может, отыщутся следы посоха Юмбела…

Между глыб, образовывавших нечто вроде котловинки, стояла покосившаяся изба с пристроенной конюшней. Однако людей поблизости видно не было.

— Где же волоковщики? — удивлялся Кырныш. — Тут всегда не меньше десятка молодцев стояло с тяглыми конями. И изба давно не чинена.

Войдя внутрь, они увидели сивого деда, сидевшего на лавке.

— Здрав будь, хозяин! — поклонился озерный конунг. — Где же все люди, скажи? Кто на волоке остался?

— Волоковщики? — переспросил дед. — Да они летось ушли, как работы не стало — а вертаться обещали, как санный путь наладится. Год нынче видишь какой сухой! А вы присаживайтесь, люди добрые — гостями будете.

Бор оглядывался в опустелой избе, и случайно на глаза ему попалась почерневшая древняя чаша, напоминавшая употребляемые для жертвенных возлияний. Механически он взял ее с полки, подивившись каменной тяжести вековечного дерева. И в луче света увидел на ее боку полустершуюся надпись, вырезанную рунами

— «ДАНУ». Это было имя древнего волхва!

— Скажи, отец, откуда эта чаша здесь?! — взволнованно спросил конунг старика.

— Дак в русле волока нашли, в ручье, — спокойно отвечал тот. — Тута ведь в давние времена застава была волховская, прямо на энтом месте и стояла, дед мне говаривал. Вот оттеда и досталась.

— А не слыхал ли ты о судьбе хозяина ее, имя которого вырезано на чаше — волхва Дану?

— Как не слыхать, слыхивал от деда моего! Тут великая битва произошла, тучи грозовые сгустились и молнии засверкали. А как тучи развеялись, открылось, что сгиб волхв Дану. И взяли его верные его, увезли на озеро Суурярв и там похоронили…

— А про посох его волшебный не рассказывал твой дед?

— Был у волхва посох великой силы, и чтобы никто из врагов не захватил его, положили тот посох в могилу к волхву…

— Спасибо, дед! — сказал Бор. Подумал: «Была ниточка — что волхв и его посох здесь похоронены — и нет ее. Где искать могилу на огромном озере? Правда, есть еще могила Даларна на поле битвы с этелькузцами… Может быть, там повезет, и один

талисман поможет отыскать другие?»

— Мы будем искать корону Даларна! — повернулся он к Кырнышу. — А отыщем корону — и следы остальных талисманов, может, найдутся. Далеко ли поле роковое, курганное?

— От места, где мы ладью оставили, — день пути на восход.

— Ну, так идем! Прощай, хозяин! — И вместе со своими людьми, покинув жилище волоковщиков, конунг быстро двинулся в обратный путь…

На следующее утро, затемно, оставив на судне полдюжины дружинников, князь двинулся с отрядом лесной тропой на восток. Когда день перевалил на вторую половину и солнце клонилось на закат, с последнего холма открылось обширное поле. То там, то здесь возвышались на нем, точно огромные кротовины, высокие и низкие курганы.

— Вот оно, поле роковой битвы! — указал Кырныш, обводя рукою это пространство, казавшееся неохватным. — До сих пор неохотно селятся люди на кровавом поле, боясь призраков погибших сотни лет назад…

— Где же среди этих курганов искать могилу Даларна? — спросил князь, озирая поле, кое-где поросшее рощицами деревьев.

— Наверное, он должен выглядеть так, словно вершина его сожжена огнем — ведь курган насыпали из кузнечного шлака, — предположил проводник. — Но в каком углу поля он — не знаю…

— Разделимся на три отряда: пойдем Гунн, Айсат и я, разойдясь в разные стороны. Поле не так велико, как кажется. Поиски начинаем немедля, авось, отыщется, — распорядился Бор.

Дойдя до середины поля, озерный конунг увидел курган средних размеров, укрывшийся среди купы сосен и берез. Низ кургана был некогда укреплен плитняком, кое-где проглядывавшим сквозь густой дерн, но верхушка была рыжа и гола, точно кострище. Ну, да — это был древний шлак кузни! Бор поднял свой рог и затрубил, и звук его разнесся далеко — вскоре откликнулись рога Гунна и Айсата. Они спешили на сбор.

— Должно быть, они спешили предать земле своего предводителя и отметить могилу. Сделать ее вершину бесплодной было неглупо, — сказал Бор. — Здесь возвышенность, с которой хорошо озирать поле битвы. Тут, наверное, он пал и на том же месте и был погребен… Что же, пусть его дух простит нас! Возьмем лопаты и примемся за дело!

Не прошло и двух часов, как показались древние бревенчатые плахи — части разобранного жилища, покрывавшие сверху могилу.

— Прости нас, дух Даларна, если ты покоишься здесь, за то, что мы нарушаем твой покой! — сказал конунг торжественно. —

Гунн, Айсат — поднимаем! — Они ухватили отрытые концы одной из плах и, с натугой подняв, отвалили на склон. Из темной дыры вышло сухое, холодное поветрие веками запечатанного подземелья.

Глава 11. РАРОГОВЫ ВАЛЫ

Отодвинув еще одно бревно, они открыли погребальную камеру и заглянули внутрь. Им открылись мрачные внутренности могилы. Сохранившись в сухом воздухе, прямо на них смотрел пустыми глазницами обтянутый засохшей кожей скелет рослого воина в древних доспехах. Рядом с ним простерся костяк коня. Длинное полуистлевшее копье лежало в могиле наискось. В углу склепа находились шлем и щит с двенадцатилучевой звездой, нарисованной в центре. Череп воина с сохранившимися светлыми волосами был непокрыт.

— Двенадцатилучевая звезда — знак Даларна! Нет никаких сомнений, это он! — воскликнул Кырныш, указывая на щит.

— Но где же корона? Быть может, она скрыта на груди? — Бор, спрыгнув в могилу, отвернул истлевший плащ. — Что это?! — вырвалось у него, когда он увидел обломанный проржавевший наконечник копья, торчащий из опавшей груди мертвеца. Копье застряло в кости. — Отважный Даларн, вождь, был убит в спину?!

— Да, это так! — ответил побледневший Кырныш. — Тем, кто обучается сказанию о Рати, на последнем занятии учитель передает темную его половину… Ты видишь, конунг, он в убранстве конного воина, и с ним положен его конь, заколотый над могилой? Даларн возглавил тех, кто, подобно людям из Этелькузы, оседлал коня вместо ладьи. Конь лучше, если желаешь захватить власть на твердой земле. Даларн хотел стать единственным конунгом всего Озерного Края, в ту пору это носилось в воздухе, каждый хотел власти. Но лишь его дружина была самой сильной, и он уже мог навязывать свою волю почти всем и не так уж и считаться с волхвами… Но когда многие из его сторонников и людей пали в битве и враг был разбит наголову, было решено, что Даларн станет дальше опасен, а сейчас он слаб… И его ударили в спину…

— Так его убили свои, люди из Поозерья?

— Да, так говорит сказание. И свершилось это не без ведома волхва Дану, стоявшего плечом к плечу с ним…

— Эй, но короны все ж-таки нигде нет! — вернул всех к печальной действительности Гунн. — Или постойте, вот плита, и на ней нацарапаны какие-то руны! Может быть, в них ключ к тайнику?

Бор повернулся к тому углу, на который указывал его помощник, и рукой стерев пыль веков с вертикально установленного плоского камня, прочел наспех нацарапанное

четверостишие:

В пляске мечей
Был в спину сражен;
Венец его поднят
Вражьей рукой.

— Вот так-так! Значит, могучий талисман был захвачен врагами?

— В песне о Рати говорится, что Дану одолел и низверг в Туонелу всех вражьих колдунов. Стало быть, враги не могли узнать о волшебных свойствах короны, зато польстились, наверное, на ценность чистого древнего золота, из которого она была сделана, — предположил проводник-сказитель.

— Как же нам узнать это, во имя Юмбела? — воскликнул Бор.

— Можно поехать к потомкам людей из Этелькузы, они обитают за Рароговыми валами, в полудне пути отсюда. Может быть, они сохранили какие-нибудь воспоминания об этих событиях и о судьбе венца? — предложил Кырныш.

— Так тому и быть, — согласился озерный конунг. — Засыплем курган до темноты, чтобы прах Даларна не был осквернен, заночуем в поле, а завтра — в путь.

Кряхтя, они вместе с Гунном снова навалили бревна на склеп, и дружинники принялись засыпать могилу, пока курган не приобрел прежний вид. Срубив пару засохших елок, они развели поодаль костер и заночевали.

Ясным утром дружина двинулась дальше, прямо на юг. Вскоре после полудня Бор увидел темную полосу на горизонте, которая спустя час превратилась в высокую, хотя и оплывшую насыпь, шедшую через широкие поляны и рощи от одного конца видимого пространства до другого.

— Это и есть Рароговы валы? — спросил конунг, озирая грандиозное сооружение.

— Да, — ответил Кырныш. — Мы сюда редко приходим охотиться: леса здесь редеют. Предания об этих валах говорят, что Рарог перепахал эту землю, чтобы защитить Поозерье от змей, надвигавшихся с юга. Так это или нет, но иногда в этих валах находили истлевшие кости, древние бронзовые шлемы с зубчатым, как пила, гребнем, бронзовые наконечники стрел и копий и значки, изображавшие змей. Легенды утверждают, что валы насыпаны колдовством еще до того, как встал Хоровод Сейдов на туманном Йемсалу…

— Почему их не использовали в битве Даларна и Дану, ведь через них не так просто перебраться верхом на конях? —

удивился Бор.

— Ближе к Иктылю есть широкий проход. Люди из Этелькузы разбили заблаговременно выставленную на валах стражу и успели пройти на эту сторону, говорит сказание. Теперь они, отброшенные, осели в Завалье, среди березовых и сосновых колков… — ответил проводник.

Поднявшись на верхушку громадного пологого вала, они увидели с его высоты огромные пространства трав и кустов. На краю ополья виднелся приютившийся там поселок из черных конических домиков.

— Это селение этелькузцев, — указал Кырныш.

— Пошли, — только глянул князь исподлобья и сбежал по склону вниз, за ним и остальные. Но не успели они пройти немного от вала, как от поселка уже отделилась группа всадников и стала приближаться к ним, растекаясь постепенно полукругом. Сблизившись, они завыли и, вскрикивая: «Дельбеген! Дельбеген!» — принялись размахивать над головами кривыми мечами, копьями и потрясать небольшими круглыми щитами. Уже ясно виднелись их круглые шапки, по бокам опушенные черным мехом, черные нательные полушубки всадников и между них — широкие желтоватые лица и черные пряди длинных волос. Земля задрожала под копытами коней.

Отряд выстроился в круг, ощетинясь копьями. Всадники с воем наскочили, уклоняясь от острий и стараясь сбить с ног людей. Бор, выхватив меч, ринулся вперед и ударами мечом плашмя принялся ловко сшибать конников. В одну минуту он ссадил троих или четверых удальцов, выпавших из седел с сильными воплями. Всадники отвернули и закружили в нескольких десятках шагов.

— Чего надо, лесовики? Зачем пришли? — крикнул самый рослый, у которого на шее сверкал золотой медальон с изображением головы коршуна.

— Мы пришли с миром! Я хочу расспросить ваших стариков о давних временах! Поэтому я даже никого не ранил, хотя вы напали первыми! — крикнул Бор. — Согласны ли вы принять нас как гостей?

— Хорошо! Если вы с миром, мы примем вас! Это обещаю я, Охаз, предводитель всадников.

Бор был рад, что не произошло стычки: конные лучники были бы смертельно опасны для маленького отряда.

Повсюду вокруг селения паслись кони и скот, такие тощие, что становилось ясно — засуха не обошла и эти места. Люди также выглядели истощенными и истомленными. Поселок состоял из куполовидных круглых домов из дерева и плетенки,

крытых потемневшими от непогоды кошмами и шкурами. Эти дома напомнили князю маленькие храмы Поревита. Молчаливые чернявые женщины в нагольных шубах и окружавшие их грязные детишки сидели и работали между домов.

— Мне нужно поговорить с главным вашим волхвом или кудесником — как у вас называют людей, знающих нить преданий? — обратился Бор к спешившемуся Охазу. Тот сделал ему знак следовать за собой. Перед самым древним из бревенчатых шатров стоял шест, увенчанный резной головой коршуна, с него свисали лошадиные хвосты и колокольцы.

— Здесь живет шаман Гере, он старый и много знает. Если он захочет принять тебя, можешь говорить с ним, — сказал Охаз и поднял полог. Князь кивнул и вошел в полутемный шатер.

Воздух внутри нельзя было назвать благоуханным. Старик в лисьей шубе, с расшитой шапкой на голове, из-под которой виднелись седые лохмы, расположился на низком сиденье у огня.

— Я, озерный конунг Бор из Дингарда приветствую многоумного шамана Гере и прошу не отказать его в мудром совете! — произнес гость.

— Привет и тебе! — отвечал хозяин. — Присаживайся. Какой совет тебе нужен?

— Я прошу помощи в поисках. Давным-давно была битва между нашими предками. И погиб в ней озерный вождь, и корона его потерялась — известно лишь, что была она унесена с поля брани воином из Этелькузы. Не говорят ли об этом ваши сказания?

— Да, — ответил Гере и повернул свое желтое, высохшее лицо к гостю. — Есть у нас песня о том, как народ наш пришел в эти края и отвоевал у лесовиков право на те земли, что сейчас мы занимаем. Но погиб в той битве победоносный вождь Эрезуга… И в качестве посмертного дара был поднесен ему венец князя лесовиков… И по сей день лежит он в славной могиле Эрезуги.

— Скажи мне, шаман, где эта могила? — взволнованно спросил Бор.

— А зачем тебе знать это?

— Этот венец — один из талисманов, необходимых для победы над колдовскими силами, вызвавшими засуху в Озерном Крае, от которой, как я могу судить по облику ваших людей и животных, жестоко страдает и твой народ, многомудрый Гере.

— Я скажу тебе то, что знаю. — Шаман подбросил в огонь щепотку высушенной травы, которая, вспыхнув, обратилась в клуб дыма с резким терпким запахом, вызывающим легкое головокружение. — В древней гробнице, высеченной неведомым племенем в незапамятные времена, нашел свое последнее

пристанище славный Эрезуга. Там он спит, ожидая, когда придется идти на выручку своему народу в новой битве!

— Ты уклонился, мудрый Гере — как найти эту могилу?

— Ах, да… Говорится в песне, что она там, где каменные великаны поднимают свои головы над лесом, на каменистом плато. Вход в нее обращен на закат… Но много, много дней пути до нее. За прошедшие века леса на востоке стали гуще и темнее, и опасны они сделались для путников!

— Что же, мы достигнем этого места или погибнем!

— Ладно. Но поклянись тенями предков, что не потревожишь Эрезуги и не возьмешь из его могилы других драгоценностей!

— Клянусь на лезвии моего меча! — Вынул Бор клинок и, опустив плашмя, положил руку на лезвие.

— Тогда я дам тебе самому мне непонятный совет из песни: остерегайся коршуна, ибо он поставлен стеречь покой Эрезуги! — С этими странными словами Гере умолк и, закрыв глаза, засопел, точно спящий.

Князь вышел наружу и в сопровождении ожидавшего его воина-этелькузца возвратился к своему отряду, и они отправились в обратный путь. Их сопровождали люди осторожного Охаза, с сожалением смотревшие на добротное оружие чужаков, но уважавшие обычай гостеприимства. Солнце уже склонялось к закату, когда они подошли к Валам.

Вдруг на гребне показался бледный силуэт всадника.

— Эрезуга! — суеверно прошептал Охаз, желтея еще больше. — Он предостерегает нас!

— Даларн! — воскликнул Кырныш, складывая руки.

Внезапно всадник резко повернул голову, и все увидели его рогатый шлем и огненные круги глаз. Словно грозя, силуэт поднял руку — и исчез!

— Рота-Мублена иногда изображали таким! — сказал тихо многоопытный Гунн, и всех точно овеяло холодом.

— Вы навлечете на нас проклятие предков! — выкрикнул в ярости Охаз.

— Тихо! — сказал конунг, убирая в ножны уже выхваченный меч. — Не знаю, зачем явился этот выходец из мира Туонелы, но это — предупреждение, и будем настороже!

У вала два отряда расстались, и дингардцы поднялись наверх, чтобы идти на свою сторону. Бор, приметивший где стоял «всадник», вдруг наклонился и вынул из земли, отряхивая приставшую почву, зеленый полуокислившийся пробитый бронзовый шлем с выступами для рогов и пилообразным гребешком наверху.

— Вот все, что осталось от того, кто явился нам из

Туонелы! — показал он свою находку остальным. — Недаром вооружение его показалось мне ужасно древним! Но кто вызвал его, чтобы припугнуть нас? — Он покачал головой. — Долог путь к горам Харвад! Но мы должны поторопиться, ибо я чувствую, что с каждым днем петля колдовства все туже охватывает нашу страну!

На следующий день к вечеру они добрались до корабля. И к закату третьего дня подошли к пристани Беличьего города.

Глава 12. ЖИТЕЛИ ТЕЛЕОРМАНА

Бор отправился к Сюзю и рассказал ему все, что узнал.

— Где же эти каменные исполины в горах? — спросил он.

— Слыхал я о том плато… — задумчиво говорил Сюзь. — На восходный берег озера пойдешь водою, а дальше — через лес Телеорман придется идти к горам… Кырныш охотник опытный, он поможет найти дорогу — я его с тобой отправлю. Хоть он в те места и не хаживал — да лучший наш следопыт!

— Телеорман… — Князь поскреб бороду. И до него доходили зловещие слухи об этих дебрях, глухой окраине Озерного Края.

— Говорят, в горах Харвадских не все цисто — да мало ли какие слухи ходят? Не в одиночку пойдете, дружиной. Молитву за тебя богам вознесем, — успокоительно рассудил Сюзь.

Услышав о судьбе Даларна, он призадумался:

— Даларн, слышь, у Рароговых валов, на опольях своих коней выпасал. Да люди его многие с севера были. Оттого, увидя, цто на юг им ходу нет, пошли они воевать себе земли где-то на полноци… Да ушло то войско, и слуху о нем никакого не стало. Так и пропали…

Наутро вышли в озеро. Целый день шла ладья правым бортом вдоль слегка извилистого, поросшего лесом берега, все круче забиравшего к полуночи.

С приближением вечера, они пристали у приметного скалистого наволока, прикрывавшего их глыбами камня от полуночного ветра.

— Отсюда надо идти пешком, — сказал Кырныш, когда корабль вытянули на берег. Разбив лагерь для остающихся, они развели большой костер и предались долгожданному отдыху.

На следующее утро, оставив полдюжины человек караулить ладью, Бор и его люди, взвалив на плечи мешки с припасами, двинулись в глубь леса. Таинственно потрескивала кора вековых деревьев, и только иногда вдруг раздавался далекий стук дятла. Девятнадцать человек, считая Кырныша и Нюбюи, шли гуськом по звериной тропке уходившей в чащобы. Так двигались они целый

день, преодолевая порой лесные буреломы и гари, иногда им попадались места, похожие на заросшие еще в старину вырубки.

Под сумерки они выбрались к журчащей лесной речке, на берегу ее раскинулась обширная поляна, оставшаяся от старинной запашки.

— Деревня! — вдруг воскликнул радостно кто-то из дружинников, заметив избушки на противоположном конце поляны. Но чем ближе подходили они к ним, тем беспокойнее становилось на душе: ни огонька, ни звука не было там. Наконец Кырныш остановился, содрогнувшись и резко выдохнув:

— Столпы!

И действительно, избушки были гораздо меньше, нежели представлялось издалека. Они стояли на четырех бревенчатых ножках и не имели даже волоковых оконец — был только темный проем входа, обращенный на закат. Целый век простояли в уединении эти домовины, приподнятые над землей от дикого зверя!

— Сто лет уж, наверное, как последний из них был поставлен, а и до них было много! — нарушил затянувшееся молчание Кырныш, показывая на темневшие то там, то здесь холмики сгнившей трухи. — Вон сколь мертвых упокоилось; долго жили тут люди…

— Но отчего столпы перестали ставить? — спросил вдруг Гунн. — Место забросили, или вовсе ушли отсюда?

— Интересно, ведь как раз сто лет назад появились ведьмы в Изкаре, — прикинул сроки Бор. И эта зловещая параллель не развеяла невольного трепета, который вселяло в душу каждого это место вечного упокоения.

— Лучше заночевать подалее отсюда! — заключил всеобщее мнение Гунн.

Проходя мимо заброшенных столпов, Бор заглянул в один из домиков, и в лучах низкого солнца увидел желтые кости, причем ему показалось, что у скелета недостает одной ноги. Заинтересовавшись, он посмотрел в другую избушку, в третью и отметил, что у скрючившихся там костяков также не хватает рук или ног.

— Что бы это могло значить? Впрочем, наверное, мелкий зверь все-таки добрался, или вороны растащили кости…

Под утро князь сквозь сон услышал слабый вскрик и шум, а когда он окончательно проснулся, то первое что увидел — уже угасающий в предрассветной дымке костер. Караульщиков не было видно. Он вскочил на ноги, точно подкинутый пружиной, и сон сняло словно рукой, когда он увидел неподалеку от себя разбросанные щит и копье, хозяин которых отсутствовал.

— Вставайте! — поднял он всех на ноги приглушенной командой. В кустах нашелся еще один щит.

— Наши караульные исчезли, их похитили! — воскликнул он. — Но почему не тронули остальных?

— Наверное, они могли захватить лишь нескольких пленников, надеясь замести следы? — предположил Айсат.

— Так ищи их следы, зоркий Айсат! Отыщи их, меткий Кырныш! — в бессилии сжимал рукоять меча предводитель дингардцев. Во мгновение ока, бесшумно свернув свой стан, они бросились за следопытами, угадывавшими путь ночных похитителей по неведомым для непосвященных признакам.

Часа через два отряд вышел вдруг к широкой лесной прогалине. Посреди поляны виднелась изгородь, до половины скрывавшаяся в утреннем тумане. Тын этот, ограждавший, как видно, двор, имел весьма зловещий вид: в нем на высоких тычинах торчали человеческие черепа и истлевшие людские и звериные головы. За тыном темнела кровля каких-то хором.

— Здесь они! — уверенно сказал Кырныш.

— Что это?

— А, кощуний двор.

— Какой?

— Головы на тычинах видишь? Так кощуны, черные лесные волхвы, свои хоромы огораживают. Хозяин кощунит на болотах, со свартен темные дела творит… И челядь у него, поди, не пойми кто…

— Отчего же он двор тут свой поставил? Людей вроде, поблизости не видать…

— Оттого и поставил, что мило ему безлюдье… Нападем или добром будем просить вернуть наших?

— Пойдем ближе, там посмотрим. — Бор поправил меч и проверил, хорошо ли вынимается висящий за плечами тяжелый ржавый клинок, победитель ведьм, который он на этот раз взял с собою. Пригибаясь, он бесшумно побежал в тумане к зловещей ограде, остальные понеслись следом за ним.

Ничто не нарушало призрачную тишину утра. Внезапно, когда оставалось несколько шагов до подножия частокола, из земли поднялось перед ними темно-багровое, гудящее, клубящееся пламя, широким кольцом охватывавшее двор.

— Огненная крада! — Дружинники и проводник отпрянули назад. Только князь не растерялся ни на секунду. Выхватив у одного из своих бойцов копье — а дингардские копья имели древки толстые, как рогатины, — с разбегу ткнул его в землю, прыжком перелетел через пламя, опалившее подошвы сапог, и приземлился у самого тына. Затем он с размаху воткнул нож в

дерево на уровне пояса. Вскочив ногой на рукоятку, рискуя упасть в густое пламя, опахивавшее жаром спину, пальцами уцепился за сучки и трещины палей и, вспрыгнув, повис на руках на краю частокола.

Подтянувшись, он выглянул из-за ограды. Во дворе несколько вооруженных слуг в одеждах из шкур наружу мехом и видом своим мало отличные от зверей, поспешно готовили несколько укрепленных на тыне самострелов. Они опешили, увидев над частоколом бороду и яростные глаза князя. Этого мгновения ему хватило, чтобы взобраться наверх и соскочить во двор с мечом в руках. Люди с темными сальными волосами до плеч, заросшие бородами до ушей, кинулись на него со всех сторон, замахиваясь топорами и рогатинами. Но несколькими молниеносными ударами своего блестящего лезвия озерный конунг заставил их всех с воем ретироваться.

Подскочив к воротам, запертым толстой слегой, он ударом сапога выбил ее и потянул скрипящую створку на себя. Однако и там бушевало пламя, преграждавшее путь его людям. Бор развернулся.

— Зови хозяина! — заревел он. — Пускай отдает моих людей! Или все здесь разнесем по бревнышку, по косточке!

— Ты меня, Верхарда, зовешь? — раздался вдруг голос из глубины странного терема, представлявшего широкий сруб, поставленный на более узкий, глухой — так что на второй этаж по стене нелегко было бы забраться. На крутой разборной лестнице показался человек в куколе, из-под которого выглядывало узкое, как топор, щетинистое лицо с горящими глазами. В руке он держал небольшой ковш на изогнутой длинной ручке, в котором что-то шипело и клокотало.

— Я сожгу тебя, дерзкий! — прошипел он. Слегка побледнев при виде сверкающего меча, кощун сделал все же еле заметное движение, чтобы выплеснуть содержимое ковша на князя. Но таким же неуловимым взмахом Бор вышиб ковш, и тот раскололся оземь, и бурая земля, покрытая жухлой травой, мгновенно почернела и запузырилась.

— Выдай моих людей, или умрешь! — Конунг так же молниеносно поднес лезвие меча к горлу кощуна. Тот, точно обжегшись, отпустил схваченные было гальдерские четки на груди и как завороженный уставился на смертоносную сталь.

— Хорошо, хорошо! Только будь осторожен с мечом, прошу! Эй, люди — вывести пленных! — Торопливые слуги быстро отперли погреб и вывели оттуда двух оглоушенных дружинников в порванной, окровавленной одежде. Бор бросил зловещий взгляд на похитителя, от которого тот содрогнулся.

— Теперь погаси пламя! — Кощун пробормотал несколько слов, сделал рукой замысловатое движение — воздух содрогнулся, и пламя за воротами унялось, как не бывало.

— Зачем ты захватил их? — спросил князь, но кощун только в ужасе покачал головой — даже страх смерти не мог заставить его развязать язык, и Бор, поняв это, призадумался. Он велел хозяину следовать за собой, не опуская меча, и последним перескочил широкий обугленный ров, глубиной лишь до колена, дно которого покрывал густой слой сажи. Снаружи его и освобожденных ожидала, подняв копья и щиты, верная дружина.

Когда ворота захлопнулись позади них, кощун появился наверху и в злобе прокричал:

— Погоди! Ты еще узнаешь, что́ эти леса и кто в них живет! Ты раскаешься еще! — В голосе его звучали неизбывная тоска и лютость.

— Странные эти кощуны… — сказал позже Кырныш Бору, — загадками говорят, а мороз по коже пробирает. Но вряд ли он человечиной балуется…

— Тогда для чего или для кого он захватил наших людей? Вот вопрос… — Князь покачал головой.

День перевалил на вторую половину, когда они вышли к странной деревне из покосившихся домишек стоявшей посереди обширной вырубки. Границы ее обозначали столбы с вырезанными на них головами волков, зайцев, птиц. В невысоком заборе, ограждавшем поселок от леса, торчали почерневшие тычины с желтыми черепами.

В деревне оказалось на удивление немного людей — белесых, со свинячьими, мутно-светлыми, без ресниц глазами. Они были молчаливы, казались равнодушными ко всему. Стариков нигде не было видно.

— Как зовется ваша деревня? — спросил Бор какого-то мужчину.

— Грива, — ответил тот скупо.

— Не знаешь, как дорога к Харваду идет в здешних болотах?

— Да вот так и идите, все прямо и прямо на восход — не заблудитесь, холмы выведут, — отвечал тот с простодушным видом, но Бору на миг почудилось, что глаза мужичка при этом как-то не по-хорошему сверкнули.

Когда вышли они за пределы деревеньки, где не было причин задерживаться, Гунн наконец произнес:

— Странно это… ни серпа, ни косы не видно, ни даже гвоздя где вбитого и то нет… Будто без железа живут. Конечно, мы в дома не заглядывали — ежели они железо издалека покупают, так в избе все припрятано…

Только когда ушли они далеко, то поняли, что обманул их мужичок. Кругом, куда ни кинь взгляд, чавкало болото. Кырныш шел молча, по какой-то им одной угадываемой тропе выбираясь на сухое место. И вот наконец, когда солнце совсем опустилось, вышли они на безлесое плоское всхолмие.

— Странно, место такое, что вроде и люди должны быть на этом холме, или хоть следы их остаться… — Кырныш внимательно оглядывал широкую прогалину. Трава и поросль на песчаных грядах были притоптаны, а на соснах, окружавших округлую площадку, виднелись многочисленные глубокие царапины.

Внезапно в середине площадки он увидел каменный столб, украшенный искусно вырезанными зубастыми пастями и увенчанный странной фигурой зайца — и даже побелел:

— Диверкиз! Лесное божество смерти!.. Так вот куда мы зашли!

— Кто это? Что тебя поразило? — схватил его за плечо Бор.

— Мы в логове волкодлаков, конунг, — сказал Гунн со спокойствием человека, привыкшего за долгую жизнь смотреть в лицо любой опасности.

— У нас рассказывают, что среди болот живут люди, которые в особые ночи превращаются в волков, — пояснил Кырныш. — Но кто с ними повстречается, тот ничего уже не скажет. Иногда находят в отдаленных местах, близлежащих к Телеорману, останки людей, разорванных на части, или с отгрызенными руками и ногами, умерших от потери крови и нестерпимого ужаса…

— Так вот почему покинутым оказалось кладбище со столпами! Исчезли, погибли все, некому было об этом поведать! — воскликнул князь. — И давно идут у вас эти рассказы?

— Давно… Говорят, пришлые они откуда-то; а вернее — размножились в глухих полуночных лесах. Быть может, после битвы Даларна началось это, когда с севера многие ушли на нее, а не вернулся почти никто… Поклоняются они богу Диверкизу в образе зайца, как символу изменчивой смерти. Вот здесь — их мольбище, и должно быть сегодня — та самая ночь!

— Надо бежать, пока не смерклось совсем! — воскликнул озерный конунг. — Теперь-то ясно, зачем наши люди понадобились кощуну — откупается пес от волкодлаков жертвами, а не удается — так огнем испепеляющим грозится!

Минув каменного идола, у подножия которого с содроганием увидали полуистлевшую кучу изгрызенных человеческих черепов и костей, они снова углубились в лес. Кырныш торопился, ведя их

среди лабиринта болот, однако ночь застала их все еще не так далеко как хотелось бы. Нарубив смолистых ветвей, они сделали из них факелы и двинулись дальше освещая себе дорогу.

Поздно вышла полная луна и озарила чащу своим мертвенным сиянием. И откуда-то издалека послышался многоголосый волчий вой. «Это стая напала на след!» — в страхе закричала Нюбюи в предчувствии неминуемой гибели, и Бор впервые пожалел, что взял ее в это путешествие, тяготы которого она до сей поры мужественно сносила.

— Вперед! — крикнул он. — Будем идти до конца, и мы победим!

…Волкодлаки набросились молча, со всех сторон сразу, злобной, молчаливой стаей. И ничто не спасло бы людей, если бы не боевая выучка: они сразу образовали замкнутый круг щитов и копий, одним из звеньев которого служил Бор с двумя разящими мечами в руках. Для волкодлаков одинаково смертоносным было ржавое лезвие, странно легко пронзавшее их, и сверкающий меч, рубивший живучих оборотней пополам.

Но вот один боец пал, второй… На третьего волк-оборотень прыгнул, и он, пронзив врага, сам так и умер, стоя, поддерживаемый под локти товарищами. У многих кровь лилась из ран. Волкодлаков, наверное, были сотни.

Князь, весь в крови, работал как мясник на бойне. Те, кого он ударил своим мечом, уже не обернутся ничем, кроме корма для червей. Но остальные люди начинали выдыхаться, их удары слабели и скользили по гладкой шерсти врагов.

Неожиданно Кырныш, поставленный вместе с Нюбюи в середину круга как незаменимый проводник и только с топором оборонявший образующиеся в обороне бреши, указал на небольшой холмик, на верхушке которого что-то темнело:

— Скорее туда, и мы спасемся!

Тогда, отбиваясь от неослабевающего натиска волкодлаков, они отступили на этот холм. Темный камень оказался древней каменной головой, на губах ее змеилась презрительная улыбка, адресованная тем векам и тысячелетиям, которые не сумели совладать с нею.

— Есть у кого-нибудь золото? Скорее, или мы погибли! — крикнул Кырныш. Бор, на секунду воткнув один из мечей в землю, снял с пальца и бросил ему золотой перстень Байдура.

Кырныш схватил перстень и поднес его к каменным устам.

— Тебе жертвую золото, Ойум-древний, для спасения душ храбрых витязей и девушки от оборотней! Произнеси свое заклятие! — воскликнул он. Внезапно, как показалось на секунду обернувшемуся князю, слепые каменные глаза раскрылись и

наполнились белым огнем, а лук презрительных губ изогнулся еще больше и бестелесный Голос прошептал Слово, эхом отдавшееся в ночном лесу. Волкодлаки замерли, а затем всей стаей, как один, обратились в беспорядочное бегство, мгновенно исчезнув между деревьями.

— Что это?! — воскликнул конунг, опустив оружие. Его люди, стараясь отдышаться, истомленно опустились на землю. Руки Кырныша были теперь пусты, и каменная голова вновь казалась мертвой.

— Из поколения в поколение, от прадеда к деду передавалось у нас предание о капище Ойума, болотного бога, которому в старину поклонялись, молились и приносили жертвы древние люди! — сказал проводник. — Говорили, что был это каменный исполин, увязший в болоте, и лишь голова его поднималась над землей. Золото делало его всемогущим. Давным-давно, когда еще строился Хоровод на Священном острове, здешние болота были еще обширнее и кругом жили племена, поклонявшиеся Ойуму и приносившие ему золото и жертвы, топя их в трясине. Среди них, были возможно, и немногочисленные тогда волкодлаки… Но племена исчезли, болото почти заросло, а идол на холме, некогда бывшим островом, остался… Но, видно, изголодался по драгоценным жертвам, и жадно принял наше золото…

— Случай спас нас… Или благие боги? — Бор покачал головой. Измученные люди улеглись прямо на холме, забывшись тяжелым сном…

Глава 13. СКЛОН ХАРВАДА

Чем дальше люди углублялись в чащобы Телеормана, тем больше лес оправдывал имя «Безумного». Болота волкодлаков сменились буреломами. В жарком сухом лесу не было воды — только корни вывороченных из песка деревьев, да злобные надоедливые оводы. Лишь к вечеру стало полегче — они начали подниматься на возвышенность, где их овевал прохладный восточный ветер.

На следующий день подъем сделался круче, почва стала беднее и каменистее, а с открытых мест можно уже было разглядеть окружающие леса. Где-то там, выше гребнем дракона громоздились скалы.

— Вот он, Харвад-хафьель! — воскликнул Бор, кому хотелось петь при виде могущества диких вершин: — Скалы Харвада!

Они вышли на тропу, ведшую на юг. Вдруг под скалами появилась фигура, она молча размахнулась рукой, и нечто блестящее быстро понеслось вниз по склону, прямо на отряд

дингардцев. Стремительно несущийся предмет трудно было разглядеть, но князь велел отступить с открытого места под прикрытие деревьев. Прикрываясь щитами, все постарались быстрее исполнить приказание, но один из дружинников замешкался…

Вблизи таинственный предмет оказался летящим со свистом колесом, обод которого сверкал огнем. Отставший человек поднял щит, но колесо подпрыгнуло слегка, раздался удар, жуткий вопль — и… оно выскочило из спины несчастного! Щит и человек были рассечены пополам! Ужасный вопль еще стоял в ушах тех воинов, кто успел укрыться за деревьями. Колесо покатилось в обратную сторону, к своему хозяину, и сверху раздался подхваченный эхом жуткий смех!

— Я слышал о нем… — заговорил бледный Кырныш. — Это колдовское Колесо Балсага… Оно убивает всех, кто пытается пройти… Его хозяин, говорят, поклоняется самому Чернобогу и за то получает от него по году жизни за каждого сраженного Колесом.

— Как же нам пройти? В обход?

— Кажется, там ущелье, надо делать большой крюк…

— А, ладно! — Бор шагнул на открытое место. И сверху вновь понеслось колесо, но в руках озерного конунга был не щит, а два меча. И вот сверкающий обод уже нестерпимо близко… Но князь, подпрыгнув, ударил своим старым мечом наискось, брызнул сноп искр, и в этот миг ржавый клинок, точно молот обрушился на ребро сверху, и под тяжестью этого удара колесо застонало, будто живое. Изменив направление, оно врезалось в дерево с такой силой, что оно задрожало. Затем, вырвавшись со скрипом, вихляясь и подпрыгивая, колесо покатилось наверх, все увеличивая скорость.

Бор оглядел свой меч — прекрасная сталь была зазубрена, и он надеялся, что на режущей кромке колеса тоже осталась хорошая щербина. Внезапно сверху, куда исчезло колесо, раздался страшный вопль.

— Колесо поразило хозяина, — сказал охотник. — Я слышал, что если оно, пущенное в ход, не изопьет крови, то, возвратясь к владельцу, убивает его.

— Это свойство всех заколдованных гибельных орудий! — подтвердил Гунн, знавший подобные истории.

— Что же, поделом! — спокойно сказал Бор, пряча оружие и растирая гудящие от богатырских ударов руки. — Пускай его кости там, на скалах выбелит солнце!

Похоронив павшего, они двинулись дальше.

…Наконец, скальный гребень стал ниже, и они оказались на

обширном наклонном плато, возвышавшемся над окружающими лесами, точно остров среди моря. Огромные неровные каменные столбы — детища ветра или колдовства, поднимались среди равнины, и ветер заунывно свистел среди редкостоящих гигантов.

— Вот оно, Плато Великанов! — сказал проводник.

— Гробницу надо искать где-то в западной его части! Не так уж оно и велико — авось, до заката успеем! — Князь первым двинулся между столбов, уже отбрасывавших длинные тени, пересекавшие истрескавшуюся поверхность плато.

Они шли, наверное, уже больше часа, отыскивая что-нибудь похожее на вход в гробницу. Вдруг Айсат, заметивший нечто, показал товарищам:

— Смотрите, это вовсе не тень! — Рука его была направлена на склон плато, где виднелась загадочная темная полоса. По мере приближения это оказался ряд каменных глыб, утопленных в землю.

— Должно быть, это и есть гробница! — обрадованно воскликнул Кырныш. Там, где камни, покрытые большими плитами сланца более всего выступали из земли, привалился большущий валун.

— Вход здесь… — произнес Бор.

— Как же нам вынуть эту глыбу? — огорчился проводник.

— А вот сейчас попробуем! Давайте-ка слеги! — Подали толстые слеги, заготовленные в лесу по приказанию предусмотрительного конунга. Бор, Гунн, Айсат и еще один сильный дружинник подсунули их концы под камень и одновременно налегли на свободные части. Глыба полезла из земли, с глухим стуком подалась вбок и гулко перекатилась, закачавшись на скальном уступе, как бы специально созданном справа от темного входа, уходящего в недра земли.

Проникавшее вглубь солнце осветило стены из грубо обтесанных плит, образующие ход высотою в рост человека.

— Зажгите факелы! — распорядился Бор. Вместе с Гунном, Кырнышем и еще двумя или тремя дружинниками он вошел в галерею. Трещавшие факелы выхватывали из тьмы стены, в нишах которых угадывались очертания рассыпающихся от старости черепов. Шагов через сто, казавшийся бесконечным коридор окончился в небольшой камере, вырубленной в цельной скале.

— Вот оно! — сказал князь, когда пламя факелов осветило скелет рослого человека, полулежавший на истлевшей лошадиной шкуре. Череп его венчала блестящая диадема, изображавшая двух сцепившихся клыками диковинных хищников, похожих на рысей. У ног его валялись кривой меч в истлевших ножнах, копье, лук, булава. Чуть в стороне были навалены

многочисленные дары, среди которых Бор заметил золотой обруч с кружком в налобной части. Так должен был выглядеть венец, украшавший военного предводителя в час битвы, — ведь он надевался поверх боевого шлема.

— Вот она, корона Даларна! — воскликнул Бор и взял венец в руки. — Здесь лежит Эрезуга, конунг людей Этелькузы.

Какие-то тени, казалось, колеблются в головах скелета. Князь надел венец Даларна, на ощупь определив, что кружок в середине имеет углубление в виде вытянутого шестигранника — знак Грома. Тут же какие-то отдаленные крики и вой почудились озерному конунгу, но он решил, что это свист ветра в щелях каменной кладки.

В этот миг луч садящегося солнца через коридор проник в самую глубину гробницы, коснулся черепа. И скелет, подняв облако пыли, превратился в груду праха. А на задней стене склепа высветились высеченные в пыльном камне древние знаки.

— Вновь увидели свет древние руны… Я думаю, это не гробница Эрезуги — они использовали более старую постройку… — сказал Гунн.

— Я знаю, шаман говорил об этом. Смотри! Она повернута прямо на Йемсалу, на Хоровод. Я думаю, она построена тогда же и теми же людьми — древними хозяевами всего Поозерья! — ответил князь. — Как Хоровод повернут к восходу, так она на закат… Это был великий народ!

— Но смотри, вот и коршун! — Бор показал грубо вырубленную каменную статую птицы на постаменте в углу. — Шаман предостерегал от коршуна!

— Вот еще один! — Гунн кивнул на висящий на стене щит с изображением головы коршуна, выдыхающей пламя. Краски за века почти не потускнели. Князь не смог удержаться и снял его с бронзового крюка: щит зазвенел — снаружи он был из полированной стали, протравленной рисунком, а изнутри — из плотной, легкой кедровой древесины, выдержавшей время.

В этот момент один из дружинников, несмотря на предупреждение князя, потянул красивую серебряную цепь, лежавшую поверх общей груды даров. И из раскрывшегося клюва каменной птицы ударила струя огня. Бор едва успел прикрыться щитом. И поразительно: упруго ударившее пламя — отразилось от щита, окутав на миг огненным облаком статую, почерневшую от копоти.

— Ничего не трогать! — заревел князь, после ярчайшей вспышки как и остальные с трудом различавший в полутьме окружающие предметы. — Нас же предупреждали! Все уходим!

Примолкнувшие люди быстро исполнили приказ. Бор

выходил последним, повесив чудесный щит на спину — его поверхность была по-прежнему блестящей. Они вышли из гробницы, в которой аромат пропитавшего стены древнего колдовства смешался теперь с запахом пламени и дыма.

— Надо бы закрыть могилу… — сказал Гунн. Бор молча сделал знак всем отойти, один навалился на глыбу — она подалась и, перекатившись, засела на прежнем месте. Через мгновение утихло и эхо…

Спускаясь по склону, они заметили несколько домишек внизу и решили направиться туда. Достигнув с последними лучами солнца желанной цели, они увидели точно такой же полукруглый шалаш, как у этелькузян Завалья, крытый однако не шкурами, а дранкой.

— Здравы будьте, хозяева! — громко приветствовал Бор живущих в доме. На его голос вышел старик с редкой бороденкой и слезящимися глазами. С неудовольствием взглянул он на вооруженных людей в окровавленных повязках, явившихся под предводительством богатыря в древнем золотом венце. Впрочем, заметил он среди них одну девушку.

— Не могу я всех пригласить в мое тесное жилище, но пусть ваш вождь войдет и сколько поместятся людей с ним, — сказал он.

— Войдем лишь мы трое! — Бор показал на себя, Гунна и Кырныша. Следуя за стариком, они проникли в темное жилище; трепещущий огонек лучины озарял занавешенные тряпками и пучками разных трав стены.

Гости сели вокруг очага. Кроме хозяина в доме была его старуха, возившаяся с горшками.

— Я — Бор, озерный конунг Дингарда. Скажи мне отец, как твое имя?

— Я Сомбат.

— Ты знаешь о гробнице Эрезуги?

— Зачем спрашиваешь меня об этом ты, побывавший в ней?

— Как ты узнал? — поразился князь.

— Я видел людей наверху, там где она находится; на тебе венец из его посмертных даров и его родовой щит. Я знаю о ней, хотя и не для него была она построена, а много раньше. Мой род пришел с места битвы на западе, чтобы похоронить Эрезугу в горах, как это заведено было в далекой нашей Этелькузе. Они нашли пустую гробницу и заняли для него… Ты закрыл ее снова?

— Да, пускай это тебя не беспокоит.

— Ты уберег всех нас от большого несчастья. Эрезуга был великий и кровожадный воитель, и темные духи, думаю, клубятся возле него, чтобы воспользовавшись удачей, вывести его призрак

из врат Туонелы, как вы зовете темный мир.

— Он рассыпался во прах… Но гораздо большая опасность грозит нам всем, всему Поозерью. Не слыхал ли ты подробностей о событиях той битвы? Там были несколько могущественных талисманов; не известна ли тебе их судьба?

— Я слыхал, что одним из них была корона — не она ли на твоем челе?

— Да, это так.

— Тогда мне, вероятно, известна судьба еще двух: великое орудие моих предков, зеркало, вызывающее духов тьмы, и знамя, посвященное одной из наших богинь, были использованы в походе на север, но войско погибло, и теперь они покоятся там, в горах Тундар…

— В горах Тундар?! Ты уверен? Ты точно знаешь это? Но откуда?

— Разве я не говорил тебе, что род мой от века стерег гробницу Эрезуги, оставаясь на этом месте? И все вести о происходящем в Поозерье рано или поздно достигали ушей моих предков и обращались в песнопения, которые заучивало последующее поколение…

— Нам надо быстрее воротиться к озерам. Как это сделать?

— Там, за буреломами, в болотах — везде волкодлаки. Ты об этом, наверное, знаешь, судя по ранам твоих воинов. — Старик кивнул на темнеющий внизу лес. — Можно попытаться обойти их с юга, выйти к ближайшему из Валов и идти вдоль него на запад. Но так будет гораздо дальше. Еще возможно, пройдя по горам к северу, попробовать спуститься по бурной реке Ардва, впадающей в Доннервад. Но там, по дороге, надо быть очень осторожным, проходя мимо Пещеры Трех, древнего святилища Тьмы, и спускаясь затем по бурным порогам…

Утром, отблагодарив старика и его жену, Бор со своими людьми двинулся в обратную сторону, на север.

По дороге Бор заметил расщелину в склоне. Не обратив на нее особенного внимания, он хотел быстрее провести свой отряд мимо. Но Кырныш, ни слова не говоря, покинул общий строй и, свернув в сторону, не откликаясь на крики товарищей, через минуту исчез в ее глубине.

— Айсат, тут что-то нечисто! Ждите здесь, снаружи! — крикнул Бор и кинулся за проводником, следом — Гунн. Спустившись в расщелину, витязи оказались перед входом в пещеру и не колеблясь нырнули в него. Ход круто уходил вниз, где пещера расширялась, в ней царил холод, и свод покрывали ледяные наросты. Пройдя еще немного, они зажгли факел и увидели, что стены покрыты древними изображениями, частью

затекшими льдом.

Ход свернул — и перед ними открылся высокий темный зал, посреди которого вставали три фигуры, вырубленные из камня в глубокой древности. И тут же они увидели спину Кырныша, стоявшего в оцепенении. Фигуры — средняя высотой в полтора человеческих роста, остальные — в человеческий рост величиной — при свете факела открывали ужасный облик богов подземного мира, почитавшихся в незапамятные времена. Возле них валялись еле различимые, окаменевшие за тысячелетия кости: свидетельства отвратительных пиршеств древних поклонников Тьмы.

Кырныш стал беспокойно оглядываться. Внезапно перед ним выросла женщина, от которой исходил слабый фосфорический свет. На ней было строгое платье, расшитое золотом и серебром, тонкий обод венца на голове. Слабый свет извлекал из тьмы очертания суровой красоты ее лица. Кырныш повалился перед ней на колени.

— О, Хозяйка Ема! Ты явилась мне! Прости своего слугу Кырныша за то, что охотился в твоих владениях!

— Мне должно вернуться то, что взято в моих владениях, ибо от меня взято и мне должно вернуться! — сказала она, и убедительность ее бестелесого голоса была невероятна.

— Опустись на колени перед Хозяйкой гор Емой! — произнес охотник странным голосом. — Отдай ей ее венец!

Бор обнаружил свою руку уже извлекшей венец из дорожной сумы, и только в последний момент, будто по наитию, надел его. Точно завеса тумана вдруг раздернулась перед его глазами. Отвратительное создание — скелет в меховой мантии — стоял на месте строгой красавицы. В его глазницах полыхал бело-зеленоватый колдовской фосфорический огонь. Оглянувшись через плечо, князь увидел, что вход в это капище перегораживают гигантские раскрытые каменные челюсти.

— Кырныш, назад! Это свартен! — крикнул он, и загрохотало эхо.

— Ты не прав, смертный! — скрежещуще захохотало создание, поняв, что его увидели в подлинном свете. — Я — Хозяйка Ема, пожирательница! Я пожираю! — И скелет лязгнул зубами.

— Я не боюсь тебя, исчадие тьмы! — крикнул Бор, выхватывая из-за плеча ржавый меч.

— А я — твоего меча, ибо вечна! — захохотала Хозяйка, надвигаясь. В этот миг Бор заметил, что каменные челюсти быстро и без шума смыкаются.

— Кырныш, Гунн! Бежим скорее! — крикнул он, бросаясь к

выходу. Гунн стремительно выскочил первым, Бор прыжком вылетел через сужающийся выход, а Кырныша, последовавшего его примеру, челюсти перехватили поперек поясницы. Конунг в полутьме видел выпученные глаза и раскрытый рот охотника, пытавшегося что-то произнести; раздался хруст костей, вопль — и человека перекусило пополам.

— Наружу! — крикнул Бор, и под градом камней и ледяных глыб они невероятно быстро выкарабкались наружу. Вослед им несся глумливый холодный смех, точно говоривший: все равно они в руках могущественной силы, и никуда не уйдут…

Остановился Бор, только достигнув своего отряда.

— Быстро уходим! — И слегка отдышавшись, когда они стремительно двинулись дальше, он добавил: — Кырныш погиб! Задавила подземная Хозяйка! Мы остались без проводника!

Через два часа они услышали шум воды и вышли к вырывавшейся из узких каменных щек бурливой горной реке. При одном взгляде на стремительно несущуюся воду начиналось головокружение. Они пошли вдоль нее, по скалистым берегам, и через какое-то время, разлившись по руслу, река обратилась в быстрый, порожистый поток предгорий.

— Здесь будем рубить плот, чтобы сплавиться вниз, — распорядился озерный конунг и первым направился к соснам. Застучали звонко топоры, эхо от которых взлетало над рекой.

На следующее утро они, приготовив шесты для сплава, погрузились на плот.

— Пошел! — Конунг оттолкнулся шестом от берега, и сильное течение тотчас подхватило плот с людьми.

— Теперь молитесь бобровой богине, чтобы нас не разбила эта Белая Вода — Ардва! — Стоя по углам плота, люди отталкивались шестами от камней. Но шли часы, река расширялась, становилась спокойнее, глубже, унося их все дальше от гор. Они пристали там, где течение было уже медленным. Тенистые лесные берега окутывала ночь, и, разведя на берегу костер, они разложили ночлег. Утомленные люди сразу погрузились в сон.

Проснулся Бор от хруста ветви под чьим-то тяжелым телом.

— А-а-а! — вдруг разорвал ночную тишь человеческий вопль. Князь вскочил, схватил меч и стремительным движением выхватил из костра головню. Огромное существо, похожее на гигантскую ящерицу, а точнее, как мог бы ее сравнить житель далекого юга, на крокодила с гребнем на спине, схватило одного из дружинников поперек туловища зубастой пастью и тащило в реку.

— Ящер! — закричал Бор, узнавая неповоротливое на суше

чудовище, давно уже ставшее героем старинных преданий в других местах Поозерья.

Озерный конунг бесстрашно подскочил к зверю и принялся рубить его мечом. Туловище чудовища покрывала чешуя, способная выдержать удары копий, жемчужно переливавшаяся при свете ущербной луны. Но богатырский меч с треском прорубал ее пластины. Рыча и ударяя своим гребнистым хвостом, чудище отбросило истерзанного, умирающего человека и открыло ужасную пасть, дохнув смрадом. Однако ловкие и острые удары страшного меча сыпались градом, копья и топоры остальных людей теперь тоже причиняли боль ящеру. Ударом хвоста он сбил с ног одного из дружинников, но тут князь так всадил меч в шею зверю, что открылась широкая рана. И тот, уже из последних сил пытаясь увернуться, с плеском свалился в реку полумертвый.

Забрызганный с головы до ног вонючей кровью чудовища, Бор подошел к умирающему дружиннику.

— Проклятая тварь! Надеюсь, мы убили ее! Бедный Суньяр! — Увидев, что дело безнадежно, он, качая головой, отошел в сторону. Вскоре стоны умирающего затихли…

После этого страшного пробуждения до самого утра никто не сомкнул глаз. С рассветом, предав товарища погребальному огню, они поплыли дальше, торопясь до следующей ночи выбраться за пределы реки, таившей в своем лоне, как оказалось, страшную опасность.

— Двенадцать человек нас осталось, и девушка, — сказал Бор своему помощнику. — Четверо на Тагэт, один у ожуоласов, шестеро в этих проклятых лесах; почти половина дружины ушла от меня безвозвратно, в чертоги смерти… А сколько будет еще?

… День склонился на вторую половину, когда плот достиг устья реки. Отсюда они решили добираться до ладьи посуху и двинулись на юг. Озеро лениво плескало волной на песчаный берег…

Глава 14. ВОЛНЫ НОСТРАНДА

К закату следующего дня они поднялись на гребень знакомого наволока и увидели темные очертания своего корабля и костер, вокруг которого сидели их истосковавшиеся за дни ожидания товарищи.

— Привет, друзья! — крикнул им конунг.

— Ура! Наконец-то! — вскочили остававшиеся у озера, устремляясь навстречу исхудавшим от долгих странствий спутникам князя. Но радостные крики быстро стихли, потому что они увидели — вернулись к кораблю далеко не все ушедшие к

Харваду. Теперь под рукой Бора оставалось шестнадцать дружинников и девушка. А впереди была дорога…

На следующее утро озерный конунг объявил, что они идут на север. Корабль вышел на веслах из тени наволока, и расправленный парус уловил дуновение ветра. Плыть было куда быстрее, чем двигаться пешком. Вскоре после полудня они уже минули устье Ардвы. Берега сделались более каменистыми, во многих местах выступали скалы. Ветер усилился, и корабль пошел быстрее…

Переночевав на берегу, на рассвете они снова вышли в плавание, теперь намереваясь срезать северо-восточный угол озера. Казалось, ничто не предвещает неожиданностей. Внезапно, незадолго до полудня, с озера показался знакомый красно-черный парус.

— Никак Вирре Бердекс к нам пожаловал? — удивленно воскликнул Гунн. И действительно, судно хускарлов быстро увеличивалось в размерах, явно направляясь к дингардскому кораблю. Талма, ставший еще более востроглазым после похода в Харвад, вскарабкался повыше на нос и вскоре крикнул:

— Я вижу, там полно людей у них на борту! И почти половина — в одежде ожуоласов!

— Вот это да! — вырвалось у князя. Гунн лишь покачал головой.

Когда корабли сблизились, Бор крикнул:

— Привет тебе, Вирре! Снова мы повстречались!

— Привет и тебе, конунг! — рявкнул рыжебородый разбойник. — Я вижу, у тебя не очень-то здорово с командой? Вон сколько банок пустует!

— Зато у тебя, кажется, лучше некуда! Ты помирился с ожуоласами?

— Я порешил: раз они поредили мой экипаж — пусть его же и пополнят. Верно? — Вирре осклабился. — Я взял десяток их на борт и, думаю, сделаю из них порядочных бойцов. Ожуоласы ненавидят всех чужаков, но я обещал им добычу, а они народ рачительный и бережливый, как и всякая туповатая сволочь. А вот у тебя что они могли бы получить, а?

— Ты прав, — скупо ответил озерный конунг.

— Я думаю, пора нам вспомнить прежние счеты, — уже серьезно сказал Вирре, делая знак своим людям. Неожиданно ожуоласы подняли свои луки, щелкнули тетивами — и меткие стрелы, свистя, застучали в щиты, которые еле успели подставить дингардцы. Однако некоторые из стрел, вонзясь в дерево бортов, шипя, вдруг вспыхивали ярким пламенем. Корабль загорелся сразу в нескольких местах.

— Стреляйте! — скомандовал конунг своим людям, поняв, что под дождем стрел беспомощное судно погибнет. Защелкали тетивы четырех луков, и, хотя стрелки не были столь слажены, как у противника, ожуоласские стрелы теперь летели реже и не так метко.

— Туши огонь! — крикнул Бор, черпая воду шлемом и заливая разгоравшееся пламя. Еще двое или трое последовали его примеру, действуя кожаными ведрами, остальные прикрывали их щитами. Однако колдовской огонь под струями воды лишь трещал пуще. Там, где возможно, принялись топорами рубить горящие доски, в других местах забивали пламя плащами. В это время одному из дружинников стрела вонзилась в горло, и он, хрипя, упал на дно ладьи. Нескольких ранило. Под прикрытием стрелков, корабль хускарлов шел на сближение.

— Как тебе ожуоласский огонь?! — крикнул Вирре.

— Это галдерское пламя, орудие свартен! — ответил Бор. Хотя и второй дружинник был прошит стрелой и упал в воду, но пламя все-таки удалось сбить, а больше огненных стрел у врага, как видно, не было.

— Вот тебе и от меня подарочек! — Разъяренный потерей двух людей, князь схватил со дна ладьи трофейный хускарлский топор и изо всей силы метнул его. Пролетев пятнадцать саженей, топор врезался в шлем верного Раппа, и помощник Бердекса рухнул к его ногам с расколотой головой. Через минуту корабли стукнулись борт о борт, и началась сеча. Каждая сторона дралась стоя на своем корабле. Ожуоласы, хорошие стрелки, в рукопашной не отличались ни упорством дингардцев, ни яростью хускарлов, да и вооружения подходящего у них было мало, так что они держались позади своих нанимателей. Поредевший строй дингардцев щитами сдерживал натиск хускарлов, отвечая копьями. Бор в середине обороны рубил направо и налево так, что вскоре очистил место напротив себя от врагов.

В этот момент на него напал Бердекс, и они принялись яростно сражаться. Но почувствовав, что князь начинает одолевать и примеривается перескочить на его корабль, Вирре испугался повторения разгрома на реке Тагэт.

— Отходим! — крикнул он, и хускарлы быстро отошли.

Победа далась Бору тяжелой ценой — пятеро были убиты. Оставалась всего дюжина бойцов, из них Айсат, Талма и еще некоторые были ранены.

Теперь князь в угрюмой задумчивости стоял над телами павших, покрытыми плащами, пока остальные приводили корабль в порядок. Волна плескала в обгоревший борт — хорошо, что успели спустить парус, не то в таком огне легко бы его лишились.

— Мы должны идти до конца, слишком уж много отдано, и кому, кроме нас, по силам завершить это дело? — произнес вслух озерный конунг. — Друзья, мы пойдем на Войкар, город Тьмы, хотя давно оттуда не было добрых вестей. Но там начинается кратчайший путь в горы Тундар, где исчезли талисманы, которые мы разыскиваем. И в этом месте, быть может, мы сумеем разузнать о них поточнее…

Невольно дрогнуло сердце у его людей несмотря на только что пережитую яростную схватку — ибо слухи о Войкаре говорили, что это не лучшее место в Поозерье. Именно потому, что считался он воротами в сумрачные горы Тундар. Однако парус был поднят, и судно упрямо двинулось на север, унося свою отважную команду.

Но кораблю не суждено было войти в темные воды Войкарского ильма, как назывался самый северный залив Доннервада. Прошло уже несколько часов, когда из синих глубин озера вдруг показался темный плавник огромных размеров, а затем вода расплеснулась над громадной, зеленой в темных полосах рыбьей спиной! Появились глаза подводного хищника, налитые ледяной злобой.

— Щука! — закричал кто-то. Да, это была щука, но какая! В полтора раза длиннее корабля!

Глаза ее уставились без всякого выражения на судно, покачивавшееся на волне, и мощное тело без всплеска ринулось вперед.

— Скорее на весла! — скомандовал Бор. Стукнули уключины, всплеснула вода, и, подгоняемая гребцами и парусом, ладья уклонилась от атаки. Несколько раз промахивалась исполинская щука, но продолжала нападать. Князь решил испытать на озерном чудище силу короны Грома. Однако при виде золотого венца гигантская рыба разъярилась еще больше, точно желтый блеск резал ей глаза. Она кинулась на судно, на этот раз с треском обломав часть планшира ударом хвоста.

В этот момент конунг поразил ее копьем, но оно со звоном отскочило, погнувшись от непроницаемой, покрытой слизью чешуи огромной рыбины. Ладья чудом избежала нового сокрушительного удара, и волна обдала людей потоками воды. Вдалеке показались угрюмые пустынные берега, изрезанные длинными узкими заливами, носившими название паров и глубоко вдававшимися в скалистое побережье.

— Щука гонит нас к Нострандy, Берегу Мертвых! — воскликнул Гунн с тревогой. — Мы разобьемся там на подводных скалах! Этот берег исхлестан ветрами с Тундар и Харвада и почти безлюден… К тому же, говорят, там скрываются роковые ловушки

древних колдунов…

Корабль бежал прямо к берегу, стараясь уйти на мелководье, чего, однако, по внешнему виду скалистых паров и наволоков трудно было ожидать. Но только там могли они укрыться от громадной рыбины. Точно вынюхивая людской запах, мертвоглазая щука ринулась по следу, разинув огромную, как пещера, зубастую пасть. Казалось, корабль будет неминуемо перекушен, точно тростинка, и все утонут в холодных водах Доннервада.

Ведомый инстинктом, конунг вырвал ржавый меч и, как в схватке с ведьмами, перехватил его будто копье. Тут раздался громкий треск и страшный толчок опрокинул на дно всех, кроме Бора, державшегося за корму. Он только крепче сжал меч и изо всей силы метнул его в ужасную разверстую пасть надвигавшейся гигантской рыбы.

Звук, напоминающий шум водопада, вырвался из ее глотки, когда туда впилась стальная заноза, причинившая боль самой колдовской сути этого существа. Меч вел себя точно живой, все глубже входя в плоть рыбы. Щука встала на дыбы, и через мгновение страшный прямой удар хвоста обрушился на засевшее судно, раздробив корму и выбросив князя далеко в безымянной залив… Чуть не захлебнувшись, он выгреб на поверхность и в полубеспамятстве поплыл к ближайшему каменистому берегу, возвышавшемуся над водой…

Очнулся Бор, когда уже близился вечер. Мокрая одежда все еще холодила тело. Золотой обруч, свалившийся с головы, лежал рядом на песке. Каким чудом он удержался при страшном крушении? Пошевелив рукой, конунг нащупал на боку свой меч и к нему сразу вернулось спокойствие. Он резко поднялся, стиснув зубы, и огляделся. Кругом — никого! Бор вспомнил, что находится в месте, носящем зловещее название Берега Мертвых. Лишь кое-где на голом берегу виднелись чахлые, искривленные ели.

Взглянув на темный узкий залив, он увидел вдалеке лишь камни, на которых виднелись жалкие обломки: все остальное пошло на дно.

— Где все мои товарищи?! — вскричал он. — Где дружина моя?! Неужели всех сгубило проклятое чудище?

Бор зашагал вдоль берега в надежде отыскать хоть кого-нибудь из своих и, поднявшись на камень, обнаружил, что находится на мысу. Он уже разогрелся от ходьбы, и кровь быстрее побежала по жилам. В этот момент в глаза ему бросился странный знак, выложенный из светлых камней неподалеку от него, на самом берегу пустынного холодного залива… Это была

бесконечная спираль лабиринта, казалось обозначавшая самое удобное место для причаливания корабля. Знак настолько древний, что даже лишайник успел всползти, осесть, расселиться на белых камнях…

Непонятное любопытство смутной силой подталкивало его подойти поближе, рассмотреть эту спираль; ее рисунок, казалось, втягивал в себя. Только когда он оказался совсем рядом, странное воспоминание чуть шевельнулось в нем, заставив поднять корону, которую он держал в руке, и надеть на голову.

Мгновенно точно задернулась перед ним темная завеса, сотканная из ячей мрака. Она колебалась над камнями, образуя бестелесую сеть, один вид которой привел бы в трепет менее смелого человека, если бы он ее мог увидеть. Конунгу оставался лишь шаг, чтобы запутаться в ней. Он понял: колдовство бесконечного узора, похожее на то, что лишало воли людей, попавших к ведьмам Изкара, привлекло его сюда. И в памяти всплыли рассказы о ловушках, созданных древними колдунами из обрывков сетей Морены…

Он обошел каменный лабиринт стороной. И внезапно увидел торопящуюся к нему знакомую фигуру.

— Бор! Хорошо, что ты не сунулся в каменную плетенку!

— Гунн, дружище! Как я рад, что с тобой ничего не случилось! — закричал князь, раскрывая объятия.

— А что со мной могло приключиться? Промок только слегка. Я не думал, что ты пропал. Однако, увидев тебя случайно в этом опасном месте, кинулся наперерез, чтобы предупредить, но, к счастью, мое опоздание не оказалось роковым.

— А что это за место такое?

— Тебе эта каменная спираль не напоминает вершу для рыбы, которую рыбаки, случается, плетут на мелководье?

— Да. И странную темную сеть увидал я над нею с помощью венца.

— Ты уберегся от большой опасности. Слыхал я, что на этом берегу — там, где удобно было причаливать, ставили древние тундарские колдуны верши на людей! Жертвы им нужны были для Рота-Мублена и других темных богов. Не вырваться было из них, ибо колдуны находили и использовали для постройки зацепившиеся за скалы обрывки сети Морены, которую не в силах разорвать ни один смертный! Ушли они отсюда, пропали, а ловушки стоят. Я приметил эту издалека, потому что знал об их существовании и велел обходить всем десятой дорогой.

— А кто еще спасся?! — взволнованно воскликнул князь, услыхав последние слова.

— Многие: Айсат, девушка, шестеро дружинников. Еще

одного, я видел, раздавило, а трое пропали, наверное утонули, оглушенные.

— Жаль их! Есть ли оружие? — спросил князь, увидев топор на поясе воина.

— Да, часть спасли, потому что нос ладьи утонул не сразу. У меня твой этелькузский щит оказался…

— Это хорошо. Ну, веди меня. Пока живы — будем идти!

Они двинулись через камни и скалы и скоро оказались в небольшой лощине. Здесь были все спасшиеся. Нюбюи с радостным визгом повисла на шее Бора. Она была поцарапанная, в порванной одежде, но глаза ее лучились счастьем. Все обнялись.

— Завтра уходим к Войкару, — сказал конунг. — Сколько отсюда, как думаешь, Гунн?

— Полагаю, не менее дневного перехода.

— Хорошо. Есть какая-нибудь еда для меня?

— Вот. — Айсат протянул мешок, в котором было несколько кусков вяленого мяса, богатырь накинулся на еду точно голодный зверь. Тем временем смеркалось, и все были рады теплу небольшого костра, который развели, срубив несколько кривых елок.

— Я покараулю первым, — сказал конунг, усаживаясь в стороне от огня, чтобы видеть в темноте.

На рассвете они вышли в путь. Поодаль от берега сосны и ели, неприветливо шумевшие, становились гуще, но ни деревень, ни заимок по пути не попадалось. Однако эти места не были совсем безлюдны. Из-за нагромождения глыб за ними наблюдали несколько рослых молодцев.

У молодцев имелись кони, доспехи, оружие. Звали их «бортедры» — «опустошители». Они принадлежали к отобранной гвардии Чернобога, действовавшей там, где требовалось не колдовство, а обычные сила и свирепость.

— Вот он, этот южный конунг со своими людьми, о котором нас предупреждали! — указал предводитель отряда.

— Я думаю, четырем всадникам тут нечего будет делать, Столт, — заметил ему один из подчиненных.

— Ну что же, Дорст, тебе и копье в руки! Ты и начнешь!

— Я так и сделаю, — отвечал тот, садясь на коня и закрывая боевую личину. В отличие от других воинов Озерного Края, тела бортедров прикрывали сплошные железные доспехи, на боку у них висели невиданные заостренные мечи с широкими гардами, и в руках они держали длинные верхоконные копья. Бортедры не были уроженцами Поозерья — их родные места находились в тех же краях, что и городки хускарлов. Однако издревле отделялись невидимой границей вольнолюбивые поселения разбойников от

тех земель, где властвовали возвышавшиеся на скалах и холмах мрачные каменные крепости, наводившие ужас на округу. В какой-то из них и обитали бортедры прежде. Но если одному из правителей такой крепости удавалось захватить другую, то уцелевшим воинам оставалось или класть голову под топор, или искать службу на чужбине. Так корабль бортедров оказался занесен в море Мрака (а может быть, и не раз такое повторялось), откуда они добрались до северной части Поозерья.

Из-за холма вдруг выехали четверо закованных в броню всадников, возвышавшихся точно черные столпы храма Тьмы, и ринулись вперед, наставив копья.

— Они хотят нанизать нас на свои булавки! Что ж, придется поработать! — крикнул Бор, выхватывая меч.

Всадники, разделившись, мчались с двух сторон. Навстречу тому, на шлеме которого сверкала личина в виде искаженного яростью чудовищного лика, рванулся озерный конунг. Со звериной ловкостью уклонился он от твердой точки копейного острия и сверкнувшим, точно молния, взмахом меча прорубил сочленение закаленных доспехов на боку всадника. Конник, проскакав немного по инерции, завалился и, обливаясь кровью, с размаху грянулся оземь.

Развернувшись, Бор увидел, как Гунн, стремительно обрубив топором копье у одного из всадников, не смог уклониться от удара по голове другим концом древка, и его помощник рухнул наземь, оглушенный. Третий всадник в это время пронзил одного из дружинников острием, второй дружинник успел подставить щит, но был сшиблен с ног.

Потерявший копье конник выхватил меч и занес его над Нюбюи, оцепеневшей среди этой схватки. В это время озерный конунг ухватил его за ногу, точно двумя железными щипцами, приподнял и выбросил из седла с такой силой, что тот загремел по камням точно пустой доспех. Рванув узду осиротевшего коня, Бор неуклюже, как и всякий моряк, вскочил в седло.

В это время, рывком высвободив копье из тела убитого им дружинника, третий бортедр направил его на князя. Раненый Айсат ухватился за узду его коня и повис, замедляя движение, но страшный удар боевого кистеня, висевшего на шуйце всадника, раздробил плечо отважного охотника. Рука снова поднялась, но смертельный удар не был нанесен: Бор наскочил верхом, взмах меча — и кисть в латной перчатке покатилась, звеня булавой. С глухим стоном всадник резко подал назад и, бросив копье, поскакал прочь, слабея от потери крови.

Четвертый, Столт, зарубив еще одного дружинника, увидал, что все преимущество бортедров оказалось бессильно против

пришедшего в ярость богатыря-конунга. Опытный боец прибег к хитрой уловке: поймав ослепительный солнечный зайчик полированной ямкой на перчатке, он направил его в глаза князю. Но произошло странное: зайчик прямехонько угодил в шестигранную выемку на золотом венце предводителя дингардцев, и яркое солнце обожгло глаза Столта! Ничего не видя, тот схватился за лицо и резко дернул поводья. В этот миг налетел Бор и ударом меча отсек голову врага, которая покатилась, звякая шлемом, по камням. Тело осело и рухнуло…

Оглушенный Бором бортедр очнулся много часов спустя, в окружении мертвых товарищей — Столта и Дорста, без оружия и коня… Впервые озерному конунгу пришлось столкнуться с таким хорошо вооруженным, хотя и не обладающим чарами, врагом — и он вышел из схватки победителем. Это стоило дингардцам трех убитых и изувеченного Айсата. Гунн кряхтя поднялся на ноги, разглядывая вмятину на шлеме, спасшем ему жизнь. На другой стороне ристалища, шатаясь, вставал полуоглушенный дружинник, отбрасывая обломки щита, расколотого копьем. Нюбюи, бледная, все еще видела над собой безжалостную сверкающую полоску смертоносной стали.

Вдали затих стук копыт ускакавших коней — остался лишь тот, которого захватил Бор. Задержавшись, чтобы похоронить павших под камнями, они справили символическую тризну несколькими глотками воды и подкрепились припасами из седельных сумок бортедра. У поверженных противников позаимствовали лишь щиты и мечи, предоставив слетевшемуся воронью попытаться освободить мертвецов от других доспехов. Айсата, который с трудом мог идти, усадили верхом на коня.

Они двигались, соблюдая осторожность, однако засады им больше не встретилось. Бор с озабоченностью осмотрел новые зазубрины на своем мече и решил, что на вечернем привале надо будет их выправить. Больше всего в вооружении убитых им всадников его поразили не доспехи, а заостренные тяжелые мечи, приспособленные для того, чтобы рубить и колоть защищенного противника с коня. Он взял такой меч у одного из дружинников.

Под вечер они вышли к скалистому холму, за которым, по мнению пожилого воина, должна была находиться цель их перехода. Они вдвоем влезли на вершину и оттуда увидели поодаль редкие желтые огоньки, светившиеся, точно волчьи глаза.

— Огни Войкара! — сказал Гунн.

Глава 15. МЕДНАЯ БОГИНЯ ВОЙКАРА

Ночью Бор проснулся — ему почудилось странное, нечеловечески звенящее пение, почти тотчас, однако, стихнувшее. Остальные тоже заворочались.

— Слышал ты что-нибудь? — спросил князь у караулившего дружинника.

— Звон какой-то слабый донесся с заката… — Воин указал в сторону Войкара. Бор поразмышлял, но так и не додумавшись ни до чего путного, снова заснул.

Наутро они двинулись дальше и, обойдя холм, издалека увидали полуразвалившиеся стены бревенчатого частокола. Над ним возвышалась высокая покосившаяся каланча, и можно было разглядеть разномастные и, как оказалось, когда они подошли ближе, частью полузавалившиеся дома.

— Войкар! — сказал Гунн, морщась при каждом резком движении, так как после вчерашнего голова у него гудела, как чугунный котел.

— Зрелище не обнадеживающее. Когда же его выстроили?

— Говорят, он древний. В старину был какой-то рудник, потом рыбаки жили… С тех пор давно уже он пришел в упадок, изменилось население: тут теперь живут оленьи пастухи и разный сброд, торговцы… А поклоняются они, я слыхал, какому-то идолу, кричащей богине…

Вблизи город производил странное и удручающее впечатление своей недоделанностью и полуразрушенностью. Горожане, с широкими лицами и черными как вороново крыло волосами, были северяне, не так уж и часто встречавшиеся на юге Озер.

Когда отряд из семерых уставших пришельцев проходил через покосившиеся ворота, со стороны озера послышался странный, протяжный звон. Несколько прохожих и торговцев с тревогой взглянули в том направлении, а затем недоверчиво воззрились на входящих. Однако при виде шести человек, несших увечного, и сопровождавшей их девушки (коня, на всякий случай, оставили за городом), беспокойство сменилось недоумением. Как могли эти люди, пусть и вооруженные, представлять угрозу для города — а ведь, наверное, о ней мог оповещать этот звенящий звук? — так конунг перевел для себя эти красноречивые взгляды.

— Эй, послушай! — обратился он к одному из торговцев. — Где-нибудь здесь можно найти кров для ночлега?

— Меня зовут Тибица, — сказал широколицый торговец. — За серебряную монету я дам тебе ключ от избы, в которой можно поселиться.

Князь отыскал в поясе монету и отдал его Тибице, получив взамен большой, ржавый ключ незамысловатой формы.

— Не нужно ли вам чего-нибудь еще? — полюбопытствовал торговец немного смягчаясь. — Издалека ли приехали?

— Корабль у нас разбился… — уклончиво отвечал Бор. — А что это за звон слышали мы, когда входили?

— Так то подала голос наша чудом обретенная медная богиня Дьес Эмэгэт! Своей звенящей речью она предупреждает нас об опасностях, возвещает свою волю.

— Она где-то на берегу, эта чудесная богиня?

— Да, она в своем капище на скале, за городской стеной, неподалеку от пристани.

— Отчего же зовется она чудом обретенной?

— Она прибыла к нам из дальних стран, это было давно, наверное, сотни две лет тому назад… Ее пляска ужасает, голос — завораживает…

— Ты не знаешь, кто может полечить раздробленную руку моему человеку?

— У капища есть искусный врачеватель, пойдите туда, может, он поможет вам.

— Хорошо, спасибо тебе за совет.

Развернувшись, они вышли за пределы города, увидав на берегу покатую скалу, на которую прежде не обратили внимания. На верх ее вела сбитая в старину из прочных бревен и толстых досок деревянная лестница. На вершине виднелся деревянный сруб, сквозь широкие проемы в котором что-то ярко блестело на солнце.

Озерный конунг и Гунн взошли по скрипучей лестнице наверх. Здесь уже можно было увидеть, что в срубе под навесом висит блестящий ярко-желтый конус, высотой с маленького ребенка. В верхней его части выделялось ясное, грубо сделанное изображение женского лица. Вдруг когда пришедшие остановились перед срубом, синие искры побежали по бокам богини. Конус качнулся — раз, другой — и раздался сильный звенящий удар, второй, третий… «Дон-н! Дон-н! Дон-н-н!» — подпрыгивала богиня, искрясь.

Вначале ошеломленные гости вскоре опомнились, и, прикрывая уши, Гунн прокричал:

— Она похожа на колокольчики, которые иногда привозят торговцы с юга! Но только такого большого, громкоголосого я никогда еще не видел!

Внезапно, как и начал, колокол богини успокоился, затих, но звон еще стоял в ушах дингардцев. Вдруг из-за сруба перед ними появился волхв в лохматой шубе кудесника.

— Чужим не дозволено приближаться к богине Дьес Эмэгэт! Как видно, вы вызвали ее гнев, пришлые, и она возвестила об

этом! — сказал он скрипучим голосом. — Конечно, вас немного и вы не можете угрожать ей, но если не уйдете, будете отданы ей в жертву. И станете служить вот так. — Он жестом поманил их за собой, спустившись впереди дингардцев по нескольким ступеням в выбитое в глубине скалы святилище.

Здесь при свете масляной плошки видны были каменные скамьи вдоль стен, на самой дальней лежали черепа, некоторые из них были превращены в чаши для жертвенных возлияний, по краю украшенные золотом. Палец кудесника указал туда.

— Откуда здесь золото? — спокойно удивился князь.

— А ты разве не знал, предводитель чужаков, что в древности тут были золотые рудники Поозерья? — спросил кудесник, делая знак возвратиться наверх из холодного склепа. — Один из древних конунгов Озерного Края велел сделать себе корону из золота, которая затем была наделена волшебной силой прозрения сути… — При этих словах Бор почувствовал, что венец у него за пазухой просто светится сквозь одежду.

— А давно ли стоит город? — перевел он разговор в безопасное направление.

— Его заложили древние жители Харвада. Но потом сюда пришли другие люди, они добывали золото, однако после великой битвы на юге и они пропали… Правда, рудники, говорят, истощились к тому времени… Теперь же здесь живет праведный народ, поклоняющийся Дьес Эмэгэт! А вам, чужаки, лучше уйти поскорее.

— Мы взяли жилище и хотели бы, чтобы немного подлечился наш человек, у которого раздроблено плечо, — сказал князь, невзначай кладя руку на меч.

— Я велю нашему врачевателю заняться им — это там, внизу, у основания святой скалы. Вы можете переночевать не выходя никуда из жилища, и уйдете завтра, — ответил кудесник.

Сверху Бор увидал пристань и с некоторым удивлением отметил, что амбары складов подле нее, запертые на пудовые замки, были единственными новыми и исправными на вид строениями в городе — но ни ладей, ни людей поблизости от них не приметил.

Спустившись вниз, они свели Айсата в избушку, притулившуюся к скале. Там сидел нечесаный, лохматый врачеватель кудесников. Он пощупал пальцами раздробленные кости следопыта, наложил лубок, пробормотав какие-то слова, и, покачав головой, отправил их восвояси. Вряд ли можно было надеяться, что рука когда-нибудь сможет действовать как прежде.

Идя обратно к городским воротам, Бор обратил внимание на утоптанную торную дорогу. Судя по ее состоянию, ей

пользовались достаточно часто.

— Послушай, Тибица, что это за дорога идет на северо-запад? — не преминул спросить князь, проходя мимо прилавка торговца.

— Это дорога в горы Тундар, — ответил тот.

— Я смотрю, туда частенько ездят?

— Да ездят… — Чувствовалось, что Тибица чем-то обеспокоился и больше говорить об этом не хочет. Бор не настаивал.

Дом оказался покосившимся срубом полуврытым в землю, возле самой городской стены, со слепыми волоковыми окошками, — словом, жилье, подходящее для северных краев, где зимой бесчинствуют буйные дети Войпеля. Внутри была пыль, прель, запустение, на земляном полу стояла вдоль стены единственная скамья, на которую положили Айсата.

— Надо в город за припасами сходить, ведь завтра нас вынуждают уходить. Вы двое оставайтесь с Айсатом, — велел князь двум дружинникам, — а мы вместе с Гунном, Турном (так звали одного из воинов) и Нюбюи походим по Войкару, прикупим чего-нибудь в дорогу, да и разузнаем про дальнейший путь.

В Войкаре царила мрачная атмосфера подавленности и угрюмой покорности судьбе. С одной стороны, город не пришел в запустение от малолюдности, как Изкар; с другой — он не был ухожен, подобно остальным многолюдным городкам. На каждом из жителей лежала печать безразличия к окружающей жизни, неприспособленности к основательному быту: все делалось спустя рукава, лишь бы как.

На торгу Бор, подозрения которого возбудил изобиловавший намеками разговор с кудесником богини Дьес Эмэгэт, обратил внимание на человека в летней малице. Идя, казалось, бесцельно, тот все время следовал за ними. Поэтому на обратном пути конунг пропустил товарищей вперед, а сам спрятался за большой кадкой для рыбы. Осторожный преследователь, крутя головой, проходил мимо нескольких рыбных бочек, когда мощная рука неожиданно высунулась из-за одной из них, сграбастала его за шиворот и молниеносно утянула в укромный закуток.

— Ты что подглядываешь? — грозно спросил князь онемевшего от ужаса человека.

— Я… я… Мне велели следить за богатырем… чужаком… у него должна быть ценная вещь, называемая Венец прозрения… Мне приказали похитить ее, если удастся…

«Значит, про корону Грома они знают. Кто это — „они“? Впрочем, ясно», — подумал Бор, не отпуская схваченного.

— Что ты можешь рассказать мне такого, что перевесило бы

тяжесть этого ножа в моей руке? — спросил он затрясшегося от страха человека, показывая ему сапожное лезвие.

Судорожно сглотнув слюну, которой внезапно наполнился его рот, тот зачастил:

— На проезжей дороге в Тундар поставлен караул и будет ожидать вас засада…

— А, это интересно… Что же — жизнь за жизнь. Иди, но помни, тебе лучше промолчать о нашем разговоре, иначе за выданную тайну твои хозяева лишат тебя головы… — Он отпустил его, и человек, попятившись, мигом исчез.

Бор выбрался из укрытия и быстро нагнал своих.

— Надо поскорее возвращаться и укрепиться в доме, — сказал он им негромко. — И лучше, если мы постараемся исчезнуть нынче же ночью, не дожидаясь утра. Идет погоня и расставлены силки. Корабля у нас уже нет и отбить не у кого. Да и идти предстоит туда, где никакой корабль не нужен.

Вдруг раздался крик: «Нумда повсюме!»

— Нумда повсюме! Нумда повсюме! — вопили войкарцы и, поспешно бросая дела, разбегались по домам.

— Что это значит, — «нумда повсюме»? — воскликнул князь.

— Наступил вечер! — ответил один из пробегавших мимо.

— Но ведь еще рано, солнце пока не село?

— Смотри, как потемнело небо! — показал Гунн на мглу, ползущую откуда-то со стороны гор Тундар. — Вот что значит «вечер»!

— И вряд ли что-то хорошее придет оттуда! — сказал Бор. — Быстрее в избу!

Они поспешно зашли в свое временное жилище.

— Надо окошки прикрыть, а то или ветром выстудит, или нечисть надует! — Гунн первым взялся за ставень. Закрыв окна, они приперли хорошенько дверь.

Время шло в томительном ожидании.

Внезапно снаружи заревело, стены затряслись, точно кто намеревался сокрушить дом. Вскоре, однако, начало стихать. Теперь лишь иногда через закрытые ставни доносились какие-то крики и другие звуки, о происхождении которых можно было лишь догадываться. На улице, должно быть, уже вступила в свои права настоящая ночь.

Наконец, видно изнемогши в ожидании, один из дружинников решил узнать, что творится снаружи, и, отворив ставень, высунулся в окошко. Неожиданно он дернулся назад что есть силы и повалился навзничь, с обезумевшими глазами схватившись за лицо. Через пальцы стекала кровь, а когда он отнял их, на щеке оказался след укуса.

В окошко всунулось страшное, мертво-зеленое лицо, и завыл голос:

— Сдес-сь лю-юди! Сдес-сю!

— Навьи! — рявкнул князь, опомнившись, и, выхватив меч, рубанул мертвую голову. В это время дом снова затрясся дрожью.

— Скорее, бежим! Здесь нельзя оставаться! — крикнул он. — Железо держите открытым, отгоняйте навий острой сталью! — Он подхватил на плечо Айсата и с мечом в руке первым выбежал во мглу. За ним бросились остальные, в то время как свартен уже лезли в окошко своими полупрозрачными телами.

Лишь конунг, на котором была его корона, хорошо различал во тьме подкрадывающихся навий, рубя их мечом. Наткнувшись на острую сталь, навьи вскрикивали и бросались прочь с шипением. Их горящие глаза, видневшиеся повсюду, помогали направлять удары и остальным людям. Однако венец Грома притягивал нежить своей магической силой, и навьи не отставали.

Едва люди успели пробежать немного в сторону ворот, как земля за их спинами затряслась, что-то огромное пронеслось в воздухе, и, оглянувшись, они увидели, как крыша дома, где они собрались ночевать, вдруг мгновенно вмялась внутрь и на месте его образовалась яма, из которой торчали концы обломанных бревен. На миг все лишились дара речи. Но только Бор, благодаря короне, видел, как сверху на избу опустилось нечто, напоминающее исполинскую ногу, сотканную из полупрозрачной тьмы!

У самых ворот они наткнулись на тело какого-то несчастного застигнутого навьями на улице. За воротами с южной стороны на них навалилось сразу несколько десятков детей мрака, и они вынуждены были быстро отступать.

— Они теснят нас на дорогу к Тундар, на засаду! — крикнул Бор, размахивая клинком. — Надо прорываться к озеру, над водой они будут не страшны!

Преследуемые жуткими воплями и плясками извивающихся огнеглазых навий, они свернули к берегу. Однако, пробежав немного, увидели прямо перед собой темный силуэт скалы, на которой находилось капище Дьес Эмэгэт. Здесь нежити не было — возможно, ей внушал страх войкарский звенящий идол.

Ужаленный навьем дружинник покачнулся и упал ничком. Когда к нему наклонились, он уже не дышал: трупный яд вошел в его сердце, и жизнь покинула его. Бор разразился проклятьями. Он опустил на землю Айсата:

— Оставайтесь внизу, я взойду наверх. Я уверен — не обошлось без помощи здешнего кудесника, недаром вокруг нет

навий!

И он побежал вверх по лестнице, рискуя оступиться в темноте. На площадке он увидел перед собой главного кудесника, сделавшего было шаг навстречу, но узрел блестевший на лбу князя венец, резко подавшегося назад, в глубокую тень. Бору показалось, что за спиной темноволосого кудесника клубится аура, еще более темная, чем ночь.

— Это ты вызвал навий на город, чтобы погубить нас? Твоя богиня подала голос как только мы появились. Звук большого колокола несется далеко! А с тундарской дороги можно послать сообщение передачей!

— Ты ошибаешься, южанин! Богиня подает голос по своему пожеланию, сияет голубым небесным огнем, если ветер шепчет ей тревожные вести!

— Но днем и ветра никакого не было, — ответил князь. — Это ведь ты послал доглядчика за нами? Хотел знать, где мы поселились, как нас застать?

— Таково было указание мне свыше… — жрец многозначительно поднял ладонь ребром. — Ты сам знаешь от кого. Не выполни я его, мне бы не поздоровилось. А ты отдай этот венец и иди своей дорогой, к себе на юг…

— Нет!

Войкарец сделал быстрое движение, и в руке его блеснул темный стержень, направляемый в грудь Бору, — тот мгновенно узнал оружие ожуоласского кудесника.

— Вот как ты получаешь черепа?! Так иди к своему Рота-Мублену!

Сверкнул молнией меч, жгучая палица взлетела в воздух, исчезнув во тьме, а кудесник рухнул в святилище черепов, однако твердые выступы ступеней уже не могли причинить ему вреда. Вытирая клинок, озерный конунг быстро сбежал вниз.

Несколько часов они провели у подножия скалы, вглядываясь во тьму. Наконец горизонт посветлел, и навьи убрались туда, где могли не бояться солнечного света. Тогда путники быстро двинулись вдоль берега.

Хуже всех приходилось на камнях шедшему самостоятельно Айсату, которого мучила боль в плече. Внезапно, в легких прибрежных волнах, в неверном свете раннего предутрия, люди различили громадную темную массу, от которой долетал сильный рыбный запах. Гунн, вглядевшийся попристальнее, опознал гигантскую тушу.

— Э, да это же великая щука! Сдохла-таки, тварь! — воскликнул он с чувством. Действительно, именно исполинская рыба лежала теперь мертвая, горой наполовину выбросившись из

воды, с раскрытой зубастой пастью и помутневшими неподвижными глазами.

Бор вошел в воду по самые бедра, поеживаясь от стылого холода, не без колебания засунул руку между страшных пилообразных зубов и наполовину исчез в чудовищной пасти. Он сразу нащупал рукоять глубоко вошедшего в рыбье нёбо меча и, задыхаясь от невероятного зловония, рывком выдернул клинок.

Меч, которым можно сражаться со свартен, снова у него в руках, и странное дело — теперь он был блестящий, точно вчера отполированный оружейным мастером! Тут князь понял, что он в волшебной короне, и стоило ему снять ее, как оружие приобрело прежний неказистый вид.

Некоторое время они продолжали идти, пока у самой вершины сужавшегося ильма не подошли к странным, заполненным водою, большим, квадратным впадинам в скалах.

— Что это за колодцы у озера такие? — изумился Бор.

— Копи какие-нибудь, — ответил Гунн, шедший впереди других. — Гляди-ка, как глубоко! — добавил он, когда они подошли ближе и низкое солнце пронзило лучами верхний слой прозрачной, но черной в неведомой глубине воды.

— Интересно, что здесь добывали? — спросил неизвестно кого князь, стоя над залитой шахтой. — Уж не те ли это старинные золотые копи?

— Эй, смотрите! — Дружинник Турн показывал в сторону от берега, где каменистая земля поднималась и темнела еще одна древняя шахта.

— Туда волнам не дохлестнуть, она сухая, и если не отвесная, может нам там на день укрыться? — предложил конунг. — Пойдем, поглядим.

— Ты останься с Айсатом и Нюбюи, — велел он второму дружиннику. — И если увидишь что неладное, скрывайтесь. Вон, лощинка. — И вместе с Гунном и Турном они быстро направились к темному устью. Вскоре они уже разглядывали уходившую в темноту наклонную галерею, действительно оказавшуюся сухой. Однако убежище это было неважное.

— Могильная тьма тут, холод и сырость, — проговорил князь в ответ на свои мысли, когда с зажженными ветками они исчезли в глубине копи. Квадратный ход с покрытым осыпью полом был неожиданно короток. Бывалый воин сразу указал конунгу истлевшее кайло, застрявшее в стене — лишь наметанный глаз мог отличить от породы проржавевшее детище человеческих рук. На изломе камня сверкали золотинки, по стене проходила белая жила, где они были вкраплены особенно густо.

— Да, золото, видно, и вправду здесь добывали… Но мне

кажется, они не все успели вынуть. Отчего же забросили? — говорил Гунн.

— Смотри! — Бор указал на древние кости, останки людей, веками сохранявшиеся в руднике. Склонившись над ними, он увидел два позеленевших черепа, на одном из них была дыра. Потряся его в руке, князь услышал характерный стук перекатывающегося маленького предмета, и на ладонь ему выскользнул странной формы четырехгранный наконечник стрелы. Такой же наконечник застрял и во втором черепе.

— Их застрелили. И остальные также убиты или бежали. Вот ответ, почему заброшены копи. Но кто это сделал? И почему не один век никто не попытался возобновить работы? Может быть, дело в том, что золото — чистый металл, враждебный злым волхвованиям? — Князь внезапно ощутил беспокойство — может быть, до него донеслись какие-то звуки извне?.. — Возвращаемся быстрее! — бросил он, и разведчики повернули. На самом выходе князю почудилось, что мимолетная тень на миг перекрыла устье шахты. Он выхватил меч и обратился в слух, затем, молниеносно оказавшись снаружи, огляделся, но ничего необычного вокруг не было. Впрочем, ожидавших их возвращения товарищей он также не увидел, но они могли скрываться в лощине. Поэтому, настороженно оглядываясь, конунг двинулся туда.

Действительно, они были здесь… Заглянув сверху в неглубокую впадину, Бор увидел плававшее в крови тело дружинника, разорванное страшными ударами. Послышался стон, и они обнаружили немного в стороне умирающего Айсата, чуть пошевелившего зажатым в здоровой руке обломком копья. Девушки не было! Конунг спрыгнул вниз и бросился к поверженному следопыту:

— …Ног…Птица Ног… — успел он уловить застывающие на губах слова уходящего, прежде чем глаза того замерли, точно пытаясь отыскать нечто в бездонном небе.

— Птица Ног? Исполинское чудовище древних преданий? Так вот почему чужих следов нет, а люди побиты! — воскликнул подоспевший Гунн, с сожалением глядя на мертвого друга.

— Девушка, где девушка?! — восклицал князь, точно волк рыская по округе, не в силах сыскать следов. Он вернулся к павшим, возле которых оставались его уцелевшие товарищи.

Ярость душила Бора, он выдернул меч, потряс им в воздухе:

— Будь ты проклят, Чернобог, или как тебя там зовут! Я мстил за всех, теперь буду и за себя!

— Будем надеяться, девушка унесена живой, — похлопал его по плечу Гунн. — Надо похоронить наших — для этого подойдет сухая копь. Раз не было засады, значит главное сбить со следа

погоню, а там дай-то Юмбел!

— Ты прав, я верю, девушка жива — мое сердце чувствует это! — ответил озерный конунг. — Спасение Озерного Края в горах Тундар. Думаю, ее увлекли туда. Но прямой путь заказан: нас поджидают, и с этой стороны в горы не пройти. Попробуем с другого бока, со стороны Суурярва. Мы должны попасть к водяным людям — ветемурт, северным рыбакам, живущим на полуночном берегу озера. Я уверен, что они могут помочь найти путь в сердце Тундар…

Они отдали последний долг мертвым и отправились в путь. Вскоре три людские фигурки растворились в суровых лесах северного Тайвала, гораздо более протяженных, чем на юге…

Бору, из предосторожности надевшему древний венец перед тем как вступить в лес (на опушке удобно было устроить засаду), показалось, что какая-то серая тень кружит далеко-далеко на северо-западе над горизонтом, но сняв корону, он ничего не смог различить…

Глава 16. УБЕЖИЩЕ ВЕТЕМУРТ

Лапы ельника раздвинулись, и на поляну вышли трое, не один день пробиравшиеся глухими лесными тропками. Не успели они, однако, дойти до середины прогалины, как из-за подлеска с другой стороны выскочил человек в охотничьей безрукавке, резко выкрикивая и наводя то на одного, то на другого натянутый лук. За боевым кличем даже опытному бойцу было не услыхать рокового щелчка тетивы, когда пущенная твердой рукой стрела устремилась к цели. Шедший впереди богатырь поднял раскрытые ладони и, сделав шаг навстречу, остановился. Лучник перестал выкрикивать, не опуская оружия.

— Вы кто? — настороженно спросил он.

— Мы из Дингарда, с юга. Наш корабль разбился на Громовом озере, и мы идем к ветемурт, надеясь найти помощь. Ты не из ветемурт сам?

— Хорошо, идите со мной. — Охотник так же неожиданно опустил оружие, повернулся и зашагал в обратном направлении, ловко и неслышно пробираясь между ветвями деревьев и подлеском на прогалинах, да так быстро, что лесные скитальцы еле поспевали за ним. Вскоре они выбрались на плоское северное побережье родного озера — днях в пяти-шести непрерывного плавания от устья Кривасэльвен. Утреннее солнце золотило воду в ряби.

На полночи поднимались громады низких безлесых гор Тундар.

Бор обратил внимание, что из холмов кое-где тянутся струйки дыма, а откуда-то сзади вдруг выскочили резвящиеся дети. На берегу лежали несколько челноков.

— Эти бугры и есть поселок Ветемурт, — сказал Гунн.

— Мы хотели бы поговорить со знающими людьми, — сказал Бор. Их проводник согласно кивнул. Вчетвером они подошли к одному из этих земляных холмов, высотою в рост человека, из верхушки которого торчал конец бревна с насечками-ступеньками. Взобравшись на бугор, они наклонились к четырехугольной дыре, откуда пахнуло дымом, запахом подгнивающих шкур, но выхода не было, и они по очереди скользнули вниз по отполированному руками почти до блеска наклонному столбу с зарубками.

Снизу их опахнуло теплом очага, полыхавшего прямо под проемом входа. Спустившись, они оказались в сумраке, озаряемом лишь красными сполохами огня. Но постепенно глаза их привыкли, и стали видны уходящие в стороны неровные, грубо обтесанные столбы, высота которых уменьшалась к краям, подпирающие переплетения бесчисленных, крытых берестой жердей, удерживающих земляной «потолок». Мелькали темные тени людей, с каждой секундой приобретавшие все более отчетливые очертания. Бору внутренность жилища напомнила полутемные шурышкарские халлы — длинные дома.

Он рассмотрел лицо сидевшего напротив них на чурбаке человека средних лет в куртке из лосиной кожи — его черты слегка напоминали облик погибшего Айсата. Тот молча разглядывал пришельцев и наконец спросил:

— Что привело вас сюда? Давно не приходили уже корабли с юга. Время от времени наши челноки бывают на Священном острове, но небезопасно для них это плавание. В былые годы приплывали к нам суда из Шурышкара за шкурами, но в нынешнем добыча худая, и корабли не пришли…

— Отчего вы живете здесь, у себя на севере, в подземных жилищах — будто скрываетесь? — поинтересовался Бор.

— Ветры с гор Тундар выдувают зимой все тепло из наземного жилища, вот и прячемся под землей. Но, быть может, предки наши и искали укромный уголок, — отвечал хозяин. — Рассказать ли тебе предание о появлении ветемурт, дингардец? Я вижу, что ты оттуда?

— Расскажи, — ответил князь.

— Легенды говорят, что пришли наши пращуры с востока — это те, кто не пошел в Тундар с озерянским войском и, оставшись здесь, уцелел. Тогда, многие века назад, остатки северных дружин воинства Великой битвы решили завоевать земли обитавшего в

горах плосколицего племени ненянг. То были потомки древнего народа, некогда соперничавшего с народом Сейдов, как мы зовем строителей Хоровода и других величественных каменных сотворений, ибо они действительно были подобны властелинам камня. Колдовство было то немногое, что развилось у проигравших ненянг.

Озерное войско не смогло пройти главным путем и с опозданием, осенью, двинулось вкруговую. Но из тех, кто ушел в Тундар, никто не вернулся. Впрочем, и сами ненянг давным-давно сгинули неведомо куда. В ту пору немало бедствий обрушилось на северные земли Озерного Края. Предки нашего народа оказались рассеяны. А из потомков ненянг уцелели до наших дней в основном оленьи пастухи, некоторые из них заселили обезлюдевший город Войкар на востоке…

Но священный бобр оберегает нас, и его мать — Великая Бобриха Сура. Так было до поры, но теперь зверь мельчает и редеет, а этим летом лес начал желтеть от сухости, и все дальше приходится уходить охотникам и рыбакам, чтобы прокормить свои семьи… Что еще сказать?

— Вот с чем мы явились. — Бор развязал свой похудевший заплечник и бережно достал золотую корону, заблестевшую при играющем пламени очага. — Она зовется Венец Грома!

— Да, слыхал я, Авус, обо всем этом, — задумчиво покачал человек головой, — и об этой короне. Неужели и вправду нашлась она, сверкавшая на челе предводителя древних дружин? Слыхал о знамени богини, сокрытом якобы где-то в горах над нами… И о посохе, будто бы брошенном в наше озеро последним волхвом, в руках которого он находился… О многом говорят старые предания. Но, видно, и прилыгивают древние песнопения; немного силы дает этот венец, если заглянули вы в наше убежище с просьбой о помощи?

— Ты прав, Авус. Главное его свойство лишь в том, что он помогает отличить колдовство от истинной сути вещей. И я не хотел бы задерживаться здесь и на полдня, чтобы не принести беды вашим людям. Ибо все мы видели, как словно огромная нога, сотканная из темного воздуха, раздавила наше временное убежище в Войкаре. А затем, в пути, двое наших людей были растерзаны неведомым существом — птицей Ног, как сказал один из них, умирая, когда мы возвратились в свой стан, покинутый лишь на несколько минут. И хотя мы и уверены, что о нашем присутствии здесь никто из врагов не знает, но на счету каждый день. Мы должны отыскать знамя богини, о котором говорят твои легенды, для того чтобы сразиться с колдовской мощью за наши нивы и ваши леса!

— Птица Ног, говоришь ты? Иногда наши охотники и рыбаки рассказывают, как издалека, в серебристой вечерней дымке далеко над горами или над озером примечали тень птицы, которая должна быть огромна…

— Нам нужно немного еды, сушеной рыбы или вяленого мяса, чтобы не приходилось тратить много времени на охоту — ведь у нас нет даже луков. И главное — смелый человек, который тайными тропами сумел бы подвести как можно ближе к сердцу этих гор, где скрывается источник злого колдовства! — продолжил Бор.

— Некогда наши предки завели себе охотничьи угодья и в горах, но их пришлось покинуть… Тот, кто привел вас ко мне — Лоптюж, — знает тропы, и у него остались друзья среди тех, кто еще там живет и охотится. Он сможет отвести вас, если согласится. Но следует помнить — об этом рассказывали немногие, забредавшие в те заповедные края и сумевшие воротиться, — что подступы к сердцу Тундар стерегут неведомые существа, чудовища, и колдовство. Не один век взрастала там недобрая сила, и черное сердце у этих гор… Недаром страшный Босоркун, дух горного ветра, насылает оттуда засухи, и Войпель, вызывающий зимние бури, прилетает с тех же вечно укрытых туманами нагорий.

— Я согласен, — сказал Лоптюж, до той поры безмолвно присутствовавший при этом странном разговоре. — Я проведу их.

… Уговорившись о припасах на дорогу, Бор и его товарищи выбрались наружу. Бросив взгляд на нескольких ветемурт, конопативших свои перевернутые челноки, князь обратил вдруг внимание на одного из людей, более рослого, чем остальные. Что-то знакомое почудилось ему в развороте плеч молчаливого рыбака.

— Эй! — окликнул он человека и, когда тот обернулся, с удивлением вскричал: — Это ты, Одар?!

— Да, я, Бор, — отвечал тот равнодушным голосом.

— Ты не вернулся в Дингард тогда, три года назад.

— Да. Я женился здесь, и живу — и мне хорошо. Простая жизнь, когда не нужно ходить за сохой, ездить в торг, стоять насмерть за честь Дингарда… Я ведь старше тебя, Бор.

— Гунн много старше нас обоих. Мне нужны сильные люди — ты пойдешь со мной?

— Нет, Бор, твое дело, ты и иди.

— Что ж, дело хозяйское. Но знал я тебя как неплохого ладейного мастера, хотя, вижу, давно ты этим не занимаешься. Прошу только — мне ворочаться надо будет, а не на чем. Сделай милость, надсади борта челнока, чтобы вышла лодка на

несколько человек, на которой можно было бы сплыть бережком на юг.

— Ладно, сделаю. Только не стала бы она твоей погребальной ладьей, князь. Стоит ли связываться с теми, из-за гор?

— А уж это — мое дело, Одар! Подай тебе Юмбел счастья, авось свидимся! — С тем они разошлись, будто не земляки встретились.

Четверо людей, одетых в теплые кожаные куртки и штаны, с мешками провизии за плечами двинулись в лес, по направлению к подножию гор. Люди и собака молча провожали их взглядами, не надеясь увидать больше никого или почти никого из них. Ибо разнесся уже слух, что они идут в сердце гор, а мрачные ущелья Тундар считались краем смерти…

Целый день шли они непрерывно и переночевали в непривычно тихом и разреженном лесу. На следующий день лес начал редеть еще больше. В темноте они подошли к грозно нависающим горным склонам. Разбив лагерь, развели маленький костерок, надежно укрыв его от посторонних глаз. Лоптюж вынул из рукава изображение лося, сделанное из кости, и, воткнув основанием в землю, долго молился ему о чем-то.

— Завтра мы входим в горы, и вы должны будете поступать так, как говорю я. По крайней мере пока не достигнем сердцевины их, куда я никогда не заходил, — сказал он перед тем как уснуть.

Утром они вошли в ущелье, и скалы виднелись по сторонам, обступая редкий лес.

— Здесь, в горах, живут люди?

— Да, немногочисленные охотники… — отвечал Лоптюж. — Они платят дань мехами этим…

Ущелье было трудным, деревья иногда росли среди гигантских глыб, дно все поднималось. Внезапно впереди открылась широкая луговина, окруженная скалами.

— Стойте! И тише! — приказал проводник.

— Что такое?

— Смотрите. Видите траву? Круги… — В самом деле, во многих местах трава была выкошена кругами. Одни покосы успели пожухнуть, другие казались совсем свежими.

— Здесь, в этой долине обитают «поят» — косцы. Никто не знает что это и как они появились. Говорят, их вызвали ненянг из темного мира, чтобы преградить путь народу Сейдов… Они обитают лишь здесь, невидимые, пробуждаясь время от времени и начиная косить кругами. Тот, кто попадает под невидимую косу «поят», погибает. Кто видел, говорили, что зимой на этой луговине остаются круги, пропаленные жаром… И еще — если ты

находишься на краю луговины, они могут прийти на звук громкого голоса…

— Как же нам быть? — спросил Бор, поеживаясь.

— Пойдем в обход, как все уже тысячу лет ходят.

Они направились к скалам налево — там темнел проход, поднимавшийся над страшной долиной. Они медленно взбирались по древней, протоптанной тысячами и тысячами ног за долгие века, тропе.

Наконец выбрались на ровное место. Сверху, с высоты сотни сажен было видно, что выкосы на днище долины идут по спирали, сгущаясь к центру.

— Странно… Это напоминает огромный лабиринт Ностранда?! — удивился Бор.

Гунн пожал плечами:

— Темное дело — галдерство!

Они огляделись. Леса здесь не было — только зеленая трава и кустарник покрывали покатое холмистое пространство, протянувшееся во все стороны до отдаленных горизонтов.

— А засуха-то здесь не чувствуется! — заметил конунг.

— Босоркун посылает долинами свои сухие и холодные ветры, — отвечал охотник.

Глава 17. ЗЕРКАЛО ТУНДАР

— Как широко… и пусто, — сказал Бор.

— Дальше там есть каменный стол, поставленный народом Сейдов, — ответил Лоптюж. — И еще кое-какие камни с той поры попадаются.

Они двигались ровно и быстро, и травы шуршали, раздвигаемые их сапогами. Вдруг вдалеке князь заметил темное облачко, к которому как бы поднимался столбик, постепенно изменявший очертания. Он приближался к путешественникам. Бор указал на него Лоптюжу, и тот мигом оценил опасность.

— Это Гундыр, ветряной змей. Плохо нам придется, если он пойдет на нас: здесь негде укрыться. Если только успеем спрятаться под Столом Великана! Бежим! — И они бросились вперед изо всех сил. Теперь трава уже летела навстречу, скрывая коварные камни и рытвины.

Смерч приближался, и, казалось, он идет прямо на бегущих людей. Однако впереди уже замаячило каменное сооружение, похожее на гигантскую столешницу. Гундыр завывал все ближе, но и видно было уже, — то, к чему они бегут, напоминает громадный, почти в рост человека, скальный ящик без передней стенки возведенный из гигантских плит.

Только они успели заскочить под каменный «стол», как почувствовали, что задрожала земля. Кругом потемнело, стеснилось дыхание и навалился ревущий, грохочущий вихрь, сотрясая все своей мощью. Люди уцепились за выступы и трещины камня, чтобы не дать ветряному змею выволочь себя наружу. С этими исполинскими глыбами смерч ничего не мог поделать, они даже не шелохнулись. Дышать стало легче, мрак исчез, рев стал стихать — вихрь прошел дальше.

Бор надел венец, чтобы рассмотреть уходящего ветряного змея, и преломленному волшебством взору представилось, что темный хобот посветлел и внутри можно различить какое-то существо изменяющихся очертаний, с горящими глазами, озиравшееся вокруг. Постепенно Гундыр удалялся на юг.

— Я видел одного такого змея, возможно даже этого — он пришел в наши места, в мой город на юге Озера. — Князь снял корону. — Внутри там есть какое-то живое существо, и теперь я понимаю, что мне удалось ранить его копьем и прогнать. И тогда он в ярости уничтожил поселения южнее…

— Да, говорят, Гундыр внутри живой, им правит сидящий в нем колдун, которого можно, если повезет, поразить острым железом, — отвечал Лоптюж. — Это посланец Войпеля, а стало

быть — Чернобога.

— Он видит, куда идет и кого ему сразить?

— Не совсем. Наверное, изнутри ему плохо видно. Те, кто пережил встречу с ним — а их было немало, — говорят, что он различает лишь движущееся от неподвижного. Нас прикрыл камень, и мы для него исчезли. Голые равнины и деревянные поселения — вот где для него раздолье, вот где он хорошо видит разбегающиеся беззащитные жертвы…

— Он вернется?

— Неизвестно. Поэтому мы не пойдем так далеко, не будем делать крюк на запад, чтобы обойти не слишком хорошие места, как я предполагал раньше. Мы постараемся поскорее спуститься отсюда в ущелье, где он будет бессилен что-либо с нами сделать.

Бор вышел из-под укрытия и взобрался наверх, на каменную крышу, чтобы разглядеть, не возвращается ли ветряной змей.

— Оглянись лучше назад, — сказал ему ветемурт.

Последовав его совету, князь увидел на севере бескрайнюю волнистую горную страну, с отдельными невысокими вершинами и хребтами, и вдалеке — окруженную горами котловину, а на дне которой словно плыло в туманной дымке светло-синее озеро.

— Карнасьяур, Воронье озеро в сердце гор. Где-то в его округе — цель твоих поисков. Видишь темную полоску на полдороге перед котловиной?

— Да.

— Это Медвежье ущелье, похожее на огромную трещину. Туда мы должны спуститься.

— Там и вправду водятся медведи?

— Сейчас нет. Видишь, в стороне плавает в дымке остроконечная вершина?

— Налево?

— Да. Это Куовдвара, Медвежья гора — одна из самых высоких в Тундар. Ущелье поднимается к ней. Должно быть, отсюда и название. Говорят, в старину на ней жили братья-медведи, приводившие в страх все в округе. Думаю, что эта история осталась еще от ненянг, поклонявшихся медведю. Там есть пещера, и раньше находили огромные древние медвежьи черепа и кости — таких зверей нет сейчас…

Они спустились с каменного стола и быстро, почти бегом двинулись прямо на север. Через несколько часов перед ними открылись края ущелья с отвесными стенами. Обнаружив место, где начиналась тропа, они начали спуск, не слишком легкий для непривычных к горам озерян. Камень осыпался у них под ногами, сапоги соскальзывали с глыб. Наконец, они достигли дна ущелья, поросшего густыми кустарниковыми зарослями, с обеих сторон

возвышались грозные обрывы.

Кругом царила тишина, прерываемая лишь редкими порывами ветра, который должен был усилиться к вечеру. Вдруг из чащи кустов навстречу им вышел человек в меховой куртке с капюшоном, меховых штанах и сапогах. Плоским лицом своим он походил на жителей Войкара, хотя не был так крупноголов, и волосы были темные, но не иссиня-черные.

— Привет, Мяндаш! — облегченно поздоровался с ним Лоптюж.

— Я так и думал, что ты здесь спустишься, — отвечал тот на приветствие.

— Будем ночевать возле Куовдвары?

— Придется, наверное… Куда идете?

— Нам надо будет выйти в котловину Карнасьяур. Ты знаешь неприметные проходы туда?

— Вообще-то туда мы не шастаем. Нечего там делать… А такие тропки, чтобы о них не знали совсем… Это, даже трудно сказать… — тундарский охотник сомнительно покачал головой, поскреб затылок.

— Говорят, в тех местах скрыт был в старые времена древний талисман — знамя богини.

— Тогда через Черепной перевал надо идти. Там где-то искать.

— Видите, недаром у Мяндаша в предках ненянг были — он тут как у себя дома! — сказал Лоптюж.

— Отчего перевал-то так зовется? — полюбопытствовал князь.

— А как раз в старину, говорят, там и пропало озерное войско. Сгоряча, возгордясь победами, осенью пошли — да замело их осенними буранами. Наверное, те, кто с талисманом богини были, сразу отбились от своих, раз остальных защитить не смогли. С тех пор на перевале долго попадались человеческие черепа да кости… Оттого и назвали. Говорят еще, это с той поры в пещере Куовдварской, что поблизости, поселились дети Страха, тойма.

— Тойма? Что это?

— «Живущие-по-ту-сторону». Они не порождение колдовства, нет… Они, наверное, просто приходят к нам из мира Туонелы.

— Как так?

— Были люди, сумевшие унести ноги из пещеры… Они рассказывали, что там, в глубине, стоит будто бы огромное зеркало, а рядом с ним лежат скелеты тех, кто нес его вместе с войском. Хотели они укрыться от метели, да замерзли, не сумев выбраться наружу. А может, иная причина была… Сами они

выпустили тойма, или после кто на зеркало это набрел… Но только время от времени приходят в пещеру эти… Из долины Карнасьяур… Силы, что ли, набираться? И лишь они одни могут безнаказанно приблизиться к зеркалу и остаться в живых…

— Кто они — «эти»?! — возбужденно воскликнул Бор, но Мяндаш лишь суеверно покачал головой и испуг мелькнул в его глазах.

— Хватит болтать, пошли, что ли, — махнул рукой Лоптюж, и они отправились вверх по ущелью.

Стены ущелья понижались по мере того, как они поднимались к перевалу. Наконец впереди замаячило темное пятно на склоне горы. Вскоре стало ясно, что это огромный зев входа в пещеру. Возле него все остановились. Близился вечер, и малоприятен был визит в зловещее место. Однако Бор считал, что им необходимо взглянуть на таинственное зеркало, — вероятно, то самое, что было отнято у этелькузцев в Великой битве.

Кто знает, как глубоко уходила пещера в корни Куовдвары? Хотя мало она напоминала тот страшный тесный грот Трех в горах Харвада, но перед нею вновь испытал князь пакостное ощущение нарастающей опасности. Однако он лишь упрямо кивнул головой: «Пошли!» и зажег можжевеловый факел. Обнажив оружие, они вошли внутрь и стали спускаться все дальше во тьму, освещая себе путь факелами. Но спуск этот длился не так долго.

Перед ними открылся очень большой грот, в середине его блестело небольшое озерко. Смутно видневшиеся стены носили следы деятельности человеческих рук. У Бора снова возникла ассоциация с гротом Трех. Возможно, то были следы культов народа ненянг, некогда поклонявшихся своим богам в пещерах.

Затем он увидел нечто, принятое им за обрамленный узором из металла проход в другую пещеру с озером. Однако тут же понял — перед ним овальное зеркало в рост человека и даже больше.

Сделав еще несколько шагов вперед, конунг разглядел, что рама чеканного металла искусно выполнена в виде змеи, вцепившейся в собственный хвост — древнейшего знака вечности. Ее длинное чешуйчатое тело покрывали странные, невиданные руны в виде многочастных знаков, вероятно, скрывая имя древнего мастера и потайной смысл заклинаний. Нечто зловещее было в этих знаках.

— Бор, назад, назад! — послышался голос встревоженного Лоптюжа. Князь увидел теперь, что по полу пещеры то здесь, то там были разбросаны черепа и кости людей, и многие из них имели явственные знаки проломов и прокусов — точно следы

отвратительной трапезы! Неведомо откуда страшное рычание раздалось под сводами пещеры. Это был долгий, голодный рев хищника, завидевшего добычу.

— Клыки страха тойма! — Смертельный испуг звучал в крике Мяндаша. Рычание раздалось ближе, исходя точно из воздуха, и послышались шаркающие звуки тяжелой поступи. Бор вспомнил, что корона у него за пазухой, быстро надел ее и тут же всего в двух шагах от себя различил прозрачную тень гигантского, невиданной величины медведя, на лапах которого холодно сверкали, точно осколки льда, огромные когти. И точно так же поблескивали клыки в призрачной пасти. Поодаль виднелись еще какие-то тени, но эта была главной.

Ржавый меч из-за спины мгновенно оказался у озерного конунга в руках, и он сам двинулся навстречу медведю-тени. Тот, казалось, понял, что замечен, и был как бы озадачен этим. Волшебное мерцание клинка раздражало его, и, взмахнув лапой, смертоносная тень издала новый рев, еще более ужасающий. В ответ князь спокойно занес меч. Медведь-тень раскрыл свои смертоносные объятия. Но клинок оказался проворнее — острая сталь прорубила грудь призрака-великана, и спутники Бора увидали, как бесцветная жидкость потекла из пустоты, в которую вонзился ржавый меч, капая на пол и тут же исчезая, точно испаряясь. Рев зверя, истекающего в агонии кровью, прокатился под сводами пещеры. Но только озерный конунг видел, как огромная тень опустилась наземь, обратилась в бесформенную груду… и исчезла даже для обладателя волшебного венца.

Бор обернулся и заметил, как два бледных двуногих чудища, похожие на сутулых людей, подходят с обоих боков к Гунну и Мяндашу, вытягивая длинные руки душителей.

— Берегись теней! Гунн — слева! Мяндаш — справа! — выкрикнул он. Сделав рывок, князь раскроил мечом тень, уже смыкавшую руки на шее растерявшегося Гунна, — она тут же опала и исчезла, подобно первой. Между тем Мяндаш, все время точно прислушивавшийся, резко ткнул длинным ножом вбок и попал в тень, подкрадывающуюся к нему, — та отшатнулась, издав вой: острая сталь причинила ей боль. Звериный инстинкт охотника позволил ощутить приближение незримой смерти! Бор оказался рядом и прикончил призрака-душителя ударом того клинка, что был смертоносен для нее.

— Мне чудилось, что я ощутил на шее холодные, очень холодные пальцы! — сказал Гунн, и рука его, державшая факел, слегка вздрогнула.

— Вот в чем сила зеркального талисмана: он выпускает на волю древние призраки опасных созданий! — воскликнул Бор. И

тут он заметил, что из зеркала показываются новые твари. Конунг бросился туда. — Назад, во тьму, созданья Туонелы! — кричал он, взмахами клинка загоняя тени обратно. — Гунн, перевернем зеркало! Пускай идущие из глубин уходят обратно в землю! — Богатырь поспешил ему на помощь. Вдвоем, с натугой они приподняли тяжеленное зеркало, выворотив его из сцементировавшихся камней, и опустили полированной поверхностью к каменному полу. Раздался отрывистый высокий звенящий звук, точно оборвалась хрустальная нить.

Теперь наружу была повернута задняя, слегка выпуклая сторона, испещренная теми же непонятными знаками, но в других сочетаниях — вероятно, запрещающими заклятьями.

— Не лучше ли попытаться разломать или разрубить его? — предложил Гунн.

— Боюсь, оно сделано из прочного металла, к тому же толстое, — смотри, какое тяжелое! Однако неужели у него нет крышки?

— Наверное, его закрывали чехлом, — предположил помощник.

— Неужели каждый раз, как отпадала нужда, его переворачивали? И потом, если так легко вызвать смертоносных призраков, просто вернув зеркало в прежнее положение, тогда его не могли бы перевозить, не опасаясь гибели? — Князь пожал плечами.

— Говорят, один кудесник сказал тайные слова, чтобы выпустить тени некогда обитавших в этой пещере опасных существ, — сказал Мяндаш.

— Похоже на то. Медведь-исполин и древние дикие душители, верно, обитали в этой пещере в забытые времена. И они пожирали тех, кто случайно здесь оказывался… — задумчиво произнес Бор.

— Чтобы открыть ход снова, надо будет опять приманивать духов свежей жертвенной кровью, — добавил охотник.

— Почему ты так решил? — удивился конунг.

Вместо ответа охотник поднес факел к лежавшей рядом большой каменной чаше, внутри которой зловеще темнел подозрительный налет. А рядом валялся столь же древний, но по-прежнему острый кремневый нож для жертвоприношений.

— Ты прав. Как же нам помешать действию этого зловещего талисмана?

— Текучая вода — вот надежная защита от бесплотной нечисти! Озерко довольно глубокое — опустим его туда! — предложил Гунн.

— Это разумная мысль! — согласился Бор. Они снова, с

натугой подняли древнее зеркало и опрокинули его в озеро, оказавшееся куда глубже, чем казалось. Без всплеска массивный овал ушел на дно, подняв тучу мути, которая, осев, надежно скроет зеркало от глаз того, кто попытается вновь разыскать его. Сверху, для уверенности, они набросали камней.

— Много еще рассказывали об этом зеркале в Тундар? — спросил князь у Мяндаша.

— Говорили, что тот, кто долго смотрит в него, обменивается душой с обитателями Туонелы и становится столь же вечнохолодным и бесчувственным, как они, — истинным порождением Мрака.

— Такие случаи бывали? — спросил Бор.

— Думаю, что да. Давно. Мне кажется, это правда.

— Наверное, так оно и есть. Но почему его не забрали те, кто пользуется им?

— А зачем им это, если здесь оно находилось под защитой смертоносных потусторонних существ, подчинившихся их заклинаниям? Наверное, неудобно постоянно иметь рядом обитателей Туонелы — они будут опасны для слуг своего хозяина… — сказал трезвомыслящий Гунн.

— Ты прав, — ответил Бор. — Пойдем отсюда, это неважное место для ночлега. До сих пор у меня стоят перед глазами сверкающие когти медведя из тени! Думаю, эта пещера надолго останется пустой!

Глава 18. ЗНАМЯ ПРИИ

Утром они поднялись к перевалу. Все вокруг усыпали камни, и встречный ветер с силой утюжил покатую ложбину, так что в лицо идущим порою летели даже мелкие кремешки.

— Проклятый Босоркун не дает нам спуститься! Теперь я верю, что в метель здесь могло замерзнуть целое войско! — ругался князь. В тот момент, когда воющий шквал ветра достиг наивысшей силы, так что трудно стало даже устоять на ногах, он в ярости выхватил меч и наставил острием на ветер. Вдруг сквозь завывания послышался будто бы треск рвущейся ткани, и еле различимый стон пронесся над перевалом — точно кто-то напоролся на лезвие. Словно по мановению чьей-то руки ветер резко спал, и люди бегом проскочили ложбину, устремившись вниз, к сети ущелий и проходов, начинавшейся за перевалом.

— Видно, ты поранил одного из духов ветра, детей Босоркуна! — сказал Мяндаш Бору, когда они были внизу. Тот пожал плечами.

Они шли по лабиринту между огромных скал, источенных

зимними ветрами до такой степени, что на некоторых из них были глыбы, в любой момент готовые оторваться и рухнуть. Иные скалы были расслоены на вертикальные столбы и оттого казались стеною сумрачной крепости. В других местах в стороны уходило множество ущелий, большинство которых заводили в тупик. Четверо людей уже долго бродили среди этого каменного хаоса, где, как подозревали проводники, могло находиться утерянное знамя богини, но им не удавалось найти никаких следов. Лишь одна надежда была у них: скрывшие его в неведомом тайнике должны были оставить какой-нибудь знак. Причем, понимая, что вероятно не выберутся отсюда живыми, знак этот сделать заметным для тех, кто придет сюда после — возможно, намного позднее.

Иногда им попадались древние рисунки на скалах, нанесенные некогда прежними обитателями этих мест. В большинстве своем они изображали победы охотников над зверями. Мяндаш внимательно их разглядывал: возможно, некоторые из них были связаны с легендами его далеких предков. Наконец, истомившись бесплодными поисками, зайдя, казалось, в самое сердце каменной чащи, они остановились передохнуть, присели, прислонившись к камням.

Вдруг Мяндаш вскочил на ноги и указал на одну, ничем не примечательную скалу.

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул он. Скала, как и другие, была изукрашена древними рисунками. Но среди них лучи полуденного солнца ярче высветили один, более четкий и глубже врезанный, наверное, не камнем, а сталью: изображение круга с лучами, на котором были видны глаза, рот, нос, а вниз от него отходила полоса, изображавшая древко. Бор узнал это изображение — оно походило на виденное им на столбе Хоровода Сейдов.

— Это изображение священного знамени; значит, оно должно быть поблизости — иначе зачем тратить столько сил на рисунок? Однако где оно может быть спрятано?

Они смотрели и так, и эдак — однако скала казалась монолитной, без трещин. Наконец конунг додумался: он достал корону, и лишь только надел ее — как увидал в скале расщелину на высоте человеческого роста, в непосредственной близости от знака.

— Здесь щель в скале, скрытая при помощи волшебных чар. Корона позволяет увидеть ее! Ну-ка, Гунн, подсади меня! — Богатырь с трудом удержал на плечах своего рослого предводителя, который, ко всеобщему удивлению, прошел сквозь скалу и исчез в ней.

— Сильное, видать, колдовство, было поставлено в старину — вон сколько времени действует! — покачал головой Мяндаш. Гибкий, как кошка, Лоптюж на ощупь последовал за князем.

Перед входом в расщелину лежала нанесенная ветрами куча песка и пыли, но в глубине было чисто. Там они увидали сланцевую плиту, отколовшуюся в древности от стены, а затем прислоненную к ней под углом. Светлыми мелкими рунами были начертаны на ней строки. Князь медленно прочел их: «Здесь — надежда Аб Дор, знамя, врученное человеку богиней». Привалившись к плите, лежал древний скелет воина, рядом — полуистлевший меч.

— Он оставался один. Он один прошел и сделал это, — сказал конунг задумчиво. — Последний знаменосец старого времени. Легенды не донесут до нас его имени, ибо он — за пределами легенд.

Бор подошел к плите и, обхватив ее края, нежно, точно девушку, приподнял, чтобы кости воина не ударились оземь со всего размаху, а тихо сползли, найдя упокоение в древнем прахе, устилавшем пол. Под плитой, невредимое, лежало знамя богини. Это был светлый серебряный диск шириною в локоть, по ободу украшенный свисающими серебряными цепочками, вероятно, изображавшими лучи. Золотом на нем некогда вычеканили черты божества с огненными волосами. Полуторасаженное древко из потемневшего вечного кедра вставили во втулку знамени и прикрепили серебряными гвоздями.

— Вот оно, знамя Прии! — воскликнул Бор, торжествуя; он взялся руками за древко, и знамя вовсе не показалось ему тяжелым — словно сила прошедших поколений вошла в его мышцы. Вместе со своей находкой Бор и Лоптюж выбрались из расщелины — и скрывавшая ее завеса волшебства исчезла.

При движении чудесное знамя издавало легчайший звон, образуемый колыханием серебряных цепочек, ударяющихся о диск. Некоторое время все пятеро молча созерцали блистающий под солнцем талисман, над которым не властно оказалось время. Златокузнец, создавший его, был искусен. Или, возможно, рука создавшая его не принадлежала человеку (так, в глубине души, наверное, думал каждый из них)?

— Куда теперь? — спросил наконец Мяндаш, когда первый восторг слегка поутих.

— Что лежит там, дальше? Как нам незаметно выбраться в котловину Карнасьяур?

— Я не помню этого места, здесь развилка одного из боковых ущелий. Пойдем вперед, возможно, я вспомню.

Бор и его спутники вскоре достигли поворота.

— Постойте, осторожнее! Это… — воскликнул вдруг Мяндаш.

Но люди уже завернули за угол скалы и едва ли не кубарем скатились по крутому осыпающемуся откосу с высоты полудюжины саженей, прямиком в котловину Карнасьяур.

Поднявшись на ноги, Бор огляделся и тут же увидел, что их, похоже, уже ожидали. Навстречу спустившимся со скал людям, направлялись два десятка закованных в чешуйчатую броню черных всадников-бортедров с опущенными боевыми личинами.

— Станем клином! — сказал предводитель дингардцев товарищам, видя, что отступить по крутому склону нет никакой возможности и придется принять бой.

— Хорант! Хорант! — заревели, приблизившись, темные всадники боевой клич — имя своего предводителя, черной башней возвышавшегося среди остальных.

— Первый десяток — вперед! — рявкнул он, и десять всадников, развернувшись дугой, помчались на пятерых людей. Два копья, мечи и топоры были против десятка наставленных конных пик. И знамя — талисман.

Как видно, оно откликалось на чувства, рождавшиеся в душе того, кто держал его в руках во время битвы. Возможно, окажись оно в руках труса, все кончилось бы очень быстро и печально. Но теперь серебряный диск вдруг вспыхнул нестерпимо ярким светом, ослепив всадников и коней на несколько мгновений. Кони, не видя ничего, бросились врассыпную, расстроив атаку, — и бортедры не могли их удержать, роняли и ломали пики, и даже случайно сшибались друг с другом, падая наземь…

Только трое, мгновенно бросив копья, успели прикрыть руками глаза и сохранили возможность видеть. Теперь, выхватив свои острые тяжелые мечи, они ударами шпор принудили коней идти в нужном направлении, горя желанием скосить горстку противников. Но, еще не доскакав до маленького отряда дингардского конунга, первый из них, перелетев через убитого стрелой коня, тяжело рухнул наземь. Бор быстро передал знамя в руки Гунна и с обнаженным мечом ринулся вперед. Отбив страшные удары заостренного меча, он несколькими ловкими сильными взмахами лезвия свалил второго всадника с коня. Турн ловко ранил копьем скакуна третьего наездника. Резко осадив в сторону, тот не стал возвращаться. Все свершилось в несколько мгновений.

Хорант, у которого все это произошло на глазах, пришел в неописуемое бешенство: еще бы, ведь он знал могущество своего властелина!

— Арш! — взревел он, и плотным строем, загородив коням глаза шорами и наставив копья, вторая шеренга всадников

помчалась вперед, и земля загудела. Казалось, ничто не сможет остановить эту махину! Но Волшебное знамя… Серебристый перезвон послышался в воздухе — зазвенели, должно быть, украшавшие диск ажурные цепочки. Копья с маху ударились о невидимую преграду в десятке шагов от приготовившихся на этот раз с честью умереть людей, и несущиеся во весь опор кони были остановлены мягкой, но властной дланью исполина. От встряски некоторые всадники повалились с седел, другие, растерявшись, все же усидели на осевших на задние бабки скакунах. В туче поднявшейся пыли раздался хриплый рев рога: это Хорант протрубил отбой. Всадники в беспорядке отступили и выстроились поодаль.

Хорант отделился от своего воинства, вновь сплотившего рассеянные ряды.

— На единоборство! — спешившись, заревел он и, обнажив меч, ринулся вперед. Когда расчет на численное превосходство конников не удался, он решил положиться на собственную исполинскую силу и прочность доспехов. Конунг вышел навстречу. На глазах у обеих сторон два богатыря столкнулись. Бор держал меч в одной руке, в другой щит. Его противник надвинулся с невиданным двуручным мечом ужасной длины. Одного роста были они, но Хорант казался из-за доспехов массивнее. И страшные, свистящие и чистые звоны мечей раздались над полем боя.

Хорант привык, что перед его силой склоняются все, но вскоре по черным доспехам заструилась красная кровь.

— Я убью тебя! — заревел распаленный болью исполин. Но тут соперник с такой силой нанес удар по его шлему, что княжеский меч зазубрился, а шлем раскололся. Оглушенный бортедр рухнул наземь.

— Сдавайся, или будешь убит! — рявкнул конунг, занося меч снова, но у его врага отнялся язык, и он был способен лишь еле заметно и неопределенно качнуть головой. Однако Бор вовремя заметил, что всадники собираются напасть на него с копьями. Он быстро отступил под защиту знамени-талисмана, оставив поверженного исполина его собственным подчиненным. Доселе у бортедров не было достойных противников на севере Поозерья, но вот теперь он появился, тот, кому приходилось от схватки к схватке оттачивать свое искусство бойца. И неудивительно, что они слегка растерялись и действовали недостаточно быстро.

В этот момент в дело вступила новая сила. Небо словно потемнело, и раздался звук, похожий на хлопанье парусов. Бор поднял голову и увидел птицу.

— Ног! Это она! — воскликнул Гунн, хватаясь за топор и не

отрывая глаз от чудовищного пернатого.

Этой огромной птицей был ворон — отец всех воронов мира. Размах его крыльев поражал воображение — десять саженей! Лапы оканчивались громадными острыми когтями, покрытыми черной засохшей кровью жертв. Перья и пух, обрамлявшие его страшный клюв, были с сединой, а в глазах, напоминавших гагатовые ядра, сквозила безжалостная, звериная страсть к убийству. Сколько веков в недоступных краях набирался сил этот цепной пес Туонелы? Он нацелил когти на конунга и обрушился вниз.

Ударами меча уставший человек отбивался от страшных лап с железными пиками сжимающихся и разжимающихся когтей.

— Ты убил моих людей, проклятый нетопырь?! — кричал он и ловко отсек один палец, поранил другой, но до туловища не мог добраться, а птица, казалось, была нечувствительна к боли в своей безумной настойчивости. Взмахом крыла, точно вихрем, повалила она наконец наземь противника, потеряв при этом несколько своих огромных траурных перьев! Ворон нацелил уже страшный, длиннее двуручного меча, клюв, чтобы, словно червяка, пронзить богатыря. Бор не испытывал страха неминуемой гибели — только ярость, оттого что падет здесь, в двух шагах от неведомого врага, к встрече с которым лицом к лицу он шел столько дней.

Вдруг ярчайший свет откуда-то из-за спины конунга ударил вспышкой прямо в глаза крылатому чудовищу, и с хриплым, громоподобным карканьем ворон метнулся, слепо захромал для разбега, тяжело взлетел, взмахами огромных крыльев и одному ему ведомым чутьем взял курс куда-то на полночь. Так неожиданно окончилось это роковое нападение благодаря знамени богини Прии.

Бор, на котором после двух единоборств вся одежда была разорвана в клочья, присоединился к своим спутникам. С удивлением они обнаружили, что дорога свободна: бортедры, убедившись, что против волшебной защиты пришельцев бессилен оказался даже чудовищный ворон Ног, незаметно и бесследно отступили.

— Что же, пойдем вперед! — сказал конунг, вытирая с лица кровь, пот и грязь. — Где они могут быть?

— Смотри, — показал ему Гунн на противоположную сторону озера Карнасьяур. В котловине то там, то здесь виднелись какие-то развалины, вероятно принадлежавшие некогда ненянг — неведомым противникам озерянского войска, до которых оно так и не добралось. Некоторые из них, сложенные из дикого камня, имели округлую форму. Но не так выглядел темневший в скалах

на той стороне внушительный треугольный портал — вход в неведомые покои.

— Это там! — сказал конунг. — О богиня Прия и Додола — богиня дождя! Даруйте нам победу для всех людей Аб Дор, заклинаю!

И они двинулись вдоль берега озера. Князь снова надел венец Грома и теперь издалека, над горами ему была видна высокая серая завеса волшбы, огораживавшая эту часть Озерного Края от остального мира. Это она, созданная темным колдовством, препятствовала движению плодоносящих дождевых туч извне, обрекая край на засуху.

Попадавшиеся им по пути развалины укреплений и приземистых строений давно разрушались под действием мороза и ветра. Куда подевались их хозяева? О том лучше было бы спросить нового владельца этих мест.

Бор умылся холодной озерной водой — в том, что даже сердцевиной обиталища свартен стало чистое озеро в горах, проявилась особая стать Озерного Края.

Сумрачная, напряженная атмосфера, казалось, витает над котловиной. В течение веков Чертог Чернобога накапливал силы, опутывая край паутиной колдовства, жадности и ненависти. А вот теперь, решившись на последний шаг, он наткнулся на такое открытое и упорное противодействие. И конечно, постарается нанести более сильный удар.

Глава 19. ГНЕВ ЧЕРНОБОГА

Рядом с порталом, в стороне, виднелось какое-то скопление домиков — вероятно, жилища челяди и охраны. Однако возле них не было видно ни единой живой души. Теперь, когда пришельцами был благополучно отбит натиск грубой силы, следовало ожидать нападения при помощи колдовских чар. Ветряной змей Гундыр с его всесокрушающей мощью вряд ли будет вызван в такую непосредственную близость от темных чертогов, в самое сердце владений Чернобога — он представляет угрозу и для самих его подданных и сподвижников. Но вход в чертог не может не быть защищен от незваных гостей. Так рассуждал князь — и не зря.

Когда они подошли к огромному, внушающему трепет своими размерами сумрачному порталу, перед ними возник старик в белой шубе кудесника. Судя по чертам его лица, то был, наверное, один из последних ненянгских колдунов, поклонявшихся темным и страшным божествам древности. Но в облике его была какая-то непостоянность, на миг человеческие

черты сменяло обличье звериной морды, птичьего клюва, рыбьей пасти.

— Стриго, оборотень! — побледнев, прошептали охотники, не дрогнувшие ни при виде стали, ни под сенью крыл чудовищного ворона. Изменения происходили все быстрее.

— Галдер, колдун! — произнес Гунн, четче определяя сущность явленного им могущества. У него также были причины для опасений: знамя, надежно уберегшее их от ударов врагов, устоит ли оно против колдовства?

В руках колдуна появился маленький, прозрачный, наверное, стеклянный сосуд, в котором нечто кипело, переливаясь и сверкая серым перламутровым блеском. Мгновение — словно тучи застлали солнце, туманная дымка окутала все вокруг. О, это был сильный колдун — и старый, очень старый! Он направил горлышко сосуда на людей и вынул стеклянную пробку; словно поток мельчайших перламутровых серых мушек вырвался оттуда.

— Тире! Тире! — в диком ужасе закричал Мяндаш, бросив лук и сломя голову кинувшись бежать. Тире — Гунн слышал в легендах это название — загадочные и смертоносные мельчайшие шарики, рои которых страшные древние тундарские колдуны напускали на своих врагов. И нет от них никакого спасения.

Слишком поздно понял Бор, что даже талисман может быть бессилен против этого врага. Точно живые мошки, облепили они лица людей липкой маской, и ощущение глухой смерти от удушья было ужасно.

В этот миг знамя полыхнуло таким ярким сиянием, что затмило бы солнце — и под этим светом тире потеряли свою страшную силу, и черным, точно пепел, налетом, опали на землю. Только Мяндаш, слишком далеко убежавший от спасительного талисмана, рухнул наземь, схватившись за горло, и остался лежать неподвижный: настигнувшие его тире забили охотнику нос, рот, глаза, уши, превратившись в каменные пробки, и он задохнулся.

Первым опомнился Лоптюж, пустив быструю стрелу, но она не причинила колдуну вреда. Тогда пришел черед Бора: он выхватил из-за плеч свой ржавый меч и метнул его — и только лезвие коснулось колдуна, он, вскрикнув, исчез без следа, а дымящийся клинок упал наземь. Подействовал ли он сам с такой силой или нечто придало ему большее могущество?

— Чистый свартен! — пробормотал изумленный Гунн.

— Вперед, не теряя ни секунды! — Озерный конунг ринулся в портал, на ходу подбирая свой клинок и с удивлением ощущая, что он горячий! Гунн со знаменем бежал за ним, следом Турн с копьем наперевес и замыкал маленький отряд Лоптюж, со

стрелой на тетиве, поминутно оглядывавшийся и готовый отразить нападение с тыла.

В камне был вырублен чертог Чернобога. Вначале тянулся коридор с торчащими из стен острыми турьими рогами, на некоторых из них сидели насаженные человеческие костяки или черепа, порой совсем истлевшие. Стражи не было — она не нужна за железной стеной бортедров и ужасами колдовства. Вправо и влево в темноту ответвлялись проходы, однако четверо людей продолжали идти прямо.

Но вскоре они вынуждены были остановиться: перед ними выступали из тьмы громадные створки тяжелых ворот, преграждавшие путь. Бор провел в неподвижности лишь несколько мгновений. Затем, точно по наитию, выхватил меч и скрежещущим металлом по металлу лезвием размашисто вывел серебрящуюся свежей царапиной в полумраке третью руну «турс» — «врата», напоминающую треугольник, опершийся на древко. На другой половине врат он начертал девятую руну «хагл» — «град», разрушающую, напоминающую косую «Н». Как только он закончил — ворота с грохотом распахнулись.

Они вошли в зал чертога. Слабый, но позволяющий неплохо различить окружающее свет струился как бы непосредственно из стен. Вдоль них стояли неуклюже вытесанные из камня зловещие статуи: свирепый Рота-Мублен, Босоркун с вытянутыми в трубку губами, Морена со сложенными за спиной черными крыльями и лицом, напоминающим череп, Ний — властитель подземных чертогов Туонелы, с клыками, выступающими изо рта. И посередине них — страшный Чернобог, на бесформенном лике которого выступали только глаза и ужасные клыки, острые, как кинжальные лезвия. У ног его размещался трон.

— Вот главное капище свартен! Но где его хозяин? — воскликнул озерный конунг, поворачиваясь с мечом в руке.

Посередине чертога поднималась высокая четырехгранная колонна из зеленоватого, зеркально отполированного камня. Бор случайно взглянул на нее и в глубине увидел свое отражение, которое в то же мгновение стало изменяться, как бы начав собственную жизнь, неудержимое движение.

— Хозяин здесь! — прозвучал громкий зловещий голос. — Смотрите, этот камень предвещает каждому его будущее! Оттого-то я и знаю все, что творится в любой части света и чему суждено свершиться! Ну-ка, что станет с твоим родным Дингардом?

То, что представилось Бору, заставило его побледнеть… Вдруг рядом со своим отражением в кристалле он увидел мутный образ, высокого человека с рогатой короной на голове. Инстинктивно, не размышляя, он рубанул мечом — но лишь

искры посыпались от гладкого камня, и, опомнившись, он обернулся.

Резкий издевательский смех послышался в чертоге. Хозяин его сидел на своем каменном стуле. Лицо его было широким, а глаза казались ледяными иглами. Ростом он, пожалуй, превосходил князя, и корона его сияла.

— Ты мастак отводить глаза! — крикнул князь.

— Века прошли с тех пор, как я нашел зеркало. Долго, очень долго я всматривался в него, прежде чем понял суть перемен и незыблемость предопределений! Легкомысленно обошлись вы с ним, но скоро оно будет снова поднято из глубин; впрочем, я знаю теперь немало иных путей в Туонелу… Я — воплощение Чернобога! И ты умрешь, — закончил он, доставая трехгранный кремень и черным кресалом ударяя по нему. Ослепительное пламя с гудением хлестнула по людям. Но, раздробившись, оно угасло, не причинив вреда.

— Ты собрал много талисманов Озерии! — сказал Чернобог, и в руке его появилась палица, сиявшая призрачными алмазными гранями.

— Зачем тебе обрекать край на засуху? — спросил князь, примеряясь к броску.

— Чтобы не было сил противиться и от безнадежности все преклонились бы мне, — отвечал тот, касаясь палицей стены. Со скрежетом раздвинулся проход, ворота во тьму. — Выйди, выйди, Ний, и раскрой свои очи — сожги жалких людишек! — воскликнул Чернобог. И вот из тьмы, гулко ступая, явилась зловещая, кошмарная фигура. Где, по каким ходам вышел он во плоти из Туонелы?! Огромный, темный, косматый, с обожженным подземным пламенем лицом, с острыми клыками и огромными глазами обитателя мира вечной ночи под тяжелыми веками. Он открыл их, и невыносимый жар охватил тела людей под этим пристальным взглядом огненных зрачков, и они рухнули наземь, стали кататься по полу, крича, а знамя, разгораясь свечением, с трудом противостояло потоку смерти.

Бор, чувствуя, как его тело обжигает пламя, закрывшись щитом, ринулся вперед и вонзил ржавый меч в темную ногу чудовища. Низко взвыв, точно острие было отравлено, Ний направил мощь своих огненных глаз на богатыря, и тот не смог бы противостоять, если бы не корона на его челе. Чашечка в середине венца уловила этот ужасный, испепеляющий жар-свет и иглами огня отправила обратно в глаза чудища. От невыносимой муки Ний закричал так, что со стен обрушились камни и чертог заходил ходуном. Обернувшись, он мгновенно исчез за вратами прохода, тут же с грохотом захлопнувшимися за ним.

— А тебя трудно победить! — промолвил Чернобог, обрушивая палицу на Бора с такой силой, что тот еле сумел сдержать удар выгнувшимся щитом. Мгновенно оправившись, конунг нанес ответный удар ржавым мечом, и тут уж пришлось обороняться его противнику. Он не мог, подобно Нию, безвредно для себя последовать в Туонелу, ибо был тем, кто надолго задержался на земле, но отнюдь не тенью бесплотного мира.

— Да и тебя нелегко одолеть! — вздыхая каждый раз, как при колке дров, отвечал между делом князь.

— Хороший у тебя щит, но посмотри-ка на мой! — Прыжком назад его враг разорвал сцепку и, мгновенно открыв какой-то тайник, извлек оттуда полумертвую от голода девушку — бледную и исхудавшую, но не настолько, чтобы Бор не мог узнать ее. — Не правда ли, этот еще лучше — он живой, он дышит и умеет любить? Узнаешь ее?

— Нюбюи! — воскликнул конунг, невольно отступив назад и опуская меч.

— Будешь ли теперь рубить сплеча? — спросил зловеще Чернобог, крепко держа пленницу.

— А, я не ошибся — она у тебя! Ты всем находишь крюк, ловец душ! Но я выбью ее у тебя из лап! — в ярости вскричал князь.

Чернобог в ответ засмеялся довольно, показывая свои по звериному острые зубы. Бор бросился вперед, но удары в полную силу он наносить теперь не мог, опасаясь поранить девушку, и враг начал уверенно теснить его. Внезапно раздался резкий звук тетивы; Лоптюж подкараулил момент, и его стрела ударила в бедро Чернобога, но бесполезно расщепилась.

— А, вы решили напасть скопом? Ну так оставляю вам чертог — наслаждайтесь последней мыслью, что вы все-таки выжили меня отсюда! — Он еще раз расхохотался, и тотчас невероятная тьма обрушилась на них, коконом сгущаясь вокруг.

Кажется, слабым светом, точно луна в зимних тучах, мерцал круг знамени, изнемогая в борьбе; угасала полоска короны. Ледяные когти тьмы все сильнее сдавливали грудь. Бор уже смутно различал ячеи сети Морены, наброшенной на них могущественным врагом. Невыносимо хотелось спать и подламывались ноги. Вдруг под своей ступней он почувствовал острогранный предмет. Нагнувшись, он поднял его — это оказался трехгранный кремень, видно, оброненный Чернобогом из-за пояса во время яростной схватки. Не медля, князь ударил кремнем по лезвию меча — и полоса огня разорвала сеть тьмы.

— Эй, осторожнее! — послышался знакомый голос Гунна, прихлопывавшего запылавший рукав. Направление выхода было

найдено, и князь увидал смутные силуэты бледных лиц своих людей и съеживающиеся в огне ячеи мрака.

— За мной! — крикнул он, устремляясь к выходу, и остальные бросились следом. Раз за разом Бор ударял по кремнию, и полосы гудящего пламени очищали дорогу, раскаляя сгустившийся воздух. В коридоре плавали лишь обрывки тьмы.

Когда они пробегали мимо одного из проходов, отходившего в сторону от главного пути, оттуда послышались голоса, как будто эхом отвечающие на клич Бора. Он прислушался — это был женский крик.

— Туда! — немедленно устремился он в проход с мыслью о Нюбюи. Но пробежав всего два десятка шагов, они уперлись в железные прутья решетчатой двери, подобно клетке, запиравшей каменную пещеру. За прутья уцепились, приникнув к решетке, женщины разных племен Озерного Края.

— Гунн, давай сюда топор! — заорал конунг. — Кто вы, женщины? — спросил он их.

— Нас захватили в разных местах, и все мы были девушками того, кто называл себя Чернобогом! — отвечали стоявшие впереди. — А когда ему нужны были жертвы для кровавых божеств, он брал тех из нас, кто надоедал ему!

Князь уже схватил топор и яростно принялся за дело: загрохотали удары по железу, и в минуту все засовы были отбиты.

— Бегите за мной, к выходу! — крикнул Бор, распахивая дверь и поворачивая назад, чтобы успеть настичь врага. Женщины, вырвавшись из своей клетки, побежали следом.

Озерный конунг и его люди выскочили наружу в тот момент, когда Чернобог садился на своего, явившегося на хозяйский зов, гигантского ворона. Выхватив у Турна копье, Бор изо всей силы метнул его во врага — от неожиданного сильного толчка тот покачнулся и выпустил девушку, которую собирался втянуть следом за собой на загривок чудовищной птицы. Вскочив, она, пошатываясь от слабости, побежала к своему спасителю.

— Ах, ты жив еще? — крикнул в ярости Чернобог. — Сюдбей! Сюдбей! Раздави этих людей! — запрокинув голову, громко воззвал он к самому страшному своему союзнику, взмывая в небо на громадной птице.

Прошло несколько мгновений, и земля на берегу озера, неподалеку от людей, вдруг провалилась, образовав яму в форме гигантского следа, точно невидимый исполин наступил своей огромной ногой, страшная тяжесть которой продавила глину, камень, песок! Князь вспомнил, как было раздавлено их убежище в Войкаре: это был тот же след, но теперь, благодаря короне, он смутно различал контуры уродливого короткорукого исполина на

одной огромной ноге. Страшный дух Тундарских гор, разбуженный Чернобогом! С каждой секундой этот образ становился все четче, словно уплотняясь.

— Разбегайся в стороны! — крикнул Бор. — Гунн, знамя сюда! — И с талисманом в руке он встал перед входом в чертог, отвлекая на себя всю ярость медлительного исполина. Утробный рев раздался над котловиной, и страшная тысячелетняя ступня была готова раздавить дерзкое человеческое насекомое, но, лишь приблизилась ужасная тень к верхушке поднятого знамени, как вопль Сюдбея пронесся над долиной, точно нестерпимый ожог пронизал его всего. Ступня отдернулась, он точно потерял равновесие.

Бор схватил кремень и ударил им по мечу изо всей силы, посылая огромную струю пламени в великана. И тут исполинская фигура стала видна всем! Пламя охватило страшное существо: раздался еще один ужасный вопль — и все исчезло. Сила удара была такова, что кремень раскрошился на куски в руках богатыря, и он отбросил их.

Только тут Бор почувствовал, что кто-то держит его руками, обхватив сзади за пояс. Он отнял эти руки и, оглянувшись, увидел дрожащую от страха Нюбюи, прижимавшуюся к нему и плотно зажмурившую глаза. Через мгновение она открыла их.

— Ты хотела умереть со мной? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Глупая, разве могу я умереть, не победив врага?! — расхохотался озерный конунг. Он обхватил ее и крепко поцеловал.

Но прошло несколько минут и, вложив оружие в ножны, князь крепко задумался. Захватив главное логово Чернобога (камень), разогнав его челядь, всадников-бортедров и чудовищных союзников, главного, в сущности, они не достигли. Враг остался неуязвленным.

На что, кроме внешнего выражения своего могущества, Чернобогу величественные порталы, зловещие статуи? По-прежнему серая завеса стоит над Озерным Краем. Чернобог скрылся, чтобы напасть с новой силой, нанести еще более страшные удары. Но где его искать? Как победить? Корона дает прозрение козней свартен, знамя оберегает от вражеского колдовства и помогает выравнять силы. Но какое оружие способно поразить его? Быть может, это посох Юмбела? Но где добыть этот талисман?

— Гляди-ка, что я здесь отыскал! — неожиданно подошел Гунн, показывая странный, дугообразно изогнутый обломок толстого черного железного бруса, оплавленного огнем. На

вогнутой стороне виднелись какие-то обломанные выступы, а на противоположной — полукруглые пупыри.

— Что это такое? — удивленно воззрился князь на железку, которую пегобородый воин еле удерживал в руках.

— Это обломок колеса древней колесницы, конунг! — ответил Гунн.

— Такая громадная? Но эти колеса должны были быть в полтора человеческих роста, и если они были из железа, то какой конь волок эту колесницу?

— Не знаю, — честно ответил богатырь, роняя обломок. — Но что могло разбить и расплавить этот крепчайший металл? Почему обломок оказался здесь? Слыхал я в детстве предание о разбившейся колеснице Дабога.

— Дабога?

— Да, оно как-то связано с озером Суурярв… Может быть, вспомню?..

— Мне ясно одно: здесь нет нужды нам оставаться, надо идти на юг, — сказал князь.

И они выступили, стремясь уйти из зловещей котловины до наступления ночи.

Обремененные толпою из двух десятков спасенных пленниц, они двигались медленно, лишь два дня спустя удалось им выйти благополучно из гор Тундар, и только на четвертый впереди замаячили берега озера. И на всем протяжении этого пути им не встретилось никаких следов Чернобога.

Глава 20. СЛЕД КОЛЕСНИЦЫ

Вышедшие навстречу люди с удивлением воззрились на толпу разноплеменных женщин, большей частью из южных краев Поозерья, и только богатырская фигура конунга дала им сразу понять, что с таким пополнением воротились те, кто недавно ушел в Тундар. Несколько товарищей Лоптюжа вызвались проводить их на юг, если, как надеялся Бор, не удастся наладить за ними корабль из Шурышкара или Изкара в ближайшие недели. Оттуда они могли уже отыскать попутное судно в свои края. Некоторые, впрочем, пожелали остаться с ветемурт.

Между тем лодка, которую обещал князю Одар, была уже готова, и небольшая группа из четырех человек могла пуститься в озерное плавание. На прощание Авус пригласил их к себе отвечерять. Выслушав их повествование, он задумался и сказал:

— Страшные вещи рассказали вы, хоть не раз уже заносила надо мной темное крыло зловещая Морена. Но не знаю, чем помочь в ваших поисках. Вот разве упомянули вы колесницу

Дабога… У нас на севере живет предание, наверное, оставшееся со времен ненянг. Дескать, в старину священных острова вроде как два было. И храмы поклонные стояли на том, что Ятхольмом прозывается и ныне безлюден. Стали на нем поклоняться нечистым богам и совершать страшные жертвы. И тогда был послан уничтожить их за нечестие огненный змей Рарог. Беспощадно сжег он нечестивое капище, начал крушить все вокруг. Тогда Дабог на своей летающей колеснице обрушился на Рарога и отсек ему голову, но успел тот вцепиться окостеневшими челюстями в черную колесницу Дабога, и, не сумев выдержать этой тяжести, она низринулась на остров и разбилась… А мертвая голова отравила остров своим тлетворным дыханием…

— Странная легенда. Видно, и вправду пришла она от ненянг, с тех далеких времен, когда не было еще Хоровода Сейдов на Йемсалу, — ответил Бор.

— Есть озерное предание, князь, — сказал Гунн, силясь припомнить, и языки огня делали глубже морщины на его щеках и у переносицы. — О том, что на неком острове в давние-предавние времена было поселение и его властитель настолько возгордился, что решил призвать богов с неба. Но поступь их оказалась слишком тяжела — небесная колесница разрушила поселение, и все его жители погибли… Не напоминает ли она только что нами услышанную легенду?

— Да, пожалуй… Ятхольм, Ятхольм… Что там?

На следующее утро Бор вместе с Нюбюи и двумя своими людьми сел в утлое суденышко, переделанное для озерного плавания из небольшой ветемуртской лодчонки.

— Прощай, Авус, и ты, Лоптюж, и ты, Одар, — да сопутствует нам всем удача! — промолвил князь, отталкивая лодку от берега и вскакивая на корму.

— Да поможет нам всем Великая Седая Бобриха! — отвечал старший из явившихся на проводы, делая прощальный жест с берега, и остальные повторили его. Отплывая на юг, Бор намеревался как можно скорее попасть туда, где можно раздобыть корабль и гребцов и снова приняться за поиски посоха Юмбела, а заодно отыскать исчезнувшего Чернобога, чтобы продолжить прерванную им схватку.

Днем они плыли на полдень вдоль тайвальского, восточного берега озера, на ночь приставая к нему, ибо утлая лодчонка не была годна для безопасного плавания по озерным просторам. И вот пришла вторая ночь их пути. Огибая наволок в поисках хорошего местечка для пристани, они различили тусклое пламя костерка на берегу и высвеченный им темный силуэт ладейной кормы. В свете костра двигались какие-то фигуры, но

подплывающую лодку дингардцев мудрено было заметить оттуда.

— Нишкни! — шепотом приказал Бор, пригибаясь и делая знак сушить весла. Теперь они скользили по поверхности воды лишь по инерции. Они услышали далеко разносившийся над водой голос, показавшийся им знакомым; он изрыгал площадную брань вперемешку с угрозами:

— Мерзавцы! Вы еще пожалеете, что стянули меня этими веревками! Никто из тех, кто так меня унизил, не дожил до нынешних дней! Так и запомни, ожуоласская рожа, — ни один!

— Молчи! — просочился холодный голос с жестким ожуоласским акцентом. — Один раз тебе удалось обмануть Рота-Мублена, но в конце концов все вы попадаете ему в когти.

— Эй, послушайте, молодцы! Я знаю, где закопаны огромные горшки — в них тысячи серебряных монет! Мы откопаем вместе и станем богаты. Что вы на это скажете? Я до последнего момента не хотел открывать этого, но теперь вижу, дело зашло слишком далеко. Только развяжите меня, мерзавцы!

— Клянусь Юмбелом, это Вирре Бердекс! — прошептал Гунн. Бор кивнул ему: вероятно, верность ожуоласской команды измерялась степенью удачливости в грабежах. Озерному конунгу не с руки было выручать коварного и мстительного хускарла, однако ради корабля это стоило сделать!

Незаметно к охотникам-ожуоласам мог подкрасться разве лишь Лоптюж, но ни его, ни других ветемурт, не любивших кровожадных поклонников сумрачного Рота-Мублена не было с ними. Поэтому, как только лодка почти бесшумно врезалась в берег, Бор сделал Гунну знак, и, выскочив на сушу, они с ревом, огромными прыжками, понеслись к костру. Оглушенные этими криками, ожуоласы не успели даже схватиться за луки, а кто успел — не мог прицелиться в страшные мечущиеся темные фигуры нападающих, которых, казалось, впятеро больше, чем на самом деле. Удары меча разваливали противников надвое: один, другой рухнули наземь. Сверкал топор Гунна, с хрустом опускаясь на черепа. Не выдержав напора, ожуоласы кинулись врассыпную, оставив лежать вокруг костра четырех убитых и троих связанных людей.

Бор выхватил из пламени горящую ветку и поднес к лицам пленников. Каково же было его изумление, когда, кроме разбитого лица Вирре, он при красноватом свете языков огня узнал черты двух своих дружинников, бесследно пропавших во время крушения на Доннерваде! Одним из них был Талма. Как они попали сюда со стылых камней Нострандa?

— Я рад, что вы живы, ребята! — сказал он им, разрезая веревки и помогая подняться на ноги. Не менее изумленному

таким чудесным вмешательством провидения Бердексу он сказал:
— А тебя, Вирре, я пока не буду развязывать. Для твоей же пользы.

Созвав товарищей, он обратился к ним:

— Надо торопиться, быстрее спустим корабль на воду, пока из темноты не засвистели подлые ожуоласские стрелы, хоть часть своих луков они и побросали в спешке. За работу, друзья!

Вшестером они с трудом столкнули на воду большой, истрепанный долгими месяцами плавания и сражений хускарлский корабль, погрузили в спешке туда кое-что из имущества и припасов и, водрузив сверху тяжелую тушу Бердекса, быстро отчалили.

Отойдя подальше от берега, Бор поднял весла и повернулся к своему вечному сопернику:

— Как же ты ухитрился так вляпаться, Вирре?

— Ты в этом виноват, кто же еще! В последней нашей схватке ты перебил почти всех людей из моей старой команды, да еще позднее кое-кто из них погиб. А эти сукины дети держались большей частью за спинами и почти все уцелели! Когда они увидали, что со мною долгонько нет удачи (да и неудивительно это, с такой кучей трусов!), зарезали моих часовых, тишком добили последних из старой команды… А меня и пару твоих людей, выуженных мной из воды у Нострандa и бывших у меня гребцами, связали. Последнее время я хотел сделать из твоих копейщиков телохранителей, видя, к чему склоняется дело, и зная наверняка, что они не станут сговариваться с этим отребьем. Жалею, что не успел… Что ты хочешь со мной сделать, озерный конунг? Вспомни, как славно бок о бок мы рубились с этой мразью у Горы жертвоприношений…

— Я отпущу тебя, Вирре, когда мы будем в безопасности, дома, — пообещал Бор. — Тогда, если ты захочешь, мы сможем выяснить все в единоборстве. А пока мы в плавании, мне кажется, развязанные руки могут принести тебе одни неприятности — больно уж быстро они хватаются за оружие, когда в этом нет никакой нужды.

Ночью поднялась волна и трудно стало выправить курс большого корабля — несколько человек, среди которых была одна женщина, еле управлялись со штопаным-перештопаным парусом и прави́лом. Их неумолимо продолжало сносить в глубь озерных просторов. Хуже всего, впрочем, было связанному Вирре, которого немилосердно мотало по дну корабля. Под утро послышался сквозь шум волн и ветра звук, заставивший (если бы это было видно во тьме) побледнеть бывалых ладейщиков. То был шум прибоя. Ладью тряхнуло, раздался скрежет и все попадали с ног.

Когда ругаясь, они, поднялись, оказалось, что палуба приобрела наклонное положение. Однако волны разбивались где-то позади, и пробоин, судя по всему, не было. До утра, вероятно, можно не беспокоиться, что пазы корпуса разойдутся.

— Засели на банке. Хотел бы я знать — где? — проворчал Гунн. Впереди им мерещился какой-то неяркий свет, появлявшийся в минуты затишья.

Вскоре начало светать, развиднелось и потихоньку различимы стали очертания крутого берега, к которому занесла их судьба. Наконец первые лучи поднимающегося солнца озарили воды, и вскрик вырвался у всех при виде зловещих скал Ятхольма! Каким-то чудом не задев ни один из подводных камней, корабль ночью засел на каменистой банке у самого Проклятого острова — причем засел прочно.

— Ничего не поделаешь, придется высадиться и поглядеть что к чему. Посмотрим, не отыщется ли подтверждения древней легенды? — сказал Бор, понявший, что мерцание, замеченное ими в темноте, было свечением страшного тумана, оттесняемого ветром от берега. Теперь было ясно, что их пригнало к северной стороне Ятхольма.

Но вначале, спустив на воду свою лодчонку, несколько человек во главе с Гунном привязали ее к кораблю и принялись изо всех сил грести, в то время как Бор подталкивал судно с другой стороны, стремясь стащить его с мели. Наконец, заскрежетав, черная громадина сползла глубже, и ее притянули к берегу. Здесь корабль привязали к скалам. Бор, Гунн и Талма отправились на разведку, оставив остальных наводить на судне порядок.

По удобно расположенным камням они взобрались на береговой обрыв, причем Бору показалось, что в древности, здесь поднималась сглаженная временем лестница. Сверху, со скал, открылось обширное почти безжизненное каменистое плато, понижающееся внутрь, поросшее редкими скрученными соснами и кустами. В середине его виднелась округлая впадина, на дне которой поблескивало голубое озерко. Они двинулись в том направлении, и чем дальше шли, тем больше окружающая местность походила на поле битвы древних гигантов: камни везде были расколоты, раздроблены титаническими ударами гигантского молота, но поверхности сколов выветривались не одну тысячу лет.

— Смотрите! — показал Талма, да и сами они уже увидели — две колеи, проложенные в камне. В незапамятные времена огромные колеса прокатились по твердой породе, увязая в ней, будто в осенней грязи! И несмотря на тысячелетия, прошедшие с

той поры, оплавленный камень почти не поддался разрушению.

— Большая колесница с раскаленными железными колесами могла оставить эти следы! — сказал Гунн. Они вспомнили древние предания и обломок железного обода, найденный в горах Тундар, в логове Чернобога, и стали внимательнее оглядываться по сторонам. У конунга шевельнулось даже сожаление, что знамя Прии осталось на корабле, но возвращаться было далековато, а угрозы пока не предвиделось никакой.

Колея привела их к огромной каменной плеши, окружавшей впадину с озерком. Твердая глыба, такого же оттенка, что и все окружающие камни, искрошенная страшным ударом почти до основания, лежала в конце колеи. А за нею поднимался взрыхленный вал из обломков, обрамлявший впадину.

— Здесь она разбилась, а главная часть, наверное, рухнула туда, — князь указал на округлую воронку впадины. Вода в озерке казалась прозрачной, но мелкой: за долгие века дно, где, возможно, были остатки колесницы, покрыл слой наносов.

Несмотря на то что не было еще и полудня, жара поднималась над каменистым плато, и никакого дуновения не ощущалось здесь со стороны озера. Они пошли вокруг вала и внезапно натолкнулись на остатки круглого строения из камней, странным образом напомнившего Бору развалины зданий ненянг, виденные им в котловине Карнасьяур.

— Что это? — Внутри разрушенного еще в старину — а скорее развалившегося под бременем веков строения, они обнаружили алтарь. И в его нише — округлый обломок черного железа, формой и размером напоминавший большой горшок. Некогда он составлял единое целое с тем куском, что был ими найден в Тундарских горах.

— Ступица. Значит, все верно, — ответил Гунн. — Я думаю, что легенда не совсем точна: в ней ничего не упоминается о том камне, о который расшиблась несущаяся раскаленная колесница, ни о храме, который сложили для почитания ее останков.

— Ты думаешь, Чернобог отсюда взял тот обломок железа? — спросил Бор.

— Вряд ли он лежал на поверхности тысячи лет, дожидаясь, когда его найдут. Лишь здесь такой кусок легко было отыскать. Думаю, что храм возвели из развалин того нечестивого поселения, которое погибло согласно преданию…

— Жалко, позабыл я спросить у Авуса — не говорит ли предание, каково было оружие, коим Дабог сразил Рарога?.. — посетовал конунг.

— Эй, поглядите, здесь еще хижина! Она вросла в вал, — позвал их Талма, ушедший за развалины. Действительно,

присоединившись, они увидели каменную стенку древней хижины, полузасыпанную свалившимися с вала обломками.

— Посмотрим, что там? — Конунг разгреб слежавшуюся осыпь и освободил плиту, загораживавшую вход. Отвалив ее не без усилий (ему показалось, что камень поставлен гораздо позже, чем выстроено само жилище), Бор заглянул внутрь. Похоже, крыша из плит уцелела благодаря сложенному из плоских камней столбу в центре хижины. Гунн разжег огонь, чтобы осветить пыльные внутренности сооружения.

Вдоль стены тянулся каменный полок, на котором лежали истлевшие человеческие кости: останки мертвеца. Еще что-то угадывалось среди костей под толстым слоем покрывавшей их каменной пыли.

— На века построено! — сказал Гунн. — Интересно, кто здесь был схоронен, точно в склепе?

В головах скелета, подняв тучу пыли, Бор взял любопытную каменную чашу, древнюю и, видимо, прошедшую через руки десятков поколений, прежде чем попасть сюда. На ней проступило вырезанное четырьмя знакомыми рунами имя последнего владельца: «ДАНУ».

— Дану?! — воскликнул пораженный конунг. — Так вот где нашел он свое последнее пристанище! — Стряхивая пыль, он торопливо взял среди костей странный продолговатый предмет, оказавшийся неожиданно увесистым. Это был посох: сложные узоры, переплетаясь, покрывали его поверхность, напоминающую необычайно твердую желтоватую кость. Возможно, сердцевина его была из металла и оттого он был столь тяжел? В памяти Бора мелькнуло словно молния воспоминание о виденном им два с лишним месяца назад посохе Инмара — загадочной статуи Изкарского храма. «Посох тот, слыхал я, похож на посох статуи Инмара в святилище», — прозвучали в его мозгу слова погибшего тогда Каста.

— Посох Юмбела — вот он! — вскричал конунг, поднимая жезл. — Последнее, что должны были мы отыскать, дабы одолеть мощь Чернобога!

Глава 21. ПОСОХ ЮМБЕЛА

— Но как он сюда попал? И отчего, если бывал здесь Чернобог, он не завладел им?

— Думаю, привезли сюда павшего Дану его люди и схоронили вместе с посохом в этой хижине, принадлежавшей, возможно, древнему храму Колесницы Дабога. А посох, наверное, был оружием Дабога. Возможно, он достался в наследство от

побежденных ненянг, — и доставили его туда, где впервые попал он в человеческие руки, — сказал Бор, прижимая посох к груди, как обретенную святыню. Что же до Чернобога — завладел ли он знаменем Прии? Может, он и не знал о них? Или же он не в силах постичь суть волшебства этих талисманов ибо его злое галдерство отлично в корне, относясь к Силам свартен? Зачем тогда колдуну держать под рукою орудия, способные причинить ему гибель? Но другое беспокоит меня: Чернобог бывал здесь. И всего лишь лет сто назад появился туман над островом; а в прежние времена его не было. Почему? Что оберегает этот туман? — закончил свою речь конунг.

Гунн прислушался к звукам снаружи.

Они выскочили на улицу и остановились. В полусотне шагов от них стоял Чернобог, в руках его змеилась и сыпала искрами, хорошо заметными даже при солнечном свете, огненная плеть.

— Я смотрю, ты, похоже, отыскал еще один из своих талисманов. Поможет ли он тебе? — сказал Чернобог, обрушивая удар огненного шнура. Бор, в надежде, что не ошибся, молниеносно выставил жезл, и огненная полоса, отклонившись, ударила по крыше опустевшего домика. Простоявшее, быть может, более тысячи лет строеньице покачнулось и обрушилось, подняв клубы пыли — дингардцы еле успели отскочить в сторону. — Ты можешь драться со мной, но разрушить мою мощь не в силах! — крикнул Чернобог, насмехаясь. — Ибо все время будешь защищаться! — И он снова нанес удар, отраженный вспышкой света из посоха. От удара огненной плети земля задымилась.

Бор сожалел, что знамя Прии осталось в ладье, — под его защитой он мог использовать посох, чтобы попытаться уничтожить Чернобога. Теперь же огненная сила талисмана была скована отражением ударов врага.

— Я расколол землю, чтобы добраться до мертвой головы Рарога, и каждую ночь ее ядовитые испарения восходят по трещинам, окутывая остров смертоносным туманом. И я оставлю тебя подыхать от этого тумана, рождаемого отравленным чревом земли! — выкрикнул Чернобог, хвалясь.

— Нет, это твои останки истлеют рядом с обломками колесницы! — Князь в ярости ответил ударом огненного конца посоха, который, казалось, набирал все большую силу. — Правда, посох из твоей берцовой кости выйдет похуже этого!

Талма метнулся было в сторону берега, намереваясь бежать за знаменем, но лишь чудом вывернулся из-под разящего удара огненного ремня. Долго враги обменивались смертоносными ударами… Трудно сказать, сколько продолжалось бы еще

единоборство противников, искусных в фехтовании; возможно, до тех пор, пока человеческие силы озерного конунга, вынужденного оборонять еще и своих людей, не подошли бы к концу. Однако не так суждено было завершиться этому дню.

Неожиданно нечто отвлекло внимание врага князя. За спиною дингардцев послышался знакомый голос:

— Ах, вон что это полыхало над проклятой пустошью! А я-то думал — не гроза ли разразилась в этой духовке?! Так не принять ли и мне участие в вашей стычке?

Бор переменил позицию, и это позволило ему видеть Вирре Бердекса, держащего в руке длинное древко, увенчанное серебряной с золотом личиной.

— Эй, богатырь, помоги-ка мне разделаться с твоим удачливым соперником — и я осыплю тебя богатствами и почестями! — крикнул Чернобог уверенно и властно.

— Гм… — почесал затылок Вирре! — Это твои, что ли, людишки — ожуоласы чуть меня не подвесили на крюк к твоему печеному Рота-Мублену — в благодарность за все то доброе, что я для них сделал? Если бы не он, — кивнул хускарл на Бора, — они бы точно так сделали! — И он молниеносно оказался рядом с князем, удар пламенной змеей опоздал на миг. Впрочем, попал бы он?

— А-а-а! — вскричал Чернобог в ярости и отчаянии и снова хлестнул огненной плетью, но на этот раз почему-то рассеченная ею глыба оказалась вовсе в стороне от людей. Тогда в неистовстве от бессилия своего оружия он выкрикнул заклятие, и Бор с его друзьями увидел несущееся издалека темное облачко, становившееся все больше и больше. И над островом опустился уже страшный, гудящий хобот змея-Гундыра.

Но князь не дал врагу собраться с силами. Под защитой знамени Прии он поднял свой посох. Жезл вспыхнул голубовато, и молния, родившись в небе, ударила далеко, в вихрь Гундыра. Смерч охватило пламя, и ужасный вой погибающего чудовища долетел до них.

Затем новая молния хлестнула Чернобога: в руках у того уже был щит из крутящегося мрака, но он раскололся, будто и не соединены были в нем невероятные силы колдовства, и пламя опоясало страшного перерожденца. Выгнувшись, воздев руку, тот обратился в горку пепла, курящуюся на оплавленной земле.

И в третий раз огромная молния, сорвавшаяся с небес, ударила в посох (ошеломленный этой мощью князь ничего даже не почувствовал), и развернувшийся сам собою жезл послал ее к горизонту, где небо было заткано колдовской сетью. От огненного копья в невидимой серой завесе появилась огромная дыра,

которая обрела зримые очертания и начала с огромной быстротой расползаться под напором долгожданных дождевых туч. Все кончилось разом. Люди стояли будто ослепшие и оглохшие, и только Гунн, протягивая руку, указал на далекие еще тучи:

— Вот они, быки наших пашен!

— Мы победили! — воскликнул Бор. — Враг уничтожен! Колдовство повержено! Победа, наконец победа!.. Да… Но многие из наших, лежащие в могилах по всем концам Поозерья не смогут уже отпраздновать победу вместе с нами… Гунн, мы должны найти расщелины, которыми хвалился колдун, и, может быть, сила посоха поможет уничтожить смертоносные испарения? Вирре Бердекс, мы столь многим обязаны тебе!..

— Ну что же, — сказал Вирре, — теперь, когда мы победили, можно было бы поделить власть над этой славной землицей, обладая такими сильными талисманами, не так ли? Иначе зачем было собирать все эти славные вещи и бороться с тем, кто добивался того же?

Бор на минуту задумался, непривычные морщины залегли на его лбу. Он бросил взгляд на черное, обугленное пятно на том месте, откуда посох Юмбела сбросил Чернобога в сумрак Туонелы после веков (наверное!) колдовской власти. Затем он быстро развернулся и взял мускулистой рукой хускарла за глотку:

— Видишь ли, Вирре, эти талисманы принадлежат Озерному Краю и неправильно, если один из них уйдет вниз по реке Болотне. С другой стороны, ты рассудил верно — опасно будет, если все они соберутся в одних руках, и в лучшем случае это может стоить жизни сильнейшему, как это произошло с последним владельцем того венца, который сейчас на мне. Поэтому мы поступим так: посох этот сохраним в самом безопасном месте — скроем здесь. Он может обернуться злом в недобрых руках. Знамя, завещанное нам победившими в великой битве предками, отвезем на Йемсалу, волхвам Хоровода Сейдов — в конце концов, оно было создано некогда там, принадлежало им и является великой святыней. Что же до короны — то она будет принадлежать вождям Дингарда: дабы его озерные конунги могли распознавать коварство свартен — она ведь и предназначалась не для волхвов. Думаю, в Поозерье найдется серебро, чтобы утолить жажду почестей у хускарла, воротившегося в родные края с изрядной казной? Ты согласен, Бердекс?

Вирре, уже красный как рак, выдавил из себя бульканье, похожее на слова одобрения.

— Итак, друзья, отыщем роковые расщелины — и в обратный путь! — сказал Бор, обращаясь к остальным. Они двинулись в

путь.

… Не прошло и часа, как неподалеку, среди хаоса глыб, образовавших в одном месте целый холм, обнаружились покрытые темным налетом глубокие расщелины. Брошенный в одну из них факел осветил на дне белый зубчатый силуэт, похожий на огромную челюсть.

— Вот откуда, наверное, расползается туман! — сказал Гунн.

Бор поднял посох Юмбела, направив его в глубь расщелины. Несколько мгновений не происходило ничего, затем вспыхнула еще одна молния, ударив внутрь, оглушительный гром прокотал, и словно какой-то стон послышался из холма — он начал съезжаться внутрь, поднялась туча пыли. Когда она разошлась, расщелины уже не было.

Покинув это место, они отправились обратно.

— Знаешь, конунг, а ведь спасением своим ты обязан своей девушке… Странная она у тебя… — нарушил молчание Вирре. — Когда вы ушли и началась, как видно, эта заварушка, она была на скалах, следила за вами оттуда. В это время мне словно прибавилось ловкости — точно некая сила помогла мне распутать веревки. Я успокоил одного из твоих людей хорошим ударом в глаз, другой в это время что-то делал на берегу. Я собирался поставить парус и предоставить вас своей судьбе. И тут, вижу, спускается девушка. «Ну, думаю, вот и компания мне будет». Однако хотя она увидела, что я свободен и собираюсь уходить, не испугалась, не крикнула подмогу. Наоборот, заспешила, вскочила на корабль и, прежде чем успел ее сцапать, схватила твое знамя (а я и не знал про него) и подала мне. И сказала: «Если ты мужчина — негодяй ты, или праведник — возьми это знамя, поднимись наверх и иди к ним — спаси их или умри вместе с ними мужчиной в борьбе с тем, кто зло всему живому. Ты самый сильный здесь, среди оставшихся — значит, у тебя труднее всего будет вырвать его врагу. Если же нет и ты себе на уме (заметь, она не сказала „трус“) — возьми его и плыви туда, где сможешь похвалиться там, как ловко его раздобыл. Ибо это великий талисман, и он поможет тебе сохранить свою жизнь!» Так она сказала мне, Вирре Бердексу, чья отвага превосходит все, включая жажду богатств! Тем более что именно люди этого проклятого галдера свели меня с треклятыми ожуоласами, принесшими одну неудачу. Поэтому я сделал, как она просила. Но я не уверен, правду говоря, что девушки, ждущие храброго хускарла с богатой добычей в моем Треллеборге, были бы способны действовать таким образом…

Они ненадолго задержались. И секретом Талмы навсегда осталось, где среди развалин древнего святилища схоронил он

посох Юмбела… Возвратившись на ладью, они застали радостную Нюбюи, видевшую со скал исход сражения с Чернобогом, и дружинников, бурно приветствовавших победителей. Правда, глаз Турна украшала траурная кайма «фонаря» — след руки Бердекса.

— Мы идем на Йемсалу! — распорядился Бор. Они отчалили, и когда солнце уже клонилось к горизонту, вышли из лабиринта камней и двинулись на северо-запад.

Не прошло и дня, как они прибыли на место. И вековечные леса Священного острова вновь, как почти три месяца назад, распахнули свой полог над людьми, которых на этот раз, увы, было гораздо меньше… Загадочные, тысячелетние камни Хоровода Сейдов обступили знамя богини Прии, принесенное людьми, как это было уже некогда, многие века назад. И волхвы в своих белых мантиях приняли его и поклялись беречь до того дня, когда оно снова потребуется, ибо сущность Чернобога, потерпевшего поражение в своем страшном воплощении, могла возродиться вновь, восстав из мрака Туонелы: разве мало его детей осталось в глухих закоулках Озерного Края?

На следующий день ладья пошла на юг, по направлению к устью Кривасэльвен. Последняя ночь была ненастной — все время лил дождь.

Глава 22. СТРУИ КРИВАСЭЛЬВЕН

— Чужой парус! Хускарлы! — Этот крик послышался с каланчи Дингарда. И все, способные держать оружие, похудевшие за эти засушливые месяцы (лишь недавно начались дожди), поспешили на зов, чтобы оборонять город.

Но на потрепанном бурями корабле, когда он подошел поближе, оказалось совсем мало людей: не гребцы, а ветер своими порывами поднимал его против течения реки. Люди расслабились. И вдруг… Замахали копьями и щитами. Те, кто стоял ближе к воде, закричали:

— Озерный конунг! Это озерный конунг с дружиной! Бор воротился! — Все приветствовали тех, от кого три месяца не было ни слуху ни духу. Правда, приветствия стали тише, и стеснились сердца, а затем взлетели плач и стенания женщин, когда стало ясно, что лишь семеро на борту, да и из них дингардских — лишь пятеро. В тишине раздался стук борта о дерево пристани, закрепили канат, и Бор вместе с девушкой сошел на причал и зашагал к своим.

И тогда дингардцы увидели, как возмужало и посуровело лицо богатыря; быть может, еще оттого казалось оно таким, что на лбу его лежал отблеск золотого венца древних князей. Он

вынул зазубренный в схватках меч с рубином на рукояти и положил наземь.

— Здравствуй, народ Дингардский! — сказал озерный конунг. — Большою ценою заплатил наш город за то, чтобы сокрушить недоброе колдовство, поразить силы зла и низвергнуть в Туонелу воплощенного Чернобога, не один век подготавливавшего обладание Озерным Краем! И вины с себя за гибель своих бойцов я не снимаю, хотя предотвратить ее я не мог: все они погибли в жарких схватках в разных уголках Поозерья! Но прах их успокоился в чистом погребальном пламени или в глуби вековечных вод, а души вознеслись в Обитель Отважных! И они не остались неотомщенными! И цель их была достигнута: не будет больше земля, политая их кровью, изнывать от засухи, и по-прежнему края наши будут носить имена дингардцев, изкарцев и других народов Аб Дор! Склоняю голову перед вами — решайте!

Старый волхв вышел ему навстречу, кряхтя поднял с земли меч и рукоятью вручил озерному конунгу.

— Будь по-прежнему нашим предводителем в битвах, Бор! — сказал он.

Богатырь поднял клинок острием к небу и затем вложил в ножны.

— Да будет так! Клянусь положить жизнь за родной город!

Взял он руку своей спутницы и вывел ее вперед:

— Эту девушку Нюбюи я спас из рук нечестивцев, служащих темным богам, и она помогла одержать нам победу в последнем решающем сражении! Я сделаю ее своею, и да будет она принята как сестра, ибо нет у нее матери и отца, которые повели бы ее на свадебный пир!

— Да будет так! — послышались голоса.

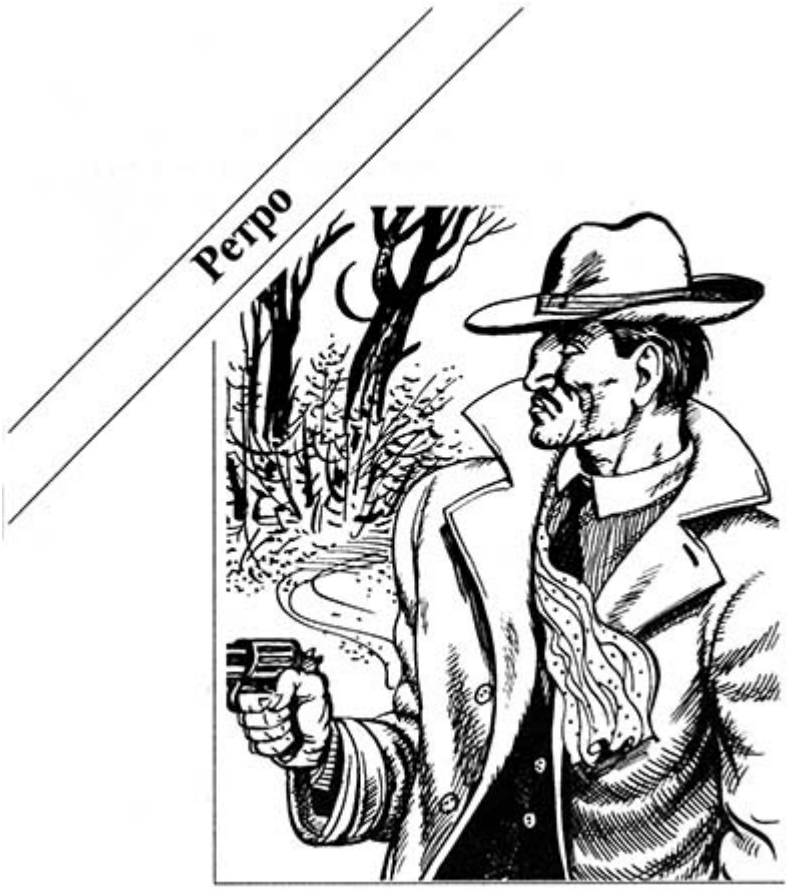
— Теперь этот хускарлский вождь Вирре Бердекс находится под нашей защитой, как гость, ибо оказал помощь в самый трудный момент. Он проживет у нас до той поры, пока найдет себе попутный корабль, чтобы уплыть вниз по Болотне, или найдет людей, чтобы идти на этом судне, которое принадлежит ему, в свои родные края. — Вирре признательно кивнул.

— Первые дожди оживили всходы, есть надежда собрать урожай до зимы! — сказал волхв. — Давайте праздновать возвращение живых, победивших зло, и заодно справим тризну по тем двадцати, что не воротятся уже никогда под родной кров!

— Да будет так! — сказали все собравшиеся вокруг и толпою двинулись вместе с Бором к его дому.

…Вечером девушки пустили венок из красных соцветий вниз по Кривасэльвен, чтобы волны унесли его далеко в синее озеро…

Ретро



Джеймс Хэдли Чейз
ПОЛОЖИТЕ ЕЕ СРЕДИ ЛИЛИЙ

Глава первая

В такое душное июльское утро, каким оно выдалось в тот день, хорошо бы лежать на пляже с любимой блондинкой, но уж вовсе не томиться в конторе, как это приходилось мне.

В открытые окна доносились шум проносившихся по бульвару Орчид машин, гул круживших над пляжем самолетов и еле различимый шум прибоя. Сокрытая где-то в недрах «Орчид Билдингс» установка по кондиционированию воздуха весьма успешно справлялась со своей задачей. Солнечные лучи, жаркие и золотые, высвечивали узоры на ковре, который Пола купила, чтобы производить впечатление на клиентов, но который всегда казался мне слишком дорогим, чтобы по нему ступать.

Я восседал за письменным столом, разбросав на нем несколько старых писем, чтобы у Полы, если вдруг она заглянет в кабинет, создалось впечатление, что я работаю. «Хайбол», такой крепкий, что от него бы потрескался бетон, был надежно укрыт за двумя-тремя фолиантами по юриспруденции, а когда я протягивал к нему руку, в нем позвякивал лед.

Прошло уже три с половиной года с тех пор, как я основал бюро «Универсальные услуги», фирму, которая выполняла любую работу: от выгуливания любимого пуделя до прищучивания обнаглевшего шантажиста, запустившего лапу в карман какого-нибудь клиента. В принципе это служба для миллионеров, поскольку за услуги мы брали недешево, но ведь в Орчид-Сити миллионеров чуть ли не столько же, сколько песчинок на пляже. За эти три с половиной года мы, особенно себя не утруждая, неплохо подзаработали.

Последние несколько дней в делах было затишье. Обычная работа шла своим чередом, но ею занималась Пола Бенсинджер. И лишь когда на горизонте появлялось что-то необычное, в дело вступали я и мой оперативник Джек Керман. Ну а поскольку ничего необычного не было, мы просто сидели и ждали, потягивая виски и делая вид перед Полой, будто заняты.

Развалившись в кресле, предназначенном для клиентов, Джек Керман, высокий худощавый щеголь с широкой полоской седины в густых черных волосах и с усами под Кларка Гейбла,[2] приложил ко лбу свой «хайбол» и расслабился. В безупречном оливково-зеленом тропическом костюме, в желто-красном

полосатом галстуке, в броских, с темно-зелеными пятнами туфлях из лосиной кожи он, казалось, сошел со страниц журнала «Эсквайр».

— Такая цыпочка! — сказал он, прервав долгую задумчивость. — Отруби ей руки — ни в чем не уступит Венере Милосской! — Он устроился поудобнее и вздохнул. — Жаль, что никто ей их не отрубил. Боже! Она оказалась такая сильная! А я-то, дурак, решил, что добиться ее будет раз плюнуть!

— Прошу тебя, не надо, — умоляюще сказал я, потянувшись за «хайболом». — Эта песня мне уже надоела. Уволь. Уж о чем мне не хочется слушать в такое утро, так это о твоих амурных делах. Я уж скорее почитаю Краффта-Эбинга.

— Этот старый козел ничего тебе не даст, — с презрением отозвался Керман. — У него все лакомые кусочки написаны на латинском.

— Ты бы удивился, узнав, сколько народу повыучивало латинский только ради того, чтобы узнать, что именно он там написал. Вот это и называется убить двух зайцев сразу.

— Твои слова снова возвращают нас к моей блондинке, — сказал Керман, протягивая длинные ноги. — Вчера я случайно встретился с нею в драгсторе Барни…

— Блондинки меня не интересуют, — твердо заявил я. — Вместо того чтобы сидеть тут и болтать о женщинах, пошел бы лучше и подыскал нам какую-нибудь новую работенку. Право, я порой задумываюсь: а за что, собственно, плачу тебе деньги?

Керман и сам подумал над моими словами, и на лице у него появилось выражение удивления.

— Тебе нужна новая работа? — спросил он наконец. — Я считал, у нас будет так: Пола делает всю работу, а мы живем за ее счет.

— В общем-то да, и все же время от времени тебе бы не мешало и самому зарабатывать на пропитание.

— Вот именно — время от времени. А то я чуть не подумал, что прямо сейчас. — Он отхлебнул из стакана и закрыл глаза. — Так вот, эта блондинка, о которой я все пытаюсь тебе рассказать, девочка — пальчики оближешь. Когда я попытался назначить ей свидание, она заявила, что за мужчинами не бегает. И знаешь, что я ей ответил?

— И что же ты ей ответил? — спросил я, потому как он бы все равно мне сказал, да и потом, если бы я не слушал его басни, кто бы стал слушать мои?

Керман фыркнул от смеха.

— Леди, сказал я, может, вы и не бегаете за мужчинами, но ведь в мышеловке не приходится бегать за мышами. Здорово,

правда? Ну, это сразило ее наповал. А морщиться тебе вовсе не обязательно. Ты-то, может, это не раз слышал, зато она не слышала.

Тут, однако, не успел я даже спрятать «хайбол» — дверь резко распахнулась, и в комнату вошла Пола.

Пола — высокая темноволосая красавица с холодными немигающими карими глазами и фигурой, при виде которой в голову лезет черт знает что. Легкая на подъем, неутомимая работница, заражающая своей энергией, именно она уговорила меня основать бюро «Универсальные услуги» и одолжила денег, чтобы я смог прокантоваться первые полгода. Только благодаря ее умению справляться с административной стороной дела «Универсальные услуги» более или менее преуспевали. Если, образно говоря, я был мозгом нашего предприятия, ее можно было назвать позвоночным столбом. Без нее наша фирма свернула бы свою деятельность в недельный срок.

— Неужели, кроме как сидеть тут и пить, нельзя подыскать себе занятие получше? — спросила она, остановившись перед столом и обвиняюще глядя на меня.

— А что может быть лучше? — без особого интереса спросил Керман.

Она кинула на него испепеляющий взгляд и снова обратила свои ясные карие глаза на меня.

— Собственно говоря, мы с Джеком как раз собирались выйти и подыскать себе какое-нибудь новое дело, — сказал я, поспешно отталкивая стул назад. — Идем, Джек. Идем поглядим, нет ли где чего.

— А искать где будете, в баре у Финнегана? — с презрением спросила Пола.

— А что, неплохая идея, злючка, — заметил Керман. — Может, у Финнегана для нас и впрямь что-нибудь сыщется.

— Прежде чем ты уйдешь, тебе, вероятно, захочется взглянуть вот на это, — сказала Пола и помахала у меня перед носом продолговатым конвертом. — Его только что принес сторож. Он обнаружил его в кармане старого плаща, который ты ему столь великодушно подарил.

— Это он принес? — произнес я, беря конверт. — Странно. Я не надевал этот плащ больше года.

— Штамп погашения марки подтверждает твои слова, — со зловещим спокойствием сказала Пола. — Письмо было отправлено четырнадцать месяцев назад. Я полагаю, не мог же ты положить его в карман и совершенно о нем забыть? Ты ведь не такой, правда?

Письмо было адресовано мне аккуратным женским почерком

и еще не вскрыто.

— Что-то не припомню, чтобы я его видел когда-либо прежде, — сказал я.

— Это и неудивительно, если учесть, что ты вообще никогда ничего не помнишь, если только я тебе не напоминаю, — ехидно вставила Пола.

— В один прекрасный день, маленькая моя гарпия, — с нежностью заметил Керман, — кто-нибудь возьмет да и отшлепает тебя по турнюру.

— Этим ее не остановишь, — сказал я, вскрывая конверт. — Я уже пробовал. Она становится еще хуже. — Сунув пальцы в конверт, я извлек листок бумаги и пять сотенных банкнотов.

— Боже милостивый! — воскликнул Керман, уставившись себе под ноги. — И ты отдал это сторожу?

— Теперь еще ты начнешь, — сказал я и прочитал письмо:

Крестуэйз, бульвар Футхилл,

Орчид-Сити, 15 мая 1948 г.

Будьте добры навестить меня завтра в 3 часа пополудни по указанному выше адресу. Я сообщу вам сведения о человеке, который шантажирует мою сестру. Насколько я понимаю, это работа по вашей части. Пожалуйста, отнеситесь к этому письму как к доверительному и срочному. Вкладываю пятьсот долларов в качестве задатка.

Джэнет Кросби.

Наступило долгое и гнетущее молчание. Даже Джеку Керману было нечего сказать. Мы считали, что рекламой нам будут служить рекомендации, но когда держишь в руках 500 долларов, принадлежащих вероятному клиенту, 14 месяцев и даже не признаешься, что ты их получил, — какие уж там рекомендации?

— Срочное и доверительное, — пробормотала Пола. — Продержав у себя четырнадцать месяцев, он отдает его сторожу, чтобы тот показывал письмо своим дружкам. Просто удивительно!

— Заткнись! — огрызнулся я. — Почему она не позвонила и не попросила объяснений? Наверное, догадалась, что письмо попало не по адресу… Одну минуточку… Она же умерла, разве не так? Одна из сестер Кросби умерла. Это не Джэнет?

— По-моему, да, — сказала Пола. — Сейчас я проверю.

— И откопай все, что у нас есть о Кросби.

Когда она вышла в приемную, я сказал:

— Я уверен, что она умерла. Полагаю, деньги придется вернуть лицам, управляющим имуществом по доверенности?

— Если мы это сделаем, — сказал Керман, не любивший

расставаться с деньгами, — об этом может прослышать пресса. Подобная история послужила бы нам шикарной рекламой — ты только посмотри, как они ведут свои дела! Надо быть поосторожнее, Вик! Вероятно, благоразумнее ничего пока не предпринимать и ничего не говорить.

— Этого мы сделать не можем. Пусть мы плохо работаем, но давайте хотя бы будем честными.

Керман снова сложился в кресле.

— Безопаснее не будить лихо. Кросби, по-моему, имеет какое-то отношение к нефти, нет?

— Имел. Пару лет назад он случайно застрелился. — Я взял нож для бумаг и принялся делать дырки в промокашке. — Ума не приложу, как это я умудрился оставить письмо в плаще. Теперь Пола меня съест.

Керман, хорошо знавший Полу, сочувственно мне улыбнулся.

— А ты врежь ей под ребра, если станет пилить, — сказал он, желая помочь мне. — Боже, как я рад, что это не я!

Когда Пола вернулась с кучей газетных вырезок, я все еще тыкал ножом в промокашку.

— Она умерла от сердечной недостаточности пятнадцатого мая, в тот самый день, когда написала письмо. Неудивительно, что она не напомнила тебе о себе, — сказала Пола, закрывая дверь кабинета.

— От сердечной недостаточности? Сколько же ей было лет?

— Двадцать пять.

Я положил нож для бумаг и потянулся за сигаретой.

— Вроде бы слишком молода, чтобы умирать от сердечной недостаточности. Во всяком случае, давай послушаем, что ты нашла.

— Не так уж и много. Большей частью нам все это известно, — сказала Пола, присаживаясь на край стола. — Макдоналд Кросби нажил свои миллионы на нефти. Он был строгим, не вызывающим к себе любви квакером с неимоверно узким кругозором. Дважды состоял в браке. Джэнет, старше на четыре года, была от первой жены, Морин — от второй. В 1943-м он отошел от дел и поселился в Орчид-Сити. А прежде жил в Сан-Франциско. Более непохожих двух девушек и представить трудно. Джэнет была трудолюбивой, старательной и большую часть времени проводила, рисуя картины. Несколько ее картин маслом висят в Музее искусств. Она, похоже, обладала талантом, была застенчива и резка по натуре. Морин — красавица в семье. Необузданна и распутна. До самой смерти Кросби она постоянно попадала на первые страницы газет из-за всяческих скандалов.

— Каких, например?

— Пару лет назад сбила человека на Центральной авеню, и тот скончался на месте. По слухам, она была пьяна, что похоже на правду, поскольку пила Морин как сапожник. Кросби уладил дело с полицией, и она отделалась большим штрафом за опасное вождение. В другой раз она проехала по бульвару Орчид на лошади в чем мать родила. Кто-то поспорил с ней, что, мол, у нее не хватит смелости, ну а у нее хватило.

— Позвольте разобраться, — сказал Керман, возбужденно выпрямляясь. — Это лошадь или девушка была в чем мать родила?

— Девушка, дурачина!

— Тогда где же был я? Я ее не видел.

— Она проехала всего ярдов пятьдесят, и ее тут же схватили.

— Окажись я поблизости, она бы и столько не проехала.

— Без грубостей, пожалуйста, и помолчи!

— Да, такая, как она, отменный объект для шантажа, — заметил я.

Пола кивнула.

— О смерти Кросби вам известно. Он чистил ружье у себя в кабинете, оно выстрелило и убило его. Три четверти состояния Кросби оставил Джэнет без всяких условий, а четверть — Морин, назначив ей опекуна. Со смертью Джэнет Морин досталось все огромное состояние, и она, похоже, стала совершенно другим человеком. С тех пор, как она потеряла сестру, о ней ни разу не упоминалось в прессе.

— Когда умер Кросби? — спросил я.

— В марте 1948-го. За два месяца до смерти Джэнет.

— Весьма удобно для Морин.

Пола вскинула брови.

— Да. Джэнет тяжело переживала смерть отца. Особым здоровьем она никогда не отличалась и, согласно утверждениям прессы, этот удар прикончил ее.

— И все равно, весьма удобно для Морин. Мне это не нравится, Пола. Возможно, я подозрителен по натуре. Джэнет пишет мне, что кто-то шантажирует сестру, затем она моментально умирает от сердечной недостаточности, а ее деньги достаются сестре. Уж больно удобный для нее расклад.

— Не вижу, что мы тут можем сделать, — сказала Пола, хмурясь. — Не можем же мы действовать от имени покойного клиента.

— А вот и можем. — Я похлопал по пяти стодолларовым банкнотам. — Мне либо придется вернуть эти деньги опекунскому совету, либо попытаться их заработать. Пожалуй, я попытаюсь их заработать.

— Четырнадцать месяцев — долгий срок, — с сомнением сказал Керман. — След давно остыл.

— Если вообще есть какой-то след, — поддержала его Пола.

— С другой стороны, — ответил я, — если в смерти Джэнет есть что-то зловещее, четырнадцать месяцев обеспечивают приятное чувство безопасности, а когда чувствуешь себя в безопасности, теряешь бдительность. Пожалуй, съезжу-ка я к Морин Кросби и посмотрю, как ей нравится тратить деньги сестры.

Керман простонал.

— Что-то подсказывает мне, что короткий период безделья закончился, — с грустью произнес он. — Я еще подумал, что он слишком сладок, чтобы долго продержаться. Приниматься за работу немедленно или подождать, пока ты вернешься?

— Подожди, пока я вернусь, — сказал я, направляясь к двери. — Но если ты назначил свидание с этой твоей мышеловкой, ты уж попроси ее подыскать другую мышку.

Крестуэйз, поместье Кросби, виднелось за низкими, поросшими бугенвилеями стенами, над которыми поднималась высокая зеленая изгородь из австралийской сосны, а уж за нею шел блестящий забор против циклона, увенчанный колючей проволокой. Вход охраняли тяжелые деревянные ворота с глазком для подсматривания в правой по ходу створке.

С полдюжины подобных поместий было разбросано вдоль бульвара Футхилл, доходя до пустыни Кристального Озера. Примерно акр ничьей земли, песчаной, поросшей кустарником, с колыхавшимися над нею волнами жара, отделял одно поместье от другого.

Я подкатил на довоенном «бьюике» с откидывавшимся верхом и без особого интереса оглядел ворота. Если не считать нацарапанного на стене названия дома, в нем не было ничего особенно примечательного по сравнению с поместьями других миллионеров в Орчид-Сити. Они все маячили за неприступными стенами. У них у всех были деревянные ворота, чтобы не проникали нежелательные посетители. От них от всех исходил тот же самый вызывающий подобострастие покой, тот же запах цветов и хорошо политых газонов. Хотя я и не мог проникнуть взором за ворота, я знал, что там окажется такой же великолепный бассейн, такой же аквариум, такая же рододендроновая аллея, такой же — в углублении — розарий. Если у вас есть миллион долларов, надо жить с таким же размахом, с каким живут другие миллионеры, иначе вас примут за подонка. Так было, так есть, так всегда будет — если у вас есть

миллион.

Отпирать ворота, похоже, никто не спешил, поэтому я вылез из машины и потянул за цепочку звонка. Звонок звенел приглушенно и как-то боязливо.

Никакой реакции не последовало. Солнце нещадно палило. Температура подскочила еще градусов на пять. Было слишком жарко даже для такого легкого упражнения, как тянуть за цепочку звонка. Отпустив ее, я толкнул ворота, и они при моем прикосновении сразу же отворились. Я посмотрел на представшую перед моим взором лужайку — такую большую, что на ней запросто можно было бы проводить танковые маневры. В том месяце траву не подстригали, как не подстригали ее, собственно, и месяцем раньше. Не получили должного внимания и две длинные полоски травы по обеим сторонам широкой подъездной аллеи — ими не занимались с осени. Желтые нарциссы и тюльпаны беспорядочными бурыми пятнами пестрели посреди увядших головок пионов. На бетонированной подъездной аллее проросли сорняки. Роза, на которую никто не обращал внимания, истерически билась на ленивом ветерке, долетавшем из пустыни. Это был заброшенный, никому не нужный сад, и, когда я смотрел на него, мне показалось, будто я слышу, как старик Кросби ворочается в гробу.

В дальнем конце подъездной аллеи я увидел дом: двухэтажный особняк из ракушечника с красной черепичной крышей, зелеными ставнями и нависающим балконом. На окнах — маркизы. По выстланному зеленой плиткой патио никто не разгуливал. Решив не воевать со створками ворот, чтобы загнать «бьюик» во двор, я не спеша направился туда.

Где-то посреди подъездной аллеи я наткнулся на зеленую беседку, заросшую цветущим плющом. В тени, сидя на корточках, резались в кости трое китайцев. Когда я остановился поглазеть, они даже не соизволили поднять глаза, как долго-долго не соизволяли присматривать за садом: три грязных, лишенных разума человека, куривших сигареты в желтой обертке, которым было абсолютно на все наплевать.

Я пошел дальше и за следующим поворотом аллеи увидел бассейн. Бассейн, несомненно, должен был там быть, но не обязательно такой. В этом не было воды, потрескавшаяся метлахская плитка на дне поросла сорняком. Бетонные края покрылись выгоревшим рыжеватым мхом. Белый навес, который в свое время, вероятно, выглядел довольно красивым, частично оторвался и сейчас ворчливо хлопал на меня.

Под прямым углом к дому стоял ряд гаражей с закрытыми двойными дверями. Невысокий парень в грязных фланелевых

брюках, майке и водительской кепке сидел на бочке из-под масла и что-то выстругивал. Подняв глаза, он покосился на меня.

— Есть кто-нибудь дома? — спросил я, закуривая сигарету.

— Не приставай ко мне, Джек. Я занят.

— Я это вижу, — сказал я, выпуская дым в его сторону. — Я бы хотел посмотреть на тебя, когда ты отдыхаешь.

Он аккуратно сплюнул на бочку с летошними пеларгониями, с которых никто не удосужился ничего срезать, и продолжал строгать. Я для него сейчас был всего лишь частью заброшенного ландшафта.

Поскольку я понимал, что ничего от него не добьюсь, я прошел дальше к дому, поднялся по широким ступенькам и изо всех сил нажал на кнопку звонка.

Над домом нависла похоронная тишина. Мне пришлось долго ждать, прежде чем мне ответили.

Наконец дверь отворилась, и нечто такое, что вполне могло сойти за дворецкого, посмотрело на меня так, как смотрят на человека, оторвавшего вас от сладостной дремы. Он оказался высоким, сухощавым, седовласым, с впалыми щеками и близко поставленными желтоватыми глазами. На нем была куртка осиного цвета и черные брюки, у которых был такой вид, как будто он в них спал, что, скорее всего, так и было, а рукава его рубашки наводили на мысль, что, если бы только их можно было побеспокоить, их не мешало бы постирать.

— Да? — откуда-то издалека сказал он и поднял брови.

— Мисс Кросби.

Я заметил, что в кулаке он прячет зажженную сигарету.

— Мисс Кросби не принимает, — сказал он и хотел уже было закрыть дверь.

— Я ее старый друг. Меня она примет, — сказал я, просунув ногу, чтобы дверь не закрылась. — Фамилия Мэллой. Доложите ей и понаблюдайте за ее реакцией. Готов спорить, что она распорядится подать шампанского.

— Мисс Кросби нездорова, — сказал он невыразительным голосом, будто зачитывая паршивую роль в еще более паршивой пьесе. — Она больше не принимает. Я сообщу ей, что вы заходили. — Дверь стала закрываться — моей ноги он не заметил. Обнаружив, что дверь не закрывается, он даже вздрогнул.

— Кто за ней присматривает? — спросил я, улыбаясь ему.

В его глазах появилось озадаченное выражение. Жизнь для него уже столь долго была спокойной и безмятежной, что он оказался совершенно неподготовленным к чему-то необычному.

— Сестра-сиделка Гэрни.

— В таком случае я хотел бы повидать сиделку Гэрни, — сказал я и приналег на дверь.

Отсутствие тренировки, злоупотребление сном и свободный доступ к содержимому подвала лишили его всякой стали, которая когда-либо водилась в его мышцах. Он уступил перед моим напором, как молодое деревце перед бульдозером.

Я оказался в непомерно большом холле перед широкой лестницей, которая полукругом вела наверх. На лестнице, посередине, стояла фигура в белом: сиделка.

— Хорошо, Бенскин, — сказала она. — Я сама.

Высокий и сухощавый тип, казалось испытал облегчение от того, что сможет уйти. Он кинул на меня озадаченный взгляд, затем мягкой, кошачьей поступью пересек холл, прошел по коридору и скрылся за обитой сукном дверью.

Сиделка неторопливо спустилась по лестнице, будто знала, что на нее приятно посмотреть, а ей нравилось, когда на нее смотрят. А я смотрел, будьте уверены. Она была сиделкой, будто появившейся из музыкальной комедии, из тех сиделок, при виде которых у вас сразу же подскакивает температура. Блондинка, алые губы, глаза подведены синей тушью: весьма соблазнительная штучка, симфония изгибов и чувственности, столь же восхитительная, живая и жаркая, как пламя ацетиленовой горелки. Если бы ей когда-либо пришлось ухаживать за мной, я бы до конца своих дней оставался лежачим больным.

Но она уже подошла так близко, что до нее можно было дотронуться, и мне пришлось осадить себя, чтобы не сделать этого. По выражению ее глаз я понял, что она отдает себе отчет в том, какое впечатление производит на меня, а у меня мелькнула мысль, что я заинтересовал ее ничуть не меньше, чем она меня. Красивым длинным пальцем она подоткнула под колпак выбившийся локон. Аккуратно выщипанная бровь вопрошающе поднялась. Накрашенные губы расплылись в улыбке. Зелено-синие глаза за тушью были настороженными и исполненными надежды.

— Я рассчитывал увидеть мисс Кросби, — сказал я. — Говорят, она нездорова.

— Нездорова. Боюсь, она даже не в состоянии принимать посетителей. — У нее оказалось глубокое контральто, от которого у меня завибрировал позвоночный столб.

— Какая жалость, — сказал я, бросив быстрый взгляд на ее ножки. У Бетти Гейбл они, возможно, были и получше, но ненамного. — Я только что вернулся в город. Я ее давний приятель. Я и не думал, что она так больна.

— Она нездорова уже несколько месяцев.

У меня создалось впечатление, что в качестве темы для разговора болезнь Морин Кросби не слишком-то приятна для сиделки Гэрни. Это было всего лишь впечатление. Я мог и ошибиться, только почему-то так не считал.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Да нет, ничего особенного. Просто ей нужен покой и отдых.

Если бы она хотела меня отшить, тут бы она могла зевнуть.

— Ну, здесь довольно спокойно, — заметил я, улыбаясь. — Надеюсь, спокойно и для вас?

Ей только это и нужно было. Ей не терпелось раскрыть душу.

— Спокойно?! Да уж лучше бы я лежала в гробнице Тутанхамона! — воскликнула она, но вспомнив, что ей полагается быть сестрой милосердия в лучших традициях, завещанных Флоренс Найтингейл,[3] она покраснела. — Пожалуй, мне не следовало бы этого говорить, правда? Не слишком-то утонченно.

— Со мной можно не беспокоиться об утонченности, — поспешил заверить ее я. — Я беспечный парень, который становится еще лучше после двойного виски с содовой.

— Ну что ж, отлично. — В ее взгляде возник вопрос, в моем она прочла ответ. И вдруг хихикнула. — Если ничего лучшего у вас нет…

— Как говорит один мой старый корешок: «А что может быть лучше?»

Выщипанная бровь подпрыгнула.

— Пожалуй, я могла бы ему подсказать, если ему непременно хочется узнать.

— А вы скажите мне.

— Возможно, и скажу — на днях. Если вам действительно хочется выпить, входите. Я знаю, где спрятано виски.

Я проследовал за нею в большую комнату, отходившую от вестибюля. При каждом шаге она слегка покачивалась, чувствовалось, что умеет играть своими крупными бедрами. Они двигались под чопорным халатом, как движется подкрученный в броске баскетбольный мяч. Так бы и ходил за ней весь день, наблюдая за этим ее действом.

— Присаживайтесь, — сказала она, указывая на большую кушетку. — Я приготовлю вам выпить.

— Прекрасно, — сказал я, опускаясь на подушки, лежавшие на пружинах. — Но при одном условии: я никогда не пью один. В этом смысле я весьма строг.

— Я тоже, — ответила она.

Из углубления в старинном буфете она вытащила бутылку

«Джонни Уокера», два пинтовых бокала и бутылку «Уайтрока».

— Можно бы и со льдом, но тогда бы пришлось просить Бенскина, а мы в данный момент, по-моему, можем прекрасно обойтись без Бенскина, правда? — сказала она, глядя на меня из-под частокола своих ресниц.

— Можно и без льда, — сказал я. — И поосторожнее с «Уайтроком». Эта штука может испортить хорошее виски.

Она налила в оба стакана на три дюйма виски и добавила в каждый по чайной ложке «Уайтрока».

— Вам так пойдет?

— Отлично, — сказал я, с готовностью протягивая руку. — Пожалуй, мне пора представляться. Я — Вик Мэллой. Для друзей — просто Вик, а все симпатичные блондинки мои друзья.

Она села, даже не подумав одернуть юбку. Коленки у нее оказались красивые.

— Вы первый посетитель, который появился у нас за пять месяцев, — сказала она. — Я уже начала подумывать, что этот дом заколдован.

— Судя по всему, так оно и есть. Введите меня в курс дела, а? Когда я был здесь в последний раз, это было поместье, а не программа по созданию пустыни. Тут что, больше никто не работает?

Она пожала красивыми плечами.

— Знаете, как бывает? Всем наплевать.

— А насколько плоха Морин?

Она задумалась.

— Послушайте, нам что, не о чем больше говорить? Я так устала от Морин.

— Я тоже от нее особенно не в восторге, — сказал я, пробуя виски. Оно было такое крепкое, что от него бы вскочили волдыри на шкуре у буйвола. — Но я знавал ее в былые дни, и мне просто интересно, что именно с ней такое?

Она запрокинула светловолосую голову и вылила почти все виски себе в глотку. То, как она это проделала, подсказало мне, что закладывать она мастерица.

— Мне не следовало бы говорить это вам, — сказала она и улыбнулась. — Но если вы пообещаете, что ни слова никому не скажете…

— Ни слова.

— Ее лечат от наркотиков. Это строго между нами.

— Худо дело?

Она пожала плечами.

— Да уж наверное.

— А тем временем, пока кошка лежит в постели, мышки

забавляются, а?

— Вот именно. Тут почти никто никогда не появляется. В норму она придет еще не скоро. А пока лезет на стену и визжит как полоумная, прислуга отдыхает. Довольно справедливо, нет?

— Разумеется. Надо же им когда-то расслабиться?

Она допила свое виски.

— Ну, довольно о Морин. Мне она по ночам надоела, не хватает еще, чтобы и вы о ней говорили.

— Вы в ночной смене? Какая жалость!

— Почему? — Зелено-синие глаза насторожились.

— Я думал, было бы здорово пригласить вас как-нибудь вечерком и кое-что вам показать.

— Например?

— Ну, для начала у меня есть красивая коллекция офортов.

Она хихикнула.

— Если что мне и нравится больше одного офорта, так это коллекция офортов. — Она встала и подошла к бутылке с виски. При виде ее перекатывающихся бедер я так и замер в стойке, как охотничий пес. — Позвольте мне освежить, — продолжала она. — Вы что-то не пьете.

— Он и так достаточно свеж. Мне начинает казаться, что не обязательно пить, можно заняться и кое-чем получше.

— Да что вы? Так я и думала. — Она налила себе в стакан. На этот раз она даже не стала связываться с «Уайтроком».

— А кто присматривает за Морин днем? — спросил я, когда она возвращалась к кушетке.

— Сиделка Флеминг. Она бы вам не понравилась. Она — мужеедша.

— Что вы говорите? — Гэрни села со мной рядом, бок о бок. — Она нас случайно не слышит?

— Даже если бы и слышала, это не имело бы ровно никакого значения, но она не слышит. Она в левом крыле, которое выходит на гаражи. Морин поместили туда, когда она стала вопить.

Именно это мне и хотелось узнать.

— К черту этих мужеедш, — сказал я, обхватив ее сзади за шею. Она наклонилась ко мне. — А вы не едите мужчин?

— Смотря какой мужчина. — Ее лицо оказалось рядом с моим, и я прижался губами к ее виску. Ей это вроде понравилось.

— Ну а как, скажем, вот этот мужчина?

— Довольно славный.

Я отобрал у нее стакан с виски и поставил его на пол.

— Он будет мне мешать.

— Не хотелось бы, чтобы он пропал…

— Вскоре он вам понадобится.

— Да что вы?

Она прижалась ко мне, наши губы слились в долгом поцелуе. Потом она вдруг оттолкнула меня и встала. Я даже успел подумать, что она из тех девушек, кто говорит: «Поцеловались — и до свиданья», — но ошибся. Она прошла к двери, повернула ключ в замке, вернулась и снова села рядом со мной.

Я припарковал «бьюик» перед «Каунти Билдингс», что на углу Фельдмана и Центральной авеню, поднялся по ступенькам и попала в мир печатных формуляров, тихих коридоров и старомолодых клерков, исполненных надежды занять чье-нибудь место после его смерти.

Отдел регистрации рождений и смертей находился на первом этаже. Я заполнил формуляр, подтолкнул его в окошечко рыжеголовому клерку, который шлепнул по нему штемпелем, взял причитающиеся с меня деньги и указал рукой на ряды картотечных шкафов.

— Угощайтесь, мистер Мэллой, — сказал он. — Шестой шкаф справа.

Я поблагодарил его.

— Как у вас дела? — спросил он и, готовый потратить понапрасну свое и мое время, облокотился на стойку. — Уж сколько месяцев вас не видел.

— Это точно, — ответил я. — Дела идут прекрасно. А как у вас? Люди по-прежнему умирают?

— И рождаются. Одно компенсирует другое.

— Да уж.

Больше мне сказать ему было нечего. Я слишком устал. Короткий эпизод с сиделкой Гэрни вымотал меня вконец. Я прошел к картотечным шкафам. Ящик на «к», казалось, весил не меньше тонны, и у меня едва хватило сил дотащить его до стола. И в этом тоже была повинна сиделка Гэрни. Полистав карточки, я вскоре отыскал свидетельство о смерти Джэнет Кросби. Я вытащил старый конверт и карандаш. Она умерла от злокачественного эндокардита 15 мая 1948 года.

Она была названа незамужней девицей, двадцати пяти лет. Свидетельство подписано неким доктором Джоном Бьюли. Я записал фамилию доктора и, пролистав еще с десяток страниц, нашел свидетельство о смерти Макдоналда Кросби. Он умер от повреждения мозга, последовавшего в результате раны от пули. Здесь доктор был Дж. Сэлзер, а коронер Фрэнклин Лессоуэйз. Я записал кое-что еще и, так и оставив карточный ящик на столе, прошел к клерку, который с праздным любопытством наблюдал за мной.

— Попросите кого-нибудь убрать этот ящик на место, ладно? — сказал я, опираясь на стойку. — Оказалось, я не так уж и силен.

— Ничего, мистер Мэллой.

— И еще: кто такой доктор Джон Бьюли и где живет?

— У него небольшой домик на Скайлайн-авеню, — сказал мне клерк. — Если вам нужен хороший доктор, к нему лучше не обращайтесь.

— А что с ним такое?

Клерк пожал усталыми плечами.

— Да просто он старый. Пятьдесят лет назад, вероятно, был что надо. Доктор, который разъезжал на дрожках. По-моему, он всерьез полагает, что трепанация имеет какое-то отношение к открыванию банки бобов.

— А разве нет?

Клерк рассмеялся.

— Это смотря о чьей голове мы говорим.

— Да. Значит, он всего лишь никому не нужный и отживший свое эскулап, так?

— Совершенно верно. Впрочем, вреда от него нет. Не думаю, что сейчас у него наберется и с десяток пациентов. — Он почесал ухо и по-совиному посмотрел на меня. — Работаете над чем-то?

— Я никогда не работаю, — ответил я. — Пока.

В задумчивости я спустился по ступенькам и вышел на яркое беспощадное солнце. Неожиданно умирает девушка, стоящая миллион долларов, а приглашают почему-то доктора с устаревшими взглядами. Не совсем в духе миллионеров. Можно было бы ожидать, что на такую добычу слетится целая флотилия самых дорогих медицинских светил.

Я вполз в «бьюик» и нажал на педаль стартера. Напротив, запаркованный навстречу движению, стоял оливково-зеленый лимузин «додж». За баранкой сидел мужчина в желтовато-коричневой шляпе, вокруг тульи которой шел вязаный шнурок. Мужчина читал газету. Я бы не обратил никакого внимания ни на него, ни на машину, если бы он вдруг не поднял глаза, не швырнул вдруг при виде меня газету на заднее сиденье и не завел мотор. Тут уж я на него глянул, гадая, что это вдруг он утратил всякий интерес к своей газете. Мужчина показался мне крупным, с широченными, как амбарная дверь, плечами. Голова его сидела прямо на плечах, без каких-либо признаков шеи. У него были тонюсенькие черные усики, глаз не видно. Когда-то его здорово стукнули по носу и по одному уху, и они так и не смогли обрести прежнюю форму. Он очень напоминал крутого парня из крутых фильмов студии «Братьев Уорнер»: из тех, что служат на

побегушках у Хамфи Богарта.

Я направил «бьюик» в поток автомашин и не спеша поехал на восток по Центральной авеню, поглядывая в зеркало заднего вида.

«Додж» выехал навстречу потоку, идущему на запад, развернулся под звуки рожков и проклятий водителей и поехал за мной. Я бы не поверил, что кто-то проделал все это совершенно безнаказанно на Центральной авеню, но то ли фараоны позасыпали, то ли из-за жары не хотели ни во что ввязываться.

На перекрестке с Уэствуд-авеню я снова глянул в зеркало. «Додж» сидел прямо у меня на хвосте. Я видел, как водитель небрежно развалился за баранкой, в зубах — манильская сигара, локоть руки лежит на опущенном стекле. Я чуть поддал вперед, чтобы увидеть и запомнить его номер. Если он следит за мной, значит, работает очень грубо. На Голливуд-авеню я прибавил газу и погнал машину вверх со скоростью 65 миль в час. «Додж» после некоторого колебания рванул вперед и заревел у меня за спиной. У бульвара Футхилл я прижался к бордюру и резко тормознул, «додж» промчался мимо. Водитель даже не посмотрел на меня. Он поехал дальше, к трассе, соединявшей Лос-Анджелес и Сан-Франциско.

Я записал номер на старом конверте рядом с фамилией дока Бьюли и аккуратно убрал конверт в набедренный карман. Затем снова завел мотор и выбрался на Скайлайн-авеню. Где-то посередине этой улицы я увидел блестевшую на солнце медную дощечку. Она была прикреплена к низкой деревянной калитке, охранявшей сад и двухфасадное бунгало из канадской сосны. Скромное, тихое местечко, чуть ли не трущобы по сравнению со стоявшими по обе стороны от него ультрасовременными домами.

Я подъехал и высунулся из окна, однако разобрать на таком расстоянии стершуюся надпись на дощечке оказалось невозможно. Пришлось вылезти и подойти поближе. Хотя расшифровать надпись даже и тогда оказалось нелегко, я все же разобрал достаточно, чтобы убедиться, что это жилище доктора Бьюли.

Пока я нащупывал щеколду на калитке, оливково-зеленый «додж» воровато пронесся по дороге. Водитель сделал вид, что не смотрит в мою сторону, но я понял, что он увидел меня и куда я иду. Я прервал свое занятие и посмотрел вслед машине. Она быстро пронеслась по дороге, и я потерял ее из виду, когда она свернула на Уэствуд-авеню.

Я сдвинул шляпу на затылок, вытащил пачку «Лаки Страйк», закурил и убрал пачку. Затем отодвинул щеколду и прошел по гравийной дорожке к бунгало.

Садик был маленький и компактный и такой же аккуратный, как солдатский барак в инспекционный день. На окнах висели выцветшие желтые шторы. Парадную дверь не мешало бы покрасить. Впрочем, это же можно было сказать и обо всем бунгало.

Я нажал большим пальцем на кнопку звонка и стал ждать. Вскоре осознал, что кто-то подглядывает за мной из-за штор. Тут уж я ничего не мог поделать, кроме как напустить на себя приятное выражение и ждать. И я принял приятное выражение лица и стал ждать.

И как раз когда я уже решил, что надо бы позвонить снова, я услышал звук, какой издает мышь в панельной обшивке, и входная дверь отворилась.

На меня смотрела маленькая худенькая женщина, похожая на птичку. На ней было черное шелковое платье, которое, вероятно, могло бы считаться модным лет пятьдесят назад, если бы вы жили в глуши и никто бы не посылал вам журнал «Вог». На тонком старом лице лежала печать усталости, а ее глаза сообщили мне, что жизнь для нее не очень-то в радость.

— Доктор дома? — спросил я, приподнимая шляпу и понимая, что уж если кто и оценит учтивость, так это она.

— Да, разумеется. Он в саду за домом. Я позову его.

— Пожалуй, не надо. Уж лучше я сам пойду туда и потолкую с ним. Я не пациент. Я лишь хотел задать ему один вопрос.

— Да. — Взгляд надежды, который стал было появляться у нее на лице, погас. Ни одного пациента. Никакого гонорара. Всего лишь молодой детина с каким-то там вопросом. — Надеюсь, вы не надолго его задержите? Он не любит, когда его беспокоят.

— Я его не задержу.

Я приподнял шляпу и поклонился, как, в моем представлении, кланялись ей в свое время молодые люди, и ретировался по садовой дорожке. Она закрыла парадную. Мгновение спустя я узрел ее тень: она разглядывала меня через жалюзи переднего окна.

Я проследовал по тропинке к саду за бунгало. Возможно, как лекарь док Бьюли звезд с неба не хватал, но как садовник он явно был на высоте. Мне бы очень хотелось привести сюда трех садовников Кросби, чтобы они поглядели на этот сад. Он бы, возможно, поколебал их представления о жизни.

В самом конце сада стоял, склонившись над огромной георгиной, высокий старик в белом пиджаке из легкой натуральной ткани «альпага», желтой панаме, желтовато-белых брюках и ботинках с эластичными вставками. Он смотрел на георгину, как доктор, осматривающий ваше горло, когда вы

произносите «а-а-а», и, вероятно, находил георгину гораздо интереснее.

Когда я приблизился, он резко поднял глаза. Изборожденное морщинами лицо очень напоминало кожицу высушенного чернослива, а из ушей торчали жесткие седые волосы. Лицо не благородное и не умное, обыкновенное лицо очень старого человека, который доволен собой, уровень требований не очень высок, которому уже все безразлично, который упрям и несколько туповат, но который так и остался не сломлен.

— Добрый день, — поздоровался я. — Надеюсь, я вам не помешал?

— Приемные часы с пяти до семи, молодой человек, — сказал он таким тихим голосом, что я едва его расслышал. — Сейчас я вас принять не могу.

— Я к вам совершенно по другому делу, — сказал я, заглядывая ему через плечо на георгину. Та была красавица: двадцать сантиметров в поперечнике, не меньше, и без единого пятнышка. — Моя фамилия Мэллой. Я старый друг Джэнет Кросби.

Он нежно коснулся георгины пальцами с утолщенными суставами.

— Кого-кого? — безо всякого интереса нерешительно произнес он: всего лишь глуповатый старик с цветком.

— Джэнет Кросби, — ответил я. Стоять на солнце было жарко, а от гудения пчел, запаха всех этих цветов я и сам стал каким-то рассеянным.

— Ну и что с ней?

— Вы подписали свидетельство о ее смерти.

Он оторвал взгляд от георгины и посмотрел на меня.

— Кто, говорите, вы такой?

— Виктор Мэллой. Меня несколько тревожит смерть мисс Кросби.

— А с чего бы? — спросил он, и в глазах его промелькнул страх. Он знал, что он старый, туповатый, рассеянный. Он знал, что, продолжая практиковать, он в его возрасте рискует рано или поздно совершить ошибку. Я видел, что он подумал, что сейчас я обвиню его в этой ошибке.

— Ну, понимаете, — мягко заговорил я, не желая особенно его пугать, — меня не было здесь три или четыре года. Джэнет была моим очень давним другом. Мне бы и в голову никогда не пришло, что у нее слабое сердце. Узнать, что она ушла подобным образом, оказалось для меня страшным ударом. Я хочу удостовериться, что не произошло ничего плохого.

Мускул у него на лице дернулся. Ноздри расширились.

— Что значит — плохого? Она умерла от злокачественного эндокардита. Симптомы не вызывают сомнений. Кроме того, там присутствовал доктор Сэлзер. Ничего плохого не было. Не знаю даже, о чем вы таком говорите.

— Ну, я рад это слышать. А что оно такое, этот злокачественный эндокардит?

Он нахмурился, и мне на мгновение показалось, что сейчас он скажет, что не знает, но он взял себя в руки, разворошил старую, увядшую память и медленно, будто цитируя страницу из какого-то медицинского справочника, заговорил:

— Это прогрессирующая микробная инфекция клапанов сердца. Кусочки пораженных язвой клапанов сердца были разнесены потоком крови по всему телу, у нее не было никаких шансов остаться в живых. Даже если бы меня пригласили раньше сделать что-либо, я был бы бессилен.

— Это-то и смущает меня, — сказал я и улыбнулся, чтобы каким-то образом передать ему, что я на его стороне. — Почему они позвали именно вас? Вы ведь ее не пользовали, правда?

— Разумеется, нет, — чуть ли не сердито сказал он. — Позвать меня было вполне естественным. Я живу совсем рядом. Доктору Сэлзеру было бы неэтично выписывать свидетельство одному.

— А кто он, этот доктор Сэлзер?

У него снова появился рассеянный взгляд, а пальцы с тоской потянулись к георгине. Я видел, что ему хочется, чтобы его оставили в покое, чтобы его мозг отдыхал в мирном созерцании цветов, чтобы ему не докучали здоровенные детины вроде меня, ни за что ни про что отнимающие время.

— Он заправляет одним из этих санаториев для душевнобольных, рядом с поместьем Кросби. Он друг семьи. Его положение таково, что он, по этическим соображениям, не мог выписать свидетельство. Он не квалифицированный практик. Я был весьма польщен, когда они прибегли к моей помощи.

Уж это я мог себе представить. Я гадал, сколько же они ему заплатили.

— Послушайте, док, — сказал я. — Я вот что хочу выяснить. Я попытался повидать Морин Кросби, но она нездорова. Я уезжаю, но прежде чем уехать, хотел бы иметь четкую картину того, что же именно произошло. Я лишь слышал, что Джэнет умерла совершенно неожиданно. Это была болезнь сердца. Что же произошло? Вы были там, когда она умерла?

— Господи, нет, — ответил он, и в его поблекших глазах снова промелькнула тревога. — Я прибыл полчаса спустя после ее смерти. Она умерла во сне. Симптомы были безошибочны. Доктор

Сэлзер сказал мне, что она страдала от этой болезни уже несколько месяцев. Он сам пользовал ее. При такой болезни ничего особенного не сделаешь, нужен отдых. Я не понимаю, почему вы задаете мне столько вопросов. — Он в надежде бросил взгляд в сторону дома — а вдруг он понадобился жене? Ан нет.

— Я лишь хочу удовлетвориться, — сказал я и снова улыбнулся. — Вы прибыли в дом, а Сэлзер уже находился там. Так?

Он кивнул, с каждой секундой тревожась все больше.

— Был ли там кто-нибудь еще?

— Мисс Кросби, младшая. Она была там.

— Морин.

— По-моему, так ее зовут.

— И Сэлзер повел вас в комнату Джэнет? Морин тоже с вами пошла?

— Да. Они оба прошли со мной в комнату. Мол… молодая женщина казалась очень расстроенной. Она плакала. — Он потрогал георгину. — Вероятно, надо было произвести вскрытие, — сказал он вдруг. — Но, уверяю вас, никакой нужды в этом не было. В злокачественном эндокардите ошибиться невозможно. И всегда следует помнить о чувствах оставшихся в живых.

— И однако через четырнадцать месяцев вы начинаете думать, что следовало бы провести вскрытие? — я придал голосу некоторую резкость.

— Строго говоря, следовало бы, поскольку ее пользовал доктор Сэлзер, а он, как он мне объяснил, доктор наук, а не медицины. Но симптомы…

— Да-да… безошибочные. Еще одно, док. Вы когда-нибудь прежде видели Джэнет Кросби? Я имею в виду, прежде чем она умерла?

Он, казалось, насторожился, гадая, не ставлю ли я ему ловушку.

— Я видел ее в машине, но не разговаривал с ней.

— И не слишком близко, чтобы заметить, есть ли у нее какие-либо признаки сердечной недостаточности?

Он заморгал.

— Не понял?

— Насколько мне представляется, она страдала этой болезнью несколько месяцев. Вы говорите, что видели ее в машине. Как давно это было — когда вы ее видели? За сколько времени до ее смерти?

— За месяц, может — за два. Не помню.

— Я что хочу сказать, — терпеливо продолжал я. — Ведь при

такой болезни у нее бы наверняка были симптомы, которые вы могли узнать, если бы видели ее перед смертью.

— Не думаю, что я их узнал бы.

— И однако симптомы такие… безошибочные?

Он облизал тонкие губы.

— Право, я не знаю, о чем вы говорите, — сказал он и попятился. — Больше я не могу уделить вам времени. Оно ценно. Должен просить вас извинить меня.

— Ничего, док, — сказал я. — Ну, спасибо. Простите, что побеспокоил. Но вы знаете, как оно бывает. Мне просто хотелось успокоиться. Эта девушка мне нравилась.

Он ничего не сказал, лишь продолжал пятиться к розарию.

— И еще всего лишь одно, док, — сказал я. — Как вышло, что доктор Сэлзер подписал свидетельство о смерти Макдоналда Кросби, когда тот случайно застрелился? Не было ли это неэтично для недипломированного знахаря?

Он посмотрел на меня, как смотрят на огромного паука, который упал вам под ноги.

— Оставьте меня, — произнес он дрожащим голосом. — Спросите у него — не тревожьте меня.

— Да, — сказал я. — Хорошая идея. Спасибо, док. Непременно спрошу.

Он повернулся и пошел по дорожке к своим розам. Со спины он казался еще старше. Я увидел, как он сорвал увядшую розу, и заметил, что рука у него дрожит. Я боялся, что испортил ему всю вторую половину дня.

Когда я вернулся к дому, маленькая птицеподобная женщина с надеждой стояла на переднем крыльце. Она притворилась, что не видит меня.

— Боюсь, я отнял у доктора слишком много времени, — сказал я, приподнимая шляпу. — Он говорит, оно для него слишком ценно. Пяти долларов хватит, чтобы возместить его?

Усталые глаза просветлели. Худое лицо осветилось.

— Вы весьма внимательны, — сказала она и украдкой глянула в сад на согбенную спину и желтую панаму.

Я сунул ей банкнот в руку. Она схватила его, как ящерица хватает муху. Мне показалось, что старик, стоявший в конце сада, ее никогда не увидит. По крайней мере хоть этой женщине я день не испортил.

Я толкнул дверь конторы и вошел. Джек Керман дремал в кресле у окна. Пола сидела за моим столом, работая над картотекой — картотекой, которая помогала нам держать руку на пульсе Орчид-Сити и подсказывала нам, кто есть кто в городе, кто

еще в городе, а кто уже выехал из него, кто на ком женился и т. д. и т. п. Хотя на карточках у нее постоянно работали четыре девушки, она настояла на том, чтобы самой заниматься ключевыми карточками.

Когда я, швырнув шляпу в Кермана, разбудил его, Пола вышла из-за стола. Керман испуганно проворчал, протер глаза и зевнул.

— Ну, и каково это — работать? — спросил он. — Или ты еще не начал?

— Я уже начал, — сказал я, сел, потянулся за сигаретой и принялся рассказывать. Сообщил все подробности, кроме интима с сиделкой Гэрни. Его я опустил, поскольку знал, что Пола отнесется к этому эпизоду неодобрительно, а Керман до того заведется, что окажется не в состоянии ясно думать. — Не так уж и много, — заключил я, — но вполне достаточно, чтобы убедить меня, что этим делом все же следует заняться. Возможно, ничего такого в нем и нет, а может, и есть. Если же есть, тогда чем меньше мы будем шуметь, тем лучше. Зачем преждевременно будоражить кого бы то ни было?

— Если этот тип в «додже» следил за тобой, тогда мне кажется, что кто-то уже взбудоражился, — подчеркнул Керман.

— Да, но мы не можем быть в этом уверены. Как знать, может, ему показалось интересным мое лицо. А может, он учился работать детективом. — Я потянулся к телефону. — Дайте мне управление полиции, — сказал я девушке на коммутаторе.

— Ты записал его номер? — спросила меня Пола, просматривая карточки в руках.

— Сейчас проверим. Соедините меня с лейтенантом Миффлином, — сказал я, когда вялый голос ответил, что это полиция. В телефонной трубке что-то щелкнуло, затем хриплый голос Миффлина спросил:

— Алло?

Тим Миффлин был хорошим крепким детективом, и мы частенько работали вместе. Я помогал ему чем мог, а он мне чем мог. Он питал большое уважение к моим советам, когда ставил на лошадок, и, следуя советам, скопил кое-какие деньги.

— Это Мэллой, — сказал я. — Как поживаешь, Тим?

— Как будто тебе не все равно? — отрезал он. — Мое здоровье никогда тебя не интересовало и не будет интересовать. Что тебе нужно на этот раз?

— За кем значится оливково-зеленый «додж» под номером ОР 3345?

— То, как ты используешь управление ради собственной выгоды, просто убивает меня, — сказал Миффлин. — Если

Брэндон когда-либо узнает, что я для тебя делаю, он меня выгонит.

— Ну, я ему не скажу, так что это твое дело, — произнес я и улыбнулся. — И еще одно. Раз уж мы заговорили о финансовой выгоде, для разнообразия надень завтра свою рубашку на Кислицу. Внакладе не останешься. Завтра, в четыре тридцать.

— Ты действительно имеешь в виду мою рубашку?

— Скажем, что да. Продай дом, заложи жену, залезь в сейф к Брэндону. Вот такой верняк. За два получишь шесть. Единственное, что остановит эту лошадку, это если кто-то ее застрелит.

— Может, кто и застрелит, — сказал Миффлин — осторожности ему было не занимать. — Ну, если ты так считаешь…

— Вернее этой ставки у тебя никогда не было. Так как насчет этого номера?

— Конечно, конечно. Не клади трубку. Через десять секунд я тебе сообщу.

Пока я ждал, увидел, что Джек Керман деловито накручивает диск другого аппарата.

— Что это ты такое делаешь? — спросил я.

— Звоню своему букмекеру. Этот Кислица вроде бы ничего.

— Забудь о нем. Я всего лишь сообщаю ему то, что кто-то сказал мне. Для фараона это довольно надежный совет. Но не для друга.

Керман положил трубку, как будто она его укусила.

— А что если он продаст дом и заложит жену? Ты знаешь, каков он в этих делах?

— А ты видел его дом и жену? Ну, зато я видел. Он еще мне спасибо скажет. — В трубке послышался голос Миффлина, и я сказал: — Ну, что ты откопал?

— Ты сказал, ОР 3345?

— Да.

— Машина зарегистрирована на имя Джонатана Сэлзера. Санаторий, бульвар Футхилл. Ты это хотел узнать?

Я постарался скрыть возбуждение в голосе.

— Вероятно. Кто этот Сэлзер? Ты что-нибудь о нем знаешь?

— Не так уж и много. У него психушка. Если у тебя болит живот, он накачает тебя фруктовыми соками и позволит тебе бродить. Он неплохо живет.

— Никаких темных сделок?

— Скажешь тоже! Ему это надо? Он и так гребет деньги лопатой.

— Ну, спасибо, Тим.

— Ты уверен насчет этой лошадки?

— Разумеется, уверен, — сказал я и подмигнул Керману. — Сними последнюю рубашку и поставь на нее.

— Ну, долларов пять я наскребу, но не больше.

Я положил трубку.

— Пять долларов! Тоже мне, игрок!

— Машина Сэлзера, да? — спросил Керман.

Я кивнул.

— Возможно, мы действительно обнаружили свои намерения. — Я посмотрел на Полу. — У тебя есть что-нибудь на Сэлзера?

— Сейчас посмотрю. — Она положила передо мной карточку. — Возможно, это тебя заинтересует. Это и вся информация, что у нас есть о Джэнет Кросби.

Я стал читать, а она прошла в каталог.

— Танцы, теннис и гольф, — сказал я, глядя на Кермана. — Непохоже на человека с больным сердцем. Близкие друзья — Джоан Парметта и Даглас Шеррилл. Пару лет назад она была помолвлена с Шерриллом, но разорвала помолвку. Причина не называется. И вообще, кто этот Шеррилл?

— Сроду о нем не слыхал. Разузнать?

— Было бы неплохо, если бы ты повидался с этой Парметтой и с Шерриллом. Скажешь им, что дружил с Джэнет, когда она жила в Сан-Франциско. Придется тебе поработать над легендой, чтобы они не поймали тебя на чем-нибудь. Всю информацию тебе выдаст Пола. Меня интересует, Джек, что они скажут о ее болезни. Может, у нее и впрямь была дохлая тикалка, но если нет, тогда нам действительно есть чем заняться.

— О'кей, — сказал Керман.

Вошла Пола.

— Ничего особенного, — сказала она. — Сэлзер открыл санаторий в 1940 году. Местечко для богатых. Двести долларов в неделю.

— Неплохой доход, — с завистью сказал я.

— Некоторые люди, видать, с ума посходили. Только представьте себе — отстегивать такие бабки за стакан фруктового сока, — в ужасе сказал Керман. — Вот бы нам такое дельце.

— И это все?

— Женат. Бегло говорит по-немецки и по-французски. Имеет ученую степень доктора наук. Никаких увлечений. Детей нет. Возраст пятьдесят три года, — сказала Пола, зачитывая с карточки. — Это и все, Вик.

— О'кей, — сказал я, вставая. — Помоги Джеку, ладно? Ему нужны сведения об этих Парметте и Шеррилле. Я спущусь вниз и

перемолвлюсь словечком с матушкой Бендикс. Мне надо навести справки о прислуге в доме Кросби. Дворецкий показался мне подозрительным. Возможно, это она нашла ему эту работу.

С первого взгляда — впрочем, даже и со второго — миссис Марту Бендикс, директора агентства «Бендикс Доместик», можно легко было принять за мужчину. Крупная и широкоплечая, она коротко стриглась и носила твидовый мужской пиджак и рубашку с галстуком. И только когда она уже вставала и выходила из-за стола, вашему удивленному взору представали твидовая юбка, шелковые чулки и тяжелые грубые башмаки. Она была весьма добросердечная, и если вы неосторожно подходили к ней слишком близко, она сильно хлопала вас по спине — привычка, что поделаешь, — отчего в последующие два-три часа вам бывало дурно. К тому же смеялась она удивительно громко, как будто стреляли из двенадцатикалиберного дробовика, и если вы не были к этому подготовлены, то прямо подпрыгивали, когда она разражалась этим своим смехом. Женщина, с которой я бы не хотел жить, однако добрейшая душа, совершенно не жадная, когда речь заходила о деньгах, и больше интересующаяся нервными хрупкими блондинками, нежели здоровыми детинами вроде меня.

Робкая кроликоликая девушка, которая провела меня в кремово-зеленый кабинет миссис Бендикс, держалась от меня подальше, как будто я был исполнен дурных намерений, зато одарила миссис Бендикс застенчивой улыбочкой, которая могла что-то значить, а могла и не значить ничего, это уж в зависимости от склада вашего ума.

— Входите, Вик, — громко сказала миссис Бендикс из-за заваленного бумагами стола. — Присаживайтесь. Уж сколько дней вас не видела. Куда это вы запропастились? Чем занимались?

— Да так, кое-чем, — ответил я. — Боролся с нищетой. Мне нужна ваша помощь, Марта. Вы вели какие-нибудь дела с Кросби?

— Да уж давненько никаких не веду, — она наклонилась, вытащила бутылку шотландского, две рюмки и с полдюжины кофейных зерен. — По-быстрому, — продолжала она. — Не хочу шокировать Мэри. Она не одобряет, когда пьют в рабочее время.

— Та Мэри, что с кроличьими зубами?

— Ее зубы пусть вас не волнуют. Она вас ими не укусит. — Она протянула мне полрюмки и три кофейных зерна. — Вы имеете в виду Кросби с бульвара Футхилл?

Я ответил, что имею в виду Кросби с бульвара Футхилл.

— Я делала для них одну работенку, но и все. Лет шесть

назад. Тогда я им поставила всю их прислугу. После смерти Джэнет Кросби они уволили всех прежних слуг и взяли новых. Ко мне они не обращались.

Я попробовал виски. Оно было какое-то гладкое и шелковистое, в нем чувствовалась большая сила.

— Вы хотите сказать, они всех поувольняли?

— Об этом я вам и толкую.

— И куда они подевались?

— Я устроила их в другом месте.

Я переварил эту информацию.

— Послушайте, Марта, строго между нами, я пытаюсь разузнать всю подноготную о смерти Джэнет. У меня есть одна догадка, которую, возможно, стоит развивать, а возможно, и не стоит. Я не совсем убежден, что она умерла от сердечной недостаточности. Я хотел бы побеседовать на эту тему с кем-нибудь из старой прислуги. Возможно, они что-то видели. Скажем, дворецкий. Кто им был?

— Джон Стивенс, — немного подумав, сказала миссис Бендикс. Она допила виски, бросила в рот три кофейных зерна, убрала с глаз свою рюмку и бутылку и нажала большим пальцем на кнопку звонка на столе.

Кроликоликая девушка робко вошла.

— Где теперь работает Джон Стивенс, милочка?

Кроликоликая девушка сказала, что сейчас узнает. Минуты через две она вернулась и доложила, что Стивенс служит у Грегори Уэйнрайта, в Хиллсайде, на Джефферсон-авеню.

— А личная служанка Джэнет? — спросил я. — Где она теперь?

Миссис Бендикс махнула кроликоликой, чтобы та уходила, а потом сказала:

— Эта сучка? Она больше не работает, и я бы не дала ей работу, даже если бы она на коленях меня умоляла.

— А что с ней такое? — спросил я, с надеждой подталкивая пустую рюмку вперед. — Будем друзьями, Марта. Какой прок от одной рюмки для таких здоровых, крепких ребят, как мы с вами?

Миссис Бендикс хихикнула, снова извлекла бутылку и налила.

— Так что с ней такое? — повторил я, когда мы выпили за здоровье друг друга.

— Она ни на что не годна, — сказала миссис Бендикс и нахмурилась. — Ленивая бездельница, черт бы ее побрал.

— Мы ничего не перепутали, а? Я говорю о личной служанке Джэнет Кросби.

— Я тоже, — сказала миссис Бендикс и скормила себе еще

три зерна кофе. — Юдора Дрю. Так ее зовут. Чокнулась она, что ли? Мне нужна была хорошая личная служанка для миссис Рэндолф Плейфэр. Я не посчитала за труд связаться с Дрю и сообщить ей, что могу ее устроить. А она мне ответила, чтобы катилась в помойную яму. Ничего себе разговор, правда? Она заявила мне, что вообще больше не намерена работать и что если одна помойная яма меня не удержит, то любой выкопает для меня другую, если только я скажу, для чего именно. — Миссис Бендикс мрачно размышляла над этим оскорблением. — А когда-то я считала ее хорошей, умной девушкой. Это еще раз доказывает, что нельзя им особенно доверять, правда? Готова спорить, что ее содержит какой-то мужчина. У нее бунгало в Корал Гейблз, и она довольно-таки шикует.

— Где именно в Корал Гейблз?

— На Маун-Верде-авеню. Она вас заинтересовала?

— Как знать? Что произошло с остальной прислугой?

— Я всех их устроила. Могу дать вам адреса, если хотите.

Я допил виски.

— Они могут мне понадобиться. Я дам вам знать. Когда после смерти Джэнет уволили эту девицу Дрю?

— На следующий день. Всех уволили до похорон.

Я сжевал кофейное зерно.

— А причину какую-нибудь назвали?

— Морин Кросби на пару месяцев уехала. Дом заперли.

— Не принято увольнять слуг, когда уезжаешь на пару месяцев, правда?

— Разумеется, не принято.

— Расскажите мне еще что-нибудь об этой девице Дрю.

— Какой вы любопытный, — сказала миссис Бендикс и вздохнула. — Подайте мне вашу рюмку, если больше не хотите.

Я сказал, что больше не хочу, и она убрала виски и обе рюмки. Затем снова нажала на кнопку звонка.

Кроликоликая девушка вошла и одарила ее еще одной застенчивой улыбкой.

— Отыщи карточку Юдоры Дрю, золотко, — сказала миссис Бендикс. — Я хочу взглянуть на нее.

Вскоре кроликоликая девушка вернулась с карточкой и протянула ее миссис Бендикс, как подобострастная девочка-подросток могла бы преподнести Фрэнку Синатре букет цветов.

Когда она ушла, миссис Бендикс сказала:

— Не знаю, это ли вам нужно. Возраст — двадцать восемь лет. Домашний адрес — 2243 Келси-стрит, Кармел. Три года прослужила у миссис Фрэнклин Лэмберт. Отличные рекомендации. Личная служанка Джэнет Кросби с июля 1943

года. Вам это нужно?

Я пожал плечами.

— Как знать? Пожалуй, я съезжу и потолкую с ней. С чего это вы взяли, что она живет с каким-то мужчиной?

— А откуда же тогда у нее деньги? Она не работает. Тут либо мужчина, либо множество мужчин.

— Джэнет Кросби могла оставить ей завещание.

Миссис Бендикс подняла кустистые брови.

— Я об этом не подумала. Могла, конечно. Да, как знать, может, здесь-то и кроется отгадка.

— Ну, о'кей, — сказал я, вставая. — Спасибо за выпивку. Заходите и к нам как-нибудь для разнообразия. У нас тоже есть что выпить.

— Только не я, — твердо сказала миссис Бендикс. — Эта девица Бенсинджер осуждает меня. Я вижу это по ее глазам.

Я расплылся в улыбке.

— Она и меня осуждает. Но я не позволю, чтобы это меня волновало. И вас не должно волновать.

— И не волнует. Только не обманывайтесь, Вик. Эта девушка влюблена в вас.

Я подумал, потом покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Ни в кого она не влюблена. Она не из тех, кто влюбляется.

Миссис Бендикс сложила губы трубочкой и издала громкий грубый звук.

Корал Гейблз — это окраина Орчид-Сити, городок из хижин и лачуг, который вырос вокруг гавани. Там промышляют ловлей рыбы, губок и черепах, там же занимаются своим промыслом и всевозможные темные личности. Над гаванью господствует бар Дельмоникс, самый крутой кабак на всем побережье, где три-четыре драки за вечер — обычное явление и где женщины зачастую оказываются круче мужчин.

Маун-Верде-авеню лежит за Коралл Гейблз и представляет собой ничем не примечательную дорогу, по обеим сторонам которой стоят похожие на хижины дома, все более или менее на один манер. Как район он, возможно, чуть повыше Корал Гейблз, но это еще ни о чем не говорит. Большей частью в этих домах-хижинах живут профессиональные игроки, девицы легкого поведения, крикливо разодетые крутые парни, которые слоняются без дела днем и проворачивают свои темные делишки после наступления темноты. Единственный двухэтажный дом на этой дороге принадлежит Джо Бетилло, поставщику похоронных принадлежностей и бальзамировщику, специалисту по абортам,

ножевым и пулевым ранениям.

Я проехал в своем «бьюике» до хижины Юдоры Дрю. Бело-голубая деревянная пятикомнатная хижина с садом, состоявшим из довольно большой лужайки и двух усталых с виду гортензий в кадках по обеим сторонам от входной двери.

Я переступил через низкую деревянную калитку и постучал небольшим медным молотком, который уже много месяцев не чистили.

Секунд десять никто не отвечал, затем дверь резко распахнулась. Плотная молодая женщина в серо-зеленых свободных брюках и белой шелковой блузке, с высокой прической подозрительно оглядела меня слегка налитыми кровью глазами. Вряд ли ее можно было назвать красавицей, но в ней была какая-то животная чувственность, заставлявшая, вероятно, многих мужчин оборачиваться, чтобы еще раз посмотреть на нее.

Я еще и рта не успел раскрыть, как она сказала:

— Если вы что-нибудь продаете, лучше поберегите свои силы. — Голос у нее оказался чуть музыкальнее консервной банки, которую бросают с лестницы. — Я никогда не покупаю у порога.

— Вам следовало бы написать это на калитке, — бодро сказал я, — сколько бы времени сберегли! Вы мисс Дрю?

— А вам-то что, кто я?

— У меня дело к мисс Дрю, — терпеливо сказал я. — Важное дело.

— Кто вы?

— Меня зовут Вик Мэллой. Я старый друг Джэнет Кросби.

Никакой особой реакции не последовало, лишь на верхней губе у нее дернулся мускул.

— Ну и что?

— Так вы мисс Дрю или нет?

— Да. Что вам от меня надо?

— Я надеялся, вы сможете мне помочь, — сказал я, опираясь рукой о стену. — Дело в том, что смерть мисс Кросби вызывает у меня некоторые сомнения.

На сей раз в ее глазах появилась подозрительность.

— Откапываете древнюю историю, а? Она уж когда умерла. Во всяком случае, я об этом ничего не знаю.

— Вы были там, когда она умерла?

Она взялась за дверь и потянула на себя.

— Говорю вам, я ничего об этом не знаю, и у меня нет времени на то, что меня не касается.

Я всматривался в суровое подозрительное лицо.

— Мисс Дрю, угадайте, что почти не шумит, но может быть

слышно за целую милю? — спросил я и многозначительно ей улыбнулся.

— Вы что, чокнутый или как?

— Некоторые люди могут слышать этот звук за две мили. Догадались?

Она нетерпеливо повела своими плотными плечами.

— О'кей, сдаюсь. Так что же?

— Стодолларовая банкнота, сложенная вдвое и сунутая между большим и указательным пальцами.

Угрюмое выражение сошло с ее лица, глаза открылись пошире.

— Неужто у меня такой вид, что мне нужны сто долларов? — с презрением спросила она.

— Сто долларов не помешали бы и Пирпойнту Моргану, — сказал я. — К тому же я мог бы и поднять стартовую цену, если у вас можно купить что-нибудь стоящее.

Я увидел, как заработали шарики у нее в голове. По крайней мере теперь мы уже говорили на одном языке. Она уставилась куда-то мимо меня, на мир долларовых знаков и тайн. Потом вдруг улыбнулась полуулыбкой, полуусмешкой, адресованной не мне, а какой-то мысли, пришедшей ей в голову.

— А с чего это вы взяли, что в ее смерти что-то не так? — спросила она вдруг, и ее взгляд снова переместился на меня.

— Я не сказал, что там что-то не так. Я лишь сказал, что у меня сомнения. Пока я не побеседую с людьми, которые были при ней, когда она умерла, у меня нет определенного мнения на этот счет. Вы не заметили, жаловалась ли она на сердце?

— Это было так давно, мистер, — сказала она и усмехнулась. — У меня паршивая память на такие вещи. А вот если бы вы заглянули ко мне снова часиков в девять вечера, у меня было бы время кое-что вспомнить. Только не приходите ко мне с сотней долларов. Я уже большая девочка, и у меня большие цели.

— Насколько большие? — вежливо поинтересовался я.

— Больше похожие на пять. Ради пяти, может, и стоило тряхнуть памятью, но никак не меньше.

Я сделал вид, что рассматриваю это предложение.

— Сегодня вечером в девять? — спросил я.

— Примерно.

— Я не хотел бы тратить такие деньги, не будучи уверенным, что ваша информация окажется ценной для меня.

— Если уж я заставлю свою память работать, — сказала она, — можете не сомневаться, что информация будет ценная.

— Значит, до девяти?

— Не забудьте прихватить деньги, мистер. Наличными.

— Само собой. Будем надеяться, что это начало красивой дружбы.

Она одарила меня долгим задумчивым взглядом и закрыла дверь перед моим носом. Я проследовал обратно по дорожке, перелез через калитку и сел в «бьюик».

Почему в девять? — гадал я, нажимая на педаль стартера. Почему не сразу? Разумеется, тут все дело в деньгах, но ведь она не могла знать, что я пришел без этой суммы. Она даже не спросила. Это была умная баба, тертый, что называется, калач, баба, которая все знала наперед и у которой два плюс два могли дать в сумме пять. Я погнал «бьюик» по дороге, и уже после первых нескольких сот ярдов стрелка спидометра задрожала на отметке «70». В конце дороги, сворачивая на Бич-роуд, я резко нажал на тормоза, отчего у пожилого джентльмена, собиравшегося пересечь улицу, появилось, вероятно, сразу три разных сердечных заболевания. Кое-как выйдя из юза, я покатил дальше, пока не увидел драгстор. Я подъехал к бордюру, одним махом пересек тротуар и, вбежав в магазин, заскочил в телефонную будку.

Пола сняла трубку после второго звонка.

— «Универсальные услуги», — сказала она своим ласковым, вежливым голосом. — Добрый вечер.

— А это ваш старый дружок Вик Мэллой звонит из драгстора в Корал Гейблз. Вскакивай в свою машину, ясноглазка, и дуй сюда. Мы с тобой будем держаться за руки и влюбляться друг в друга. Как тебе эта перспектива?

Последовала пауза. Я бы дорого дал, только бы увидеть выражение ее лица в этот момент.

— В каком именно ты месте? — спросила она таким обыкновенным голосом, будто я поинтересовался у нее, который час.

— На Бич-роуд. Приезжай как можно скорее, — сказал я и повесил трубку.

Оставив «бьюик» у драгстора, я дошел до угла Бич-роуд, откуда мог наблюдать за хижиной Юдоры Дрю. Прислонившись к фонарному столбу, я не отрывал глаз от калитки ее дома.

Девять часов. Ждать еще предстояло три часа, и я жалел, что не попросил Полу прихватить виски и сандвичей, чтобы помочь скоротать время.

Следующие двадцать минут я стоял у столба, как приклеенный, и не отрывал глаз от хижины. Туда никто не входил, и оттуда никто не выходил. Из других хижин появилось несколько грубоватых с виду типов, они либо уходили, либо

уезжали. Из хижины по соседству с Юдорой вышли три девушки, все блондинки, все с крикливыми голосами и направились по дороге в мою сторону, вихляя бедрами и придирчиво оглядывая всех мужчин. Продефилировав мимо, они все смотрели в мою сторону, но я не отрывал взгляда от хижины.

Ничего себе местечко, подумал я. Не та это дорожка, по которой бы пошла кроликоликая подружка миссис Бендикс.

С Принсесс-стрит выехала небольшая симпатичная двухместная машина Полы и направилась ко мне. Она остановилась, дверца отворилась. В своем сером с мелким рисунком костюме Пола казалась очень элегантной и несколько холодной. Она была без шляпы, карие глаза вопрошающе смотрели на меня.

— Куда прикажете? — спросила она, когда я устроился рядом с ней.

— Поезжай тихонечко и остановись на повороте. Дом Юдоры — вон та бело-синяя мерзость справа — сказал я, а когда машина тронулась, быстро ввел Полу в курс дела. — Мне представляется, она хочет с кем-то связаться, — заключил я. — Я могу и ошибиться, но все же считаю, что пару часиков за ней следует понаблюдать. Единственная возможность для нас наблюдать за домом, не привлекая к себе внимания соседей, — это разыграть влюбленную парочку. Такое здесь запросто поймут.

— Жаль, что тебе пришлось остановить свой выбор на мне, — холодно сказала Пола.

— Ну, не мог же я пригласить Кермана, — несколько задетый, ответил я. — Позволь сказать тебе, что некоторые девушки с радостью бы ухватились за такую возможность.

— У некоторых девушек странные вкусы, — сказала она, останавливаясь на повороте. — Здесь?

— Да. А теперь, ради Христа, расслабься. Тебе вроде как полагается получать от этого удовольствие. — Я обнял ее за шею, она прижалась ко мне и задумчиво уставилась вдоль дороги на хижину. С таким же успехом я мог бы обнимать манекен. — Ты не могла бы проявить хоть какие-то чувства? — И я попытался укусить ее за ушко.

— Возможно, это и действует на других твоих подружек, — ледяным голосом сказала она, отстраняясь от меня, — но только не на меня. Открой «бардачок», там виски и пара сандвичей. Все будет тебе занятие.

Я снял руку с ее шеи и полез в «бардачок».

— Ты такая предусмотрительная, — сказал я, принимаясь жевать. — Это единственное в мире, что не даст мне зацеловать тебя.

— А почему же, ты думаешь, я прихватила это с собой?

Я уминал уже второй сандвич, когда по дороге с ревом пронесся оливково-зеленый «додж». Я сразу же понял, что это тот самый оливково-зеленый лимузин и что ведет его тот же самый громила-головорез.

Я опустился на сиденье пониже, чтобы меня не было видно.

— Тот самый тип, что следил за мной, — бросил я Поле. — Поглядывай, куда он поедет.

— Он остановился у дома Юдоры и выходит из машины, — сказала мне Пола.

Я осторожно приподнял голову, пока мои глаза не оказались вровень с ветровым стеклом. «Додж», как и сказала Пола, остановился у бело-синей хижины. Громила вылез и с такой силой хлопнул дверцей, что машина чуть не перевернулась набок, потом затопал по дорожке к парадной. Он не постучал, а просто повернул ручку и вошел: мужчина, который спешит.

— А это, ясноглазка, называется догадка, — сказал я Поле. — Я думал, она либо выйдет, либо позвонит по телефону. Ну, она позвонила. Громила прибыл держать совет. Безусловно, все говорит о том, что я обнаружил свои намерения. Теперь произойдет нечто интересное.

— Что ты будешь делать, когда он уедет?

— Зайду к ней и скажу, что не сумел раздобыть пять сотен. А потом посмотрим, как она сыграет.

Я доел сандвич и как раз принялся за виски, когда входная дверь хижины отворилась, и громила вышел. Судя по часам на приборной панели, он пробыл внутри дома одиннадцать с половиной минут. Он поглядел по сторонам, покосился на запаркованную машину Полы, но был слишком далеко, чтобы разглядеть, кто сидит в ней, вальяжно прошел по дорожке, перемахнул через калитку, влез в лимузин и спокойно уехал.

— Ну, пробыл он там недолго, — сказал я. — Если бы все вели свои дела так же быстро, работы выполнялось бы гораздо больше. Ну, золотко, мы можем и нанести визит. По крайней мере можешь подвезти меня, а сама подождать в машине. Мне бы хотелось, чтобы она нервничала.

Пола завела машину и подъехала к калитке сине-белой хижины. Я вылез.

— Возможно, ты услышишь крики, — сказал я. — А возможно, и не услышишь. Если все же услышишь, ничего особенного не думай. Считай, что просто я произвел на Юдору впечатление.

— Надеюсь, она стукнет тебя по голове утюгом.

— Возможно, Она непредсказуемая женщина. Мне такие

нравятся.

Я перелез через калитку и прошел по дорожке к парадной. Постучал и подождал, тихонько насвистывая себе под нос. Дом притих, как мышка, наблюдающая за кошкой.

Я постучал снова, вспомнил, как громила посмотрел по сторонам, и это его действие показалось мне вдруг зловещим. Я тронул дверь, но она оказалась запертой. Теперь настала моя очередь посмотреть в оба конца дороги. Кроме Полы с машиной, она была пустынна, как лицо старика, у которого кончился табак, а денег нет. Я поднял молоток и стукнул им три раза, произведя довольно большой шум. Пола, неодобрительно нахмурившись, выглянула из окна машины.

Я подождал, однако и на этот раз ничего не последовало. Мышка по-прежнему наблюдала за кошкой. В доме царила тишина.

— Поезжай на Бич-роуд, — велел я Поле. — Жди меня там.

Она завела двигатель и, даже не взглянув на меня, отъехала. Вот что мне очень импонирует в Поле. Она моментально чувствует экстремальную ситуацию и повинуется приказам без лишних вопросов.

И снова я посмотрел в оба конца дороги, гадая, а не подглядывает ли кто за мной из-за занавесок других домов в пределах видимости. Без этого риска было не обойтись. Я обошел дом сзади. Дверь с черного хода была открытой, и я, проникнув в дом, заглянул в маленькую кухню, какую ожидаешь найти у такой девушки, как Юдора Дрю. Посуду она, вероятно, мыла раз в месяц. Повсюду — в раковине, на столе, на стульях и на полу — стояли грязные кастрюли, тарелки и стаканы. Мусорное ведро до отказа было набито бутылками из-под джина и виски. Из раковины мне мерзко улыбалась сковорода, полная подгоревшего жира и зеленых мух. В воздухе висел тонко смешанный запах гнили, грязи и прокисшего молока. Я бы не хотел так жить, но ведь у каждого свой вкус.

Пройдя кухню, я открыл дверь и оказался в небольшом неприбранном холле, куда выходили две двери, — очевидно, из гостиной и столовой. Мягко ступая, подошел к правой от меня двери и, заглянув в комнату, снова увидел пыль, грязь, беспорядок. Юдоры там не оказалось, как не оказалось ее и в столовой. Оставались верхние комнаты. Я тихонько поднялся по лестнице, гадая, уж не принимает ли она ванну, и по этой причине и не ответила на мой звонок, но решил, что это маловероятно. Она была не из тех, кто вдруг решит принять ванну.

Нашел я ее в первой же спальне — громила потрудился на

славу. Широко раскинув ноги, она лежала поперек смятой кровати. Блузка была сорвана со спины, на шее затянут сине-красный шарф — вероятно, ее же. Глаза с ненавистью смотрели с посиневшего до черноты лица, язык лежал в небольшой лужице пены. Зрелище было не из приятных, да и умерла она тяжелой смертью.

Я отвел от нее взгляд и осмотрел комнату. Ничего не потревожено. Она была такая же неряшливая и пыльная, как и другие комнаты, и отдавала застоявшимися духами.

Я тихонько отступил к двери, не взглянув больше на кровать, и вышел в коридор. Я старался ни к чему не прикасаться, а спускаясь вниз, протер перила лестницы носовым платком. Потом снова пересек вонючую кухню, распахнул дверь с сеткой, которая на жарком бризе сама захлопнулась у меня за спиной, прошел по садовой дорожке и не спеша направился туда, где поджидала меня Пола.

Глава вторая

Вызверившись на меня, начальник полиции Брэндон сидел за своим столом. Этому невысокому, склонному к полноте мужчине с копной белых, как свежевыпавший снег, волос и глазами столь же жесткими, недружелюбными и невыразительными, как пробки от пива, было уже под шестьдесят.

Из нас получился интересный квартет. На заднем плане сидела Пола, казавшаяся холодной и совершенно безмятежной. Прислонившись к стене, неподвижный, задумчивый, спокойный, как вздремнувший столетний старик, стоял Тим Миффлин. В кресле для почетных гостей перед столом восседал я, а за столом, разумеется, сидел сам начальник полиции Брэндон.

Комната была большая, просторная, хорошо обставленная. На полу лежал красивый турецкий ковер и стояло несколько кресел, на стенах висели три репродукции Ван Гога из сцен сельской жизни. Большой письменный стол помещался между двумя окнами, выходившими на деловую часть города.

Я бывал в этой комнате и раньше, и моя память все еще хранила неприятные моменты, которые там происходили. Я нравился Брэндону не больше, чем Хиросиме понравилась атомная бомба, и я снова ждал неприятностей.

Беседа началась не очень хорошо, и улучшения что-то не предвиделось. Брэндон уже вертел в руках сигару: верный признак его неудовольствия.

— Ну что ж, — сказал он тонким усталым голосом, — давайте еще раз начнем с самого начала. Вы получили это письмо… — Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на письмо Джэнет Кросби, как будто от него можно было заразиться проказой. Он старался его не касаться. — Датированное пятнадцатым мая 1948 года.

Ну, это хотя бы доказательство, что он умеет читать. Я ничего не сказал.

— К этому письму были приложены пять стодолларовых банкнотов. Верно?

— Проверьте, — сказал я.

— Вы получили письмо шестнадцатого мая, но положили его, не вскрывая, в карман плаща и начисто о нем забыли Письмо обнаружилось, только когда вы отдали плащ. Верно?

— Проверьте.

Он покосился на сигару и поднес ее к своему плоскому носу.

— Ничего себе манера вести дела.

— Такое случается, — кратко возразил я. — Я помню, во

время суда над Тетци, полиция положила куда-то…

— Суд над Тетци пусть вас не волнует, — сказал Брэндон голосом, которым можно было бы резать ветчину. — Мы говорим об этом письме. Вы поехали в поместье Кросби с мыслью повидать мисс Морин Кросби. Верно?

— Да, — сказал я, несколько устав от всего этого.

— Но вы не увидели ее, поскольку она нездорова, и тогда вы решили влезть в это дело поглубже и нанести визит личной служанке мисс Джэнет Кросби. Верно?

— Если вы предпочитаете выразить это подобным образом, я не возражаю.

— Это так или не так?

— Ну, разумеется.

— Эта женщина, Дрю, заявила, что, прежде чем она заговорит, ей нужно пятьсот долларов. Это ваша версия, и меня на ней не купишь. Вы наблюдали за домом, и через некоторое время к нему подъехал оливково-зеленый «додж» и в дом вошел здоровенный детина. Он оставался там около десяти минут, после чего уехал. Тогда вы вошли в дом и нашли ее мертвой. Верно?

Я кивнул.

Он снял обертку с сигары, потянулся за спичкой, а сам не спускал с меня глаз цвета пивной пробки.

— Вы утверждаете, что этот «додж» принадлежит доктору Сэлзеру, — сказал он и чиркнул спичкой по подметке туфли.

— Так говорит Миффлин. Я попросил его проверить регистрационный номер.

Брэндон перевел взгляд на Миффлина, который уставился пустым взором на противоположную стену.

— Через полчаса после того, как Мэллой позвонил вам и спросил, кому принадлежит эта машина, вы получили сообщение от доктора Сэлзера, что машину украли. Так, нет?

— Да, сэр, — глухо ответил Миффлин.

Глаза Брэндона повернулись в мою сторону.

— Вы это слышали?

— Разумеется.

— Хорошо. — Брэндон приложил горящую спичку к сигаре и затянулся. — Поскольку вы все понимаете и поскольку вам не лезут в голову всевозможные бредовые идеи относительно доктора Сэлзера. Вы, возможно, этого и не знаете, но доктор Сэлзер весьма видный и уважаемый гражданин нашего города, и я не допущу, чтобы вы и вам подобные докучали ему. Вы это понимаете?

Я задумчиво потянул себя за нос. Это оказалось для меня неожиданностью.

— Разумеется, — сказал я.

Он пустил дым через стол мне в лицо.

— Вы мне не нравитесь, Мэллой, как не нравится и ваша паршивая организация. Возможно, от нее и есть какая-то польза, но я в этом сомневаюсь. Я просто уверен, что вы смутьян. Несколько месяцев назад вы порядком намутили с делом Серфа, и не будь вы такой шустрый, вы бы и сами попали в беду. Мисс Джэнет Кросби умерла. — Он подался вперед и еще раз посмотрел на письмо. — Род Кросби был и остается весьма богатым и влиятельным, и я вас не поддерживаю, когда вы пытаетесь навлечь на него беду. У вас нет никаких законных прав на эти пятьсот долларов, которые мисс Кросби послала вам. Их следует немедленно вернуть опекунскому совету — немедленно. И оставьте в покое мисс Морин Кросби. Если у нее неприятности с каким-то шантажистом — в чем я сомневаюсь, — она, если ей понадобится помощь, обратится ко мне. Вас это дело совершенно не касается, и если я обнаружу, что вы ей докучаете, я предприму шаги, чтобы упрятать вас туда, где вы уже долго никого не побеспокоите. Вы понимаете?

— Начинаю понимать, — ответил я и, подавшись вперед, спросил: — Сколько Сэлзер вносит в спортивный фонд, Брэндон?

Толстое бело-розовое лицо побагровело. Глаза цвета пивной пробки полыхнули огнем.

— Предупреждаю вас, Мэллой! — сказал он с угрозой в голосе. — Мои ребята знают, как управляться с такими подонками, как вы. Как-нибудь вечерком вас затащат в темный переулок и как следует отделают. Оставьте в покое семью Кросби и оставьте в покое Сэлзера. А сейчас — убирайтесь!

Я встал.

— А сколько поместье Кросби вносит в ваш фонд благосостояния, Брэндон? — спросил я. — Сколько старик Кросби сунул вам, чтобы замять это дело два года назад, когда Морин сбила человека и он умер? Видный и уважаемый! Не смешите меня! Сэлзер такой же видный и выдающийся, как вышибала в баре Дельмонико. Как вышло, что он подписал свидетельство о смерти Макдоналда Кросби, если у него даже нет диплома врача?

— Убирайтесь! — очень спокойно сказал Брэндон.

Мы неотрывно смотрели друг на друга секунды, наверное, четыре, затем я пожал плечами, повернулся и направился к двери.

— Идем, Пола, давай выбираться отсюда, пока не задохнулись, — сказал я и рывком распахнул дверь. — Запомни эту маленькую остроту насчет того, чтобы прищучить меня в темном переулке. Притянуть начальника полиции к суду за оскорбление действием даже интереснее, чем любого другого.

Я пошлепал по длинному коридору вслед за Полой. У нас за спиной, ступая по полу, как человек в подбитых железом ботинках ступает по яйцам, шел Миффлин.

Он догнал нас в конце коридора.

— Погоди минутку, — сказал он. — Зайдем сюда, — и открыл дверь своего кабинета.

Мы вошли, потому как Миффлин нравился нам обоим, к тому же он был слишком полезен, чтобы ругаться еще и с ним.

Он затворил дверь и прислонился к ней спиной. Раскрасневшееся, будто натертое наждаком лицо было встревоженным.

— Мило же ты побеседовал с Брэндоном, — с горечью сказал он. — Ты спятил, Вик. Ты не хуже меня знаешь, что так ничего не добьешься.

— Знаю, — ответил я, — но эта крыса вывела меня из себя.

— Мне бы следовало предупредить тебя, да вот не успел. Но ты должен знать, что Брэндон терпеть тебя не может.

— И это я знаю. Но что я мог сделать? Я должен был рассказать ему всю историю. А кто ему Сэлзер?

Миффлин пожал плечами.

— Сэлзер хороший друг полиции. Разумеется, мне известно, что в своем санатории он творит темные дела, но в этом нет ничего противозаконного. — Понизив голос, он продолжал: — Откуда ж, ты думаешь, у Брэндона «кадиллак»? На такую штуковину денег начальника полиции не хвалит. И еще одно: Морин Кросби оплачивает учебу сына Брэндона в колледже и счета доктора миссис Брэндон. Ты набросился на двух патронов Брэндона.

— Я догадывался, что за всем этим кроется нечто подобное, иначе бы Брэндон не пришел в такую ярость, — сказал я. — Слушай, Тим, а Сэлзер действительно звонил о пропаже машины?

— Да, я сам с ним разговаривал.

— Что вы намерены делать насчет этого убийцы? Или вообще ничего?

— Господи, что за вопрос. Мы найдем его. Я знаю, о чем ты думаешь, Вик, только ты ошибаешься. Сэлзер слишком хитер, чтобы оказаться замешанным в убийстве. Его ты можешь вычеркнуть.

— Ну что ж, ладно.

— И берегись. То, что Брэндон сказал насчет темного переулка, не выдумка. Ты не первый и не последний, кому надавали по ушам только потому, что он не нравится Брэндону. Это я тебе говорю. Берегись.

— Спасибо, Тим. Я буду осторожнее, но я в состоянии

постоять за себя.

Миффлин потер свой бесформенный нос тыльной стороной ладони.

— Все не так просто. Ты начнешь отвечать, а тебе пришьют нападение на полицейского при исполнении служебных обязанностей. Против тебя состряпают дело и посадят, а уж в тюрьме тебя по-настоящему отделают.

Я похлопал его по руке.

— Это пусть тебя не волнует. Меня оно, во всяком случае, не волнует. Что-нибудь еще?

Миффлин покачал головой.

— Просто будь начеку, — сказал он, открыл дверь кабинета, глянул в оба конца коридора, чтобы удостовериться, что путь свободен, и сделал нам знак рукой уходить.

Мы спустились по каменным ступенькам в вестибюль. Два крупных мужчины в штатском торчали у двойных дверей. У одного из них были огненно-рыжие волосы и дряблое белое лицо. Второй был худой и на вид такой же жесткий, как кусок чушкового чугуна. Оба неторопливо и задумчиво оглядели нас, и рыжеголовый аккуратно сплюнул в латунную плевательницу, находившуюся в шести ярдах от него.

Мы прошли мимо них и спустились по ступенькам на улицу.

За «Орчид Билдингс» есть узкий переулок, который в основном используется для парковки машин, принадлежащих руководящим работникам и сотрудникам находящихся в этом здании учреждений, а в дальнем конце переулка вы найдете бар Финнегана.

Майк Финнеган был давним моим другом: знать такого человека полезно, поскольку у него случались контакты с хулиганами и бывшими заключенными, которые появлялись в Орчид-Сити, и он зачастую оказывался в курсе любого затевавшегося темного дела. Несколькими годами раньше я помог Финнегану в одной стычке с тремя оторвилами, которым тогда вздумалось выколоть ему глаза разбитой бутылкой из-под виски. Финнеган, похоже, считал, что если бы не я, он бы наверняка лишился зрения, и он просто не знал, как и отблагодарить меня.

Бар Финнегана был не только источником полезной информации, но и удобным местом встречи после работы, и, подумав, что Керман скорее всего будет там, я припарковал «бьюик» перед заведением и вошел туда вместе с Полой.

Шел уже двенадцатый час, и у стойки находились два-три случайно забредших посетителя. Джек Керман сидел, развалясь, за столиком в углу, перед ним лежала газета, под рукой стояла

бутылка шотландского. Он поднял глаза и махнул нам рукой.

Проходя через зал, я помахал Финнегану, который одарил меня великодушной улыбкой. Финнегану никогда не видать приза за красоту. Сложенный как горилла, с побитым, в шрамах лицом, столь же уродливым, сколь и забавным, он казался помесью Кинг-Конга и десятитонного грузовика.

Керман встал и изысканно поклонился Поле.

— Невозможно представить, чтобы ты появилась в таком кабаке. Только не рассказывай мне, будто желчь и чопорность ты заперла в сейфе на работе.

— Оставь, Джек, — сказал я, присаживаясь. — У нас наворачиваются дела. Прежде чем я введу тебя в их курс, ты ничего не хочешь мне сообщить?

Не успел он ответить, как подошел Финнеган.

— Добрый вечер, Мэллой. Добрый вечер, леди.

Пола улыбнулась ему.

— Еще одну рюмку, Майк, — сказал я. — Я помогу Керману прикончить бутылку. — Я посмотрел на Полу. — Кофе?

Она кивнула.

— И кофе для мисс Бенсинджер.

Когда Финнеган принес рюмку и кофе и вернулся к бару, я сказал:

— Ну, выкладывай, что там у тебя.

— Я проведал Джоан Парметту, — начал Керман и закатил глаза. — Какой шарм, какие формы. — Он изобразил в воздухе ее фигуру. — Если бы не дворецкий, который то и дело возникал в дверях, у нас бы возникла красивая дружба. — Он вздохнул. — Интересно, и что только находят во мне женщины?

— Отсутствие ума, — тут же подбросила Пола. — Для женщин это разнообразие — говорить с мужчинами свысока.

— Ладно, оставь, — резко приказал я, когда Керман уже стал подниматься со стула, потянувшись к бутылке с виски. — Неважно, как она выглядит. Что она сказала о Джэнет?

Керман уселся на место, вызверившись на Полу.

— Она заявила, что такой дичи, будто Джэнет умерла от сердечной недостаточности, она сроду не слыхала. За два дня до смерти она играла с Парметтой и, что называется, сделала из нее котлету. Это похоже на сердечную недостаточность?

— Что-нибудь еще?

— Я спросил об этом самом Шеррилле. Между прочим, его нет в городе. Джоан Парметта заявила, что Джэнет была без ума от Шеррилла. Они очень часто встречались. За неделю до смерти Макдоналда Кросби Шеррилл перестал ходить в дом, и помолвка была разорвана. Причины никакой не называли, и даже Джоан,

которая была очень близка с Джэнет, ничего не узнала, как ни пыталась. Джэнет заявила, что у них возникли разногласия, и не пожелала говорить об этом.

— Она не сказала, что за тип был этот Шеррилл?

Керман пожал плечами.

— Она встречалась с ним всего два-три раза. Говорит, он красив, но не имеет представления, что у него за работа и есть ли деньги. У него дом на Россмор-авеню. Маленький, но симпатичный. За домом присматривает одна китаяночка. — Он послал воздушный поцелуй к потолку. — Она тоже славная. Она без понятия, когда Шеррилл вернется. Парень живет хорошо и, судя по всему, неплохо зарабатывает. В гараже стоял «кадиллак» размером с линкор, а у сада такой вид, как будто денег на него не жалеют. Ну, еще бассейн и прочие обычные причиндалы, все в небольшом масштабе, но со вкусом.

— У тебя все?

Керман кивнул.

Я вкратце рассказал ему о визите к Юдоре Дрю, о приезде громилы, об убийстве и о моей беседе с Брэндоном. Совершенно позабыв о спиртном, он сидел и слушал, а глаза у него округлялись все больше и больше.

— Боже милостивый! — воскликнул он, когда я закончил. — Вот это вечерок! Что дальше? Бросаем это дело?

— Не знаю, — сказал я, наливая себе еще. — Деньги придется вернуть. А чтобы сделать это, надо узнать, кто распоряжается состоянием Кросби. Наверняка это не Морин. У нее наверняка есть адвокаты или представитель, который ведет ее дела. Вероятно, это можно узнать из завещания Кросби. Я также хочу взглянуть на завещание Джэнет. Хочу узнать, не оставила ли она каких-нибудь денег Юдоре. Если нет, тогда кто же ей их давал? В общем, я не говорю, что мы бросили это дело, но и не говорю, что продолжаем. Подсоберем еще кое-какие факты, тогда и решим. Отныне — максимальная осторожность в действиях. Брэндон может нам многое напортить.

— Если вернем деньги, дело будет закрыто, — сказала Пола. — Какой смысл работать бесплатно?

— Я знаю. И все равно это дело меня очень интересует. Кроме того, мне не нравится, что Брэндон берется командовать мною. — Я допил рюмку и отодвинул стул от стола. — Ну, пожалуй, нам пора. Я бы с удовольствием поспал.

Керман потянулся и встал.

— Я только что вспомнил, что завтра утром мне надо свозить малышей Хоффлина в Голливуд, — сказал он, поморщившись. — Персональная экскурсия по студии «Парамаунт». Кабы не

возможность лично увидеть Дот Лямур, я бы отказался. Эти три ублюдка наводят на меня ужас.

— О'кей, — сказал я. — Послезавтра ты вернешься?

— Да. Если останусь цел.

— К тому времени я уже решу, что будем делать. Если пойдем дальше, работать придется быстро и четко. Подожди минутку. Мне надо перемолвиться с Майком.

Я прошел к бару, где Финнеган неторопливо протирал стаканы. Старый развратник и его блондинка как раз уходили. Блондинка посмотрела на меня из-под наведенных ресниц и подмигнула. Я подмигнул ей в ответ.

Когда они уже не могли слышать, я сказал:

— За мной следит один парень, Майк. Крупный, сложен, как боксер, сплющенные ухо и нос, ходит в желтовато-коричневой шляпе со шнурком на тулье. Курит манильские сигары, с виду такой крепкий, что может есть ржавые гвозди. Видел его когда-нибудь?

Майк протер бокал и, прищурившись, посмотрел его на свет. Затем аккуратно поставил на полку.

— Похоже на Бенни Дуэна. А точно Бенни, если от него разит чесноком.

— Так близко я к нему не подходил. Кто этот Бенни Дуэн?

Майк взял очередной стакан, сполоснул под краном и принялся его протирать. Отвечал он на вопросы раздражающе неторопливо. Этим он никому ничего не доказывал, просто такая уж у него была привычка.

— Крутой гангстер, — сказал он, прищурился на стакан и почистил его еще немного. — Отсидел пять лет за грабеж с насилием в 1938-м. Получил работу в санатории Сэлзера. Предполагается, что он якобы уже остепенился, в чем я сомневаюсь.

— И чем же он занимается в санатории Сэлзера?

Майк пожал плечами.

— На подхвате: моет машины, присматривает за садом…

— Для меня это важно, Майк. Если это Дуэн, его могут обвинить в убийстве.

Майк присвистнул.

— Ну, похоже на него. Я видел его в этой шляпе.

Я еще раз повторил описание, тщательно и подробно.

— Да, — сказал Майк. — Очень уж похож. Он никогда не бывает без манильской сигары, а нос и правое ухо у него сплюснуты. Наверняка это он.

Я ощутил смутное возбуждение.

— Ну, спасибо, Майк.

Я вернулся к своим, они наблюдали за мной через зал.

— Майк опознал громилу, — сказал я им. — Его зовут Бенни Дуэн, и знаете, где он работает? У Сэлзера.

— Просто удивительно, как ты все узнаешь, — заметил Керман, улыбаясь. — И что же ты собираешься делать?

— Сообщить Миффлину, — произнес я. — Подождите секундочку, ладно? Я сейчас ему позвоню.

В управлении полиции мне сказали, что Миффлин ушел домой. Я отыскал в телефонной книге его домашний номер и попросил соединить меня с ним. Вскоре в трубке раздался сонный и усталый голос Миффлина.

— Говорит Мэллой, — сказал я. — Прости, что разбудил тебя, Тим, но я уверен, что могу опознать парня, который укокошил Юдору Дрю.

— Да что ты? — Голос у Миффлина повеселел. — Это же здорово! И кто же он?

— Бенни Дуэн. И запомни, Тим: он работает на Сэлзера. Если ты прямо сейчас поедешь в санаторий, ты, вероятно, сможешь зацепить его.

Последовало долгое, тяжелое молчание. Я ждал, улыбаясь и пытаясь представить себе выражение лица Миффлина.

— Сэлзер?! — сказал он наконец. Голос у него звучал так, будто он набрал полон рот горячих картофелин.

— Совершенно верно. Дружочек Брэндона.

— Ты в этом уверен?

— Да. Во всяком случае, я опознаю его для тебя. Пола тоже. Мы были бы рады это сделать.

— Опознаете? — В его голос закралась нерешительность.

— Ну да. Сэлзер, разумеется, скорее всего расстроится. Но, кроме Брэндона, кого Сэлзер волнует?

— Ах, черт! — с отвращением сказал Миффлин. — Придется мне перемолвиться словечком с Брэндоном. Такую кашу один я заваривать не могу.

— Ну что ж, потолкуй с ним. Не забудь сказать ему, что я звоню ночному редактору «Геральд» и сообщаю ему эту историю. Мне не хотелось бы, чтобы Дуэн ушел у тебя из рук только потому, что Брэндону не хочется огорчать своего дружочка.

— Ни в коем случае не делай этого! — завопил Миффлин, — Послушай, Вик, ради бога, не натвори никаких глупостей с прессой. Уж чего-чего, а этого Брэндон не потерпит.

— Жаль, потому что именно это я и собираюсь сделать. Сообщи ему, а сам лови Дуэна, если не хочешь, чтобы на тебя набросилась пресса. Пока, Тим. — Он все еще вопил, когда я положил трубку.

Пола с Керманом подошли к телефонной будке и все слышали.

— Подкрутил его? — спросил Керман, потирая руки.

— Да так, легкая истерика. Им, похоже, не хочется огорчать Сэлзера. — Я набрал номер, подождал, затем, когда мужской голос ответил: «Редакция „Геральд“», я попросил соединить меня с ночным редактором.

Мне понадобилось минуты две, чтобы выложить ему эту историю. Он накинулся на нее, как изголодавшийся набрасывается на обед из пяти блюд.

— Сэлзер вроде как балует Брэндона, — объяснил я. — Не удивлюсь, если он попытается замять это дело.

— А если ему это удастся, моей вины тут не будет, — сказал ночной редактор, дьявольски хихикнув. — Спасибо, Мэллой. Я все искал дубинку, какой бы побить эту крысу. Предоставь это мне. Я ему устрою.

Я положил трубку и вышел из кабины.

— Что-то подсказывает мне, что я сам заварил кашу, — сказал я. — Если я не ошибаюсь, приятных снов Брэндону сегодня не видать.

— Какая жалость, — отозвался Керман.

Поезжайте на север по бульвару Орчид, мимо поместья «Санта Роза», и вы наконец доберетесь до узкой дороги, которая ведет к песчаным дюнам и к моей хижине.

Место для жилья не ахти какое, но туда хотя бы не доносятся звуки чужих радиоприемников, а когда у меня появляется желание попеть йодлем, никто не возражает. Мое жилище — это бунгало из четырех комнат, построенное из узловатой канадской сосны. Есть при доме и садик размером с носовой платок, его более или менее содержит в порядке Тони, мой слуга-филиппинец. В сотне ярдов от моей парадной голубой Тихий океан, а за домом, справа и слева, заросли кустарника, песок, а чуть дальше стоят полукругом синие пальметто. Там одиноко и тихо, как на могиле нищего, но мне там нравится. Я живу там больше пяти лет и не хотел бы жить ни в каком другом месте.

Выйдя из бара Финнегана, я поехал по песчаной дороге домой. Было без двадцати двенадцать. В небе торчала огромная, похожая на арбуз луна, и ее белые вездесущие лучи, как прожектор, освещали кустарники и пески. Поверхность воды казалась похожей на черное зеркало, воздух был тих и жарок. Окажись под рукой блондинка, это была бы романтическая ночь.

Завтра, говорил я себе, катя по дороге, будет очень загруженный день. Пола обещала, как только откроется «Каунти

Билдингс», ознакомиться с завещаниями Макдоналда и Джэнет Кросби. Мне хотелось еще разок повидаться с сиделкой Гэрни. Хотелось также узнать, кто адвокат Морин Кросби, и побеседовать с ним. К тому же мне надо было побольше разузнать о Дагласе Шеррилле. Если завещания не дадут ничего интересного, если адвокат Морин удовлетворен создавшимся положением и если не будет никаких подозрений в отношении Дагласа Шеррилла, вот тогда, решил я, я верну эти пятьсот долларов и буду считать дело закрытым. И все же я смутно сознавал, что не закрою это дело, хотя мне еще надо было убедиться, что понапрасну трачу время.

Я тормознул перед сосновой коробкой, которая служит мне гаражом, прошел по горячему песку и открыл дверь. Потом вернулся в машину, въехал в гараж, выключил двигатель и задержался, прикуривая сигарету. В этот момент я совершенно случайно бросил взгляд в зеркало заднего вида, и мое внимание привлекло какое-то движение в освещенных луною кустах.

Я моментально погасил спичку и сидел не шевелясь, наблюдая за кустами в зеркало. До них по прямой от задка машины было ярдов пятьдесят. Движение повторилось, ветки наклонились и задрожали, затем снова замерли.

Ветер, поскольку его не было, не мог послужить причиной движения кустов. Не могла его вызвать и ни одна птичка — не те у нее размеры. Я решил, что за этими кустами кто-то прячется — то ли мужчина, то ли женщина, — и они либо отодвинули ветки, чтобы лучше видеть, либо же ухватились за них, чтобы не упасть.

Мне это не понравилось. Человек, который прячется в кустах, обязательно замышляет что-нибудь дурное. Пола неоднократно говорила, что моя хижина в абсолютном уединении, а это опасно. При такой работе у меня, естественно, появлялись враги, иногда такие, кто угрожал стереть меня с лица земли. Уединенность и изоляция моего дома могли искусить любого человека с дурными намерениями. Здесь можно было запросто затеять войну в миниатюре, и никто бы о ней не услышал, и я с сожалением подумал, что мой револьвер 38-го калибра, предназначенный специально для полиции, лежит в ящике гардероба.

Отключив двигатель, я погасил фары, и в гараже стало совершенно темно. Если скрывавшийся в кустах собирался что-то затеять, значит, он начнет, когда я выйду на лунный свет и стану запирать дверь. Не попасть в меня на таком расстоянии и при таком освещении просто было нельзя.

И если я хотел застать врасплох затаившуюся руку, мне надо было что-то немедленно предпринять. Чем дольше я буду сидеть в машине, тем большую настороженность и подозрительность

проявит он — если это он. А если я не покажусь, он даже может начать стрелять по задней части машины в надежде, что меня отыщет шальная пуля.

Открыв дверцу машины, я скользнул в темноту. С того места, где я стоял, я видел кусок пляжа, густые заросли кустарника, деревья, поразительно четкие в лунном свете. Выйти туда, в это буйное кипение белого света, было бы невероятной глупостью, а я не собирался совершать глупостей. Я отступил назад и ощупал грубые доски задней стенки. Однажды, после того как я прокутил всю ночь с Джеком Керманом, я заехал в гараж слишком быстро и чуть не проехал его насквозь. Я знал, что несколько досок отошли вместе с гвоздями, и сейчас решил выбраться из гаража, отодрав одну из них.

Я отыскал доску послабее и принялся за дело, а сам не сводил глаз с той кучи кустов. Там ничего не двигалось. Кто бы ни прятался за кустами, лежал он очень тихо. Доска уступила под моим напором, я поднажал еще, затем бочком протиснулся в образовавшееся отверстие.

Сразу за гаражом шла полоска песка, потом — кусты. Я бесшумно скользнул по песку и укрылся в кустах, но довольно-таки запыхался. Для подобных упражнений было жарковато, и, переводя дыхание, я опустился на песок, чтобы обдумать положение.

Самое разумное — это незаметно прокрасться к задней части хижины, проникнуть в дом и взять револьвер из ящика гардероба. Я чувствовал, что, как только револьвер окажется у меня в руках, я справлюсь с тем, кто ищет приключений на свою голову. Достаточно одного выстрела из окна спальни в сторону кустов, и у того, кто там прячется, отпадет, вероятно, всякая охота вести игры.

Единственным препятствием для проведения этого плана в жизнь было то, что затаившийся враг, поскольку я не появляюсь из гаража, догадается, что я заметил его, и тоже двинется в этом направлении, чтобы отрезать меня от дома. С другой стороны, он может и подумать, что я все еще в гараже и боюсь выходить, и решит дождаться-таки моего появления.

Я неторопливо поднялся на ноги и, пригибаясь пониже, стал потихоньку красться к хижине, прячась за кустами и стараясь ступать осторожнее. Пока тянулись кусты, все было относительно просто, но ярдов через десять они кончались, а начинались снова после прогалины футов в двадцать. Я готов был лопнуть с досады — до того голым казался этот отрезок в ярком свете луны. Гараж меня уже не прикрывал, и, вздумай я рвануть через это открытое пространство, затаившийся в кустах непременно бы меня увидел.

Добравшись до самого края, я остановился и глянул сквозь кусты. Единственным утешением в этом новом положении было то, что теперь расстояние до меня от той точки кустов значительно увеличилось и составляло уже не пятьдесят, а примерно сто двадцать ярдов, а попасть в движущуюся цель, даже такую крупную, как я, с такого расстояния довольно трудно — надо быть снайпером. Я решил рискнуть.

Сняв шляпу и взяв ее за самый краешек полей, я запустил ее в направлении той кучи кустов в надежде отвлечь внимание, а сам, не успела шляпа упасть на песок, прыгнул вперед и побежал.

Одно дело набрать скорость на твердом грунте и совсем другое, когда ноги по щиколотки вязнут в песке. Кабы не отвлекающий момент со шляпой, воспарившей в лунном свете, мне бы крышка.

Я упал на четвереньки, кое-как встал и нырнул в укрытие. Тихую ночь разорвал грохот выстрела. Пуля, как злющая оса, просвистела над самой моей головой, обдав меня воздухом, будто от ветра. Такой меткой стрельбы я не ожидал. Распластавшись, подобрал под себя колени, сделал сальто и снова оказался в укрытии. Револьвер громыхнул снова, и пуля швырнула песок мне в лицо.

Теперь уже я разволновался, как старушка, в дом которой забрались воры. Весь покрывшись потом и ругаясь, я полез напропалую дальше, ища укрытия понадежнее. Снова бабахнуло, и на этот раз пуля скользнула по тыльной стороне ладони, содрав кожу и обжегши меня, как будто ко мне прикоснулись раскаленной кочергой. Я распластался и лежал, едва переводя дыхание и сжимая руку, совершенно не в состоянии ничего видеть. Если бы этот буйвол, засевший там, решил подойти и прикончить меня, я оказался бы в паршивом положении. Надо было продолжать двигаться. Хижина по-прежнему казалась страшно далекой, но я находился в укрытии и все еще чувствовал уверенность, что непременно доберусь туда, если только буду бесшумно двигаться. Рисковать я больше не собирался. Кто бы ни засел там, стрелять он умеет. Он чуть ли не пришил меня на таком расстоянии, а это уже стрельба высокого класса. Не то чтобы я был в панике, но меня прошиб холодный пот, а сердце стучало как паровой молот. Я как можно быстрее и тише пополз по песку. Преодолел уже футов пятьдесят, когда услышал шорох травы, потом вдруг треснула сухая ветка. Я замер, прислушавшись и затаив дыхание; мне казалось, что мои собственные нервы вышли наружу и ползают по спине, как ножки паука. Снова зашелестела трава, вслед за тем раздался мягкий, свистящий шепот потревоженного песка: близко, чертовски

близко. Я лежал, распластавшись и целуя песок, волосы у меня на затылке встали дыбом.

В нескольких ярдах от меня шевельнулся куст, треснула еще одна ветка и воцарилась тишина. Он стоял где-то прямо надо мной, и, прислушавшись, я даже вообразил, что слышу его дыхание.

Мне ничего не оставалось, кроме как ждать. Минута проходила за минутой. Он, вероятно, догадался, что я где-то рядом с ним, и тоже ждал, надеясь, что издам какой-то звук и он меня обнаружит. Я был готов ждать подобным образом хоть всю ночь, но через какой-то отрезок времени, показавшийся мне бесконечно долгим, он снова сменил положение, однако на сей раз подальше от меня. Я по-прежнему не шевелился. Он обходил куст за кустом, отыскивая меня, а я прислушивался к его шагам. Очень медленно, очень осторожно, я встал на четвереньки. Я поднимал голову дюйм за дюймом, пока не оказался в состоянии смотреть сквозь поредевшие ветки кустов. И тут я увидел его. Тот самый громила! Он стоял там в своей желтовато-коричневой шляпе, плечи широченные, как дверь амбара, приплюснутые нос и ухо, еще более уродливые в лунном свете. Он стоял ярдах в тридцати от меня, сжимая в руке кольт 45-го калибра. Стоял вполоборота ко мне, обшаривая взглядом кусты справа. Будь у меня пистолет, я бы запросто снял его с такого расстояния.

Он стоял неподвижно, напряженно, слегка выставив руку с револьвером. Затем повернулся и направился в мою сторону, несколько нерешительно, как будто не был уверен, что движется в правильном направлении, однако исполненный решимости найти меня.

Каких-нибудь десять шагов, и он окажется прямо надо мной. Я пригнулся, прислушиваясь к его осторожному приближению. Сердце у меня стучало. Я стиснул зубы и затаил дыхание.

Остановился он в трех футах от меня. Сквозь кусты я видел его толстые ноги в брюках. Как бы мне выхватить у него пистолет…

Он повернулся ко мне спиной. Я прыгнул на него. Мои руки, мой мозг, мой прыжок — все было нацелено на его пистолет. Пальцы моих рук сомкнулись на его толстом запястье, а плечо глухо врезалось ему в грудь, и он отшатнулся. Он издал испуганный вопль. Я согнул ему запястье, разомкнул пальцы, вцепился в револьвер. Какую-то долю секунды все шло по моему сценарию. Неожиданность моего наскока парализовала его, а также боль, когда я придавил его пальцы к рукоятке. Но стоило револьверу оказаться у меня, как он ожил. Его кулак врезался мне в шею рубящим ударом, достаточно сильным, чтобы вогнать в

дубовую доску шестидюймовый гвоздь. Я отлетел в кусты, все еще сжимая револьвер, пытаясь положить палец на спуск, но сделать этого не успел — его ботинок вышиб револьвер у меня из руки. Он отлетел в кусты. Что ж, не так уж плохо. Мне он не достался, но и ему тоже.

Он метнулся за мной, продираясь через кусты. Однако эти песчаные кусты требуют уважения к себе. Они не любят, когда на них набрасываются сломя голову, и не успел он сделать два-три прыжка, как зацепился за корень и растянулся, что дало мне время вскочить на ноги и выбежать на открытое пространство. Я не хотел, если нам придется драться, чтобы мне мешали пучки травы и корни. Этот тип был гораздо тяжелее меня, да и бил он как копытом, я по-прежнему чувствовал себя оглушенным от того резаного удара по шее и не хотел получить новый. Драться с ним я мог только на просторе, где можно было уходить и снова сходиться.

Он догнал меня, когда я выбежал из кустов. Я уклонился от его наскока, саданув его в нос, когда он бросился на меня снова, а сам получил удар сбоку по голове, от которого у меня заклацали зубы.

Он пошел на меня снова, и лунный свет высветил его лицо: холодная маска убийцы, лицо человека, который вознамерился убить и которого уже ничто не остановит. Я отпрыгнул, подкатился снова и врезал ему по изуродованному уху. Он что-то хрюкнул и потряс головой, вытянув вперед руки со скрюченными пальцами. Я не стал ждать его наскока, а сам бросился в атаку, нанося удары кулаками. Однако на этот раз мои удары не достигали цели, а его руки вцепились в мой пиджак.

Я резко выбросил вверх колено, но этот прием был ему хорошо знаком, и он повернулся боком, приняв удар на бедро. Он схватил меня за горло, а я врезал ему по ребрам. Он снова застонал, но его пальцы, как стальные крючья, впивались мне в горло.

Тут уж я по-настоящему пошел на него. Я понимал, что как только я дам слабинку, мне конец, а парализующие тиски на горле могли лишить меня силы за две-три секунды, если только я не оторвусь от него. Я заколотил его по ребрам, а потом, поскольку он так и не отцепился, ткнул пальцами ему в глаза.

Он резко вскрикнул, отпустил мое горло и отшатнулся. Я двинулся вслед за ним, колошматя его по корпусу. Он зажал глаза руками и уже не сопротивлялся. Сделать он почти ничего не мог, и я сбил его с ног. Он упал на колени. Смысла отбивать на нем кулаки не было, я отступил назад и ждал, когда он уберет руки от лица. Дыхание вырывалось из него короткими всхлипами.

Он попытался встать на ноги, но это ему не удалось. Застонав, он оперся руками о землю, чтобы подняться, а я только этого и ждал, примерился и нанес сокрушительный удар в челюсть. Он упал назад, перевернулся, стал подниматься на ноги, потом упал и распластался.

Я подошел к нему и, увидев, что из уголков глаз у него сочится кровь, почувствовал к нему жалость. Я вовсе не собирался его так отделывать, но иного выхода не было — или его жизнь, или моя. Во всяком случае, я не убил его.

Наклонившись, я вытащил у него из брюк толстый кожаный ремень, перевернул его и связал руки за спиной. Своим ремнем я связал ему лодыжки.

Он был слишком тяжел, чтобы тащить его, а мне хотелось поскорее добраться до телефона и до пистолета. Я решил, что до моего возвращения с ним ничего не случится, повернулся и дунул к хижине.

Мне понадобилось две минуты, чтобы вторично разбудить Миффлина. На этот раз он казался сердитым, как оса, которую ударили мухобойкой.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Тут у меня Дуэн.

— Дуэн? — Гнева в его голосе как не бывало. — У тебя?

— Да. Приезжай. Прихвати ребят и карету. Дайте мне хоть немного поспать сегодня.

— Дуэн?! Но ведь Брэндон сказал, что…

— Плевать я хотел на то, что сказал Брэндон! — заорал я. — Приезжай и забери его!

— Не кипятись, — покорно сказал Миффлин. — Я еду.

Когда я бросил трубку на рычаг, где-то на дюнах раздался выстрел. Я в два прыжка оказался у платяного шкафа, резко растворил дверцу и схватил свой револьвер 38-го калибра. Еще не замерло эхо выстрела, а я уже снова оказался у входной двери. Я не выбежал сломя голову на лунный свет, я постоял в тени веранды, оглядываясь по сторонам, но ничего не увидел и не услышал. Мне, однако, было как-то не по себе.

Затем где-то за пальметто заработал двигатель, и машина, быстро переключая передачи, уехала.

Я спустился по ступенькам веранды, держа пистолет на уровне пояса, прошел по садовой тропке и пересек залитую лунным светом полоску песка. Шум машины становился все слабее и слабее, пока наконец не замер совсем.

Добравшись до Бенни Дуэна, я остановился. Кто-то выстрелил ему в голову с очень близкого расстояния. Пуля вошла сбоку, и вспышка от пороха опалила его сплюснутое ухо.

Он казался совершенно безобидным и одиноким. И

совершенно мертвым.

Я толкнул дверь с матовым стеклом, на которой золотыми буквами было написано: «Универсальные услуги», а в правом нижнем углу буквами поменьше стояло: «Директор Виктор Мэллой». Маленькая блондинка, сидевшая у нас на коммутаторе в приемной, робко улыбнулась.

— Доброе утро, мистер Мэллой, — сказала она, показывая красивые белые зубки.

У нее был курносый нос, а манеры, как у щенка. Чувствовалось, что стоит ее только погладить, как она тут же завиляет хвостом. Славная малышка. Восемнадцать годиков, и всего два кумира — я и Бинг Кросби.[4]

Две малышки, сидевшие за пишущими машинками, тоже блондинки и тоже щенята, улыбнулись, как улыбаются девочки-подростки, и тоже сказали:

— Доброе утро, мистер Мэллой.

Мистер Мэллой оглядел свой гаремчик и заметил, что утречко выдалось славное.

— Мисс Бенсинджер в «Каунти Билдингс», — сообщила мне оператор коммутатора. — Она, возможно, немного опоздает.

— Спасибо, Трикси. Я буду у себя. Когда придет, скажите, что она мне нужна.

Она одарила меня взглядом, который, возможно, и означал бы что-нибудь для меня, будь она на пару лет старше и не работай у меня, и повернулась на стуле, чтобы ответить на телефонный звонок.

Я прошел в кабинет и закрыл дверь. Настольные часы подсказали мне, что сейчас пять минут одиннадцатого, рановато для рюмки, но мне хотелось выпить. Немного поколебавшись, я решил, что бутылка не узнает, что еще слишком рано, вытащил ее из ящика стола и слегка приложился к горлышку, испытывая чувство стыда. Затем сел, закурил сигарету и просмотрел утреннюю почту, но не нашел ничего интересного. Я опустил все в ящик для исходящей корреспонденции, чтобы ею занялась Пола, положил ноги на стол и закрыл глаза. После ночного возбуждения я был несколько не в форме.

Над головой сонно гудела зеленая муха. В приемной стучали две машинки. Трикси игралась со своими переключателями. Я задремал.

Без двадцати одиннадцать пробудился, услышав голос Полы в приемной. Я успел убрать ноги со стола и подтащить к себе ящик с исходящей корреспонденцией, прежде чем она открыла дверь и вошла.

— Вот и ты, — сказал я как можно веселее. — Входи, входи.

— Если тебе непременно надо спать прямо в офисе, постарайся хотя бы не храпеть, ладно? — сказала она, подтаскивая стул и присаживаясь. — Это деморализует сотрудников.

— Они уже много лет деморализованы, — сказал я, улыбаясь. — Ночью я спал не больше двух часов. Сегодня утром я старый, разбитый человек, и ко мне надо быть повнимательнее.

Ее спокойные карие глаза задержались на синяке у меня на скуле, а брови подпрыгнули.

— А это что такое?

— Да так, кое-что. — И я рассказал ей о визите Бенни Дуэна.

— Он мертв? — в испуге воскликнула она. — И кто же его застрелил?

— Точно не знаю, но у меня есть одна мыслишка, — сказал я, задирая ноги на стол. — Через десять минут после моего звонка прибыли фараоны, но Миффлина с ними почему-то не оказалось. Помнишь тех двух, на которых мы наткнулись в управлении: рыжеволосый и другой, крутой с виду. Так вот, приехали они. Сержант Макгро — это рыжеголовый — и сержант Хартселл. Парочка приятных, вежливых ублюдков, с которыми не приведи бог встречаться. Они даже не пытались скрыть, как они рады, что нашли Дуэна мертвым. Разумеется, это понятно. Его смерть избавляет Сэлзера от хлопот. Теперь ему только и надо, что заявить, будто Дуэн больше на него не работал. А почему Дуэн украл машину Сэлзера, убрал Юдору и пытался разделаться со мной — это уж пусть узнает полиция. Готов спорить, что полиция этого никогда не узнает.

— Ты сказал, что догадываешься, кто убил его.

— Да. Когда эти двое увезли Дуэна, я походил вокруг дома, выискивая улики. Они приехали в полицейской машине с ромбоидальными протекторами на покрышках. Отпечатки таких же точно шин я нашел за своей хижиной. По-моему они приехали рано вечером понаблюдать за мной и оказались в переднем ряду, когда Дуэн закатил в мою честь небольшое представление. Когда же я его вырубил и связал, искушение оказалось слишком велико для них. Пока я звонил Миффлину, они подошли к Дуэну и прикончили его.

— Ты хочешь сказать, два сотрудника полиции?.. — заговорила Пола, и глаза у нее расширились.

— А ты посмотри, от скольких хлопот это их избавляет, — сказал я. — Поставь себя на их место. Парня разыскивают за убийство, и у него почти наверняка развяжется язык, если он когда-либо предстанет перед судом. Ему, вероятно, есть много

чего рассказать о докторе Сэлзере, причем такого, что будет весьма интересно смотреться в газетах. Брэндон друг Сэлзера. Что может быть удобнее, чем всадить Дуэну пулю в голову и избавить дружочка Брэндона от судебных издержек и неудобств? Проще простого, правда? Я, разумеется, могу и ошибаться, только почему-то в этом сомневаюсь. Во всяком случае, тут мы почти ничего сделать не в состоянии, так что давай обратимся к другим делам. Ты посмотрела завещания обоих Кросби?

Пола кивнула.

— Джэнет завещания не составляла. Кросби оставил три четверти состояния ей, а четверть — Морин. Очевидно, Джэнет была его любимицей. В случае смерти Джэнет все должно было отойти Морин, при условии что она будет держать себя в рамках приличия. Если же она когда-либо окажется замешанной в скандале и попадет в газеты, все состояние должно отойти Исследовательскому центру Орчид-Сити, а ей будет выплачиваться только тысяча долларов в год. Опекуны Кросби — Глинн и Коппли — на третьем этаже нашего здания. Половина капитала завязана, другой половиной Морин может свободно распоряжаться при условиях, разумеется, что будет держать себя в рамках.

— Исключительно удобный расклад для шантажиста, — сказал я. — Стоит ей только сделать один неверный шаг, и об этом прослышит какой-нибудь мошенник, как он тут же выжмет из нее сколько пожелает. На тысячу в год она не очень-то проживет, правда?

Пола пожала плечами.

— Сколько девушек живут и на меньшие суммы.

— Разумеется, но не дочери миллионеров. — Я взял нож для бумаг и принялся делать дырки в промокашке. — Значит, Джэнет завещания не оставила. Выходит, Юдоре никакого наследства не досталось. Тогда откуда же она получала деньги? — Я поднял глаза и задумчиво уставился на Полу. — А что если она знала, что Морин лечится от наркотиков? А что если Морин платила ей, чтобы заткнуть ей рот? Это идея, тут появляюсь я, и Юдора решает, что сможет выжать еще немного денег из Морин. Она велит мне зайти снова в девять, а сама звонит то ли Морин, то ли ее представителю, которым может оказаться доктор Сэлзер. Вероятно, так оно и есть. Она, возможно, заявила: «Ну-ка, раскошельтесь еще, а то я заговорю». Сэлзер посылает Дуэна урезонить ее, однако вместо этого, а то и действуя в соответствии с приказом, Дуэн убивает ее. Ну, как тебе это?

— Да вроде бы ничего, — с сомнением сказала Пола. — Но ведь это все догадки.

— Совершенно верно. Догадки. И все же не такие уж и плохие. — Я сделал еще три дырки в промокашке, прежде чем сказать: — Пожалуй, мне не мешает снова перемолвиться словечком с сиделкой Гэрни… Слушай, Пола, днем она не дежурит. Позвони-ка в Ассоциацию медсестер и попробуй заполучить ее домашний адрес. Придумай какой-нибудь предлог. Может, тебе его и выдадут.

Когда она вышла, я еще разок слегка приложился к бутылке и снова закурил. Прежде всего, сказал я себе, сиделка Гэрни, а уж потом Глинн и Коппли.

Пола вернулась через несколько минут и положила листок бумаги на мою обезображенную промокашку.

— Голливуд-авеню, 3882, квартира 246, — сказала она. — Ты знал, что она одна из сиделок доктора Сэлзера?

— Да что ты? — Я отодвинул стул от стола. — Нет, что ты на это скажешь, а? Все замыкается на докторе Сэлзере! — Я пододвинул к ней ящик с исходящей корреспонденцией. — Тут не так уж и много. Ничего такого, с чем ты бы не справилась и без меня.

— Ну что ж. — Она подхватила ящичек. — Ты продолжаешь это дело?

— Даже не знаю. Скажу тебе сегодня пополудни. — Я потянулся за шляпой. — Пока.

Дом 3882 по Голливуд-авеню оказался шестиэтажным многоквартирным домом, который построили с расчетом побыстрее получить прибыль и создать поменьше удобств для жильцов. Вестибюль мрачный и обшарпанный. В лифт могли войти сразу три человека, если не возражать против того, чтобы ехать в страшной тесноте. На покореженной металлической дощечке с рукой, указующей на лестницу в подвал, стояла синими выцветшими буквами надпись «Сторож», а сама дощечка висела криво.

Я вошел в кабину лифта, закрыл за собой решетку и нажал на кнопку третьего этажа. Лифт поднимался со скрипом, как будто не мог решить, а стоит ли подниматься вообще, и со вздохом остановился двумя этажами выше. Я пошлепал по бесконечному коридору, по обеим сторонам которого находились обшарпанные, с лупящейся краской двери. Протопав примерно с полмили — так, во всяком случае, мне показалось, — я подошел к квартире 246, находившейся в коротком тупичке напротив другой квартиры. Я нажал на кнопку звонка, прислонился к стене и вытащил сигарету, гадая, не в постели ли сиделка Гэрни и рада ли будет моему появлению, очень сильно надеясь, что да.

Минуты через две я услышал какие-то звуки, затем дверь

открылась. Без униформы сиделка Гэрни выглядела гораздо интереснее. Она была в домашнем халате, доставшем ей до щиколоток и расходившемся от коленей вниз. Ноги у нее были голые.

— Ба, привет! — сказала она. — Хочешь зайти ко мне?

— С удовольствием.

Она отступила в сторонку.

— Как ты узнал мой адрес? — спросила она, проводя меня в небольшую гостиную. — Это для меня сюрприз.

— Правда? — сказал я, бросая шляпу на стул. — Ты выглядишь сногсшибательно.

Она хихикнула.

— Я случайно выглянула из окна и увидела тебя. Так что у меня было время привести себя в порядок. Как ты узнал, что я здесь живу?

— Позвонил в Ассоциацию медсестер. Ты собиралась лечь спать?

— Угу, только ты не должен из-за этого уходить.

— Ты ложись, а я посижу рядом, и мы с тобой подержимся за руки.

Она покачала головой.

— Это слишком скучно. Давай выпьем. Ты пришел по какому-то делу или это просто светский визит?

Я опустился в кресло.

— Пятьдесят на пятьдесят, хотя и с некоторым преобладанием светской стороны. Только не проси меня приготовить напитки. Я несколько не в форме. Прошлой ночью не удалось как следует поспать.

— Кого ж это ты выводил в город?

— Какое там. — Я благодарно потянулся за предложенным «хайболом» и поднял его за ее здоровье.

Она подошла и плюхнулась на диван. Халат у нее задрался и, прежде чем она его поправила, глаза мои полезли из орбит.

— А ты знаешь, я и думать не думала, что снова увижу тебя, — сказала она, положив подбородок на ободок бокала с виски со льдом. — Я думала, ты один из этих заезжих гастролеров — побаловались, и до свидания.

— Я?! Побаловались — и до свидания?! О нет, ты глубоко ошибаешься. Наоборот, я из тех, от кого трудно избавиться.

— Ну еще бы: пока ведь я в новинку, — с некоторой горечью сказала она. — Как напиток, в порядке?

— Отменный. — Я вытянул ноги и зевнул. Я до того размяк, что мне хотелось забраться поглубже в какую-нибудь нору и спрятаться там. — Сколько ты еще собираешься ходить за этой

девицей Кросби?

Я подбросил это небрежно, но она тут же кинула на меня резкий удивленный взгляд.

— Сиделки никогда не говорят о своих больных, — чопорно ответила она и отпила немного из своего бокала.

— Если только у них нет для этого основательной причины, — заметил я. — Нет, серьезно, ты не хотела бы поменять работу? Я мог бы тебе помочь.

— Еще как бы хотела! Моя теперешняя работа мне страшно надоела. Да и как называть ее работой, если мне совершенно нечего делать.

— Ну да, оставь. Что-то же приходится делать.

Она покачала головой, хотела что-то сказать, потом передумала.

Я ждал.

— А что у тебя-то за работа? — спросила она. — Ты хочешь, чтобы тебя понянчили?

— Для меня бы не было ничего приятнее. Нет, речь не обо мне. Об одном моем друге. У него легочная недостаточность, в очень тяжелой форме, и он хочет, чтобы его подбадривала симпатичная сиделка. Денег у него хватает. Я мог бы замолвить за тебя словечко, если хочешь.

Она подумала, нахмурившись, потом покачала головой.

— Ничего не получится. Я-то хотела бы, но есть трудности.

— Какие могут быть трудности? Ассоциация медсестер все устроит.

— Я нанималась не через Ассоциацию.

— Тем проще, разве нет? Если ты свободная…

— Я законтрактована доктором Сэлзером. У него санаторий на бульваре Футхилл. Возможно, ты о нем слышал.

Я кивнул.

— Сэлзер — доктор Морин?

— Да. По крайней мере я так думаю. Он и близко к ней не подходит.

— Тогда кто же его ассистент?

— К ней никто не подходит.

— Странно, не правда ли?

— А тебе не кажется, что ты задаешь слишком много вопросов?

Я улыбнулся ей.

— Просто я любопытный. Неужто она настолько плоха, что ей даже не нужен доктор?

Она посмотрела на меня.

— Между нами говоря, я не знаю. Я ее не видела.

Я резко выпрямился в кресле, расплескав виски.

— Ты ее никогда не видела?! Что ты хочешь этим сказать? Ты же за ней ходишь, разве нет?

— Мне не следует говорить об этом, но это меня очень тревожит, и я должна хоть кому-то рассказать. Обещай мне, что дальше тебя это не пойдет.

— Да кому мне рассказывать? Ты хочешь сказать, Морин Кросби ты и в глаза сроду не видела?

— Совершенно верно. Сиделка Флеминг не пускает меня в комнату больной. Моя работа заключается в том, чтобы отвлекать посетителей, а теперь, когда туда вообще никто не приходит, мне и вовсе нечего делать.

— Чем же ты в таком случае занимаешься? Ночью-то?

— А ничем. Просто сплю в доме. Если звонит телефон, мне полагается отвечать на него, но он никогда не звонит.

— Ты, безусловно, заглядывала в комнату Морин, когда сестры Флеминг нет поблизости?

— Да нет, не заглядывала. Дверь держат запертой. Готова спорить, что ее даже нет в доме.

— А где же в таком случае она могла бы быть? — спросил я, подаваясь вперед и даже не пытаясь скрыть своего возбуждения.

— Если то, что говорит Флеминг, правда, тогда она может быть в санатории.

— А что говорит сестра Флеминг?

— Я же сказала тебе: ее лечат от наркотиков.

— Если она в санатории, тогда зачем же весь этот обман? Почему прямо не сказать, что она там? Зачем приставлять двух сиделок и делать вид, что есть комната больной?

— Братец, если бы я знала, я бы тебе сказала, — ответила сиделка Гэрни и допила свое виски. — Чертовски забавно, но стоит только нам сойтись вместе, как мы начинаем говорить о Морин Кросби.

— Ну, не все же время мы о ней говорим, — сказал я, вставая. — Есть ли какая-нибудь причина, почему ты не можешь уйти от Сэлзера?

— У меня с ним контракт еще на два года. Как же я от него уйду?

Я погладил ее по коленке.

— А что за тип этот Сэлзер? Я слышал, он шарлатан.

Она шлепнула меня по руке.

— Он в полном порядке. Может, он и шарлатан, но люди, которых он лечит, всего лишь страдают ожирением. Он заставляет их голодать, а денежки кладет в карман. Чтобы заниматься этим, не обязательно быть дипломированным врачом.

Моя рука снова легла ей на колено.

— А ты не могла бы узнать, действительно ли Морин в санатории? — спросил я и повел сложный маневр.

Она шлепнула меня по руке, на этот раз сильно.

— Ну вот, опять Морин.

Я потер руку.

— Ты здорово дерешься.

Она хихикнула.

— При такой внешности, как у меня, поневоле научишься драться.

Тут зазвонил дверной звонок: один долгий, пронзительный раскат.

— Не открывай, — попросил я. — Я уже готов больше не говорить о Морин.

— Не будь глупым. — Она опустила свои длинные ноги на пол. — Это бакалейщик.

— А что у него есть такого, чего нет у меня?

— Я покажу тебе, когда вернусь. Не могу же я сидеть без еды только ради того, чтобы доставить удовольствие тебе.

Она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Воспользовавшись ее отсутствием, я подлил себе виски и лег на диван. То, что она мне рассказала, было очень интересно. Заброшенный сад, режущиеся в кости китайцы, занимающийся от скуки резьбой по дереву шофер, покуривающий дворецкий — все это говорило об очевидной истине, что Морин в Крестуэйз не живет. Тогда где же она? В санатории? Лечится от наркотиков? Сестра Флеминг наверняка знает. Как знает и доктор Джонатан Сэлзер. Возможно, знали об этом Бенни Дуэн и Юдора. Вероятно, знают Глинн и Коппли, а если нет, то могут захотеть узнать. У меня в голове стал уже вырисовываться план, как поставить расследование на финансовую основу. Я подумал о Брэндоне. Если у меня за спиной будут стоять Глинн и Коппли, вряд ли Брэндон посмеет что-нибудь затеять. Глинн и Коппли были самыми лучшими, самыми дорогими, самыми высококлассными адвокатами во всей Калифорнии. Их фирма имела конторы в Сан-Франциско, Голливуде, Нью-Йорке и Лондоне. Они не из тех, кто позволяет, чтобы ими помыкал какой-то там стряпчий по темным делам вроде Брэндона. Пожелай они убрать Брэндона с должности, они бы запросто этого добились, используя свое влияние.

Я закрыл глаза и подумал, как было бы здорово избавиться от Брэндона и поставить на его место хорошего, честного начальника полиции вроде Миффлина. Насколько легче мне было бы сотрудничать с ним, а не получать угрозы, что меня побьют в

темном переулке.

Потом вдруг до меня дошло, что сиделки Гэрни нет гораздо дольше, чем нужно, чтобы забрать продукты у бакалейщика, и я, нахмурившись, сел на диван. Я даже не слышал, чтобы она разговаривала. Я вообще ничего не слышал. Я поставил рюмку и встал. Пересекши комнату, открыл дверь и выглянул в прихожую. Входная дверь была приоткрыта, но я никого не увидел. Я выглянул в коридор. Моему взору предстала закрытая дверь квартиры напротив. Я вернулся в прихожую. Может, она в туалете, подумал я и прошел обратно в гостиную. Я сидел и ждал, и мне все больше становилось не по себе. Через пять минут допил рюмку и снова пошел к выходу.

Где-то в квартире загудел холодильник, и я чуть не подпрыгнул от страха. «Эй!» — позвал я, но мне никто не ответил. Бесшумно ступая, открыл дверь напротив гостиной и оглядел комнату, которая, вероятно, была ее спальней. Там ее не оказалось. Я даже заглянул под кровать, в ванную, в кухню и в крошечную комнатку, предназначавшуюся, очевидно, для гостей. Ни в одной из этих комнат ее не было. Тогда я вернулся в гостиную, но и там ее не увидел. До меня стало доходить, что в квартире ее нет, поэтому я прошел к двери, прошагал по проходу до основного коридора, где посмотрел направо и налево. Двери с каменными лицами уставились на меня. Ничего не двигалось, ничего не происходило: лишь два ряда дверей, обтрепанный половик чуть ли не с милю длиной да два или три закопченных окна для света, и никакой сиделки Гэрни.

Я отупело уставился из окна гостиной на крышу запаркованного внизу «бьюика».

Вряд ли она могла далеко уйти без туфель и чулок, сказал я сам себе, если только не… и перед моим взором предстала Юдора Дрю, лежавшая поперек кровати с затянутым у нее на шее шарфом.

Я постоял в нерешительности. Казалось, сделать я ничего особенного не в состоянии. Мне просто не с чего было начать. Звенит дверной звонок. Она говорит, это бакалейщик. Потом идет в прихожую — и бесследно исчезает. Ни крика, ни пятен крови — вообще ничего.

Однако надо было что-то делать, поэтому я прошел ко входной двери, открыл ее и посмотрел на дверь противоположной квартиры. Она мне ни о чем не говорила. Я вышел в коридор и нажал на кнопку звонка. Дверь почти тут же отворилась, как будто представшая передо мной женщина ждала звонка.

Невысокая и полная, седые волосы, круглое лицо, примечательное лишь ярко-синими, как незабудки, бегающими

глазами. Ей было лет пятьдесят, а когда она улыбнулась, я увидел большие белые зубы, скорее всего вставные. Одета она была в желтовато-коричневые пиджак и юбку, которые, вероятно, стоили кучу денег, но совершенно были ей не по фигуре. В пухлой белой ручке она держала бумажный мешок.

— Доброе утро, — сказала она, снова показывая свои большие зубы.

Она ошарашила меня. Я никак не ожидал увидеть здесь эту пухлую матрону, у которой был такой вид, будто она только что ходила за покупками и теперь собиралась готовить ланч.

— Простите за беспокойство, — сказал я, приподнимая шляпу. — Я ищу сиделку Гэрни. — Я махнул в сторону полуоткрытой двери у меня за спиной. — Она ведь там живет, правда?

Толстушка сунула руку в бумажный мешок и вытащила сливу. Она внимательно ее осмотрела, и в глазах на пустом полном лице появилось подозрительное выражение. Удовлетворившись, сунула сливу в рот. Я наблюдал за ней как зачарованный.

— А, да, — сказала она приглушенным голосом. — Да, живет. — Она поднесла руку чашечкой ко рту, изысканно взяла косточку и опустила ее обратно в мешок. — Хотите сливу?

Я сказал, что не люблю слив, и поблагодарил ее.

— Они полезны, — сказала она, сунула руку в мешок и вытащила еще одну. Но на этот раз слива не прошла строгого осмотра, женщина бросила ее обратно, а себе выбрала другую.

— Вы ее случайно не видели? — спросил я, глядя, как слива исчезает за ее большими зубами.

— Не видела кого?

— Сиделку Гэрни. Я только что зашел, смотрю — дверь открыта. А на мой звонок никто не отвечает.

Она прожевала сливу, ее глупое лицо так и осталось пустым. Избавившись от косточки, она сказала:

— Вам следует есть сливы. У вас не очень здоровый цвет лица. Я съедаю по два фунта в день.

Если судить по ее формам, ела она не только сливы.

— Ну, может быть, когда-нибудь я и доберусь до них, — терпеливо сказал я. — Сиделка Гэрни случайно не у вас в квартире?

Мысленно она снова уже была в бумажном мешке, но вдруг испуганно подняла глаза.

— Что-что?!

Всякий раз, когда судьба сталкивает меня с подобной женщиной, я всегда несказанно радуюсь, что я холостяк.

— Сиделка Гэрни. — Я испытал желание заговорить на языке жестов, как я делаю, когда говорю с иностранцами. — Та, что живет вон в той квартире. Я сказал, она случайно не у вас?

В синих глазах появилась нерешительность.

— Сиделка Гэрни?

— Совершенно верно.

— У меня в квартире?

Я глубоко вздохнул.

— Да. Она случайно не у вас?

— А с чего бы ей здесь быть?

Я почувствовал, как кровь зашумела у меня в ушах.

— Видите ли, входная дверь была открыта. В квартире ее вроде бы нет. Вот я и подумал, не заскочила ли она к вам на пару слов.

Появилась еще одна слива. Я отвел взгляд. Я уже не мог спокойно смотреть на то, как эти огромные зубы перемалывают сливы.

— О нет, сюда она не заглядывала.

Ну, хоть дело у нас пошло.

— А вы случайно не знаете, где она?

Появилась косточка из-под сливы и вернулась в мешок. На полном пустом лице промелькнуло выражение боли. Женщина задумалась. Можно было, что называется, наблюдать, как она думает: так, если постараться, можно увидеть, как ползет улитка.

— Возможно, она в… ванной, — сказала она наконец. — Я бы подождала и позвонила снова.

Блестящая по-своему идея.

— Там ее нет. Я уже посмотрел.

Она уже собиралась было отправить в рот новую сливу, но тут опустила ее и посмотрела на меня с упреком.

— А вот это уже нехорошо.

Я снял шляпу и пробежал пятерней по волосам. Еще немного, и я полезу на стену.

— Сначала я постучал, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — Ну, если у вас ее нет, я, пожалуй, вернусь и попробую снова.

Она все еще думала. Выражение боли по-прежнему не сходило с ее лица.

— Я знаю, что бы я на вашем месте сделала, — сказала она.

Я догадывался, но ей ничего не сказал. Я чувствовал, что она запросто может обидеться.

— Подскажите же мне.

— Я бы сходила вниз и потолковала со швейцаром. Возможно, он поможет. — И тут она все испортила, добавив: — Вы уверены, что не хотите сливу?

— Да, абсолютно уверен. Ну, спасибо, последую вашему совету и потолкую со швейцаром. Извините, что отнял у вас столько времени.

— О, ради бога, ради бога, — сказала она и улыбнулась.

Я попятился, и, закрывая дверь, она сунула еще одну сливу в свою пасть, которую она называла ртом.

Я спустился в лифте в вестибюль и прошел вниз в подвал по темному и пыльному лестничному пролету. Передо мной оказалась дверь с единственным на ней словом: «Швейцар».

Я постучал. Появился худощавый старик с длинной тонкой шеей, одетый в выцветшие рабочие брюки из хлопчатобумажной саржи. Он был стар, ему было скучно, и от него слегка пахло креозотом и виски.

Он прищурился на меня без особого интереса, и из старого флегматичного горла выскочило одно слово:

— Да?

У меня создалось впечатление, что если только я не встряхну его как следует и не выведу из летаргического состояния, помощи мне от него не видать. Судя по его виду, он редко выходил на свет, а его контакты с людьми бывали редки. У них с Рип Ван Винклем получилась бы отменная команда, при условии что за всем бы присматривал Винкль, а не наоборот. Ни в коем случае не наоборот.

Я наклонился и сунул палец в его нагрудный карман.

— Слушай, дружок, — круто, как фараон из Орчид-Сити, сказал я. — Отряхни сено с волос. Мне нужна твоя помощь. — Разговаривая, я раскачивал его взад и вперед. — Квартира двести сорок шесть — в чем там дело?

Он дважды сглотнул. Я думал, что во второй раз кадык вообще не появится на поверхности, но он-таки появился.

— Что там такое с квартирой двести сорок шесть? — спросил он.

— Это я тебя спрашиваю. Входная дверь открыта, внутри никого нет. Вот где твой выход на сцену, дружок. Тебе бы следовало знать, когда входная дверь остается открытой.

— Она там, наверху, — по-совиному сказал он. — В это время она всегда там.

— Только в этот раз ее там нет. Идем, дружок, поднимемся наверх и поглядим.

Он покорно пошел со мной. Когда мы поднимались в лифте, он сказал:

— Она всегда была славная девушка. Зачем она понадобилась полиции?

— А я разве сказал, что она нужна полиции? — спросил я и

хмуро ему улыбнулся. — Я только и хочу знать, почему входная дверь открыта, когда ее там нет.

— Может, она вышла и забыла запереть ее, — подумав, сказал он. Я видел, что эта идея доставила ему удовольствие.

— А ты соображаешь, — сказал я, когда лифт со скрипом остановился. Я с радостью вышел из него. Он, казалось, недостаточно силен, чтобы поднять даже одного человека, не говоря уже о двух. — Ты видел, как она выходила?

Он сказал, что не видел.

— А увидел бы, если бы она действительно вышла?

— Да. — Он заморгал, и кадык у него снова заходил. — Из моей комнаты виден вход в подъезд.

— Ты уверен, что она не выходила в последние десять минут?

Нет, в этом он не мог быть уверен. Он готовил себе ланч.

Мы прошли по длинному коридору в тупичок, а оттуда — в квартиру сиделки Гэрни, заглянули во все комнаты, но ее по-прежнему не оказалось ни в одной из них.

— Ее нет, — сказал я. — Как еще она могла выйти из здания, если не через подъезд?

Посмотрев на стену долгим пустым взглядом, он ответил, что другого выхода нет.

Я ткнул пальцем в квартиру напротив.

— А кто эта толстушка, которая ест сливы?

На этот раз его кадык совсем пропал.

— Сливы?! — повторил он и попятился. По-моему, он решил, что я чокнутый.

— Да. Так кто она?

Он посмотрел на дверь квартиры 244, заморгал и повернул на меня испуганные глаза.

— Там, мистер?

— Да.

Он покачал головой.

— Там никто не живет. Эта квартира сдается.

Я ощутил, как у меня по спине побежал вдруг холодок. Я прошел мимо старика и нажал на кнопку звонка большим пальцем. Я слышал, как звонок звонит и звонит, но дверь никто не открывал.

— У тебя есть отмычка?

Он порылся в карманах, вытащил какой-то ключ и протянул мне.

— Там никого нет, мистер, — сказал он. — Квартира пустует уже несколько недель.

Я повернул ключ в замке, толкнул дверь и вошел в прихожую, точно такую же, как и прихожая у сиделки Гэрни. Быстро

осмотрел все комнаты. Квартира была совершенно пустая.

Одно окно выходило на пожарную лестницу. Я поднял раму и высунулся. Внизу был переулок, ведущий к Скайлайн-авеню. Сильный мужчина мог бы запросто спуститься с девушкой по этой лестнице к поджидавшей внизу машине.

Высунувшись подальше, я увидел на одной из железных ступенек косточку от сливы. Как жаль, что она ее не проглотила, может, и подавилась бы.

Глава третья

Было время, когда я с гордостью воображал, что у меня некрикливый, хорошо обставленный, сверхроскошный кабинет, который производит впечатление на клиентов. Мы с Полой потратили уйму с таким трудом заработанных денег на мой письменный стол, на ковер и драпировку, на книжные шкафы. Мы даже разорились на пару оригинальных акварелей, написанных одним местным художником, который, если судить по ценам, считал себя принадлежащим к старым мастерам. Возможно, он действительно к ним принадлежал, хотя лично для меня это была тайна за семью печатями. Все это было еще до того, как мне представилась возможность повидать другие кабинеты в «Орчид билдингс». Одни из них были получше моего, другие нет, однако при виде их у меня не возникало желания переделать свой собственный. Одно возникло у меня, только когда я вошел в кабинет Манфреда Уиллета, президента фирмы адвокатов «Глинн энд Коппли». Я с одного взгляда понял, что до него мне явно далеко. По сравнению с его кабинетом мой напоминал трущобы Истсайда.

Комната была просторная, с высоким потолком, с дубовыми панелями. В дальнем ее конце, под тремя огромными, до потолка, окнами помещался письменный стол, такой здоровенный, что на нем можно было бы играть в бильярд. У камина, в котором мог бы спрятаться небольшой слон, стояло четыре или пять кресел и большой мягкий диван. Ворс на ковре был до того толстый, что его впору было подстригать газонокосилкой. На каминной доске и на разбросанных по всей комнате фигурных столиках лежали отборнейшие резные вещицы из нефрита. Прибор на письменном столе был чистого серебра, его постоянно начищали до блеска. Белые жалюзи не пропускали солнца. Температуру в комнате регулировал тихо работающий кондиционер. Двойные окна, звуконепроницаемые стены и обитая резиной дверь настаивали на полной тишине. В таком кабинете урчание в животе показалось бы столь же громким, как грохот целой тонны гравия, сброшенного в мусоропровод.

Манфред Уиллет сидел на мягком вращающемся стуле за этим огромным столом, куря толстую овальную сигарету с золоченым мундштучком. Это был высокий, солидный мужчина лет сорока пяти, черные волосы подернуты сединой, чисто выбритое удивительно красивое лицо под цвет орехового дерева стола. При виде его сшитого в Лондоне костюма позеленел бы от зависти любой киноактер, а его сорочка была столь же безупречна

и бела, как первый весенний подснежник.

Он не прерывал меня. Серо-зеленые глаза неотрывно смотрели на изысканный серебряный чернильный прибор на столе, большое тело не двигалось. Лицо цвета орехового дерева было столь же невыразительным и пустым, как дырка где-нибудь в стене.

Прежде всего я показал ему письмо Джэнет Кросби, затем рассказал о визите в Крестуэйз, о состоянии поместья, о том, что Морин якобы больна и что за два дня до смерти от эндокардита Джэнет играла в теннис. Упомянул я и доктора Бьюли. Потом коротко поведал о том, как Бенни Дуэн, работавший на доктора Сэлзера, следил за мной, как я нанес визит Юдоре Дрю и как Дуэн приехал и задушил ее. Более подробно я остановился на своем разговоре с начальником полиции Брэндоном, который предупредил меня, чтобы я не лез в дела Сэлзера и Морин Кросби. Я также вскользь упомянул, почему Брэндон их опекает. Затем описал, как Дуэн пытался застрелить и меня, как кто-то, приехавший на машине с ромбоидальными шинами, убил его, не преминув при этом добавить, что на машине с такими шинами ездили сержанты Макгро и Хартселл. Закончил я, рассказав о своем визите на квартиру сиделки Гэрни, о толстухе, которая ела сливы, и о том, как сиделка Гэрни исчезла. История вышла длинная и заняла много времени, но он не торопил меня, не прерывал и не предлагал, чтобы я опустил подробности. Он сидел совершенно неподвижно, будто каменный идол, уставившись на чернильный прибор, но у меня создалось впечатление, что он ничего не упускает, что каждая мелочь регистрируется и что за этой пустой маской мозг его не дремлет.

— Ну, вот и вся история, — заключил я, потянулся и стряхнул пепел с сигареты в пепельницу у него на столе. — Я решил, что вам как опекуну поместья следует о ней знать. Брэндон велел мне вернуть эти пятьсот долларов. — Я вытащил бумажник, выложил деньги на стол и с совершеннейшим безразличием подтолкнул их к нему. — Строго говоря, на этом моя роль кончается. С другой стороны, вы, возможно, посчитаете, что следует провести расследование, в каковом случае я был бы рад продолжить работу. Если честно, мистер Уиллет, этот расклад очень меня заинтересовал.

Он повернул глаза и уставился на меня. Секунда проходила за секундой. Мне показалось, что он меня не видит. Он думал.

— Весьма необычная история, — сказал он вдруг. — Не знай я репутации вашей организации, ни за что бы не поверил. Вы делали очень тонкую работу для некоторых моих клиентов, и они высоко отзывались о вас. Судя по тому, что вы мне рассказали, я

полагаю, что у нас есть все основания начать расследование, и я был бы рад, если бы им занялись вы. — Он оттолкнул стул от стола и встал. — Я думаю, вам понятно, что подобное расследование должно вестись тайно, и моя фирма никоим образом не должна в нем фигурировать. Мы готовы оплатить ваш гонорар, но предпочитаем оставаться в тени. Мы в весьма щекотливом положении. Мы не имеем права соваться в дела мисс Кросби, если только не будем уверены, что что-то идет не так, а мы в этом не уверены, хотя и кое-что подозреваем. Если вы обнаружите какие-нибудь ощутимые доказательства, которые определенно связывают мисс Кросби со всеми этими неприглядными делами, тогда, разумеется, мы сможем играть в открытую. Но не раньше.

— Такое положение несколько неудобно для меня, — подчеркнул я. — Я полагал, вы позаботитесь о том, чтобы Брэндон не приставал ко мне.

— Я уверен, — ответил он, и в его глазах загорелся какой-то огонек, — что с Брэндоном вы справитесь и без моей помощи. В крайнем случае вы всегда можете сослаться на меня как на вашего адвоката. Если последует оскорбление действием, я буду рад представлять вас в суде безо всякого гонорара.

— Шикарно, — саркастически бросил я. — Но ведь я уже подвергался оскорблению действием.

Он, похоже, считал, что из-за этого не следует расстраиваться.

— Я полагаю, свой гонорар вы определите соразмерно личному риску, — беззаботно сказал он. — Ведь работа вроде вашей, как мне представляется, действительно предполагает риск.

Я пожал плечами. Гонорар, сказал я себе, безусловно будет под потолок.

— Ну что ж, — произнес я. — Значит, я иду дальше?

Он заходил по комнате, заложив руки за спину и уперев хмурый взгляд под ноги на ковер.

— О да. Я хочу, чтобы вы шли дальше.

— Есть несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать, — сказал я, закуривая новую сигарету. — Когда вы в последний раз видели Морин Кросби?

— На похоронах Джэнет. С тех пор я ее не видел. Ее дела в полном порядке. Любые бумаги, которые требуют подписи, посылаются ей по почте. У меня не было возможности увидеть ее.

— Вы не слышали, что она больна?

Он покачал головой. Нет, он и представления не имел, что она больна.

— Вы убеждены, что смерть Макдоналда Кросби наступила в результате несчастного случая? — пульнул я в него.

Этого он не ожидал.

— Что вы хотите этим сказать? Разумеется, это был несчастный случай.

— А не могло это быть самоубийство?

— Не было причины, по которой бы Кросби покончил жизнь самоубийством.

— Почему вы так уверены?

— Человек обычно не стреляется из дробовика, если у него есть револьвер, а он у Кросби был. С ружьем слишком хлопотно.

— Если бы он совершил самоубийство, повлияло бы это на его состояние?

— Да, конечно. — В его глазах появился испуг. — Его жизнь была застрахована на полтора миллиона долларов. В полисе была оговорка о неуплате в случае самоубийства.

— Кто получил деньга по страховке?

— Я не совсем понимаю, куда все это ведет, — сказал он, вернувшись к столу. — Может, объясните?

— Мне кажется странным, что Сэлзер, не будучи дипломированным врачом, подписал свидетельство о смерти. Коронер и Брэндон, вероятно, с этим согласились. Я пытаюсь убедить себя, что в смерти Кросби не было ничего зловещего. Предположим, он-таки покончил жизнь самоубийством. Согласно вашему утверждению поместье потеряло бы полтора миллиона долларов. Но если милый, услужливый врач-шарлатан, нечистый на руку коронер и начальник полиции нашли общий язык, все можно было обставить так, как нужно, правда?

— Говорить такое довольно опасно. Разве у Сэлзера нет диплома?

— Нет. Кто получил деньги по страховке?

— Деньги были оставлены Джэнет, а с ее смертью — Морин.

— Значит, сейчас у Морин полтора миллиона наличными, так или нет?

— Да. Я пытался убедить Джэнет вложить деньги в какое-нибудь дело, но она предпочла оставить их в банке. Так они и перешли к Морин.

— Что с деньгами сейчас? Они по-прежнему в банке?

— Насколько я знаю. К ее счету я доступа не имею.

— А не могли ли иметь?

Он пристально посмотрел на меня.

— Вероятно, мог бы. Да вот не знаю, захотел ли бы.

— Знай мы, сколько именно там осталось, нам было бы легче. — Я кивнул на письмо Джэнет, лежавшее на столе. — В

нем речь идет о шантаже. А если пришлось подмазывать Фрэнклина Лессоуэйза, коронера и Брэндона, то, вполне вероятно, денег на счету осталось не так уж и много. Я был бы рад, если бы вы смогли это выяснить.

— Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать. — Он задумчиво почесал подбородок. — Если то, что вы говорите, правда, я, вероятно, мог бы возбудить против Сэлзера дело. Он не имел права подписывать свидетельство, но пока что мне не хочется играть в открытую. Похоже, в том, что он застрелился случайно, сомнений нет. Страховая компания осталась удовлетворена.

— Ну еще бы, если Брэндон и коронер пропустили свидетельство о смерти. Мне кажется, Сэлзер финансирует не только Брэндона, но и мистера Лессуэйза. Что вам известно о Лессоуэйзе?

Уиллет скорчил гримасу.

— О, его могли купить. У него довольно гнилая репутация.

— Вы хорошо знали Джэнет Кросби?

Он покачал головой.

— Я встречал ее всего два-три раза. Не больше.

— Она поразила вас как человек с больным сердцем?

— Нет. Но это еще ничего не значит. У многих людей плохое сердце. Это не всегда заметно.

— Но они не играют в теннис за два дня до смерти, как играла Джэнет.

Я видел, что он начинает тревожиться.

— На что вы намекаете?

— Ни на что. Я лишь заявляю о факте. Меня не купишь на мысли, будто она умерла от сердечной недостаточности.

Пока он неотрывно смотрел на меня, тишина в комнате была такая тяжелая, что от нее запросто мог бы потонуть линейный корабль.

— Уж не хотите ли вы сказать… — заговорил он и замолчал.

— Пока нет, — ответил я. — Но это нечто такое, о чем нам не следует забывать.

Я видел, что ему это очень не понравилось.

— Оставим это пока, ладно? — продолжал я. — Сосредоточим свои усилия на Морин Кросби. Судя по тому, как выглядит дом, и по тому, что мне рассказала сиделка Гэрни, Морин, вероятно, не живет в Крестуэйз. Если ее там нет — где же она?

— Да, — согласился он. — От этого не уйдешь.

— Она в санатории Сэлзера? Вам не приходило в голову, что ее могут содержать там как пленницу?

При этих словах он резко выпрямился на стуле.

— Не разыгралось ли у вас воображение? Не далее как на прошлой неделе я получил от нее письмо.

— Это ничего особенно не доказывает. Почему она вам написала?

— Я просил ее подписать кое-какие бумаги. Она вернула их подписанными с запиской, в которой благодарит меня за то, что я их прислал.

— Из Крестуэйз?

— Адрес на бумаге был Крестуэйз.

— Это по-прежнему не доказывает, что ее не держат в заточении, правда? Я не говорю, что дело обстоит именно так, но это еще один момент, о котором нам не следует забывать.

— Об этом можно узнать сразу же, — быстро сказал он. — Я напишу ей и попрошу зайти ко мне. Предлог для деловой встречи у меня найдется.

— Да. Это идея. Вы дадите мне знать, что произойдет? Может, стоит последить за ней и посмотреть, куда она поедет, когда уйдет от вас.

— Я дам вам знать.

Я встал.

— Пожалуй, это все. Вы не забудете проверить насчет ее банка?

— Я посмотрю, что можно сделать. И поосторожнее, Мэллой. Я не хочу, чтобы это ударило по мне. Вы понимаете?

— Я буду осторожен.

— Каков ваш следующий шаг?

— Надо что-то предпринять относительно сиделки Гэрни. Эта девушка мне понравилась. Если она жива, я найду ее.

Когда я уходил от него, он уже не казался мне каменным идолом. Он больше походил на весьма растревоженного, сильно озадаченного адвоката средних лет. Это по крайней мере доказывало, что и он тоже человек.

Дежурный сержант сказал, что Миффлин свободен, и попросил подняться к нему. Он смотрел на меня глазами, полными надежды, и я догадался: он ожидает, что я назову ему имя победителя завтрашних скачек, но голова у меня была забита другим.

Я поднялся по каменным ступеням и на площадке столкнулся с красноголовым сержантом Макгро.

— Ну и ну, — с насмешкой сказал он, — опять это Чудо-Чадо. Какая муха укусила тебя на этот раз?

Я заглянул в его жестокие глазки, и то, что я там увидел, мне очень не понравилось. Эго был человек, который с радостью

причинит боль другому: один из тех крутых фараонов, которые добровольно вызываются, когда надо кого-то поколотить, да еще с каким смаком это делают.

— Меня никакие мухи не кусают, — ответил я. — Но если я слишком долго буду торчать около тебя, то может и укусить.

— Умничаешь, да? — Он ухмыльнулся, показывая мелкие желтые зубы. — Смотри, Чудо-Чадо. Мы за тобой наблюдаем.

— Наблюдайте, только голову мне не прострелите, — парировал я, прошел мимо него и направился по коридору к кабинету Миффлина.

Прежде чем постучать, я помедлил и глянул через плечо, Макгро все еще стоял на площадке. На его лице было ошарашенное выражение, а вислогубый рот раскрылся. Наши взгляды встретились, он отвернулся и стал спускаться по ступенькам.

Когда я вошел, Миффлин поднял глаза и при виде меня нахмурился.

— Опять ты. Ради Христа, перестань ходить ко мне. Брэндону это не нравится.

Я подтащил к столу стул с прямой спинкой и сел.

— Напомни мне, чтобы я на досуге поплакал. Я по официальному делу. Если Брэндону это не нравится, пусть пойдет сиганет в океан.

— По какому еще делу? — спросил Миффлин, отодвигая стул от стола и кладя на стол большие волосатые руки.

— Одна из сиделок, присматривающая за мисс Кросби, пропала, — сказал я. — Брэндону это, возможно, будет интересно, потому как эта сиделка работает на Сэлзера.

— Пропала?! — повторил Миффлин не своим голосом. — Как это — пропала?

Я рассказал ему, как зашел к сиделке Гэрни, как раздался звонок в дверь, как она пошла открывать и не вернулась. Я подробно описал ему толстую женщину в пустой квартире напротив, не забыв упомянуть о сливовой косточке на ступеньке пожарной лестницы и о том, как просто было бы сильному человеку отнести сиделку Гэрни вниз к поджидавшей машине.

— Да, чертовски странное дело, — сказал Миффлин, расчесывая пятерней копну черных волос. — Пару лет назад исчезла еще одна из сиделок Сэлзера. Ее так и не нашли.

— А вы вообще ее искали?

— Послушай, Вик, тебе вовсе не обязательно быть таким, — рассерженно сказал он. — Разумеется, мы ее искали, но не нашли. Сэлзер заявил, что она, очевидно, убежала, чтобы выйти замуж. Отцу ее парень не очень-то нравился или что-то в этом

роде.

— А Сэлзер не доложил, что пропала сиделка Гэрни?

Он покачал головой.

— Вряд ли у него было время, а? Кроме того, она, возможно, вспомнила о чем-то и вышла из дома.

— Без туфель и чулок и посреди разговора? Не обманывайся на этот счет. Это похищение, и ты это знаешь.

— Я сейчас съезжу и поговорю со швейцаром. Ты лучше в это дело не ввязывайся. Я скажу Брэндону, что об этом сообщил швейцар.

Я пожал плечами.

— Лишь бы что-нибудь делалось. А тот, другой случай страшно меня заинтересовал. Кто была эта сиделка?

Миффлин заколебался, затем встал и прошел к одному из картотечных шкафов.

— Ее звали Анона Фридлендер, — сказал он, порывшись и выбрав одно дело, которое принес и положил на стол. — Информации у нас не так уж и много. Ее отец Джордж Фридлендер, живет в Сан-Франциско, Калифорния-стрит, 257. Она пропала 15 мая прошлого года. Сэлзер сообщил Брэндону. Приезжал Фридлендер. Именно он-то и предположил, что она сбежала со своим дружком, парнем по имени Джек Бретт. За пару недель до исчезновения Аноны он дезертировал. Брэндон сказал, что особенно усердствовать не надо. Ну, мы и не усердствовали.

— А Бретта нашли?

— Нет.

— Хотелось бы знать, сколь усердно вы собираетесь искать сиделку Гэрни.

— Ну, нам нужно убедиться, что ее похитили. Брэндон не станет действовать только с твоих слов. Все будет зависеть от Сэлзера.

— Похоже, этим чертовым городом заправляет Сэлзер.

— А ладно, Вик, что ты, право?

Я встал.

— Найди ее, Тим, иначе я что-нибудь отчебучу. Эта девушка мне нравилась.

— Отнесись к этому спокойно. Если она исчезла, мы ее найдем. Ты уверен, что эта Кислица в порядке? Мне не хочется терять пять долларов.

— Забудь о Кислице. Думай о сиделке Гэрни, — сказал я и вышел из комнаты.

Я поехал обратно в «Орчид билдингс». Пола ждала меня в моем кабинете.

— Ковыряем дальше, — сказал я, садясь за стол. — Я повидал

Уиллета, и он финансирует расследование, но хочет, чтобы его фирма в деле не фигурировала.

— Поди какой смелый, — с презрением сказала Пола. — А весь риск, я полагаю, ты берешь на себя?

— Он, похоже, готов уплатить несколько больше, — сказал я и улыбнулся. Я рассказал ей о визите в управление полиции. — Для Сэлзера, видать, обычное дело, что его сиделки исчезают. Ты обратила внимание на дату? Пятнадцатое мая — день, когда умерла Джэнет. Никто не убедит меня, что ее исчезновение не связано каким-то образом со смертью Джэнет.

Пола испытующе на меня посмотрела.

— Ты полагаешь, что Джэнет убили, так ведь?

Прежде чем ответить, я закурил сигарету и аккуратно положил спичку в пепельницу.

— Я думаю, это возможно. Есть мотив — все эти деньги. Она, безусловно, умерла не от сердечной недостаточности. Сердечную недостаточность вызывает отравление мышьяком, да и другими ядами. Старого козла Бьюли могли просто обвести вокруг пальца.

— Но ты ведь ничего не знаешь наверняка! — сказала Пола. — Не думаешь же ты, право, что Морин убила сестру?

— Побуждение весьма сильное. Кроме состояния в два миллиона, есть еще и страховочка. Я не утверждаю, что она это сделала, но такие деньги — большое искушение, особенно когда ты попал в лапы шантажиста. И еще одно. Я не совсем уверен, что не убили самого Кросби. Если не было ничего странного, когда тот застрелился, почему же Сэлзер не позвал кого-нибудь вроде Бьюли подписать свидетельство о смерти? Почему подписал сам? Ему пришлось подмазывать Лессоуэйза, коронера и, вероятно, Брэндона. Это было либо самоубийство, либо убийство, только не несчастный случай. И, как подчеркнул Уиллет, если у человека есть револьвер, вряд ли он станет стреляться из дробовика. Значит, остается убийство.

— Ты делаешь поспешные выводы, — резко сказал Пола. — Это у тебя крупный недостаток, Вик. У тебя всегда самые невероятные предположения.

Я подмигнул ей.

— Зато какое я от них получаю удовольствие!

В качестве отдыха я решаю картинки-загадки. Пола приносит их мне от одного безногого парня, которого она проведывает по выходным. Этот парень проводит все свое время, вырезая картинки из железнодорожных рекламных афиш, которые ему поставляет Пола. Загадки получаются удивительные, и на разгадку каждой у меня уходит примерно месяц. Тогда я передаю

ее какой-нибудь больнице и получаю новую от дружка Полы.

Из долгого опыта разгадывания этих загадок я узнал, что зачастую совершенно небольшой и вроде бы ничем не примечательный кусочек и является ключом ко всей картинке, и я постоянно ищу такой кусочек. Точно таким же образом, когда я выполняю какую-нибудь работу, я всегда ищу какой-нибудь пустячок, который вроде бы совершенно не имеет отношения к делу, но зачастую, оказывается, имеет.

Битый час я сидел у себя в кабинете, размышляя. Контору закрыли на ночь. Шел уже восьмой час. Осталась только бутылка виски.

Перечитывая список возможных загадок, я задержался на имени Дагласа Шеррилла. Почему, спросил я себя, за неделю до смерти Макдоналда Кросби Джэнет вдруг разорвала помолвку? Казалось бы, этот факт не имеет отношения к делу, а ну как имеет? И пока я не узнаю, почему помолвка была разорвана, я не могу быть уверен до конца. Кто бы мне это подсказал? Очевидно, сам Даглас Шеррилл, но я не мог просто пойти к нему, не выдав своих намерений, а на данной стадии я еще был к этому не готов. Тогда кто же еще? Я пробежал взглядом по списку. Возможно, Джон Стивенс, дворецкий Кросби. Неплохо бы посмотреть, что за человек этот Стивенс. Если почувствую, что ему можно доверять, тогда, вероятно, я ничего не потеряю, даже если все ему расскажу. Марта Бендикс сказала, что он теперь работает на Грегори Уэйнрайта.

Лучше всего сразу, зачем откладывать, подумал я и отыскал телефон Уэйнрайта в справочнике. Набрал его, и после второго или третьего звонка величественный голос произнес:

— Резиденция мистера Уэйнрайта.

— Это Джон Стивенс? — спросил я.

Наступила пауза, затем человек сказал:

— Стивенс у аппарата. А кто это, будьте добры?

— Моя фамилия Мэллой. Мистер Стивенс, я хотел бы поговорить с вами по важному личному делу. Оно имеет отношение к семье Кросби. Вы не могли бы встретиться со мной сегодня вечером?

И снова пауза.

— Я вас не понимаю. — Это был голос старого человека, нежный, возможно, несколько глуповатый. — Боюсь, я вас не знаю.

— Возможно, вы слышали о фирме «Универсальные услуги»?

Да, о фирме «Универсальные услуги» он слышал.

— Это моя фирма, — сказал я. — Для меня важно поговорить с вами о семье Кросби.

— Не думаю, что у меня есть право обсуждать с вами моего прежнего работодателя, — где-то далеко сказал он. — Весьма сожалею.

— С вами ничего не станется, если вы послушаете, что я вам скажу. После того как я объясню ситуацию, вам, возможно, и самому захочется мне кое-что рассказать. Если же не захочется, ничего страшного не произойдет.

На этот раз пауза была еще дольше.

— Ну, встретиться с вами я могу, но я не могу обещать…

— Ничего страшного, мистер Стивенс. На углу Джефферсон и Фелман есть кафе. Мы могли бы встретиться там. Какое время вас устроит?

Он сказал, что будет там в девять.

— Я в шляпе, буду читать «Ивнинг геральд», — сообщил я ему.

Он сказал, что найдет меня, и повесил трубку.

Ждать предстояло почти два часа, и я решил скоротать время в баре у Финнегана. Мне понадобилось минуты две, чтобы запереть контору. Закрывая окна и запирая сейф, я думал о сиделке Гэрни. Кто же ее похитил? И почему ее похитили? Жива ли она еще? Мысли, которые никуда меня не вели, а лишь тревожили. Все еще раздумывая, я прошел в приемную, оглядел все, чтобы убедиться, что все готово отойти ко сну, вышел в коридор и запер за собой дверь.

В конце коридора я заметил короткую коренастую фигуру мужчины, прислонившегося к стене у дверей лифта и читавшего газету. Когда я остановился рядом и нажал на кнопку, чтобы вызвать лифт, он даже не поднял глаз. Я окинул его небрежным взглядом: темнокожий, лицо с тупыми чертами, в оспинах. Он был похож на итальянца, а может, на испанца. Его темно-синий костюм из сержа блестел на локтях, манжеты белой рубашки были грязные.

Лифтер открыл двери, и мы с итальяшкой вошли в кабину. На третьем этаже лифт остановился, чтобы подобрать Манфреда Уиллета, который посмотрел сквозь меня невидящим взором, после чего занялся изучением заголовков вечерней газеты. Он заявил, что ему нужна конфиденциальность, но я решил, что, не узнавая меня даже в лифте, он несколько переигрывает. Однако он оплачивает мой гонорар, так что пусть и заказывает музыку.

Я купил в киоске «Ивнинг геральд», дав Уиллету возможность выйти из здания, не натолкнувшись на меня. Я смотрел, как он укатил в «олдсмобиле» размером с дредноут. «Макаронник» с грязными манжетами плюхнулся в кресло в вестибюле и читал свою газету. Я направился по коридору к заднему выходу и, пересекши переулок, вошел в бар Финнегана.

В зале было полно дыму, грубой публики и громких голосов. Не успел я сделать и пару шагов к своему любимому столику, как в меня вцепился Олаф Кругер, который заведует школой бокса на Принсесс-стрит.

Ростом Олаф был не больше жокея, лысый как колено и страшно умный.

— Привет, Вик, — сказал он, пожимая мне руку. — Пойдем сядем и напьемся. Не видел тебя несколько недель. Что я такого сделал?

Я протолкался к бару и подмигнул Финнегану, который трудился под двойным рядом неоновых ламп, подавая пиво.

— Я довольно регулярно хожу на схватки, — сказал я, когда Олаф, угрожающими жестами, к которым никто не относился серьезно, отвоевывая себе побольше места, взобрался на стул. — Просто не видел тебя. Этот О'Хара вроде бы неплохо идет.

Олаф замахал крошечными ручками на Финнегана.

— Виски, Майк! — заорал он своим визгливым голосом. — О'Хара? Да, он идет ничего, но слабоват против перекрестного контрудара. Я ему это твержу, а он не слушает. В один прекрасный день он встретится с парнем с хорошей дыхалкой, и тогда ему конец.

С полчаса мы проговорили о боксе. Больше Олаф почти ни о чем говорить не умел. Беседуя, мы съели по три многослойных бутерброда и выпили по три двойных порции виски.

К нам присоединился Хьюсон, спортивный обозреватель «Геральд», и настоял на том, чтобы купить еще выпить. У этого высокого и худощавого, лысеющего и циничного парня с мешками под глазами пиджак был усыпан табачным пеплом. В руках у него неизменная сигара, от которой исходил такой дух, словно пару лет назад он нашел ее в бачке для мусора. Впрочем, может, так оно и было.

После того как мы выслушали три или четыре его бесконечно грязных анекдота, Олаф сказал:

— Что это за сплетни, будто Малыш Дикси попал вчера на какую-то вечеринку с танцами? За нею что-нибудь стоит?

Хьюсон поморщился.

— Не знаю. Малыш отказывается говорить. Синяк у него был, это точно. Один из таксистов на набережной утверждает, будто видел, как он плыл к берегу.

— Если его сбросили со «Шхуны-Мечты», плыть ему пришлось долго, — произнес Олаф и улыбнулся.

— Вы, ребята, потолкуйте, — сказал я, закуривая сигарету. — На меня не обращайте внимания.

Хьюсон сунул пожелтевшие от никотина пальцы в мой

нагрудный карман.

— Вчера вечером Малыш Дикси отправился на «Шхуну-Мечту» и поскандалил с Шерриллом. Четыре боксера якобы вышвырнули его за борт, но он будто успел примочить Шеррилла. Говорят, Шеррилл собирается подать в суд за оскорбление действием. Если подаст, Малышу конец. Он по уши в долгах.

— Я думаю, Шеррилл свое не упустит, — сказал Олаф, качая лысой головой. — Подлецу все к лицу.

— Никакого иска он не предъявит, — возразил Хьюсон. — Рекламы он себе позволить не может. Я заявил Малышу, что ему ничего не грозит, но все равно этот крысенок отказывается говорить.

— А кто вообще этот Шеррилл? — спросил я как можно спокойнее, пальцем сделав знак Финнегану повторить.

— Никто не знает, — ответил Хьюсон. — Он человек-загадка. Появился в Орчид-Сити пару лет назад. Работал за комиссионные на фирму «Селби энд Лоуэнстайнс» агентом по сбыту недвижимости. Я полагаю, он заработал себе немного денег и купил домик на Россмор-авеню. Затем каким-то непонятным образом обручился с Джэнет Кросби, миллионершей, но помолвка продержалась недолго. С полгода назад он совершенно пропал из поля зрения, а потом вдруг появился в качестве владельца «Шхуны-Мечты» водоизмещением в триста тонн, которую переделал в игорный притон и теперь держит на якоре сразу же за пределами трехмильной зоны. У него целая флотилия водных такси, которые поддерживают постоянное сообщение с берегом, а попасть в его клуб труднее, чем стать вкладчиком Букингемского дворца.

— И игра не единственный порок на этом судне, — сказал Олаф и подмигнул мне. — На борту у него с полдюжины отборных девушек. Так называемый сладкий рэкет. Находясь за три мили от города, плевал он на Брэндона. Готов спорить, он гребет деньги лопатой.

— Одного я не пойму, — сказал Хьюсон, потянувшись за виски, который я для него заказал, — откуда у такого подлеца, как Шеррилл, взялись деньги на громадное судно «Шхуна-Мечта».

— Говорят, он выпустил акции, — сказал Олаф. — Приди он ко мне и предложи долю в этом судне, я бы с радостью ухватился за его предложение. Готов спорить, что любой, кто там в доле, тоже внакладе не остается.

Я слушал, думая, как это здорово — повстречать в баре двух ребят и услышать именно то, что мне хотелось услышать, даже не задавая вопросов.

— На этом судне, похоже, весело, — небрежно подбросил

я. — Я бы и сам не прочь туда попасть.

Хьюсон ехидно улыбнулся.

— И ты не один такой. У тебя никаких шансов. Двери открыты только для ребят, что занесены в Белую книгу. Отбор производится, что называется, вручную. Если у тебя нет бабок, ты Шерриллу не нужен. Вступительный взнос двести пятьдесят долларов да еще сотен пять в год на всякие пожертвования. Он обслуживает не пролетариев.

— А что за тип этот Шеррилл? — спросил я.

— Красивый, крутой, хитрый, — ответил Хьюсон. — Из тех ублюдков, до которых падки женщины. Курчавые волосы, голубые глаза, огромные бицепсы и одевается, как кинозвезда. Именно таким представляется мне настоящий породистый сукин сын.

— А ты не знаешь, почему Джэнет разорвала помолвку?

— Та девушка была неглупая. Не знаю, что именно произошло, но догадываюсь, что она увидела красный свет. Ведь ему были нужны только ее деньги, и она, по-моему, вовремя это поняла. Любая девушка, которая выходит за такого подонка, как Шеррилл, сама ищет приключений на свою голову.

— Как, по-вашему, ребята, Малыш Дикси выстоял бы против О'Хары? У меня есть возможность свести их, но я не уверен, что бой получится хороший.

Следующие четверть часа мы обсуждали достоинства и недостатки Малыша Дикси, затем, бросив взгляд на часы над баром, я увидел, что мне пора двигать.

— Придется мне вас оставить, ребята, — проговорил я, соскальзывая со стула. — На днях зайду в спортзал. Там и увидимся.

Олаф сказал, что будет рад меня видеть в любое время и попросил передать привет Поле. Хьюсон велел передать Поле, что он только о ней и думает по ночам. Когда я уходил, они снова заказали виски.

Направляясь через зал к выходу, я заметил этого «макаронника» с грязными манжетами — он сидел у двери, по-прежнему погруженный в свою газету, а когда я толкнул двустворчатую раскачивающуюся дверь, он небрежно сложил газету, сунув ее в карман и встал.

Я быстро прошел к запаркованному «бьюику», влез в него, завел мотор и поехал по темному переулку. Где-то у меня за спиной ожил двигатель еще одной машины, и в зеркале заднего вида появились чьи-то зажженные подфарники.

Я поехал по Принсесс-стрит. За мной следовал «линкольн», синее светозащитное ветровое стекло которого не давало мне разглядеть водителя, но я догадывался, кто это.

В конце Принсесс-стрит я сразу свернул на Фелман-стриг. Ехал я быстро, но для «линкольна» не составляло никаких хлопот сидеть у меня на хвосте. Впереди я увидел красный неоновый свет кафе, где договорился встретиться с Джоном Стивенсом. Чуть не доехав до кафе, резко вильнул к бордюру и тормознул. «Линкольн» держался за мной слишком быстро, и ему ничего не оставалось, кроме как проехать мимо, правда, сбавив скорость.

Я выскользнул из «бьюика» и нырнул в темный подъезд магазина. «Линкольн» остановился в пятидесяти ярдах впереди. «Макаронник» вылез из машины, даже не пытаясь спрятаться. Он довольно быстро заметил, что в «бьюике» меня нет, и, глубоко засунув руки в карманы, пошел дальше. Он, казалось, совершенно не расстроился, когда не увидел меня, а продолжал себе идти по улице — ни дать ни взять вышедший на прогулку шпик.

Когда он скрылся из виду, я пересек улицу по подземному переходу и проскользнул в кафе.

Настенные часы прямо передо мной показывали без пяти девять. За столиками сидели: светловолосая девочка-подросток со своим парнем, два пожилых мужчины — они играли в шахматы, две женщины с хозяйственными сумками и девушка с худым, осунувшимся лицом за столиком в углу — она пила молоко.

Я выбрал столик подальше от двери, сел, раскрыл «Ивнинг геральд» и расстелил ее на столе. Затем закурил сигарету и задумался. Интересно, «макаронник» еще один из партнеров Сэлзера по играм или это какой-то новый поворот в деле? Он как пить дать выслеживал меня, причем из рук вон плохо. Либо лучше он просто не умел, либо ему было плевать, если я узнаю, что он охотится за мной. Еще одна работенка для Миффлина, подумал я и тут вспомнил. Я отыскал страницу о спорте и проверил результаты забегов: Кислица вышел победителем. Ну, хоть тут все хорошо. Теперь Миффлин не станет возражать против того, чтобы проверить номер.

Ровно в девять двойные стеклянные двери отворились, вошел высокий старик. Я понял, что это Стивенс. У него был вид, как у архиепископа в отпуске. Он направился ко мне той величественной походкой, которая бывает у дворецких, когда они заходят объявить, что кушать подано. На лице — слегка неприятное выражение, в глазах — осторожность.

Я встал.

— Мистер Стивенс?

Он кивнул.

— Я Мэллой. Присаживайтесь, будьте добры. Кофе?

Он положил котелок на один из стульев и сел. Да, он выпьет кофе.

Чтобы сэкономить время, я прошел к стойке, заказал два кофе и вернулся с ними к столу. Девочка-подросток вытаращилась на Стивенса и захихикала, демонстрируя плохие манеры, какие бывают у очень молодых. Она что-то сказала своему кавалеру, свежелицему юнцу в полосатом пиджаке и сдвинутой на затылок кепке. Тот оглядел Стивенса и ухмыльнулся. Вероятно, им казалось смешным, что архиепископ пришел в кафе самообслуживания, а может, их развеселил котелок.

— Большое спасибо, что пришли, мистер Стивенс, — сказал я и предложил ему сигарету. Пока он прикуривал, я его разглядывал. Он был в порядке. Преданный слуга семьи, который умеет держать язык за зубами. Ему вполне можно довериться, вот только как заставить его разговориться? — То, что я вам скажу, пусть останется между нами, — продолжал я, садясь. — Меня наняли расследовать причины смерти Джэнет Кросби. Некая сторона не удовлетворена тем, что она якобы умерла от сердечной недостаточности.

Он оцепенел и сидел выпрямившись.

— Кто эта некая сторона? — спросил он. — И не поздновато ли для расследований, а?

— В данный момент я бы предпочел ее не называть, — ответил я. — Согласен, поздновато, но лишь в последние несколько дней на свет всплыли некоторые факты, которые делают расследование необходимым. Вы считаете, Джэнет Кросби умерла от сердечной недостаточности?

— Меня это не касается, — неохотно отозвался он. — Но раз уж вы меня спросили, признаюсь, для меня это был страшный удар. Она казалась такой активной молодой женщиной. Однако доктор Сэлзер заверил, что в ее случае неожиданная закупорка артерии вызывает сердечную недостаточность без каких-либо предварительных симптомов. И все равно мне было трудно в это поверить.

— Интересно, а вы не знаете, почему мисс Кросби разорвала помолвку с Дагласом Шерриллом?

— Боюсь, этого я не мог бы вам сказать, не узнав сначала, кто проводит расследование, — чопорно заявил он. — Я слышал о вашей фирме и полагаю, она на хорошем счету, но я не готов судачить о своем покойном работодателе, пока не узнаю, с кем имею дело.

Дальше этого мы так и не пошли.

В кафе вдруг воцарилась напряженная тишина, и я резко поднял глаза.

Двустворчатые стеклянные двери распахнулись, вошли четыре человека. У двух из них были в руках автоматы «томпсон»,

у других — автоматические пистолеты «кольт». Четыре темнокожих «макаронника». Один из них оказался моим дружком с грязными манжетами. Двое с «томпсонами» стали по обе стороны зала, откуда у них был хороший сектор для стрельбы. «Макаронник» с грязными манжетами и небольшой итальяшка с покрасневшими глазами направились через зал к моему столу.

Стивенс издал нечленораздельный звук и хотел было встать, но я схватил его и толкнул обратно на стул.

— Спокойно, — прошептал я.

— Эй, заткнись! — сказал один из тех, что были с «томпсонами». Его голос прорезал тихую комнатку, как пуля тонну мороженого. — Ни с места и не раскрывайте варежки, а то всех перестреляем!

Все так и замерли в своих позах — сидя или стоя. Вся эта сцена очень походила на представление восковых фигур. Рука бармена на сатураторе, глаза вылезли из орбит. Пальцы одного из пожилых мужчин сжимали ферзя, сделав ход которым, он собирался объявить мат своему другу. Его лицо напряглось от ужаса. Худая, с изможденным лицом девушка закрыла глаза и прикрыла рот руками. Девочка-подросток подалась вперед, ее красивенький накрашенный ротик раскрылся, в глазах застыл пронзительный крик.

Когда «макаронник» проходил мимо нее, этот крик вырвался-таки у нее изо рта, и притихшую комнату разорвал резкий звук. «Макаронник», выругавшись, саданул ее со злостью по красивой шляпке рукоятью «кольта». Саданул изо всех сил, и, когда рукоять глухо стукнула по соломке, вогнав ее в череп, вышел какой-то очень неприятный звук. Девочка упала со стула, из ушей у нее, образуя лужицу на полу, потекла кровь. Парнишка рядом с ней побелел, как рыбье брюшко, его вырвало.

— Спокойно, все! — возвысил голос парень с «томпсоном».

По одному виду этих «макаронников» я понял, что, если бы хоть кто-то пошевельнулся, они бы принялись стрелять без разбора, не испытывая ни к кому жалости. Им лишь нужен был повод. Сделать я ничего не мог. Даже будь у меня пистолет, вряд ли бы я что затеял. Идти с пистолетом против двух «томпсонов» — это все равно что фехтовать зубочисткой против рапиры. Да и застрелили бы не меня одного.

Два «макаронника» подошли к моему столу.

Положив руки на стол, я сидел, будто каменный, и смотрел на них снизу вверх. Я слышал, как рядом со мной тяжело дышит Стивенс.

«Макаронник» с грязными манжетами злобно улыбнулся мне.

— Только пошевелись, сучий сын, и я выпущу твои кишки, —

бросил он, потянулся и схватил Стивенса за руку.

— Идем, ты. Покатаешься с нами немного.

— Не трогайте его, — сказал я сквозь стиснутые зубы.

«Макаронник» вмазал мне по лицу рукоятью револьвера.

— Поговори у меня! — рявкнул он.

Другой «макаронник», сунув дуло револьвера Стивенсу в бок, сталкивал его со стула.

— Не трогайте меня, — задыхаясь, прохрипел Стивенс и слабо попытался освободиться от «макаронника». Оскалившись, «макаронник» стукнул его кулаком, схватил за ворот и отбросил от стола.

Мой корешок с грязными манжетами отошел от меня, и парень с «томпсоном» пододвинулся поближе, держа прицел на уровне моей груди. Я сидел неподвижно, подперев голову и чувствуя в пальцах кровь, горячую и липкую.

Стивенс упал.

— Давай быстрее, — в ярости сказал «макаронник» с грязными манжетами. — Уберите отсюда этого глупого старого ублюдка. — Он наклонился и схватил Стивенса за лодыжку. Его напарник ухватился за другую, и они побежали через зал, волоча за собой лежавшего на спине Стивенса, опрокидывая столы и стулья на пути к двери.

Распахнув пинками створки, они проволокли старика через тротуар к поджидавшей машине. Еще два «макаронника» стояли снаружи с пулеметами, угрожая разинувшей рты толпе, выстроившейся по обе стороны от входа в кафе.

Такой спокойной и хладнокровной расправы я еще сроду не видел.

Два крутых «макаронника» с «томпсонами» задом вышли из кафе и сели в машину. Один из «макаронников» на улице развернулся и стал стрелять через матовое стекло в меня. Я этого и ожидал и, уже когда он только развернулся, соскочил со стула и распластался под столом, вжавшись в пол. Пули отжевали стену прямо над моей головой, и на меня посыпалась штукатурка. Одна пуля оторвала мой каблук. Затем стрельба прекратилась, и, выглянув из-за стола, я успел увидеть, как «макаронник» вскочил на подножку рванувшейся от бордюра и помчавшейся по улице машины.

Я встал на ноги и нырнул в телефонную будку.

Голос зазвучал, как эхо в тоннеле, и проник во все уголки моей комнаты, то был едва различимый голос диктора, исходивший из приглушенного радио. Я ждал этого голоса уже полчаса. Картинка-загадка, разложенная передо мной на столе,

интересовала меня не больше, чем дохлая мышь, которую я нашел утром в мышеловке, а может, даже и меньше. От настольной лампы с абажуром на ковре образовалась одинокая лужица света. На полу, под рукой у меня, стояли бутылка виски и стакан. Я уже пропустил стаканчик, а может, даже два или три. После такого вечера стаканом больше, стаканом меньше — роли не играет.

Меня по-прежнему слегка трясло. Кому понравится, когда по нему выпустят целый магазин из автомата, и я тут не исключение. Перед моим мысленным взором неотступно стояла картина: два «макаронника» волокут старика из кафе. Я жалел, что не смог ничего предпринять: ведь он оказался там из-за меня.

«Сегодня в девять часов вечера, — говорил диктор, врываясь в мои мысли, — шесть лиц, как полагают, итальянского происхождения, вооруженные автоматами и автоматическими пистолетами, ворвались в кафе „Синяя птица“ на углу Джефферсон и Фелман. Пока двое вооруженных головорезов стояли на страже у входа, а двое других терроризировали находившихся в кафе, остальные двое схватили Джона Стивенса и выволокли его из кафе к поджидавшей машине.

Позже Стивенса, которого общественность города помнит как дворецкого мистера Грегори Уэйнрайта, нашли мертвым у шоссе Лос-Анджелес — Сан-Франциско. Полагают, что он умер от удара, последовавшего в результате грубого обращения со стороны его похитителей. Вероятно, когда обнаружилось, что он мертв, похитители выбросили тело из проносившейся машины».

Голос диктора был совершенно бесстрастный, как будто он зачитывал цены на жиры. Я пожалел, что не стою у него за спиной с автоматом: выпустить бы очередь над его головой, сразу бы ожил.

«Полиция также жаждет побеседовать с неизвестным человеком, который находился с Джоном Стивенсом, когда появились похитители. Позвонив в управление полиции, чтобы представить описание преступников и назвать номер их машины, он скрылся. По словам свидетелей, этот человек высокий, мощного телосложения, волосы темные, лицо желтоватого цвета, черты лица резкие. На правой стороне лица рана от удара, нанесенного одним из похитителей. Любому узнавшему этого человека следует немедленно связаться с начальником полиции Брэндоном, управление полиции, Грэм 344…»

Я наклонился и выключил радио.

— Лицо желтоватого цвета, черты лица резкие, но никто не сказал, что он красивый.

Я медленно повернулся на стуле.

В открытой стеклянной двери стоял сержант Макгро, позади него маячил сержант Хартселл.

Я подскочил не более чем на фут: один из тех рефлексов, над которыми я не властен.

— Кто вам разрешил врываться сюда? — спросил я, вставая на ноги.

— Он хочет знать, кто нам разрешил врываться сюда, — сказал Макгро, скосоротившись. — Скажем ему?

Хартселл прошел в комнату. На худом враждебном лице — хмурое выражение, глубоко посаженные глаза — каменные.

— Да, скажи ему.

Не отводя от меня взгляда, Макгро закрыл стеклянную дверь.

— Нам сказала маленькая пташка, — подмигнув мне, продолжил он. — Всегда находится маленькая пташка, которая говорит нам то, что нам хочется знать. И эта самая пташечка также сообщила нам, что сегодня вечером ты был со Стивенсом.

Меня слегка бросило в пот, может, потому, что ночь выдалась жаркая. А может, мне не понравился вид этих двоих. А может, вспомнилось, как Брэндон грозился устроить мне темную.

— Верно, — ответил я. — Я был с ним.

— Ну, молоток, — сказал Макгро и просиял. — Чудо-Чадо говорит для разнообразия правду. Чего же ты там не остался? Ребята из патрульной машины с удовольствием бы с тобой побеседовали.

— А мне нечего было им сообщить, — ответил я. — Описание машины и людей я уже сообщил дежурному сержанту, и нового бы ничего не добавил. К тому же для одного вечера мне было достаточно, вот я и смотал удочки.

Макгро сел в кресло, порылся во внутреннем кармане и выудил оттуда сигару. Он откусил конец, выплюнул его на стену и прикурил.

— Это мне уже нравится, — сказал он, выпуская изо рта густой дым. — Для одного вечера тебе достаточно. Да, очень мило. Но, корешок, как ты ошибаешься. Вечер для тебя даже еще и не начинался.

Я промолчал.

— Давай побыстрее, — жестким голосом сказал Хартселл. — Через час мне заступать на пост.

Макгро недовольно уставился на него.

— Спокойненько, ладно? Ну и что из того, если ты немного опоздаешь? Мы и сейчас на посту, разве нет? — Он бросил взгляд на меня. — О чем вы со Стивенсом говорили?

— Мне хотелось знать, устраивает ли его объяснение, будто Джэнет Кросби умерла от сердечной недостаточности. Он сказал,

что не устраивает.

Макгро усмехнулся и потер свои большие белые руки, мои слова явно доставили ему удовольствие.

— А ты знаешь, — бросил он Хартселлу, — начальник не дурак. Не скажу, что с ним легко, но он явно не дурак. Вот доподлинные его слова: «Бьюсь об заклад, что этот сучий сын толковал со Стивенсом о семействе Кросби». Вот что он мне сказал, как только мы получили описание. И он оказался прав.

Хартселл посмотрел на меня долгим мерзким взглядом.

— Да, — сказал он.

— И это все, что тебе хотелось узнать, Чудо-Чадо? — спросил Макгро. — Или ты задавал Стивенсу и другие вопросы?

— Это и все, что мне хотелось знать.

— А не тебе ли начальник велел оставить Кросби в покое?

Вот оно что.

— Он упоминал об этом.

— Или, может, ты считаешь, что начальник говорит, лишь бы послушать собственный голос?

Я перевел взгляд с Макгро на Хартселла, затем снова на Макгро.

— Не знаю. Почему бы вам не спросить у него?

— Не умничай, Чудо-Чадо. Умников мы не любим, правда, Джо?

Хартселл сделал нетерпеливое движение.

— Ради Христа, давай кончать, — сказал он.

— Кончать — что? — спросил я.

Макгро наклонился и снова сплюнул на стену, а пепел стряхнул на ковер.

— Из-за тебя, корешок, начальник, похоже, не очень-то счастлив, — сказал он и ухмыльнулся. — А когда начальник несчастлив, он злится и выходит из себя, а когда он выходит из себя, то вымещает зло на своих ребятах, вот мы и решили снова сделать его счастливым. Мы подумали, что проще всего вернуть ему улыбку — это приехать сюда и немного поработать над тобой. Мы решили, было бы неплохо потрепать тебе уши, а то и вовсе оторвать их. Кроме того, подумали мы, неплохо бы учинить небольшой разгром в твоем доме: побить мебель и поковырять стены. Мы ведь так думали, а, Джо?

Хартселл облизал тонкие губы и позволил усмешке появиться в его каменных глазах. Он вытащил из набедренного кармана кусок резинового шланга, налитого свинцом, и оценивающе взвесил его на ладони.

— Да, — сказали он.

— А вы не подумали, что произойдет, если вы исполните эти

благие намерения? — спросил я. — Вам не приходило в голову, что я могу предъявить иск за нападения и что некто Манфред Уиллет разнесет вас в пух и прах на суде и вы лишитесь своих блях? Пришло вам это в ваши светлые головушки или вы просто проглядели подобную мелочь?

Макгро наклонился и погасил горящую сигару о полированную крышку стола.

— Ты не первый ублюдок, Чудо-Чадо, которому мы наносим визит, — сказал он. — И не будешь последним. Как управляться с адвокатами, мы знаем. Подумаешь, Уиллет! Нашел кем пугать. Да и о каком суде ты толкуешь? Мы пришли сюда взять у тебя заявление насчет Стивенса. По какой-то там причине — может, тебе не понравились наши лица, может, ты был слегка поддатый, может, у тебя чирей в неудобном месте, сойдет что угодно, — ты становишься крут. До того крут, Чудо-Чадо, что нам с Джо приходится вроде как урезонивать тебя, ты начинаешь буянить, и в комнате вроде как происходит погром. Но нашей вины тут нет. Нам тоже это особенно не по душе, и как знать, может, кабы не наши лица, или если бы ты не был поддатый, или если бы у тебя не было чирья в неудобном месте, ничего бы этого не произошло. Это то, что в суде называется твое слово против слов двух респектабельных, не жалеющих сил на службе полицейских. К тому же мы могли бы забрать тебя в управление и посадить в тихую славную камеру, куда время от времени заходили бы ребята и вытирали ботинки о твою морду. Странное дело, до чего много наших ребят любят заглядывать кое к кому из заключенных и вытирать ботинки о их морды. Даже не знаю, почему: просто, видать, любят повеселиться. Так что давай больше не будем толковать об обвинениях в нападении, отобранных бляхах и умниках-адвокатах, если хочешь, чтоб все было по-хорошему.

Я вдруг ощутил, как у меня неприятно засосало под ложечкой. Значит, мое слово против их слов. Они могли запросто арестовать меня и бросить в камеру. К тому времени, как Уиллет развернется, может произойти много чего. Выходило, что этот вечер не для моих игр и забав.

— Вы, значит, все продумали? — произнес я как можно спокойнее, — насколько позволяли обстоятельства.

— А как же, корешок, — сказал Макгро, лыбясь. — Тут столько вокруг подонков, которые мутят воду, а наша тюрьма не такая уж и большая. Так что время от времени мы просто вынуждены принимать соответствующие дисциплинарные меры, чтобы сэкономить городу бабки.

Мне бы следовало поглядывать на Хартселла, который стоял чуть слева сзади от меня. Я вдруг услышал свист рассекаемого

воздуха и попытался увернуться, но слишком, даже очень, опоздал. Резиновый шланг ударил меня по макушке, и я упал на четвереньки.

Макгро только этого и ждал и молниеносно выбросил ноги — квадратный, окованный железом носок ботинка угодил мне по горлу. Я повалился набок, лихорадочно хватая ртом воздух. Удар по предплечью отозвался тупой болью в голове, и тут же последовал глухой удар по шее, а в ребра мне врезалось что-то острое.

Я откатился, поднялся на четвереньки, увидел, что Хартселл надвигается на меня, и попытался увернуться. Шланг, казалось, отскочил прямо от моих мозгов, как будто мне сделали трепанацию, чтобы специально бить по мозгам. Я распластался на ковре, сжимая кулаки и сдерживая крик, который уже готов был вырваться из меня.

Чьи-то руки подхватили меня и поставили на ноги. Сквозь красную пелену тумана Макгро казался чересчур огромным, чересчур широким и уродливым. Он отпустил меня, и я, падая вперед, напоролся на его кулак. Я кубарем полетел через комнату, опрокинув стол. Приземлился на спину посреди посыпавшихся кусков от картинки-загадки.

Я замер. Свет потолка ринулся на меня, остановился, затем снова откатился назад. Это повторялось несколько раз, поэтому я закрыл глаза. На заднем плане моего сознания маячила мысль, что ведь это может продолжаться, пока они не устанут, а утомить таких головорезов, как Макгро и Хартселл, нелегко. К тому времени, как они со мной разделаются, от меня почти ничего не останется. Я тупо подумал, почему они на меня набрасываются, почему я спокойно лежу на полу. Пока я не двигался, боль, завладевшая мною, была еще терпима. Мне и думать не хотелось, что будет с моей головой, если я шевельнусь. Мне казалось, голова висит на ниточке, и достаточно одного легкого движения, как она покатится по полу.

Сквозь эту боль и туман я услышал, как какая-то женщина сказала:

— Это вы так развлекаетесь?

Женщина!

Вероятно, подумал я, от последнего удара, а может, и от удара шлангом по голове я стал получать от них удовольствие.

— Этот человек опасен, мэм, — сказал Макгро вежливым голосом мальчика, которого застали в буфетной. — Он сопротивлялся аресту.

— Не смейте лгать мне! — голос и точно был женский. — Я видела в окно, что тут происходит.

Такое я пропустить не собирался, пусть бы даже меня и убивали. Я очень осторожно поднял голову. Все вены, артерии и нервы в ней вопили: «Убивают!» — пульсировали, расширялись и вообще ударялись в истерику, но я сумел сесть на полу. Свет пулял стрелы мне в глаза, и я на мгновение зажал голову руками и посмотрел сквозь пальцы.

Макгро с Хартселлом стояли у двери, как будто на раскаленной докрасна печи. У Макгро на лице была заискивающая улыбка, будто говорившая: «Ко мне это не имеет ровно никакого отношения». Хартселл стоял с таким видом, будто в брючине у него бегает по ноге мышь.

Держа голову неподвижно, я повернулся и глянул на стеклянную дверь.

Между полураздвинутыми занавесками стояла девушка — в белом, без бретелек, вечернем платье, оттенявшем сильно загорелые плечи и красивую выемку между грудями. На плечи спадали черные волосы цвета воронова крыла с загнутыми внутрь концами. Мне трудно было взять ее в фокус, и ее красота дошла до меня медленно, как кинокадр, поданный на экран киномехаником-любителем. Смазанные черты лица постепенно обрели четкость. Едва различимые впадинки, бывшие ее глазами, наполнились и ожили. Славное личико, овальное, с чеканным носиком, красными чувственными губами и большими, широко поставленными глазами, столь же черными и жесткими, как куски угля.

Хотя кровь стучала у меня в голове, горло страшно болело, а во всем теле было такое ощущение, будто его пропустили через выжималку, я испытал прикосновение соблазнительности этой девушки так же, как чуть раньше ощутил прикосновение кулака Макгро. У нее не только была внешность, в ней еще была и неповторимая изюминка: она проглядывала в ее глазах, в осанке, в изгибах тела, в ее загорелой шейке, она заявляла о себе, как заявляют о себе двадцатифутовые буквы на рекламном щите.

— Как вы смеете избивать этого человека! — сказала она голосом, который донесся через комнату с жаром и силой огнемета. — Это все Брэндон придумал?

— Послушайте, мисс Кросби, — с мольбой в голосе проговорил Макгро. — Этот фраер сует свое рыло в ваши дела. Начальник решил, что его следует урезонить. Честное слово, это и все.

Впервые, насколько я понял, она повернула голову и уставилась на меня. Вряд ли ее взору предстало особенно приятное зрелище. Я осознавал, что порядком нахватал синяков и шишек, а из пореза на правой щеке, по которой мне вмазал

«макаронник», снова потекла кровь. Не знаю уж как, но я сумел ей улыбнуться. Улыбка вышла кривая, без особого чувства, но все же улыбка.

Она посмотрела на меня, как смотрят на лягушку, которая прыгнула вам в утреннюю чашку кофе.

— Встаньте! — резко скомандовала она. — Не так уж вас и побили.

Конечно, это ведь не ее три или четыре раза погладили по голове шлангом, не ее пинали в горло и под ребра, не ей заехали по челюсти.

Может, потому, что она была такая славная, я и сделал над собой усилие и каким-то образом встал на ноги. У нас, у Мэллоев, собственная гордость: мы не любим, чтобы наши женщины считали, будто мы слишком размякаем. Как только я оказался на ногах, мне пришлось ухватиться за спинку стула, и я чуть было снова не распластался на полу, но, вцепившись в стул и сублимируя боль, которая заходила ходуном от головы к пяткам и обратно, как спятившая русская горка, я стал постепенно преодолевать ее и обретать, что называется, второе дыхание.

Макгро и Хартселл смотрели на меня, как смотрят тигры на кусок мяса, который вытащили у них из клетки.

Она снова заговорила этим своим презрительным голосом, обращаясь к ним:

— Нет, вы мне не нравитесь. Если Брэндон так поставил дела в полиции, тогда чем раньше его из нее вышибут, тем лучше!

Пока Макгро бормотал извинения, я настроил свой компас и зигзагообразным курсом направился к перевернутой бутылке с виски. Пробка была плотно закрыта, так что из бутылки ничего не вылилось. Наклониться и поднять ее оказалось равносильно подвигу, но мне это удалось. Я приладился к горлышку и выпил.

— Прежде чем уйдете, вы вкусите собственного средства, — говорила она, а когда я опустил бутылку, протянула мне резиновый шланг, который подняла с пола. — Ну же, избейте их! — со злобой сказала она. — Возьмите свое!

Я взял шланг, потому как иначе она бы, вероятно, засунула мне его в глотку, и посмотрел на Хартселла и Макгро, которые в ответ посмотрели на меня, как две свиньи, ожидающие, когда им перережут глотки.

— Избейте их! — повторила она голосом погромче. — Пора уже, чтобы кто-то это сделал. Они покорно стерпят избиение. Уж я об этом позабочусь.

Ситуация была необычная, но я нисколько не сомневался, что они бы стояли там и позволили мне исколотить их до полусмерти.

Я швырнул шланг на кушетку.

— Только не я, леди, я развлекаюсь по-другому, — проговорил я, и голос у меня зазвучал, как пластинка, которую проигрывают тупой граммофонной иглой.

— Избейте их! — в ярости скомандовала она. — Чего вы боитесь? Они больше не посмеют вас тронуть. Поколотите их как следует!

— Простите, — сказал я. — Веселее мне бы от этого не стало. Давайте их выгоним. Они загадили всю комнату.

Она повернулась, схватила шланг и подошла к Макгро. Белое его лицо пожелтело, но он не пошевельнулся. Рука ее взлетела вверх, и она ударила его по лицу. На его дряблой щеке появился уродливый красный рубец. Он хрюкнул от боли, но по-прежнему не пошевельнулся.

Когда ее рука взлетела снова, я схватил ее за запястье и отобрал у нее шланг. Эго усилие стоило мне страшной боли в голове и жгучей пощечины от мисс «Порох». Она попыталась отнять у меня шланг, но я, держа ее за руки, завопил:

— Мотайте отсюда, ублюдки! Мотайте отсюда, пока она вам не высадила мозги!

Держать ее было все равно, что держать разгневанную тигрицу. Она оказалась удивительно сильной. Пока я боролся с ней, Макгро с Хартселлом опрометью выскочили из комнаты, как будто за ними гнался сам дьявол. Торопясь убраться, они свалились со ступенек. Когда я услышал шум мотора их машины, я отпустил запястья женщины и сделал шаг назад.

— Успокойтесь, — сказал я, переводя дыхание. — Они уехали.

Какое-то мгновение она стояла, ловя ртом воздух, лицо напряжено, глаза сверкают — славная фурия; затем гнев прошел, глаза лишились своего взрывного качества, и она вдруг запрокинула голову и засмеялась.

— Ну, мы их наверняка до полусмерти напугали, этих двух крыс, правда? — сказала она и плюхнулась на кушетку. — Дайте мне выпить и сами выпейте. Судя по вашему виду, выпить вам явно не помешает.

Потянувшись за бутылкой, я сказал, не отводя от нее взгляда:

— Зовут вас, разумеется, Морин Кросби?

— Угадали. — Она потерла запястье, скорчив смешную гримасу. — Вы сделали мне больно, мужлан.

— Весьма сожалею, — сказал я, действительно сожалея об этом.

— Хорошо, что я сюда заглянула. Если бы не заглянула, они бы уже сняли с вас шкуру.

— Да, уж это точно. — Рука у меня дрожала, и виски расплескалось на ковер. Я протянул стакан ей и стал наливать себе. — «Уайтрок» или вода?

— В натуральном виде, — ответила она, подняв стакан на свет. — Я считаю, ни к чему соединять дело с удовольствием, а виски с водой.

— Это смотря какое дело и какое виски. — В ногах у меня было такое ощущение, как будто мне удалили голени. — Стало быть, вы Морин Кросби. Кого-кого, а вас никак не ожидал увидеть у себя дома.

— Я так и думала, что вы удивитесь. — В темных глазах стояло насмешливое выражение, улыбка была рассчитана на эффект.

— Как идет излечение от наркотиков? — спросил я, наблюдая за ней. — Мне всегда говорили, что наркоманам следует воздерживаться от спиртного.

Она продолжала улыбаться, хотя глаза погрустнели.

— Не следует верить всему, что говорят.

Я отпил из стакана. Виски показалось мне очень крепким. Я содрогнулся и поставил стакан на стол.

— А я и не верю. Надеюсь, и вы не верите.

Мы долго сидели, глядя друг на друга. Она умела делать лицо невыразительным, не лишая его привлекательности, что было, я бы сказал, большим достижением.

— Не будем усложнять. Я здесь для того, чтобы поговорить с вами. Вы причиняете мне много беспокойства. Не пора ли взять свою лопаточку и поковырять на чьем-нибудь еще кладбище?

Я притворился, будто раздумываю над этим.

— Вы просто спрашиваете или это предложение? — сказал я наконец.

Рот у нее сжался, улыбка ушла.

— Вас можно купить? Мне говорили, что вы один из этих чистеньких и простых бессребреников. Особенно мне советовали не предлагать вам денег.

Я потянулся за сигаретой.

— По-моему, мы согласились, что не верим всему, что слышим, — сказал я, наклоняясь вперед и предлагая ей сигарету. Она взяла ее, и мне пришлось потянуться за другой. Дать ей прикурить стоило мне еще одного укола боли в голову, отчего мое настроение нисколько не улучшилось.

— Это могло бы быть и предложение, — сказала она, откидываясь назад и выпуская дым к потолку. — Сколько?

— А что вы хотите купить?

Она разглядывала сигарету, как будто никогда прежде

сигарет не видела, потом сказала.

— Вы доставляете мне много беспокойства. Я могла бы заплатить за избавление от беспокойства.

— И сколько же оно стоит?

— Вы знаете, вы страшно меня разочаровали. Вы ничуть не лучше этих мерзких шантажистов.

— Кому ж и знать о них, как не вам.

— Да. О них я знаю все. А когда скажу, чего, я считаю, это стоит, вы, наверное, посмеетесь надо мной, как всегда смеются они, и поднимете стартовую цену. Так что лучше уж вы мне скажите, сколько это стоит для вас, и предоставьте мне возможность посмеяться.

Мне вдруг надоело продолжать эту игру. Может, у меня слишком болела голова, а может, даже я находил ее настолько привлекательной, что мне просто не хотелось, чтобы она принимала меня за подлеца.

— Ну что, опустим это, — сказал я. — Я пошутил. Купить меня нельзя. Зато меня, вероятно, можно убедить. С чего это вы взяли, будто я затеваю какую-нибудь бучу? Расскажите мне о своем деле. Если в нем нет ничего плохого, я могу взять свою лопату и пойти покопать в другом месте.

Она смотрела на меня секунд, наверное, десять — задумчиво, молчаливо, с некоторым сомнением.

— С такими вещами не следует шутить, — серьезно сказала она. — Вы можете добиться того, что перестанете нравиться. Мне бы не хотелось беспричинно недолюбливать вас.

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Прекрасно. Вы говорите, просто чтобы выиграть время, или действительно так считаете?

— Мне сказали, что у вас манеры борова, но что вы умеете находить подход к женщинам. Что касается борова, все верно.

Я открыл глаза и осклабился.

— Что касается женщин, я тоже на уровне, только не надо меня торопить.

Тут, напугав нас обоих, зазвонил телефон. Он стоял рядом со мной, и, когда я потянулся к трубке, она быстро сунула руку в сумочку и вытащила автоматический пистолет 25-го калибра. Она приставила его мне к виску, маленький барабан коснулся кожи.

— Ни с места! — сказала она, а в ее глазах появилось выражение, от которого я прирос к месту. — Не трогайте телефон!

Так мы и сидели, а телефон все звонил и звонил. Резкий его звук действовал мне на нервы, отскакивал от тихих стен комнаты, выползал через приоткрытую стеклянную дверь и терялся в море.

— В чем дело? — спросил я, медленно отодвигаясь назад, — холодок пистолета на лице оставлял неприятное чувство.

— Заткнитесь! — голос у нее стал, как терка. — Не двигаться!

Наконец звонок устал звонить и замолчал. Она встала.

— Пошли, мы уходим отсюда. — И снова пистолет угрожал мне.

— Куда мы идем? — спросил я, не двигаясь.

— Подальше от телефонов. Идемте, если не хотите, чтобы вам прострелили ногу.

Но пойти с ней меня заставил не страх, что мне могут прострелить ногу; меня заставило любопытство. То, что она вдруг ни с того ни с сего испугалась, было очень и очень странно. Я видел этот испуг столь же ясно, как видел небольшую ложбинку меж ее грудей.

Когда мы спускались по ступенькам к машине, стоявшей сразу же за воротами, телефон зазвонил снова.

Машина оказалась черным «роллсом». Ощущение скорости в салоне ничем не передавалось: ни покачиванием, ни шумом двигателя. Лишь завывание ветра, струившегося по обтекаемой крыше, подсказывало мне, что стрелка спидометра, дрожавшая на девяноста, не обманывает.

Я сидел рядом с Морин Кросби в низко опущенном, как мне казалось, кресле, уставившись во все глаза на ослепительную лужицу света, ложившуюся перед нами на дорогу и убегающую от нас, как перепуганное привидение.

Она гнала машину по бульвару Орчид, прокладывая себе дорогу среди других машин настойчивым гудением рожка. Она обгоняла машины перед самым носом идущего навстречу транспорта, проскальзывая в сужающиеся проходы и избегая верного лобового столкновения. Она взяла, что называется, штурмом широкую, темную Маун-Верде-авеню и покатила по шоссе на Сан-Диего. И только уже оказавшись на шестирядной трассе, она погнала машину по-настоящему, стремительно и опережая все двигавшиеся по дороге автомобили, отчего их водители, наверное, подскакивали как ужаленные.

Я не имел представления, куда мы едем, а когда хотел что-то сказать, она оборвала меня кратким: «Молчите! Мне надо подумать», — и я, откинувшись на роскошное сиденье, восхищаясь ее мастерством вождения и надеясь, что мы ни во что не врежемся, предался сумасшедшему бегу во тьму.

Шоссе на Сан-Диего идет по плоской пустыне песчаных дюн и кустарников, затем вдруг выходит к самому океану, после чего снова врезается в пустыню. Однако когда мы добрались до моря,

Морин не поехала дальше по трассе, а сбавила скорость до жалких шестидесяти и свернула на узкий проселок, который шел вдоль берега. Дорога стала круто взбираться, и море сразу осталось внизу, пока мы не одолели какой-то холм и не выехали на вершину утеса. Теперь мы ползли на жалких тридцати. У начала еще одной узкой дороги, по обеим сторонам которой рос высокий кустарник, ослепительный свет фар выхватил из темноты надпись: «Частная собственность. Въезд запрещен». Морин свернула на эту дорогу, и машина вошла туда, как рука входит в перчатку. Мы брали повороты и срезали углы, ничто, насколько я видел, не задевая. Через несколько минут Морин сбавила скорость и остановилась перед двенадцатифутовыми воротами, утопающими в колючей проволоке. Она трижды нажала на кнопку рожка: короткие гудки разорвали тишину, и ворота словно по волшебству сами распахнулись.

— Здорово, очень здорово, — сказал я.

Она ничего не сказала, даже не взглянула на меня, а проехала дальше, и, оглянувшись, я увидел, что ворота закрылись. Я вдруг подумал, а не похитили ли меня, как похитили сиделку Гэрни. Часы на щитке показывали без двух двенадцать — мое время для отхода ко сну.

Дорога вдруг расширилась в подъездную аллею, и мы проскользнули еще в одни двенадцатифутовые ворота, стоявшие открытыми, и снова, оглянувшись, я увидел, как они закрылись за нами, будто по мановению невидимой руки.

В ослепительном свете фар появился деревянный, стилизованный под шале дом, сокрытый кустами и тунговыми деревьями в цвету. В окнах первого этажа виднелся свет. Электрический фонарь ярко освещал ступеньки, ведущие к парадной. Она подъехала, распахнула дверцу и выскользнула из машины. Я выбрался не столь быстро. Передо мной в лунном свете спускался по склону утеса террасный сад. У его основания, а это, казалось, далеко внизу, я увидел большой бассейн. Море поставляло мягкий звуковой фон и поблескивало где-то вдали. Жаркий ночной воздух был перенасыщен запахом цветов.

— И это все ваше? — спросил я.

Она стояла рядом со мной, верх ее гладких темных волос был вровень с моим плечом.

— Да, — ответила она и, помолчав, добавила: — Приношу извинения за пистолет, но мне нужно было быстро доставить вас сюда.

— Я бы приехал без пистолета.

— Но прежде бы ответили на телефонный звонок. Было очень важно, чтобы вы на него не отвечали.

— Послушайте, у меня голова раскалывается, я устал и прошу об одном: не надо загадочности. Вы скажите мне, зачем привезли меня сюда? Почему было важно, чтобы я не отвечал на телефонный звонок и чего вы от меня хотите?

— Само собой. Войдем? Я угощу вас виски.

Мы поднялись по ступенькам. Парадная дверь стояла открытой, и мы прошли в прихожую, а оттуда через арочный проход в гостиную во всю ширину дома. Там было все, что можно увидеть в доме миллионерши. Денег не жалели. Цветовая гамма сочетала кремовые и серебристые тона, и комната была довольно броской, но не вульгарной. Лично у меня не такое представление о гостиной, но ведь у меня простой вкус.

— Давайте посидим на веранде, — предложила она. — Проходите, пожалуйста. Я принесу напитки.

— Вы здесь одна?

— Не считая служанки. Она вас не побеспокоит.

Я прошел на веранду и увидел большую качалку, футов десять длиной, поставленную так, чтобы можно было сидеть и восхищаться видом, а вид был вполне достоин восхищения. Я опустился на мягкую кожаную подушку и уставился на далекое море. Пока мы ехали, я все время гадал, чего же она от меня хочет. Гадал и сейчас.

Она появилась через несколько минут, толкая перед собой столик на колесиках, на котором стояли бутылки, стаканы и ведерко со льдом, села с другого конца качалки. Нас разделяло примерно восемь футов покрытой кожей качалки.

— Виски?

— Спасибо.

Я смотрел, как она наливает виски. Темные синие огоньки в крыше веранды давали достаточно света, чтобы я мог ее видеть, но недостаточно, чтобы разглядеть глаза. Я подумал, что, пожалуй, такой красивой девушки я еще сроду не видел. Удовольствием было даже наблюдать за ее движениями.

Пока она наливала в стаканы, мы оба старались ничего не говорить. Она предложила мне сигарету, и я ее принял, дал ей прикурить, потом прикурил сам.

Мы оба были готовы начать, но, казалось, ей по-прежнему не хочется ничего говорить, а я боялся, как бы у меня не вырвалось какое-нибудь случайное замечание, которое могло ее оттолкнуть. Мы смотрели на сад, на море и на луну, а стрелки моих наручных часов знай себе двигались.

Потом она вдруг сказала:

— Приношу извинения за то, как я… как я себя вела. Я имею в виду, что предлагала вам деньги, лишь бы вы оставили меня в

покое. Я знаю, это был неверный подход, но я не хотела ничего выдавать, пока не узнаю, что вы за человек. Дело в том, что мне нужна ваша помощь. Я влипла, и не знаю, как выпутаться. Я вела себя как последняя дурочка, и я боюсь. Я до смерти боюсь.

Испуганной она не казалась, но я ей этого не сказал.

— Хотела бы я знать наверняка, известно ли ему это место, — продолжала она, будто разговаривала сама с собой. — Если знает, он наверняка приедет сюда.

— А что если мы начнем по порядку и не спеша? — мягко сказал я. — У нас уйма времени. Почему было важно, чтобы я не отвечал на телефонный звонок? Начнем с этого.

— Потому что он бы узнал, где вы, и он вас ищет, — сказала она, будто разговаривая с несообразительном ребенком.

— Вы не сказали мне, кто это — он. Шеррилл?

— Разумеется, — коротко ответила она.

— А зачем он меня ищет?

— Ему не нужны неприятности, а вы их для него создаете. Он намерен разделаться с вами. Я слышала, как он велел Франсини сделать это.

— Франсини — это маленький «макаронник» с оспинами на лице?

— Да.

— И он работает на Шеррилла?

— Да.

— Значит, похищение Стивенса организовал Шеррилл?

— Да. Для меня это был критический момент. Как только я узнала, что бедный старик умер, то сразу же приехала к вам.

— Шерриллу известно, что у вас есть этот дом?

— Не думаю. Я никогда о нем не упоминала, и он никогда здесь не был. Но он мог и узнать. Он знает почти все.

— Ну что ж, теперь, когда мы это выяснили, может, начнем с самого начала?

— Сперва я хочу вас кое о чем спросить, — ответила она. — Почему вы приехали в Крестуэйз и спрашивали меня? Почему вы поехали и потолковали с доктором Бьюли? Вас кто-нибудь нанял, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь?

— Да, — ответил я.

— Кто?

— Ваша сестра, Джэнет.

Ударь я ее по лицу, и то бы она не среагировала так сильно. Она вздыбилась на сиденье, будто наступила на змею, отчего качалка так и заходила.

— Джэнет? — это слово вырвалось из нее наводящим ужас шепотом. — Но ведь Джэнет мертва. Что вы имеете в виду? Как

вы можете говорить такое?

Я вытащил бумажник, нашел письмо Джэнет и протянул его ей.

— Прочтите.

— А что это? — спросила она. Казалось, она боится смотреть на письмо.

— Прочтите и взгляните на дату. Оно пролежало четырнадцать месяцев. Я сам впервые прочел его всего два дня назад.

Она взяла письмо. При виде знакомого почерка лицо у нее окаменело, а зрачки глаз сузились. Прочитав письмо, она несколько минут сидела неподвижно, вытаращившись на него. Я ее не торопил. Страх, самый неподдельный, который невозможно было скрыть, отражался у нее на лице.

— И из-за этого… из-за этого вы принялись наводить справки? — спросила она наконец.

— Ваша сестра прислала мне пятьсот долларов. Я считал себя обязанным заработать их. Я приехал в Крестуэйз, чтобы повидать вас и обсудить все с вами. Будь вы там и объясни мне, что означает сие письмо, я бы вернул деньги и прекратил расследование. Но вас там не оказалось. А потом стали твориться всевозможные вещи, и прекратить расследование я просто не мог.

— Понятно.

Я ждал, что Морин скажет что-нибудь еще, но она молчала. Сидела, неподвижно уставившись на письмо, — лицо белое, глаза жесткие.

— Вас шантажировали? — спросил я.

— Нет. Не знаю, почему она написала вам. Наверное, хотела скандала. Она ненавидела меня и всегда пыталась мне нагадить.

— Почему она ненавидела вас?

Она долго смотрела вниз, на сад, ничего не говоря. Я отпил виски и покурил. Если хочет сказать, так в свое время скажет. Морин была не из тех, кого надо торопить.

— Я не знаю, что делать, — произнесла она наконец. — Если я скажу вам, почему она меня ненавидела, то полностью доверюсь вам, вы можете погубить меня.

На это мне нечего было ответить.

— Но если я не скажу, — продолжала она, сжимая кулаки, — тогда я вообще не знаю, как выберусь из этой переделки. У меня должен быть человек, которому я могла бы доверять.

— Разве у вас нет адвоката? — спросил я, лишь бы что-нибудь сказать.

— Он может только навредить. Он мой опекун. По условиям завещания отца, если я окажусь замешанной в скандале, я теряю

все. Я уже по уши в таком дерьме, которое обернется ужасным скандалом, если только всплывет на свет божий.

— Вы имеете в виду Шеррилла? — сказал я. — Вы финансировали «Шхуну-Мечту»?

Она, вздрогнув, уставилась на меня.

— Вы это знаете?

— Знать я не знаю, но догадываюсь. Если бы стало известно, что за «Шхуной-Мечтой» стоите вы, это был бы скандал.

— Да. — Она вдруг скользнула по сиденью и оказалась рядом со мной. — Джэнет была влюблена в Дагласа. Я тоже сходила по нему с ума. Я отбила его у нее. Она пыталась застрелить меня, но меня спас отец. Вместо меня Джэнет застрелила его, — выболтнула она и закрыла лицо руками.

Я никак не рассчитывал услышать такое, а потому сидел, будто каменный, и ждал.

— Дело замяли, — после долгой паузы продолжала она. — Как — это пусть вас не волнует. Но оно не давало Джэнет покоя. Она… она отравилась. Это тоже замяли. Мы боялись, что станет известно, почему именно она покончила с собой. Доктор был старый, и никаких проблем не возникло. Он решил, что это сердечная недостаточность. Затем, когда я стала наследницей и у меня оказалась уйма денег, Даглас показал себя в своем истинном свете. Он заявил, что если только я не дам ему денег на покупку «Шхуны-Мечты», он растреплет, что я отбила его у Джэнет, а та пыталась убить меня, но случайно убила отца, а сама отравилась, и все из-за меня. Можете себе представить, как бы все это подали газеты, и я бы всего лишилась. Ну, я дала ему денег на его поганую шхуну, а ему, естественно, этого оказалось мало. Он продолжал приходить ко мне и требовать все новых денег, следил за каждым моим шагом. Теперь узнал, что вы наводите справки. Даглас боится, что вы обнародуете эту историю, и тогда, разумеется, он лишится своей власти надо мной. Даглас сделал все что мог, чтобы остановить вас. Когда он прослышал, что Стивенс встречается с вами, то похитил его. А теперь он собирается уничтожить вас. Я не знаю, что делать! Мне бы уехать куда-то и спрятаться! Я хочу, чтобы вы помогли мне. Вы мне поможете? Поможете? — Она уже сжимала мне руки. — Обещайте, что вы не выдадите меня! В ответ я готова сделать что угодно. Я не шучу! Вы мне поможете?

У нас за спиной послышался легкий шум, и мы оба повернулись. Позади нас стоял высокий, мощного сложения мужчина с темными курчавыми волосами, одетый в алый бумажный спортивный свитер без рукавов и темно-синие брюки. В руке он сжимал автоматический пистолет 38-го калибра,

направленный прямо на меня. На загорелом лице играла веселая покровительственная улыбка, как будто он наслаждался какой-то одному ему понятной шуткой, слишком тонкой для рядового интеллекта.

— Красивая сказочка, правда? — заговорил он грубым голосом. — Значит, ей хочется убежать и спрятаться? Ну что ж, она и спрячется. Она так спрячется, что никто и никогда ее не найдет, и тебя это тоже касается, мой любознательный друг.

Я прикидывал расстояние между нами, гадая, успею ли встать и добраться до него, прежде чем он выстрелит, когда вдруг услышал слишком хорошо знакомый свист опускающегося шланга, и моя голова, казалось, прямо взорвалась изнутри.

Последнее, что я слышал, был дикий, душераздирающий крик Морин.

Глава четвертая

Я лежал в большой, просторной комнате, стены и потолок которой были тускло-белого цвета. На окнах висели белые пластиковые занавески, а лампа с абажуром отбрасывала лужицу света на стоявшую напротив кровать.

На кровати сидел человек. Он читал. Выражение его лица и высокий, широкий лоб наводили на мысль о студенте, готовящемся к экзамену.

Несколько минут я наблюдал за ним сквозь полуприкрытые глаза, без особого интереса гадая, кто он такой и что делает в этой комнате вместе со мной. В руках у него была огромная книга. Когда он перевернул страницу и я увидел название главы, до меня дошло, что он держит книгу вверх тормашками.

Я нисколько не удивился, что лежу в этой комнате. Я подспудно ощущал, что нахожусь в ней уже несколько дней, а то и недель.

Инстинкт подсказывал мне — я был уверен, никто мне об этом не говорил, — что я нахожусь в больнице, и я попытался вспомнить, не сбила ли меня машина, но голова у меня почему-то совсем не соображала. Меня занимал лишь человек с книгой.

Человек был молод — лет двадцати пяти, с копной светлых и длинных шелковистых волос. Лампа отбрасывала тень на его глубоко посаженные глаза, и они казались двумя темными отверстиями у него на лице.

Я вдруг осознал, что он тоже наблюдает за мной, хоть и притворяется, что читает: наблюдает украдкой из-под ресниц, наблюдает, даже когда переворачивает страницу, изображая хмурую сосредоточенность на лице.

— Вам будет легче, если вы перевернете книгу, — сказал я и поразился, каким далеким прозвучал мой голос, как будто я находился в соседней комнате.

Он поднял глаза и улыбнулся: типичный представитель колледжа, который больше знаком с бейсбольной битой, нежели с книгами.

— Я всегда так читаю книги, — сказал он неожиданно высоким голосом. — Это гораздо интереснее, стоит только привыкнуть. — Он положил книгу. — Ну-с, как вы себя чувствуете, мистер Сибрайт? Боюсь, вам пришлось нелегко. Как голова?

Странное дело, но теперь, когда он об этом упомянул, я обнаружил, что у меня болит голова.

— Болит, — ответил я. — Это больница?

— Ну, не то чтобы больница. По-моему, ее называют санаторием.

— Вы говорите — санаторием, так ведь? Санаторий — это же психушка.

Он улыбнулся и кивнул светловолосой головой.

— Вот именно: психушка.

Я закрыл глаза. Мне понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить свист опускающегося мне на голову шланга, человека в алом спортивном свитере и дикий, душераздирающий крик Морин. Санаторий. Я почувствовал, как у меня мурашки побежали по спине. Санаторий!

Я резко сел. Что-то удерживало мое левое запястье. Я повернулся посмотреть, что же это такое. Запястье опоясывал яркий никелевый наручник, резиновый изнутри. Другой наручник был прикреплен к спинке кровати.

Молодой человек с легким интересом наблюдал за мной.

— Они считают, что для нас же безопаснее сидеть вот так, на привязи, — заметил он. — Смешно, право, но я не сомневаюсь, что они желают нам добра.

— Да, — сказал я и лег. И снова по спине у меня побежали мурашки. — Кто заправляет этим заведением?

— Господи, доктор Сэлзер, разумеется. Разве вы с ним не встречались? Он само очарование. Он вам понравится. Он всем нравится.

Тут я вспомнил, как мужчина в алом свитере сказал, что упрячет меня туда, где меня никто и никогда не найдет. Сумасшедший дом, разумеется, весьма надежный тайник. Но по словам сиделки Гэрни, заведение Сэлзера предназначалось для лечения тучных людей.

— А я считал, что у Сэлзера заведение, где вроде как занимаются обычным лечением, — осторожно заметил я. — Но никак не психушка.

— Совершенно верно, но тут есть крыло, отведенное для душевнобольных, — объяснил блондин. Он прошелся двумя пальцами, как будто ногами, по краю тумбочки. — О нем обычно не говорят. — Пальцы прошагали обратно. — Для родственников гораздо приятнее говорить, что вы просто поправляете здоровье, нежели заперты в клетке с мягкими стенами.

— В такой мы и находимся? — спросил я.

— О да. Стены обиты. На вид-то вроде нет, но попробуйте стукнуть по ним. Прямо смешно. — Он наклонился с кровати и стукнул по стене. — По-моему, это резина. Между прочим, меня зовут Данкен Хоппер. Вы, возможно, слышали о моем отце, Дуайте Хоппере.

Насколько я помнил, Дуайт Хоппер был крупной фигурой в торговле красками.

— Меня зовут Мэллой, — представился я. — Виктор Мэллой.

Он склонил голову набок и пристально на меня посмотрел.

— Как?

— Мэллой.

— Вы уверены? — Он лукаво улыбнулся. — Мне сказали, что вас зовут Эдмунд Сибрайт.

— Нет. Мэллой, — возразил я и в который уже раз почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Понятно. — Он снова прошагал пальцами по краю тумбочки. Похоже, ему это нравилось. — Интересно, а вы не станете возражать, если я буду называть вас Сибрайтом? Блэнд называет вас Сибрайтом. Доктор Сэлзер называет вас Сибрайтом. Сибрайт, значит, и в ваших документах. Я знаю, потому как упросил Блэнда дать мне взглянуть на них. У вас маниакально-депрессивный синдром. Вы знали об этом?

Во рту у меня вдруг пересохло.

— Что-что?

— Маниакально-депрессивный синдром. Смею сказать, это чистейший вздор.

— Да, вздор. — Я обнаружил, что говорить и думать спокойно мне все труднее.

— Я так рад. Депрессивники бывают такие скучные. Я не думал, что вы такой, так и заявил Блэнду. Но Блэнд ужасно глуп, совершенно необразованный человек. Он никогда не слушает, что я ему говорю. Боюсь, он вам не понравится. Он говорит, что я параноик, но это чистейший вздор. Сегодня утром у нас из-за этого вышел ужасный спор, и он дал мне вот эту книгу. В ней говорится о паранойе. Право, довольно забавно. Но у меня — ни одного-единственного симптома. Тут есть весьма интересная статья о депрессивных маньяках. — Он прошагал пальцами по краю тумбочки, прежде чем спросить: — У вас бывают галлюцинации?

Я сказал, что галлюцинаций у меня не бывает.

— Я так рад. — Он и впрямь, казалось, от души радуется. — Но ведь так странно, что вы считаете, будто ваша фамилия Мэллой, правда? Или, может, вы так не думаете?

Я сказал с расстановкой:

— Ничего странного, поскольку Мэллой действительно моя фамилия.

— Понятно. — Он потянулся за книгой и принялся листать страницы. — В таком случае, если вы не Эдмунд Сибрайт, почему же вы здесь?

— Это долгая история, — ответил я и вдруг подумал, что исключительно важно заставить этого блондина поверить мне. Если он мне не поверит, тогда кто же еще поверит? — Я частный детектив. Расследуя одно дело, обнаружил, что доктор Сэлзер повинен в смерти Юдоры Дрю. Все слишком запутано, чтобы сейчас вдаваться в подробности, но именно из-за этого меня и похитили. — Я увидел выражение вежливого недоверия на лице Хоппера.

— Доктор Сэлзер? — сказал он и одарил меня очаровательной улыбкой. — Убийство?! Это интересно. А вы вроде как детектив? Так?

— Послушайте, — сказал я, не находя себе места. — Вы думаете, я сумасшедший, правда?

— Разумеется, нет, мистер Сибрайт, — ласково ответил он. — Ничего подобного я не думаю. Я знаю, что вы не очень здоровы, но только не сумасшедший, это вполне определенно.

Я облизал пересохшие губы.

— Вы в этом уверены?

— Что за вопрос.

Но по хитрому выражению его глубоко посаженных глаз я понял, что он лжет.

Хоппер сообщил мне, что в девять часов придет Блэнд выключать свет.

— Минут через пять, — уточнил он, бросив взгляд на наручные часы. — Блэнд разрешает мне носить эти часы, потому что я даю ему по сотне сигарет в неделю. Отец присылает их мне, а курить мне, разумеется, не разрешают. Они, похоже, считают, что я могу поджечь постель. — Он засмеялся, показывая мелкие и ровные белые зубы. — Смешно, право, но я полагаю, плохого они мне не желают.

Я попытался под простыней вытащить руку из наручника. Стоит мне освободиться, сказал я себе, как я убегу из этого дома, и меня даже пулеметом не остановишь.

— Какое сегодня число?

Хоппер открыл ящик в тумбочке и сверился по дневнику.

— Двадцать девятое июля. А вы разве не ведете дневник? Я веду. Завтра годовщина. Я здесь уже три года.

Но я уже не слушал. Мне пришлось долго и мучительно размышлять, прежде чем я вспомнил, что Морин повезла меня в место своего затворничества 24 июля. Пять дней! Пола и Керман наверняка меня ищут. Придет ли им в голову заглянуть сюда? Даже если они и догадаются, что я здесь, как они до меня доберутся? Сэлзер под защитой Брэндона, и все, что скажет ему Керман, Брэндон пропустит мимо ушей. Если бы Шеррилл — а я

не сомневался, что мужчина в алом спортивном костюме это Шеррилл, — не был абсолютно уверен, что тут меня никто не найдет, разве бы он не продырявил мне голову пулей и не бросил бы меня в море? И вообще — почему он этого не сделал? Возможно, он не решается идти на убийство. Но убили же Стивенса. Зато Сэлзер, если только Дуэн не превысил свои полномочия, запросто идет на мокрое дело. Вероятно, подумал я, лучше быть убитым, чем до конца своих дней заживо гнить в камере с мягкими стенами.

Возьми себя в руки, Мэллой, сказал я себе. Перестань ныть! Да, тебя стукнули по башке и, судя по ощущению в глазах и во рту, изрядно накачали всякими препаратами, но это еще не повод, чтобы ударяться в панику. Пола с Керманом вытащат тебя отсюда. А ты пока держись и не унывай.

Дверь беззвучно отворилась, вошел приземистый темноволосый мужчина. Его плечам позавидовала бы и горилла, а на его веснушчатом красном лице будто застыла безрадостная ухмылка. На нем был короткий белый халат, белые брюки и белые туфли на резиновой подметке. Двигался он так же бесшумно и легко, как перышко, опускающееся на пол.

— Привет, Хоппи, — бросил он, ставя поднос на стол у двери. — Пора баиньки. Как ты себя чувствуешь? Вычитал что-нибудь в этой книжке?

Хоппер сделал жест в мою сторону.

— Теперь с нами мистер Сибрайт, — сказал он.

Блэнд — а это наверняка был он — подошел к изножью моей койки и уставился на меня. Улыбка по-прежнему не сходила с его лица, разве что стала чуть шире. Зеленоватые глаза были такими же жесткими и холодными, как кусочки наколотого льда.

— Привет, детка, — сказал он. У него оказался странный шепчущий голос, хриплый и тихий, как будто у него было что-то с гортанью. — Меня зовут Блэнд. Я буду ухаживать за тобой.

Я обнаружил, что уже хватаюсь за простыню, но тут же сдержался. Спокойно, сказал я себе. Расслабься. Не надо торопить события.

— Привет, — ответил я натянутым, как фортепьянная струна, голосом. — Тебе не надо за мной ухаживать. Где Сэлзер? Я хочу поговорить с ним.

— **Доктор** Сэлзер, детка, — с упреком и расстановкой сказал Блэнд. — Зачем ты так неуважительно? — Он неторопливо подмигнул Хопперу. — Ты увидишь его завтра.

— Я хочу видеть его немедленно, — твердо заверил я.

— Завтра, детка. Доку тоже надо немного отдохнуть. Если тебе что-нибудь нужно, скажи мне. На этом этаже босс — я. Мое

слово — закон.

— Мне нужен Сэлзер, — настаивал я, стараясь держать голос под контролем.

— Завтра, детка. А сейчас ложись. Я сделаю тебе укольчик и ты заснешь.

— Он думает, что он детектив, — сказал Хоппер, вдруг помрачнев. — Говорит, что доктор Сэлзер кого-то убил.

— Весьма неуважительно, но какое это имеет значение? — сказал Блэнд, вытаскивая шприц из коробочки.

— А вот и имеет. Это уже галлюцинации, — сердито возразил Хоппер. — Так говорится в этой книге. Не понимаю, с какой стати я должен мириться с его присутствием в моей палате. Мне это не нравится. Он может оказаться опасным.

Блэнд засмеялся коротким лающим смехом.

— Смешно слышать это от тебя. Заткнись, детка, у меня уйма дел. — Он прикрутил иглу и набрал в шприц какой-то бесцветной жидкости.

— Я пожалуюсь доктору Сэлзеру, — заявил Хоппер. — Моему отцу это не понравится.

— Хрен с ним, с твоим отцом, и двойной хрен — с тобой, — в нетерпении сказал Блэнд и подошел ко мне. — Ну-ка, дай сюда руку — правую.

— Ничего у тебя не получится, — сказал я и резко сел.

— Не будь таким, детка. Это ничего тебе не даст, — сказал Блэнд, и его застывшая улыбка стала еще шире. — Ложись и не трепыхайся.

— Как бы не так, — ответил я.

Он схватил мое запястье правой рукой. Короткие толстые пальцы сжали его словно тисками.

— Хочешь по-плохому, — сказал он, приблизив свое красное веснушчатое лицо к моему, — ну что ж, я не против.

Сделав резкий поворот, я напрягся, надеясь, что освобожусь от его захвата, но лишь едва не сломал себе руку. Я изо всех сил подался вперед, пытаясь ударить его в грудь плечом, но и это не сработало.

Пальцев он не разжал и, улыбаясь мне, ждал, что я еще сделаю. Я не заставил его долго ждать и попытался высвободить ноги из-под одеяла, но это оказалось невозможно. Простыня была жесткая как брезент.

— Все, детка? — чуть ли не с радостью спросил он. — Сейчас я воткну иглу, и, если ты будешь сопротивляться, она отломится прямо в тебе, так что смотри, поосторожнее.

Я стиснул зубы и оттолкнулся от него, он потерял равновесие и зашатался, однако тут же овладел собой и ухмылка исчезла с

его лица.

— Ах, значит, ты думаешь, что сильный, да? — прошипел он. — Ну что ж, детка, давай поглядим, насколько ты силен.

Он стал гнуть мою руку. Я сопротивлялся, но это было все равно что бороться с паровым катком. Он был гораздо сильнее — просто невероятно сильный, и моя рука стала медленно уходить мне за спину. Пока я с ним боролся, холодный пот струился по моей спине, а дыхание со свистом вырывалось из груди.

Мне удалось отыграть пару дюймов. Блэнд и сам уже задыхался. Если бы я мог использовать свой вес, то возможно пересилил бы его. Но, поскольку я сидел в постели и одна рука была обездвижена, противостоять его массе и силе я был не в состоянии.

Он дюйм за дюймом гнул меня вперед, а я дюйм за дюймом противился ему. Вскоре моя рука поднялась у меня за спиной и легла меж лопаток. И в этот момент я почувствовал резкий укол, мой мучитель отступил назад, отпустив мою руку.

У него на лице тоже выступил пот, он тяжело дышал. Не все вышло, как он хотел.

— Вот так-то, детка, — выдохнул он. — Сам напросился, вот и получил. Не будь я таким добрым, я бы сломал тебе руку.

Я попытался врезать ему сбоку, но моя рука не слушалась. Не знаю уж, что за препарат он мне ввел, но подействовало средство незамедлительно. Красное веснушчатое лицо быстро отдалилось. Стены комнаты распались, и за стенами проступил длинный темный туннель.

Я открыл глаза.

Сквозь зарешеченные окна лился солнечный свет, отбрасывая тень от решетки на противоположную белую стену: шесть резко очерченных линий, которые напомнили мне, что я пленник.

Блэнд с тряпкой для вытирания пыли в толстой руке тихо двигался по комнате, на веснушчатом лице — сосредоточенное выражение. Работал он на совесть — от его внимания ничего не ускользало.

Хоппер сидел в постели, читая книгу. Он явно дулся и совершенно игнорировал Блэнда, даже когда тот протирал его тумбочку.

Блэнд подошел ко мне и протер мою тумбочку. Наши взгляды встретились, и ухмылка на его лице стала пошире.

— Привет, детка, — сказал он. — Как самочувствие?

— Нормально, — ответил я и сел в постели повыше. Правая рука и плечо у меня болели, на запястье все еще просматривался отпечаток его толстых пальцев.

— Это хорошо. Через несколько минут я принесу бритвенный прибор. Затем ты сможешь принять ванну.

Значит, с меня снимут наручник, подумал я.

Блэнд, казалось, угадал мои мысли.

— И послушай, детка, давай без фокусов. Забудь о том, что ты будто можешь удрать. Тут есть еще пара ребят вроде меня. Дверь на лестничной площадке заперта, на окнах решетки. Спроси Хоппи, он тебе скажет. Когда Хоппи впервые попал сюда, то-то были страсти. Он пытался убежать, но из этого ничего не вышло.

Я уставился на него оловянными глазами, но ничего не сказал.

— Ты спроси у Хоппи, что мы делаем с деткой, который устраивает скандал. Он тебе скажет. — Блэнд посмотрел на Хоппи, улыбаясь. — Ты ведь расскажешь ему, Хоппи, правда же?

Хоппи поднял глаза и мрачно на него посмотрел.

— Не обращайся ко мне, низкородная крыса. Мне противен сам твой вид.

Блэнд хихикнул.

— Ничего, детка. Я не против. Я к этому привык.

Хоппер обозвал его неприличным словом.

— Полегче, детка, — по-прежнему улыбаясь, сказал Блэнд. — Особенно не зарывайся. — Он направился к двери. — Бритье, ванна, затем завтрак. Я посмотрю, может, раздобуду тебе добавочное яйцо.

Хоппер сказал ему, что тот может сделать с этим яйцом.

Блэнд ушел, хихикая.

— Даже не пытайся, Сибрайт, — сказал Хоппер. — Он того не стоит. Тебя посадят в смирительную рубашку и несколько дней будут держать в холодной ванне. Насчет двери он не врет. Без ключа не выбраться.

Я решил подождать и осмотреться.

Немного погодя Блэнд вернулся с двумя электробритвами. Он воткнул их в розетки и дал одну Хопперу, а другую — мне.

— Поживей, детки, — сказал он. — У меня сегодня уйма работы.

— Вечно ты ворчишь, — сердито сказал Хоппер. — Я бы просил тебя уйти. Меня воротит от твоей мерзкой хари.

— Взаимно, детка, — весело ответил Блэнд. — Поживее и получше. Доктору Сэлзеру нравится видеть своих пациентов красивыми.

Значит, я увижу доктора Сэлзера. Не то чтобы я надеялся чего-то там от него добиться, но, может, удастся нагнать на него страху. Если меня сюда засунул Шеррилл, может, мне удастся

убедить Сэлзера, что опасная это игра — похищать людей. Особой надежды нет, но попробовать стоит.

Когда я закончил бриться, вошел Блэнд с белым хлопковым халатом.

— Без фокусов, детка, — сказал он своим шепчущим голосом и подошел к койке, чтобы отомкнуть наручник. — Отнесись к этому спокойно.

Пока он снимал наручник, я лежал совершенно спокойно, Хоппер наблюдал за мной с сосредоточенным вниманием. Блэнд отступил на несколько футов и тоже наблюдал за мной.

— Вставай-ка, детка.

Я высвободил ноги из-под простыни, опустил их на пол и встал. Как только ноги ощутили мой вес, я тут же понял, что затевать что-нибудь было бы бесполезно, уж слишком они оказались слабыми. Вряд ли бы я убежал от нападающего быка.

Я сделал первый нетвердый шаг и тут же сел на пол. На пол я мог и не садиться, но мне пришло в голову, что будет неплохо, если Блэнд подумает, будто я гораздо слабее в ногах, чем на самом деле.

Я поднялся на четвереньки, потом встал на ноги. Блэнд не шевельнулся. Он относился ко мне с подозрением, и ему не хотелось попасться в ловушку.

— Дай мне руку, не можешь, что ли? — окрысился я на него. — Или позволь лечь обратно в постель.

— Слушай, детка, я тебя предупреждаю, — мягко сказал он. — Если ты чего-нибудь учудишь, это будет последнее, что ты учудишь за долгое-долгое время.

— Перестань тявкать. Что это с тобой? Боишься меня, что ли?

Похоже, это оказался как раз тот язык, который он понимал, ибо он тут же схватил меня под руку.

— Ни тебя, детка, не боюсь, ни кого-либо другого.

Он помог мне надеть халат, открыл дверь, и мы вместе ступили в широкий длинный коридор. Сделав пару шагов, я остановился, как будто еще нетвердо держался на ногах. Эта пауза дала мне возможность посмотреть направо и налево. Один конец коридора заканчивался массивной с виду дверью, другой был запечатан высоким окном с мелкосетчатой решеткой.

— О'кей, детка, — сказал Блэнд, ухмыляясь. — Теперь, когда ты посмотрел, давай двигаться. Я же говорил тебе, как тут. Ну, а теперь ты и сам увидел.

Да, я сам увидел… Я пошел по коридору с Блэндом, в голове роились мысли. Мне необходимо было раздобыть ключ от той двери и ключ от наручника. Либо оставаться там, пока они не устанут держать меня или пока я не сгнию.

Неожиданная суматоха заставила нас остановиться: испуганный крик и тяжелый глухой удар, как будто упало что-то тяжелое. Блэнд схватил меня за руку.

Ближняя к нам дверь неожиданно распахнулась, и в коридор выскочила девушка. Сразу же бросилась в глаза ее абсолютная нагота. Она, похоже, выскочила прямо из ванны, ибо на ее белой коже блестела вода, а на худеньких руках остались тонкие кружева мыльной пены. На голове — ореол светлых кудрявых волос. На вид ей лет двадцать пять, не красивая, но интересная, и у меня даже мелькнула мысль, что в одежде она наверняка не так интересна, как без нее: фигуристая, длинноногая, высокогрудая, с кожей цвета взбитых сливок.

Я услышал, как Блэнд резко потянул в себя воздух.

— Черт побери! — еле слышно выдохнул он и прыгнул вперед, протянув к девушке толстые пальцы, в его глазах загорелось скотское вожделение. Он схватил девушку за руку. Ее крик ударился о потолок и заметался между стенами. Пальцы Блэнда соскользнули с ее намыленной руки, девушка крутанулась на месте и дунула по коридору. Бежала она с неожиданной грациозностью и со скоростью ветра.

Блэнд сделал было шаг вперед, намереваясь кинуться за ней, но передумал — деваться ей все равно было некуда. Она уже достигла массивной двери и колотила по ней кулаками.

Все это произошло в считанные секунды, и тут же из ванной вышла сестра: высокая, мощного сложения женщина, худое вытянутое лицо побелело от ярости. Она посмотрела на Блэнда и бросила:

— Уведи своего пациента. И сам убирайся, обезьяна!

— Спокойно, — сказал Блэнд, по-прежнему не отрывая взгляда от девушки. — Ты же сама ее выпустила, старая кобыла.

— Уведи своего пациента, иначе я пожалуюсь на тебя, — в бешенстве сказала сестра.

— И пожалуешься, ты такая, — парировал Блэнд.

Он схватил меня за руку.

— Идем, детка, потеха окончена. Ты не можешь пожаловаться на жизнь в этом доме. Уход — лучше не надо, да к тому же «Фоли Бержер» за бесплатник. Чего ж тебе еще-то надо?

Он втолкнул меня в ванную комнату напротив той, из которой выбежала девушка, а сестра направилась к ней по коридору. Девушка увидела ее, и душераздирающий крик заметался по коридору. Я даже обрадовался, когда дверь ванной закрылась, приглушив звуки.

Блэнд был возбужден, глазки его светились, он то и дело облизывался.

— Вот это телка! — произнес он, ни к кому, можно сказать, не обращаясь. — За такое зрелище отдал бы недельное жалование. Эй ты, раздевайся и залазь в ванну. Вот повезло — сидеть тут и глазеть на тебя, когда там на выставке такая картинка.

— Перестань вести себя как ребенок, — сказал я, сбрасывая халат и пижаму. — А кто она?

— Телка-то? Да ты ее все равно не знаешь. Работала здесь одно время сиделкой. Чокнулась, когда парень бросил ее. Во всяком случае так я слышал. Это случилось еще до того, как я начал тут работать. То, что она чокнулась из-за парня, выше моего понимания. Я бы ее обслужил в любое время, стоило бы ей только захотеть…

С совершенно бесстрастным лицом я спокойно лежал в воде. Сиделка! Не та ли пропавшая, о которой рассказывал мне Миффлин?

— Ее зовут Анона Фридлендер, так? — выпалил я.

— Откуда ты узнал? — высказал удивление Блэнд.

— Я детектив, — напыщенно сказал я.

Блэнд улыбнулся — если это можно было назвать улыбкой, — закурил сигарету и сел на табурет рядом с ванной.

— Давай, детка, работай. Забудь сейчас о детективах. Мне еще надо переделать уйму дел. — Он рассеянно уронил спичку в воду.

— А что с Хоппером? — спросил я, меняя тему разговора. — Почему он здесь?

— Хоппер еще тот больной, — сказал Блэнд и покачал головой. — На него временами такое находит, что даже я близко к нему не подхожу. А ведь и не подумаешь, глядя на него, правда? Кабы не деньги его старика, он был бы в сумасшедшем доме для преступников. Хоппер убил девушку, вырвал ей глотку зубами. Он будет здесь до конца своих дней. С ним никогда не знаешь наверняка. Когда он не в том настроении, он убийца. Сегодня в порядке, а завтра — опасен, как тигр после голодовки.

Я принялся гадать насчет Блэнда, задаваясь вопросом, нельзя ли его купить.

— Как насчет сигаретки? — спросил я. — Я бы не прочь.

— Что за вопрос, детка. Пока ты будешь вести себя как следует, я буду относиться к тебе, как к брату. — Он вытащил пачку «Лаки Страйк», дал мне сигарету и поднес спичку. — Появившись здесь впервые, вы, ребята, начинаете выкаблучиваться. Послушай моего совета и ничего не затевай. У нас почти на все готов ответ. Не забывай об этом.

Я затянулся. Вкус сигареты оказался не такой хороший, как я

ожидал.

— Как по-твоему, сколько вы собираетесь продержать меня здесь?

Он вытащил старый конверт, стряхнул в него пепел и положил на край ванны, чтобы и я мог воспользоваться конвертом.

— Судя по твоей истории болезни, детка, ты здесь навсегда.

Я решил, что попробую.

— А ты не хотел бы заработать сотню долларов?

— А что я должен сделать? — В маленьких глазках появилась настороженность.

— Ничего особенного. Позвонить одному моему дружку.

— И что же я скажу? — ответил он чересчур бойко и быстро. Я присмотрелся к нему. Не сработает. Его выдавала улыбка. Он играл со мной.

— Ладно, ничего, — сказал я, утопил сигарету и сунул окурок в конверт. — Забудь об этом. Давай полотенце.

Он протянул мне полотенце.

— Не становись таким, детка. Может, я и сыграю. Сотня баксов мне пригодится. Какой номер?

— Забудь об этом, — ответил я.

Он сидел, наблюдая за мной, сигарета прилипла к нижней губе.

— Может, ты бы поднял стартовую цену, — предложил он. — Ну, за пять сотен…

— Просто выкинь это из той штуки, которую ты называешь своей головой, — сказал я и надел пижаму. — На днях мы встретимся с тобой на более равных условиях. Я с нетерпением этого жду.

— Ничего, детка. Мечтай себе, мне не больно, — сказал он, открывая дверь и выглядывая. — Пошли. Мне еще надо поднимать Хоппи.

Когда я шел по коридору, из ванной напротив не доносилось ничего. Ванна пошла мне на пользу. Будь у меня возможность прорваться через ту дверь, я бы рискнул. Но я уже решил, что нужно набраться терпения. Шел я нарочито медленно, опираясь на руку Блэнда. Пусть считает меня слабаком. Я устрою ему сюрприз, когда дойдет до дела.

Я лег в постель и покорно позволил ему защелкнуть наручник.

Хоппер заявил, что ему ванна не нужна.

— Ну, детка, так себя не ведут, — с упреком сказал Блэнд. — Сегодня утром тебе полагается выглядеть красивым. В одиннадцать у нас официальный визит. Поговорить с тобой

придет коронер Лессоуэйз. — Он бросил взгляд на меня и улыбнулся. — Он и с тобой поговорит. Члены муниципалитета каждый месяц приходят поглядеть на чокнутых. И не то чтобы они особенно прислушиваются к тому, что говорят им чокнутые, а вот приходят и иногда даже слушают. Только не вздумай попотчевать их своей историей об убийстве, детка. Все это они уже не раз слышали. Ты для них всего лишь еще один чокнутый наряду с множеством других, и проку от этого тебе не будет.

Он убедил Хоппера встать, и они вместе ушли в ванную. Меня оставили одного. Я лежал, уставившись на стену, и пытался пошевелить мозгами. Значит, придет коронер Лессоуэйз. Ну, это уже кое-что. По словам Блэнда, особого толку в том, что я обвиню доктора Сэлзера в убийстве Юдоры Дрю, не будет. Мое заявление покажется слишком притянутым за уши, зато я подброшу ему информацию для размышлений. Впервые с тех пор, как я оказался в этой ловушке, я ощутил некоторую надежду.

Я вдруг поднял глаза и увидел, что дверь медленно отворилась, однако в поле зрения никто не показался. Дверь отворилась и осталась открытой. Я подался вперед, чтобы выглянуть в пустой коридор, решив было, что дверь открыл ветер, но вспомнил, что, когда Блэнд и Хоппер вышли из комнаты, защелка щелкнула.

Я ждал, уставившись на открытую дверь и прислушиваясь. Ничего не последовало. Я ничего не слышал, а поскольку знал, что дверь кто-то открыл, меня вдруг охватил какой-то подспудный страх.

Прошла, как мне показалось, целая вечность, прежде чем я вдруг услышал шуршание бумаги. В абсолютной тишине оно прозвучало, как удар грома. Затем увидел движение, и в комнату вошла женщина.

Она остановилась в дверях, в одной руке бумажный мешок, в глазах отсутствующее выражение. Женщина смотрела на меня, как на пустое место, а ее рука шарила в мешке. Да, это была она, как пить дать: та самая пожирающая сливы женщина, более того, она их и сейчас ела!

Мы долго смотрели друг на друга. Челюсть у нее медленно и ритмично двигалась, пока во рту обрабатывалась слива. Женщина казалась такой же бодрой и счастливой, как корова, жующая жвачку.

— Привет, — сказал я и пришел в раздражение оттого, что мой голос прозвучал хрипло.

Ее толстые пальцы бросились в погоню за новой сливой, отыскали одну и извлекли ее на свет.

— Вы мистер Мэллой, нет? — сказала она столь же вежливо,

как жена священника, встречающая нового члена конгрегации.

— Совершенно верно, — ответил я. — В прошлый раз мы не успели перейти на дружескую ногу. А кто вы?

Она пожевала, выплюнула косточку в ладошку, а затем переправила ее в бумажный мешочек.

— Миссис Сэлзер, кто же еще, — сказала она.

Я бы и сам мог об этом догадаться. Она просто не могла быть кем-то еще.

— Не хочу касаться личных вопросов, — сказал я, — но вам нравится ваш муж, миссис Сэлзер?

Отсутствующий взгляд сменился выражением удивления, которое в свою очередь уступило место уязвленной гордости.

— Доктор Сэлзер весьма тонкий человек. Другого такого во всем мире нет, — заявила она, выпятив мягкий круглый подбородок.

— Жаль. Вы будете скучать по нему. Даже в наших просвещенных тюрьмах по-прежнему отделяют жен от мужей.

Туманное выражение снова вернулось.

— Не понимаю, что вы такое говорите.

— А следовало бы. Если вашего мужа не посадят в газовую камеру, ему дадут двадцать лет. Такая уж мера за похищение и убийство.

— Какое еще убийство?

— По указанию вашего мужа была убита некая Юдора Дрю. Меня похитили, а напротив, через коридор, находится одна девушка, которую, я полагаю, тоже похитили, — Анона Фридлендер. Да еще сиделка Гэрни.

На толстом лице женщины заиграла лукавая усмешка.

— Он к этому не имеет никакого отношения. Он считает, что мисс Фридлендер — одна моя подруга, которая потеряла память.

— И я полагаю, он считает, что и я ваш друг? — съязвил я.

— Ну, не то чтобы друг, но друг одного моего друга.

— А как же Юдора Дрю?

Миссис Сэлзер пожала плечами.

— Тут вышла незадача. Она требовала денег. Я послала Бенни урезонить ее, ну, а он слишком погорячился.

Я почесал подбородок ногтем большого пальца и уставился на нее. Я скорее почувствовал, нежели поверил, что она говорит правду.

— А где сиделка Гэрни? — спросил я.

— О, с ней произошел несчастный случай, — сказала миссис Сэлзер и снова заглянула в мешок. Она вытащила сливу и предложила ее мне. — Попробуйте? Очень полезны, когда лежишь в постели.

— Нет. Забудем о сливах. Что с ней случилось?

— О, она поскользнулась, когда спускалась по пожарной лестнице. Я засунула ее в машину, но она, по-моему, сломала шею. Не знаю, почему, но она, похоже, очень боялась меня.

Я сказал с огромным напряжением в голосе:

— Что вы с ней сделали?

— Оставила в каких-то кустах на песке. — Она отправила в рот очередную сливу, сделала неопределенный жест в сторону окна. — Где-то там, в пустыне. А что я еще могла сделать?

Я пробежал пальцами по волосам. Либо она сумасшедшая, либо я.

— Это вы позаботились о том, чтобы я попал сюда?

— О да, — сказала она, прислонясь к притолоке. — Видите ли, доктор Сэлзер не разбирается в медицине и в душевных болезнях, зато я разбираюсь. У меня когда-то была большая практика, потом что-то произошло. Не помню уж, что именно. Доктор Сэлзер купил это заведение для меня. Он делает вид, будто всем тут заправляет, но фактически вся работа лежит на мне. Он всего лишь номинальная фигура.

— Да нет, — не согласился я. — Он подписал свидетельство о смерти Макдоналда Кросби. Он не имел на это права. У него нет диплома.

— Вы ошибаетесь, — спокойно сказала она. — Свидетельство подписала я — так уж вышло, что у нас одинаковые инициалы.

— Но он лечил Джэнет Кросби от злокачественного эндокардита, — сказал я. — Так мне заявил доктор Бьюли.

— Доктор Бьюли ошибся. Когда девушка умерла, доктор Сэлзер случайно оказался в доме Кросби, выполняя одно мое поручение. Он сказал доктору Бьюли, что лечила ее я. Доктор Бьюли старый человек, да и глуховат. Он не так понял.

— Зачем же его вообще позвали? — спросил я. — Коли вы ее пользовали, то почему же сами не подписали свидетельство?

— Я в это время была в отъезде. Мой муж правильно поступил, что позвал доктора Бьюли. Он всегда делает то, что надо.

— Прекрасно, — сказал я. — Тогда ему лучше выпустить меня отсюда.

— Он считает, что вы опасны, — произнесла миссис Сэлзер и снова заглянула в мешок. — И это так, мистер Мэллой. Вы слишком много знаете. Мне жаль вас, но, право же, вам не следовало встревать в это дело. — Она подняла глаза и как-то глупо улыбнулась. — Боюсь, вам придется остаться здесь, и очень скоро вы тронетесь рассудком. Видите ли, люди, которых постоянно накачивают лекарствами, зачастую становятся

слабоумными. Вы это заметили?

— И это произойдет со мной?

Она кивнула.

— Боюсь, что да. Но я не хотела, чтобы вы плохо думали о докторе Сэлзере. Он такой тонкий человек. Вот почему я вам столько нарассказывала. Право, даже больше, чем следовало бы, но это неважно. Все равно вы отсюда не выберетесь.

Она начала уже тихо отчаливать, но я, подавшись вперед, воскликнул:

— Эй!.. Не уходите! Сколько Морин Кросби платит вам, чтобы держать меня здесь?

Ее пустые глаза слегка расширились.

— Но она об этом даже не знает, — сказала она. — К ней это не имеет никакого отношения. А я-то думала, вам все известно. — И она ушла, как привидение, уставшее после долгого и утомительного сеанса.

После ванной настроение у Хоппера улучшилось, и за завтраком я спросил его, пытался ли он когда-нибудь убежать.

— А мне некуда бежать, — сказал он, пожимая плечами. — Кроме того, у меня на лодыжке наручник, который прикреплен к койке. Не будь койка привинчена к полу, я бы, может, и попытался.

— При чем тут койка? — спросил я, намазывая мармелад на тонкий тост. Сделать это одной рукой было нелегко.

— Запасной ключ от наручника хранится вон в том ящике, — объяснил он, указывая на комод, стоявший у противоположной стены. — Его держат там на случай пожара. Если бы я мог подвинуть койку, то мог бы до него добраться.

Я чуть на стену не полез.

— Что?! Вон в том ящике?

— Совершенно верно. Знать об этом никому не полагается, но я видел, как Блэнд однажды вытаскивал его оттуда, когда потерял свой ключ.

Я прикинул расстояние между изножьем моей кровати и комодом. От меня до него было ближе, чем от Хоппера. Мне казалось, будь я прицеплен за лодыжку, я бы смог до него дотянуться. Но в данном положении об этом не может быть и речи.

— А почему тебя прихватили за ногу, а меня — за руку? — спросил я.

— Сначала меня тоже прицепили за запястье, — безразлично сказал Хоппер и оттолкнул свой поднос. — Но я обнаружил, что мне неудобно читать, и Блэнд пошел мне навстречу. Если ты

попросишь, он и тебе поменяет. Ты не возражаешь, если мы больше не будем говорить, а? Очень хочется еще почитать книгу.

Нет, я не возражал. Я совершенно не возражал. Я был в возбуждении. Если бы мне удалось убедить Блэнда высвободить мне запястье, я мог бы дотянуться до ключа. Эта мысль не давала мне покоя весь следующий час.

Около одиннадцати пришел Блэнд с огромной вазой гладиолусов. Он поставил ее на комод и отступил назад, чтобы полюбоваться цветами.

— Красиво, а? — произнес он, так весь и сияя. — Это для членов муниципалитета. Прямо смешно, как эти ребята тают при виде цветов. Те, что приходили в прошлый раз, даже и на пациентов ни разу не взглянули. Они только и делали, что стояли кружком и трепались о цветах.

Он унес подносы из-под завтрака и почти тут же вернулся. Критически нас осмотрел, поправил простыню Хоппера, потом подошел ко мне и поправил подушку.

— Теперь замрите, — сказал он. — Ради Христа, не испортите вид. Разве у тебя нет книги? — спросил он меня.

— А ты мне ее не давал.

— Непременно должна быть книга. Это еще один пунктик у этих подонков. Им нравится, когда пациент читает.

Он выскочил из комнаты и вернулся с тяжеленным томом, который бросил мне на колени.

— Читай, детка. Когда они уйдут, я подыщу тебе что-нибудь поинтересней.

— Как же переворачивать страницы, когда у меня свободна только одна рука? — спросил я, глянув на книгу. Она называлась «Гинекология для продвинутых студентов».

— Рад, что ты напомнил мне, детка, — он вытащил свой ключ. — Наручники мы спрячем. Эти ублюдки слишком нежные.

Я смотрел, как он переставляет наручник на лодыжку, едва веря в свою удачу. Весьма знаменательное событие в моей жизни.

— О'кей, детка, смотри только веди себя как следует, — продолжал он, снова поправляя постельное белье. — Если тебя спросят, как тебе тут, скажи, что уход за тобой хороший. И давай не будем огрызаться. Все равно они не поверят ни одному твоему слову, а после того, как уйдут, тебе придется иметь дело со мной.

Я открыл книгу. При виде первой же картинки я невольно заморгал.

— Не знаю, право, достаточно ли я взрослый, чтобы смотреть на такое, — сказал я и показал Блэнду картинку.

Он вытаращился на нее, резко втянул в себя воздух, выхватил у меня книгу и с открытым ртом уставился на заглавие.

— Это же надо! Вон, значит, что это такое! — Он опрометью выскочил из комнаты и, запыхавшись, вернулся с экземпляром «Ада» Данте с параллельным переводным текстом. Я пожалел, что не придержал язык.

— Это произведет на них впечатление, — с удовольствием сказал Блэнд.

В самом начале двенадцатого из коридора через полуоткрытую дверь донесся гул голосов.

Блэнд, стоявший у окна, поправил свой халат и пригладил волосы.

Хоппер нахмурился и закрыл книгу.

— Идут.

В комнату вошли четыре человека. Первый, конечно, был доктор Сэлзер, самый видный из четырех — высокий мужчина с копной волос, как у Падеревского,[5] и белых как снег. Холодные суровые черты загорелого лица, задумчивые, глубоко посаженные глаза. Ему было под шестьдесят, корпус он держал прямо, как кадет на параде. В визитке и полосатых брюках, безупречен, как манекен у портного. Руки его очень красивые, узкие, с длинными и тонкими пальцами; руки хирурга или руки убийцы — они были хороши в обоих случаях.

Следом за ним вошел коронер Лессоуэйз. Я узнал его по фотографиям, которые видел в газетах: низкого роста, крепко сбитый мужчина с мячеподобной головой, маленькими глазками и мерзким ртом. Его внешность полностью соответствовала его натуре стряпчего по темным делам, который всю жизнь только тем и занимался, что жульничал.

Его спутник был из той же породы, дородный пройдоха.

Четвертый держался за дверью, будто в нерешительности, входить или нет. Я даже не удосужился взглянуть в его сторону. Моим вниманием завладел Сэлзер.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал Сэлзер глубоким сочным голосом. — Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо. Проведать вас пришли коронер Лессоуэйз, член муниципалитета Линкхаймер и мистер Стрэнг, автор известных книг. Они пришли задать вам несколько вопросов. — Он взглянул на Лессоуэйза: — Вы не хотите перемолвиться словечком с мистером Хоппером?

Пока Лессоуэйз по-совиному смотрел на Хоппера, я повернулся, чтобы взглянуть на четвертого мужчину, которого Сэлзер назвал Стрэнгом.

На мгновение мне показалось, что я и впрямь спятил, ибо в дверях с равнодушным выражением скуки на лице стоял Джек Керман. На нем был тропический белый костюм, очки в роговой оправе, а из нагрудного кармана, в лучших традициях денди,

торчал красно-желтый носовой платок.

Я вздрогнул и чуть не перевернул койку, к счастью, Сэлзер был занят моей медицинской картой и ничего не заметил. Керман посмотрел на меня оловянными глазами, поднял бровь и спросил Сэлзера:

— Кто этот человек, доктор? Он выглядит довольно здоровым.

— Это Эдмунд Сибрайт, — ответил ему Сэлзер. Его холодное лицо осветилось улыбкой, он очень напоминал мне Санта Клауса, который сейчас одарит хорошего мальчика игрушкой. — Он у нас совсем недавно. — Сэлзер протянул медицинскую карту Керману. — Хотите взглянуть? Она говорит сама за себя.

Керман поправил очки в роговой оправе и прищурился на карту. У меня создалось впечатление, что он не очень хорошо в них видит, — зная его, я догадался, что он просто у кого-то их позаимствовал.

— О да, — сказал он, складывая губы трубочкой. — Интересно. Я полагаю, мне можно поговорить с ним?

— Да, разумеется, — сказал Сэлзер и подошел к моей кровати.

Керман присоединился к нему, и они оба уставились на меня. Я в ответ уставился на них, сосредоточив взгляд на Сэлзере, так как знал, что если посмотрю на Кермана, то, возможно, его выдам.

— Это мистер Стрэнг, — представил его мне Сэлзер. — Пишет книги о нервных болезнях. — Он улыбнулся Керману. — Мистер Сибрайт воображает себя знаменитым детективом. Так ведь, мистер Сибрайт?

— Конечно, — сказал я. — Я и есть детектив. Я обнаружил, что Анона Фридлендер находится здесь, на этом самом этаже, и что сиделка Гэрни мертва, а ее тело ваша жена спрятала где-то в пустыне. Ну как, нравится?

Добрая грустная улыбка Сэлзера так и обволокла Кермана.

— Как видите, полностью соответствует типу, — пробормотал он. — Обе женщины, о которых он упоминает, исчезли: одна около двух лет назад, другая — совсем недавно. Об этом сообщалось в газетах. По какой-то непонятной причине эти два дела не дают покоя его рассудку.

— Совершенно верно, — серьезно сказал Керман. Он рассматривал меня, и его глаза за толстыми стеклами, казалось, прищурились.

— Есть и еще одно, что вам, вероятно, следует знать. На ноге у меня браслет.

Лессоуэйз с Линкхаймером присоединились к Сэлзеру и

вытаращились на меня.

Керман лениво поднял брови.

— Это правда? — спросил он Сэлзера.

Сэлзер склонил голову набок. Его улыбка была адресована всему страждущему человечеству.

— Иногда он немного шумит, — с сожалением сказал он. — Вы понимаете?

— Совершенно верно, — ответил Керман и напустил на себя страдальческий вид. Он так хорошо играл, что мне прямо захотелось пнуть его от зависти свободной ногой.

Блэнд отошел от окна и стал у моего изголовья.

— Спокойно, детка, не волнуйся, — мягко сказал он.

— Мне здесь не нравится, — сказал я, обращаясь к Лессоуэйзу. — Я протестую против того, чтобы меня каждый вечер накачивали лекарствами. Мне не нравится запертая дверь в конце коридора, как не нравится и зарешеченное окно в другом конце коридора. Это не санаторий. Это тюрьма.

— Дорогой мой, — плавно заговорил Сэлзер, прежде чем Лессоуэйз успел подумать, что бы такое сказать, — вот выздоровеете, и поедете домой. Разве бы мы вас здесь держали, если бы в этом не было нужды?

Уголком глаза я заметил, что Блэнд медленно сжал кулаки, как бы предупреждая меня, чтобы я был поосторожнее с тем, что скажу. Сказать я мог много чего, но теперь, когда Керман знал, что я здесь, я решил не рисковать.

— Ну, пойдемте дальше, — сказал Лессоуэйз. — Здесь довольно хорошо. — Он одарил Кермана ослепительной улыбкой. — Вы увидели все, что хотели, мистер Стрэнг? Только не позволяйте нам торопить вас.

— О да, — лениво ответил Керман. — Если доктор Сэлзер не возражает, я, возможно, загляну сюда снова.

— Боюсь, это было бы против правил, — сказал Сэлзер. — От частых визитов наши друзья могут возбудиться. Я уверен, что вы меня поймете.

Керман задумчиво посмотрел на меня:

— Вы совершенно правы. Я об этом как-то не подумал, — сказал он и направился к двери.

Последовал торжественный уход, последним следовал Сэлзер.

Я услышал, как Керман сказал:

— На этом этаже больше никого нет?

— В данный момент никого, — ответил Сэлзер. — У нас в последнее время исцелилось несколько человек. Может, хотите взглянуть на их карты?

Голоса удалились, и Блэнд закрыл дверь. Он улыбнулся мне.

— Не сработало, а, детка? Я ж тебе говорил: всего лишь еще один чокнутый среди множества других таких же.

Нелегко было казаться разочарованным, но мне каким-то образом это удалось.

Сэлзер говорил правду, когда заявил, будто посетители возбуждают его пациентов. Воздействие на Хоппера было явным, хотя признаки взрыва проявились в нем только после того, как Блэнд принес подносы с ланчем.

После ухода Сэлзера с визитерами Хоппер лежал неподвижно, мрачно нахмурившись и вперив взор в потолок. Он оставался таким до ланча и совершенно не обращал внимания на все мои замечания, поэтому я решил к нему не приставать. Все равно мне надо было многое обдумать, и я мог обойтись и без его общества. Но когда Блэнд поставил поднос на тумбочку, Хоппер вдруг сделал резкий выпад, от которого поднос пролетел через всю комнату и с треском упал на пол.

Он сел в постели, и при виде его все мое тело покрылось гусиной кожей. Он так изменился в лице, что я едва его узнал. В его глазах появился свирепый затравленный взгляд, какой мы видим в глазах диких зверей в зоопарке. Блэнд проворно увернулся от него — его прыжок напомнил мне прыжок лягушки.

— Спокойно, детка, — сказал Блэнд больше в силу привычки, нежели желая что-то этим выразить.

Хоппер скорчился в постели и уставился на него, будто желая, чтобы тот подошел поближе, но Блэнда было не искусить.

— Уж такой я везучий, — с яростью сказал он. — Ему непременно надо все изгадить, как раз когда я сменяюсь.

Он терпеливо убирал разбитую посуду и остатки еды, складывая кусочки на поднос. К тому времени, как Блэнд закончил, он, похоже, решил не обращать на Хоппера внимания, а тот с блеском в глазах продолжал наблюдать за ним.

— Я ухожу, понимаешь? — сказал он мне. — У меня свидание, и я не собираюсь его пропустить. С тобой ничего не случится. Дотянуться до тебя он не в состоянии, да и потом, возможно, это у него пройдет. Иногда проходит. Если он начнет лезть на стену, позвони. Дежурит Куэлл, только без надобности не звони, о'кей?

— Ну, не знаю, — с сомнением сказал я. Вид Хоппера мне очень не нравился. — Как долго я буду один?

— Куэлл будет часто заглядывать. Меня ты не увидишь до завтра, — нетерпеливо сказал Блэнд. — Если я не умотаю сейчас, Сэлзер заставит меня остаться и следить за ублюдком. Я единственный, кто может что-то с ним сделать.

Мне пришла в голову одна идея. Мне, конечно, не нравилось оставаться с Хоппером один на один. Я трусил от одного его вида, зато в отсутствие Блэнда мог добраться до ключа от браслета и начать действовать.

— Ну, разве что так, — сказал я, откидываясь на подушку. — Но я бы уж лучше пошел с тобой. Что ты на это скажешь?

Он ухмыльнулся.

— Моя кобылка и так заводится с полоборота, так что обойдемся как-нибудь без тебя.

Он унес пропавшую еду Хоппера, а я попробовал было поесть, но от тяжелого дыхания Хоппера, от его свирепого взгляда, направленного на противоположную стену, и от неспокойного лица меня выворачивало наизнанку. После двух-трех попыток запихать в себя пищу я оттолкнул поднос. Больше всего на свете мне хотелось закурить.

Блэнд вернулся немного погодя. Он переоделся и теперь выглядел таким щеголеватым, что я едва его узнал. При виде его разрисованного от руки галстука я чуть не стал дальтоником.

— Что случилось? — сказал он, глядя на мой поднос. — Думаешь, там отрава?

— Просто не голоден.

Он бросил взгляд на Хоппера, который опять весь подобрался в постели и вызверился на Блэнда.

— Ну, все равно не испортит мне удовольствия, — сказал Блэнд с улыбкой. — Ты только смотри, детка. Не расстраивайся.

— Мне нужно покурить, — сказал я, — и если у меня не будет сигарет, я подниму тревогу, еще не успеешь ты выйти из дома.

— Сигарет тебе не положено, — сказал Блэнд. — Вам, чокнутым, нельзя оставлять спички.

— Мне не нужны спички, мне нужны сигареты. Прикури одну для меня и оставь еще парочку. Я буду курить их одну за другой. Если я не покурю, я тоже обезумею. Ты же не хочешь, чтобы мы оба висели на тебе, правда?

Он неохотно расстался с сигаретами, прикурил одну для меня и бочком направился к двери.

— Передай Куэллу, чтоб держался от него подальше, — сказал он уже от двери. — Может, когда я уйду, он утихомирится. Что бы он ни делал, не звони в звонок пять минут. Дай мне время смотать удочки.

Хоппер вдруг рванулся к нему, но лишь слегка потревожил воздух вокруг Блэнда. Однако уже то, что Блэнд выскочил в коридор, подсказало мне, что он боится Хоппера. Боялся его и я.

Вероятно, этот день оказался самым долгим в моей жизни.

Попытаться добраться до ключа от браслета в ящике комода я не смел — ведь я не знал, когда Куэллу вздумается заявиться, да и Хоппер представлял для меня проблему. Я не был уверен, как он себя поведет, если я встану с кровати. Я лишь понимал, что это у меня единственная возможность добраться до ключа и, если я ее испорчу, другой у меня не будет. Я решил предпринять попытку ночью, когда Хоппер уснет, а Куэлл тоже будет в постели. Это означало, что мне каким-то образом надо было избежать укола, а я и понятия не имел, как это сделать.

Сразу же после ухода Блэнда Хоппер успокоился. На меня он не обращал внимания и лежал, уставившись на противоположную стену, что-то бормоча себе под нос и расчесывая пятерней густые светлые волосы.

Я старался не сделать неосторожного движения, чтобы не привлечь его внимания, лежал и курил, а когда мне удалось-таки забыть о нем, я подумал, чем сейчас занимается Керман.

Как ему удалось убедить Лессоуэйза, что он автор книг по душевным болезням, было выше моего понимания, и я подозревал, что тут не обошлось без Полы. По крайней мере теперь они знают обстановку. Они знают, что Анона Фридлендер в здании. Знают о двери в конце коридора, о решетке на окне. Прежде чем выручать меня, им придется преодолеть одно из этих препятствий; а в том, что они придут мне на помощь, я не сомневался. Проблема заключалась лишь в том, как они это сделают.

Примерно в половине пятого дверь толкнули, и вошел, неся подносы для чая, молодой парень в такой же белой униформе, как и у Блэнда. Он был хилого телосложения, тощий и долговязый. Его худое продолговатое лицо имело серьезное, сосредоточенное выражение: ни дать ни взять лошадь, участвующая в забеге. Да и во всем его облике было много лошадиного, например, откляченная нижняя губа и огромные зубы. Я бы нисколько не удивился, если бы он вдруг заржал на меня. Но он этого не сделал, а улыбнулся мне.

— Меня зовут Куэлл, — сказал он, ставя поднос на тумбочку. — Вы мистер Сибрайт, так ведь?

— Нет, — ответил я. — Я Шерлок Холмс. И на вашем месте я бы не подходил к Уотсону. Настроение у него препаршивейшее.

Он окинул меня долгим, встревоженным взглядом. Судя по выражению его лица, я догадался, что при сумасшедших он недавно.

— Но это же мистер Хоппер, — терпеливо, будто обращаясь к младенцу, сказал он.

Хоппер уже сидел в постели, сжимая и разжимая кулаки и

сердито глядя на Куэлла.

У Куэлла хватило ума понять, что Хоппер не в настроении играть в ладушки. Он разглядывал Хоппера, как, вероятно, человек мог бы разглядывать тигра, который неожиданно появился у него в гостиной.

— По-моему, мистер Хоппер не хочет, чтобы к нему приставали с чаем, — сказал я. — И на вашем месте я бы до возвращения Блэнда держался от него подальше.

— Вряд ли получится, — с сомнением сказал Куэлл. — Доктора Сэлзера нет, а Блэнд не вернется раньше полуночи. Ему, право, не следовало бы уходить.

— Теперь уже слишком поздно из-за этого переживать, — заметил я. — Растворись, браток. Отряхни прах со своих ног. А если бы ты принес мне на ужин немного виски, я был бы тебе очень признателен.

— Боюсь, пациентам не положено спиртного, — серьезно сказал он, не отрывая глаз от Хоппера.

— Тогда выпей немного сам и приди и подыши на меня, — сказал я. — Даже это лучше, чем ничего.

Он ответил, что к спиртному не прикасается, и ушел, озадаченный, с выражением страха на лице.

Хоппер уставился на меня, и под неотрывным взглядом этих вызверившихся глаз мне стало не по себе. Я надеялся, что наручник у него на ноге достаточно крепок и выдержит его напор, если ему вдруг придет в голову попытаться вырваться.

— Я все думал, Хоппи, — заговорил я, произнося слова медленно и четко. — Что надо сделать, так это перерезать глотку этому ублюдку Блэнду и выпить его кровь.

— Да, — ответил Хоппер, и звериный блеск в его глазах стал слабеть. — Мы это сделаем.

Я подумал, безопасно ли попытаться достать ключ прямо сейчас, но решил воздержаться. Я не был уверен в брате Куэлле. Застань он меня за этим делом, его и без того мрачная молодая жизнь омрачилась бы еще больше.

— Я составлю план, — пообещал я Хопперу. — Блэнд очень хитрый. Заманить его будет нелегко.

Хоппер, казалось, успокоился, лицо у него перестало дергаться.

— Я тоже разработал план, — сказал он.

Остаток вечера он разрабатывал свой план, а я думал о том, что буду делать, если избавлюсь от браслета. Казалось невероятным, что я смогу выбраться из дома, но даже если бы я смог отыскать Анону Фридлендер и предупредить ее, что скоро ее спасут, мое время не пропало бы напрасно. К тому же, когда

появится Керман — а я был уверен, что он появится, — нам не придется терять время на ее поиски.

Иногда заглядывал Куэлл. Он всего лишь просовывал голову в дверь, но Хоппер был слишком занят своими планами и не замечал его. Каждый раз при появлении Куэлла я делал ему знак не шуметь, указывая на Хоппера. Куэлл кивал в ответ, еще больше, чем когда-либо, смахивая на лошадь, и молча уходил.

Часов в восемь он принес мне поднос с ужином, затем прошел к койке Хоппера и улыбнулся ему.

— Не хотите ли чего-нибудь поесть, мистер Хоппер? — подлещиваясь, спросил он.

От реакции Хоппера я вздрогнул, а Куэлла чуть удар не хватил. Хоппер стрелой метнулся к изножью кровати, его руки, казалось, растянулись, как будто они из эластика, а скрюченные пальцы зацепили за белый пиджак Куэлла. Куэлл отскочил назад, споткнулся и чуть не упал. Лицо у него стало цвета замазки.

— Не думаю, что мистер Хоппер хочет есть, — заметил я. Кусок цыпленка, который я жевал, стал вдруг безвкусным. — Да и мне, пожалуй, не хочется.

Но мои чувства Куэлла не интересовали. Он выскочил из палаты, хлопнула дверь.

Хоппер отбросил простыню и метнулся за ним, но тут же приземлился на пол и закричал. Он по-сумасшедшему задергал цепь, причиняя страшную боль ноге. Затем, когда до него дошло, что ему не освободиться, он вскочил на койку и начал тянуть за цепочку наручника, а я так и замер, наблюдая за ним. Цепочка казалась мне уж очень слабой. При мысли, что этот сумасшедший может вырваться на свободу, у меня мороз побежал по спине. Моя рука потянулась к звонку и замерла над ним.

Он уже держал цепочку обеими руками и, упершись ногами в поперечину койки, изо всех сил тащил на себя. Его лицо побагровело от напряжения. Перекладина согнулась, но выдержала. Наконец он, тяжело дыша, упал на спину, и я понял, что опасность миновала. Я был мокрый как мышь. Таких страшных минут я еще сроду не испытывал.

Хоппер лежал неподвижно, а я ждал, наблюдая за ним. Немного погодя он, к моему удивлению, захрапел.

Тут в комнату вошел Куэлл, неся смирительную рубашку. Лицо у него было бледное, но решительное.

— Не волнуйся, — сказал я дрожащим голосом. — Он уснул. Ты лучше взгляни-ка на его браслет. Я думал, он вырвется.

— Это бы ему не удалось, — произнес Куэлл, бросая смирительную рубашку. — Цепочка изготовлена на заказ. — Он подошел поближе и посмотрел на Хоппера. — Пожалуй, я сделаю

ему укол.

— Не будь дураком, — резко сказал я. — Блэнд не велел тебе и близко к нему подходить.

— Да, но ему нужен укол, — ответил Куэлл. — Если у него будет еще один приступ, это может плохо для него кончиться. Мой долг помочь ему.

— К чертям твой долг, — в нетерпении сказал я. — С этим парнем нужно обращаться не менее осторожно, чем с бомбой. Не трогай его.

Куэлл подкрался к койке и стоял, глядя на Хоппера. Потом принялся поправлять простыни. Я наблюдал за ним, затаив дыхание, не зная, притворяется Хоппер или спит. Не знал я также, дурак Куэлл или просто очень смелый. Ведь чтобы подойти так близко к этому сумасшедшему, как подошел он, нужно было либо быть круглым идиотом, либо иметь стальные нервы.

Подоткнув простыню, Куэлл отошел от койки. Я заметил бисеринки пота у него на лбу. Нет, он не дурак, решил я. Значит, смелый. Будь у меня медаль, я бы тут же его наградил ею.

— Похоже, он в норме, — сказал Куэлл уже бодрее. — Сделаю ему укол. Если он хорошо поспит, завтра утром будет в полном порядке.

Это меня устраивало, и тем не менее я тревожился. Сколько бы медалей или денег мне не посулили, я бы не осмелился близко подойти к спящему Хопперу.

— Ты рискуешь, — сказал я. — Игла его разбудит. Если он вцепится в тебя, считай, ты жмурик.

Куэлл повернулся и озадаченно посмотрел на меня.

— Я вас совершенно не понимаю, — сказал он. — Вы ведете себя не как больной.

— А я и не больной, — возвышенно заявил я. — Я Шерлок Холмс — помнишь?

Он снова погрустнел и вышел из палаты. Я бросил взгляд на Хоппера — тот по-прежнему храпел.

Куэлл вернулся минут через десять, хотя мне они показались часами. Он нес поднос, накрытый полотенцем.

— Послушай, — сказал я, садясь в постели. — Может, снимешь с меня браслет? Тогда, если будет беда, я смогу помочь тебе. Ты мне кажешься благоразумным парнем. Если он проснется и вцепится в тебя, я могу стукнуть его по голове.

Он серьезно, как лошадь, проверяющая сомнительную суму с овсом, посмотрел на меня.

— Я не могу этого сделать, — сказал он. — Это было бы нарушением инструкции.

Ну, я сделал все, что мог. Шар сейчас был в его углу, решать

ему.

— О'кей, — сказал я, пожимая плечами. — Во всяком случае, я буду за тебя молиться.

Он наполнил шприц и приблизился к Хопперу. Я смотрел, чувствуя, как у меня волосы встают дыбом, а сердце бешено колотится.

Куэлл немного потрухивал, но его серьезное лошадиное лицо было спокойным. Он осторожно поднял повыше рукав пижамы Хоппера и вскинул шприц. Наблюдать за ним было все равно что наблюдать за человеком, ковыряющимся во взрывателе бомбы замедленного действия. Мне оставалось только переживать за него. Я весь покрылся потом: мне хотелось сказать ему, чтобы он поторопился за ради Христа, не стоял там, как манекен, а поскорее кончал с этим делом.

Куэлл был несколько близорук и никак не мог отыскать нужную вену. Пока вглядывался через стекла очков в белую жилистую руку, его голова все ближе и ближе наклонялась к Хопперу. Казалось, он озабочен только тем, как бы получше провести эту операцию. Его лицо было всего в футе от лица Хоппера, когда он кивнул — словно подтверждал, что нашел вену.

Я уже не дышал. Мои руки сжимали простыню. Когда Куэлл уже собирался воткнуть иглу, он вдруг с восклицанием отступил назад и прошел к подносу, который оставил на комоде.

Дыхание вырвалось из моих пересохших губ, когда я нервно сказал:

— Что там, черт побери, еще такое?

— Я забыл об эфире, — произнес он. — Как глупо с моей стороны. Прежде чем сделать укол, нужно протереть кожу.

Когда Куэлл помазал эфиром руку Хоппера, тот слегка пошевелился. В нервном предвкушении я приподнялся с постели. Куэлл снова начал эти ужасные поиски вены, рука у него дрожала.

Его склоненная голова находилась в футе от головы Хоппера, взгляд сосредоточился на коже руки.

Хоппер вдруг открыл глаза. Куэлл был слишком занят и не заметил этого.

— Осторожно! — прокаркал я.

Когда Куэлл со сдавленным криком поднял глаза, Хоппер с проворством змеи схватил его за горло.

В одном неистовом движении я сбросил с ног тяжелую простыню и выбросился из постели. Мне пришла в голову сумасшедшая идея, что сила моего рывка оторвет койку от пола, и я протащу ее по полу, и доберусь до Хоппера. Но койка устояла,

а я лишь вышиб из себя дух.

Дикий крик Куэлла ударился о потолок, отскочил он него и шрапнелью посыпался на меня. Он закричал снова, после чего уже его крик перешел в булькающий хрип, от которого кровь стыла в жилах — это руки Хоппера перекрыли ему воздух.

Я не смотрел на них — я просто боялся этого. С меня хватало уже и звуков борьбы. Я вскочил на кровать, скользнул к изножью, перекинул свободную ногу через спинку и стал ею на пол. Я пребывал в такой панике, что едва дышал, меня всего трясло, как старика, бьющегося в припадке. Я потянулся к комоду, но кончики пальцев лишь коснулись ручек верхнего ящика. У меня за спиной раздалось какое-то дикое рычание — звук, не похожий ни на какой другой, который мне когда-либо доводилось слышать и который я бы ни за что не хотел услышать снова. Я изо всех сил тянулся к ручке ящика, кожа вокруг лодыжки горела, будто в огне.

Ногти зацепили за ручку, и ящик на дюйм приоткрылся. Это дало мне возможность вытащить ящик наружу, и он с треском грохнулся на пол. Ящик был забит полотенцами и хирургическими повязками. Вися над кроватью, я неистово начал рыться в этом барахле, ища ключ.

Наконец я его нашел и, всхлипывая от нехватки дыхания, перемахнул обратно на койку и принялся отыскивать крошечное отверстие замка на наручнике. Из лодыжки у меня текла кровь, но я не обращал на это внимания. Я сунул ключ в замок, повернул его, и наручник соскочил с моей ноги.

Спрыгнув с койки, я бросился через комнату, потом резко остановился, сделал два шага назад и сглотнул неожиданно потекшую слюну.

Хоппер, над телом Куэлла, пристально смотрел на меня. Он показал зубы, и я увидел, что его рот покрыт кровью. Кровь была везде: на стене у него за спиной, на простыне, на нем самом и на Куэлле.

Куэлл лежал поперек кровати — манекен в заляпанной кровью одежде. Его полураскрытые глаза смотрели на меня в застывшем ужасе.

— Дай мне ключ, — вымученным голосом сказал мне Хоппер. — Другие тоже умрут сегодня.

Я отодвинулся. Я думал, что я крепкий парень, а вот на тебе. Размяк, по лицу у меня струился холодный пот, в животе как будто кусок свинца застрял. В своей жизни я видывал многие ужасные зрелища, но «Оскар», безусловно, достался этой маленькой картине.

— Дай мне ключ, иначе я тебя убью, — сказал Хоппер и

сбросил тело Куэлла на пол. Кровь на губах Хоппера блестела в мягком свете лампы.

Это был кошмар в стиле гиньоль.[6] Сон, который можно рассказывать друзьям; сон, которому они не поверят.

Я медленно, задом, обходя его по кругу, направился к двери.

— Не уходи, Сибрайт, — сказал Хоппер, скорчившись на койке и с ненавистью глядя на меня. — Дай мне ключ!

Я добрался до двери, и, когда мои пальцы сомкнулись на ручке, он издал нечеловеческий яростный крик потерпевшего поражение и бросился с постели ко мне. Койка закачалась, но устояла, а его когтистые пальцы вцепились в ковер примерно в шести футах от меня.

Меня всего трясло. Я сумел открыть дверь и едва не вывалился в коридор. Когда я ухватился за ручку, чтобы закрыть дверь, этот ужасный животный крик снова вырвался из его глотки.

Несколько мгновений я стоял в длинном тихом коридоре, сердце у меня стучало, колени подкашивались, затем постепенно овладел собой. Опершись одной рукой о стену, я неторопливо двинулся к массивной двери в конце коридора. Приблизившись к ней, ощупал руками ее поверхность, ощутив разгоряченной кожей мягкую прохладу резины. Я повернул ручку, но ничего не произошло.

Этого я и ожидал. Теперь меня трясло при одной мысли о том, что придется вернуться в эту покойницкую. Я ухватился за ручку и нажал на нее изо всех сил. Снова ничего не произошло. С таким же успехом, вероятно, можно было пытаться свалить Великую Китайскую Стену.

Это был не выход.

Я вернулся в другой конец коридора и осмотрел забранное мелкой сеткой окно. Разделаться с ним можно было только с помощью лома, но даже и с ломом понадобилось бы полдня.

Теперь предстояло раздобыть оружие, которое можно было бы использовать в качестве дубинки, спрятаться у главной двери и ждать, когда кто-нибудь появится.

Я пошел вдоль коридора. Первая же дверь, которую я попробовал, оказалась незапертой. Я вгляделся в темноту, прислушался, но, кроме собственного дыхания, ничего не услышал: тогда я нащупал выключатель и включил свет. Вероятно, комната Куэлла: чистая и аккуратная, никакого оружия и ничего такого, что я мог бы использовать в качестве оружия, не видно. Белый халат, висевший на плечиках, навел меня на мысль. Я проскользнул в комнату и примерил халат. На мне он сидел не лучше, чем шкурка крота сидела бы на белом медведе, поэтому я

оставил эту идею.

В следующей комнате над грязной с виду постелью висела большая цветная гравюра девушки в набедренной повязке и с ниткой жемчуга. Она улыбалась мне, как бы приглашая, но я не улыбнулся ей в ответ. Значит, это комната Блэнда.

Я скользнул в нее и прикрыл дверь. После недолгих поисков в комоде нашел кожаную плеть со свинчаткой и с ремешком, чтобы надевать на руку: хорошо сбалансированное, смертоносное оружие, как раз то, что мне было надо.

Я прошел через комнату к шкафу, нашел запасную униформу и примерил пиджак. Он был немного великоват. Я переоделся, оставив пижаму на полу. Оказавшись снова в брюках и туфлях, почувствовал себя гораздо лучше. Я сунул плеть в набедренный карман и пожалел, что у меня нет пистолета.

В нижнем ящике комода я нашел пинтовую бутылку ирландского виски, сломал печать, открутил колпачок и сделал глоток. Спиртное шелком скользнуло вниз и разорвалось у меня в желудке, как ручная граната Милса.

Я приложился к бутылке еще разок, затем сунул пинту в боковой карман и снова направился к двери. Надо было продолжать рекогносцировку.

Открывая дверь, я услышал шаги. Я стоял тише, чем мышь, увидевшая кошку, и ждал. По коридору, напевая себе под нос, шла сиделка с продолговатым лицом. Она прошла совсем рядом со мной и увидела бы меня, посмотри в мою сторону. Сиделка открыла дверь на другой стороне коридора и вошла в тускло освещенную комнату. Дверь закрылась.

Я подождал. Благодаря виски дышалось мне теперь гораздо легче. Минута проходила за минутой.

Сестра появилась снова, прошла по всему коридору, вытащила ключ и, прежде чем до меня дошло, что она делает, отперла главный вход. Я увидел, как дверь открылась. Увидел лестничный пролет, который вел туда, где был свет. Я рванулся вперед, но она уже переступила порог и закрыла за собой дверь.

Я решил обследовать комнату, из которой только что вышла сестра. Может, именно там и находится Анона.

Я вытащил плеть, воспротивился искушению отпить из бутылки и пошел по коридору. У дверей я остановился, приложил ухо к филенке и прислушался. Кроме шума ветра и дождя, барабанившего по зарешеченному окну, ничего не услышал. Я бросил взгляд через плечо — из других дверей за мной никто не подсматривал. Коридор казался таким же пустым, как церковь в понедельник пополудни. Я медленно повернул ручку, дверь отворилась, и я увидел комнату, спланированную и обставленную

точно так же, как и комната, в которой держали в заточении меня.

Там стояло две койки, одна из них — пустая. На койке напротив меня лежала женщина. Синяя ночная лампа отбрасывала причудливый свет на белую простыню и на белое лицо женщины, светлые волосы разметались по подушке, глаза с озадаченным выражением заблудившегося ребенка изучали потолок.

Я толкнул дверь пошире и мягко прошел в комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной, гадая, не закричит ли женщина. Обитая резиной дверь успокоила меня, что, если даже и закричит, никто ее не услышит; но она не закричала. Глаза ее продолжали смотреть в потолок, но на щеке задергался какой-то нерв. Я ждал. Спешить особенно было некуда, а мне не хотелось пугать ее.

Очень медленно она перевела взгляд с потолка на стену, потом вниз по стене и задержала его на мне. Мы посмотрели друг на друга. Я сознавал, что едва дышу, а плеть, которую держал в руке, была столь же неуместна, как пулемет на репетиции хора. Я сунул ее обратно в набедренный карман.

Она разглядывала меня — нерв дергался, глаза расширились.

— Привет, — бодро и спокойно сказал я. Мне даже удалось улыбнуться.

Мэллой и его подход к больным: талант, который затаив дыхание будут обсуждать его внуки, если у него когда-либо появятся внуки, что весьма сомнительно.

— Кто вы? — Она не закричала и не попыталась полезть на стену, но нерв продолжал дергаться.

— Я вроде как детектив, — ответил я, надеясь успокоить ее. — Пришел сюда, чтобы вас забрать домой.

Теперь, когда я оказался поближе к ней, я увидел, что зрачки ее голубых глаз крошечные, как головка булавки.

— У меня нет никакой одежды, — сказала она. — У меня ее отобрали.

— Одежду для вас я найду. Как вы себя чувствуете?

— Нормально. — Светлая головка повернулась направо, потом налево. — Но я не могу вспомнить, кто я. Мужчина с белыми волосами сказал мне, что я потеряла память. Он славный, правда?

— Так говорят, — осторожно ответил я. — Но вы ведь хотите поехать домой, правда?

— У меня нет дома. — Она выпростала длинную обнаженную руку и пробежала красивыми пальцами по копне светлых волос. Ее рука скользнула вниз и задержалась на пульсирующем

нерве. — Он потерялся, но сестра говорит, что его ищут. Вы его нашли?

— Да. Потому-то я здесь.

Она нахмурилась, подумала о чем-то.

— Значит, вы знаете, кто я? — спросила она наконец.

— Вас зовут Анона Фридлендер, — сказал я. — И вы живете в Сан-Франциско.

— Правда? Я что-то этого не помню. Вы уверены?

Я разглядывал ее руку. Она была испещрена крошечными шрамами. Они долгое время держали ее на наркотиках. Она и сейчас была под дурманом.

— Да, уверен. Вы можете встать с постели?

— Пожалуй, я не хочу, — ответила она. — Я бы скорее поспала…

— Ну что ж, — сказал я ей. — Засыпай. Все равно мы еще не готовы уйти. Немного погодя, когда ты поспишь, мы уйдем.

— У меня нет никакой одежды, или я вам об этом уже говорила? В данный момент на мне ничего нет. Свою ночнушку я бросила в ванну. Сестра была очень злая.

— Вам не надо ни о чем беспокоиться. Все хлопоты я беру на себя. Когда мы будем готовы уйти, я найду вам какую-нибудь одежду.

Тяжелые веки вдруг закрылись и с усилием открылись снова. Палец соскользнул с нерва, который уже не дергался.

— Вы мне нравитесь, — сонно сказала она. — Кто, вы сказали, вы такой?

— Мэллой. Вик Мэллой — вроде как детектив.

— Мэллой. Постараюсь запомнить. У меня очень плохая память. Я, похоже, все забываю. — И снова ее веки стали закрываться. Я стоял над ней, наблюдая. — По-моему, я не в состоянии бодрствовать. — Затем, уже после паузы, когда я подумал, что она уснула, она каким-то далеким голосом сказала: — Она застрелила его, вы знаете. Я была там. Она схватила дробовик и застрелила его. Это было ужасно.

В комнате воцарилась тишина. Она уже спала. То, чем напичкала ее сестра, даровало ей забвение. Возможно, до утра она уже не пробудится. Значит, если я выберусь отсюда, ее придется выносить. Впрочем, еще было время подумать, как это сделать.

Если бы мне пришлось выносить ее, я мог завернуть ее в простыню, но если бы она стала настаивать на том, что пойдет сама, мне пришлось бы подыскивать для нее какую-нибудь одежду.

Я оглядел комнату. Комод стоял напротив изножья кровати. Я

принялся выдвигать ящики. Многие из них оказались пустыми, в некоторых лежали полотенца и запасное постельное белье. Никакой одежды.

Тогда я прошел к шкафу, открыл его и заглянул внутрь. Там был халат, шлепанцы и два мягких чемодана, лежавших на верхней полке. Я стащил один из них вниз. На крышке были вытиснены инициалы «А.Ф.». Я снял ремни с чемодана, открыл его. Порывшись в нем, извлек униформу медсестры.

Я сунул руку в боковые карманы чемодана. В одном из них нашел маленький синий ежедневник за 1948 год.

Быстро его пролистал. Записи были короткие и весьма нерегулярные. Несколько раз упоминался «Джек», и я догадался, что это Джек Бретт, дезертировавший с флота, о котором рассказывал мне Миффлин.

24. I. Кино с Джеком. 7.45.

28. I. Обед в «Л'Этуаль». Встреча с Джеком в 6.30.

29. I. Домой на уик-энд.

5. II. Джек возвращается на судно.

Следовал перерыв до 10 марта.

10. III. По-прежнему никаких писем от Джека.

12. III. Доктор Сэлзер спросил меня, не хотела бы я поработать за пределами больницы. Согласилась.

16. III. Начала работать в Крестуэйз.

18. III. Умер мистер Кросби.

Остальная часть ежедневника была пустой, поскольку начиная с этой даты в ее жизни произошли изменения. Она пошла в Крестуэйз, очевидно, чтобы за кем-то ухаживать. Она видела, как умер Кросби. Поэтому ее продержали в этой палате два года, накачивая лекарствами в надежде, что рано или поздно она тронется умом и забудет, что произошло. Ужас этой картины все еще маячил на заднем плане ее сознания. Возможно, она неожиданно вошла в комнату, где две девушки дрались, вырывая друг у друга дробовик. Возможно, когда Кросби бросился их разнимать, она, не желая его смущать, отступила назад и видела, как ружье направили на Кросби и выстрелили.

Я посмотрел на спокойное белое лицо, некогда, вероятно, волевое и исполненное решимости. Она была не из тех, кого можно уговорить замять что бы то ни было, не соблазнить ее было и деньгами. Вероятнее всего, она настаивала на том, чтобы позвали полицию. Вот почему они и заточили ее.

Я задумчиво почесал челюсть и стукнул маленьким ежедневником по ладони другой руки. Надо было выбираться отсюда, причем выбираться как можно скорее.

И будто в ответ на эту мысль послышался ужасный треск, от

которого содрогнулось все здание: казалось, будто часть его рухнула.

Я вздрогнул от неожиданности, быстро подошел к двери и резко ее распахнул. В коридоре было полно известковой и кирпичной пыли, и из этой пыли возникли две фигуры с пистолетами в руках, они быстро бежали к палате Хоппера — Джек Керман и Майк Финнеган! Я хрипло поприветствовал их. Они резко остановились, направив на меня свои пушки.

Напряженное лицо Кермана расплылось в широкой улыбке.

— «Универсальные услуги» к вашим услугам, — сказал он, хватая меня за руку. — Хочешь выпить, дружок?

— Мне нужен транспорт для обнаженной блондинки, — сказал я, обнимая его, а Майк так шлепнул меня по спине, что я зашатался. — Что вы сделали — снесли дом?

— Прицепили к раме окна пару цепей и вырвали ее десятитонным грузовиком, — сказал Керман. — Грубовато, зато эффектно.

Я затащил Кермана в палату Аноны, а Финнеган остался на страже в коридоре. Нам понадобилось секунд десять, чтобы завернуть бесчувственную девушку в простыню и вынести ее из комнаты.

— Прикрывай с тыла, Майк, — сказал я, когда мы прошли мимо него к дыре в стене. — Если потребуется, стреляй.

— Перекинь ее через мое плечо, — сказал Керман, хихикая от возбуждения. — К стене приставлена лестница.

Я помог ему взобраться на шаткую кирпичную кладку. Рядом с его лицом безвольно висели нагие руки и ноги.

— Теперь я понял, почему ребята идут в пожарные, — сказал он и стал осторожно спускаться по лестнице.

Внизу я увидел большой грузовик, стоявший у дома, а у лестницы разглядел Полу. Она помахала мне.

— О'кей, Майк, — позвал я. — Уходим.

Когда Майк присоединился ко мне, дверь в конце коридора резко отворилась, и в проеме появилась сиделка с продолговатым лицом. Увидев нас и разрушенную стену, она пронзительно закричала.

Мы быстро спустились по лестнице и влезли в грузовик.

Пола уже сидела за баранкой и, как только мы забрались в кузов, выжала сцепление и бесшабашно поехала прямо по цветочным клумбам.

Керман положил Анону на пол и произнес:

— Знай я, что она так хороша, я бы приехал пораньше.

Глава пятая

Загудел зуммер, и платиновая блондинка с гибкой фигурой вышла из-за стола и направилась ко мне. Она сказала, что мистер Уиллет ждет меня. Говорила она так, будто находилась в церкви, а выглядела так, словно ее место в переднем ряду красоток Ицци Джейкоба в «Орчид Рум Фоли».

Через приемную я проследовал за ее покачивающимися бедрами в святая святых. Она легонько стукнула в дверь изумрудно-зеленым ногтем, открыла ее, поправила локон, как это делают женщины, и сказала:

— Пришел мистер Мэллой.

Я вошел. Уиллет окопался за своим огромным столом, с сомнением разглядывая нечто весьма похожее на завещание, что скорее всего так и было. Толстая сигарета с золотым ободком горела между двумя коричневыми пальцами. Не поднимая глаз он сделал мне знак рукой садиться.

Платиновая блондинка ушла. Я посмотрел ей вслед. У двери она умудрилась так вихлянуть бедром, что оно так и заходило под черным отливом ее шелкового платья. Мне стало жаль, когда дверь за ней закрылась.

Я сел и заглянул внутрь своей шляпы, пытаясь вспомнить, когда же я ее купил. Я пообещал себе, что если только сумею убедить Уиллета расстаться с какой-то частью денег, куплю себе новую шляпу.

— Курите, — вдруг рассеянно сказал Уиллет. Не отрывая глаз от кипы бумаг, которые держал в руке, он подтолкнул ко мне серебряный портсигар.

В портсигаре оказались эти самые сигареты с золотым ободком, и я взял одну. Оказалось, вкус у нее гораздо хуже, чем вид, что весьма типично для подобных сигарет.

Уиллет швырнул бумаги в ящик для исходящих бумаг, подтащил стул поближе к столу и сказал:

— Ну, мистер Мэллой, я вас слушаю. Через десять минут у меня новая встреча.

— В таком случае мне лучше зайти к вам в другой раз, — сказал я. — В десять минут мы никак не уложимся. Не знаю, мистер Уиллет, во сколько вы оцениваете отчет о деле Кросби, но он определенно стоит кругленькую сумму. Не хочу кричать об этом на всех перекрестках, но я бы не удивился, если бы отчет потребовал гораздо большего времени.

— Что именно вы хотите сказать?

— Вам нужны подробности или вы хотите всего лишь взглянуть на дело по-быстрому? — спросил я. — Плохо и так и эдак, но в подробностях дело вроде как бы вас захватывает.

— Сколько времени вам нужно?

— Полчаса — может, больше. А потом вам, вероятно, захочется задать несколько вопросов. В общем, примерно с час. Но скучно вам не будет.

Он покусал нижнюю губу, потом, хмурясь, потянулся к телефону и отменил три деловые встречи. Я видел, что ему неприятно это делать, тем не менее он это сделал. Десятиминутная беседа с таким человеком, как Уиллет, обходилась его клиентам примерно в сто долларов.

— Рассказывайте, — сказал он, откидываясь на спинку стула. — Почему вы не связались со мной раньше?

— Это является частью моего отчета, — ответил я и положил шляпу под стул, на котором сидел. У меня было такое чувство, что вскоре я-таки куплю новую. — Последние пять дней я провел в доме для умалишенных.

Он издал какой-то хриплый звук, но выражение его лица не изменилось. Я решил больше его особенно не травмировать.

— Прежде чем я начну, — сказал я, — возможно, вы сообщите мне что-нибудь о банковском счете мисс Кросби. Вы получили к нему доступ?

Он покачал головой.

— Управляющий банка наотрез отказался. Если бы он показал мне ее счет и этот факт каким-то образом стал бы достоянием гласности, он потерял бы счет, а это много денег. Но он сообщил мне, что деньги за страховку были переведены в облигации на предъявителя и сняты со счета.

— Он не сказал, когда?

— Вскоре после утверждения завещания судом.

— А вы написали мисс Кросби о просьбе зайти к вам?

— Да. Она будет здесь завтра пополудни.

— Когда вы ей написали?

— Во вторник — пять дней назад.

— Она ответила обратной почтой?

Он кивнул.

— Тогда я не думаю, что она явится в назначенное время. Впрочем, посмотрим. — Я стряхнул пепел в серебряную пепельницу. — Ну что ж, теперь я, пожалуй, расскажу вам свою историю.

Я рассказал ему, как ко мне завалились Макгро и Хартселл. Он слушал, осев на стуле, глаза такие же холодные, как пара автомобильных фар. Когда я описал, как они меня отделали, он не засмеялся и не заплакал. Это же не с ним случилось, так с какой стати ему переживать? Но когда я сообщил ему, как на месте действия появилась Морин, брови у него нахмурились, и он позволил себе постучать кончиками ногтей по краю стола.

Дальше этого в проявлении чувств он, возможно, никогда не зайдет.

— Она отвезла меня в какой-то дом на утесах, к востоку от шоссе на Сан-Диего. Она сказала, что дом принадлежит ей: славное местечко, особенно если вам нравятся дома, которые стоят кучу денег и в которых бы жить кинозвездам. Вы знали, что он у нее есть?

Он покачал головой.

— Мы сидели и говорили, — продолжал я. — Ей хотелось знать, почему я ею заинтересовался, и я показал письмо ее сестры. По какой-то причине она испугалась. Я спросил, не шантажировали ли ее в то время, и она ответила, что нет и что Джэнет скорее всего пыталась причинить ей неприятности. Она заявила, что Джэнет ненавидела ее. В самом деле?

Уиллет игрался ножом для разрезания бумаги, лицо у него напряженное, в глазах — выражение тревоги.

— Насколько я понимаю, они не ладили, только и всего. Знаете, как это бывает со сводными сестрами.

Я сказал, что знаю, как бывает со сводными сестрами.

Минуты две-три мы оба молчали.

— Продолжайте, — кратко произнес он. — Что еще она вам сказала?

— Как вы знаете, Джэнет и один парень, некто Даглас Шеррилл, были обручены. Чего вы, вероятно, не знаете, так это что Шеррилл — темная лошадка, возможно, даже отсидел, но безусловно мошенник. Согласно утверждению Морин она отбила Шеррилла у Джэнет.

Уиллет ничего не сказал. Он ждал.

— Девушки поссорились, ссора перешла в драку, — продолжал я. — Джэнет схватила дробовик. Появившийся старик Кросби попытался отобрать у нее ружье. Она выстрелила в него, и он умер.

На мгновение мне показалось, что сейчас Уиллет прыгнет прямо через стол. Но он сдержался.

— Это вам все Морин рассказала? — спросил он голосом, который, казалось, доносился откуда-то из-под пола.

— О да. Ей хотелось сбросить груз с души. А вот еще один момент, который вам понравится. Эту стрельбу надо было как-то замять. Я ошибся, заявив, что свидетельство о смерти Кросби подписал доктор Сэлзер. Он его не подписывал. Его подписала миссис Сэлзер. По ее словам, она дипломированный врач и друг семьи. Одна из девушек позвонила ей, и она приехала и все уладила. Лессоуэйз, который не из тех, кто осложняет жизнь богатым, принял версию, будто Кросби чистил ружье и случайно

застрелился. Он поверил им на слово. Брэндон тоже.

Уиллет закурил сигарету. У него был вид голодного человека, которого угостили пирожком, а внутри его он ничего не нашел.

— Продолжайте, — сказал он и откинулся на спинку стула.

— По какой-то причине одна сиделка по имени Анона Фридлендер во время стрельбы находилась в доме и все видела. Миссис Сэлзер не собиралась рисковать. Она заточила сестру, чтобы та не проболталась. С тех пор ее держали в палате с мягкими стенами в санатории Сэлзера.

— Вы хотите сказать — против ее воли?

— Естественно. Более того, в течение этих двух лет ее накачивали наркотиками.

— Из этого следует, что Морин Кросби это знает?

— Понятия не имею.

Уиллет уже тяжело дышал. Мысль о том, что столь богатому клиенту, как Морин Кросби, могут предъявить обвинение в похищении людей, казалось, шокировала его, хотя сообщение о страданиях Аноны Фридлендер не произвело на него ровно никакого впечатления.

— Между прочим, — сказал я, — прошлой ночью мы вызволили Анону из санатория.

— О-о! — Он казался смущенным. — Есть ли вероятность, что из-за нее у нас будут хлопоты?

— Думаю, что более чем вероятно. А вам бы самому не захотелось что-нибудь предпринять, если бы вас продержали в заточении два года только потому, что некоторые богатые люди из-за робости не хотят попадать в газеты?

Он почесал подбородок и снова задумался.

— Пожалуй, мы могли бы выделить ей небольшую компенсацию, — сказал он наконец, хотя вид у него был не очень. — Пожалуй, мне лучше встретиться с ней.

— Пока она сама не будет готова с кем-то встретиться, никто с ней не встретится. В данный момент, похоже, она и сама не знает, что с ней такое. — Я погасил сигарету и закурил свою. — О похищении следует сообщить в полицию. Если сообщим — то вся эта грязная история попадет на первые страницы газет. Тогда ваша работа будет состоять в том, чтобы передать миллионы Кросби исследовательскому Центру. Как знать, захотят ли они, чтобы их дела вели вы — скорее всего нет.

— Значит, именно поэтому я и должен поговорить с ней, — сказал он. — Такие дела обычно можно уладить.

— Не будьте в этом столь уверенны. А вот вам еще небольшой инцидент, который произошел со мной, — мягко

сказал я. — Меня тоже похитили и продержали в заточении пять дней, и меня тоже накачивали наркотиками. Это еще одна мелочь, о которой следует сообщить в полицию.

— Зачем лишаться хорошей работы? — парировал он и впервые с тех пор, как я появился в комнате, позволил себе слегка улыбнуться. — Я как раз собирался предложить вам дополнительный задаток: скажем, еще пятьсот долларов.

Значит, у меня-таки появится новая шляпа.

— Весьма соблазнительное предложение. Назовем его, пожалуй, страховкой за риск, — сказал я. — Но эта сумма не должна входить в гонорар, который вы уплатите за выполненную нами работу.

— Совершенно верно.

— Ну, пожалуй, мы пока оставим Анону Фридлендер и продолжим нашу историю. Она еще не вся.

Он оттолкнул стул и встал. Я смотрел, как он подошел к небольшой горке у противоположной стены и вернулся с бутылкой «Хейг энд Хейг» и двумя рюмками.

— Вы это употребляете? — спросил он, снова садясь.

Я сказал, что употребляю.

Он налил в обе рюмки, подвинул одну мне, опрокинув другую себе в глотку и тут же наполнил ее снова. Бутылку поставил посреди стола между нами.

— Угощайтесь, — сказал он.

Я выпил немного этого шотландского виски. Оно оказалось очень хорошим — лучшего я не пил уж много месяцев. Я подумал, до чего ж удивительно, что известнейший адвокат может сломаться, когда он видит, что навстречу ему идет беда, а на ней стоит его имя.

— По словам Морин, — продолжал я, — смерть Кросби не давала Джэнет покоя. Возможно, и так, но она, безусловно, выражала это весьма странно. Я бы сказал, что в такое время ей не захочется играть в теннис или носиться кругом, чем именно она занималась. Во всяком случае, тоже по словам Морин, Джэнет через шесть или семь дней после стрельбы покончила жизнь самоубийством. Она приняла мышьяк.

Крошечная капля виски пролилась из рюмки Уиллета на промокашку. Он еле слышно выдохнул:

— Боже мой!

— Это тоже замяли. Так уж вышло, что в это время миссис Сэлзер была в отъезде, поэтому Морин и доктор Сэлзер пригласили доктора Бьюли, безобидного старого козла, и сказали ему, будто Джэнет страдала злокачественным эндокардитом, и он, желая угодить, выдал свидетельство о смерти. У Джэнет была

личная служанка, Юдора Дрю, которая, вероятно, подслушала, как Сэлзер и Морин сочиняют эту басню. Она потребовала свою долю, и они ей заплатили. Я получил о ней сведения и пошел поговорить с ней. У нее хватило ума отшить меня и связаться с Сэлзером. Она сказала ему, что я предложил ей пятьсот долларов за информацию, но если он готов повысить ставку, она будет держать рот на замке. На это у миссис Сэлзер был свой ответ. Она послала бывшего головореза, который работал в санатории, урезонить девушку. По словам миссис Сэлзер, он разгорячился и убил ее.

Уиллет сделал долгий вдох. Потом выпил, как человек, которому непременно надо выпить.

— Дворецкий дома, Джон Стивенс, тоже кое-что знал и кое-что подозревал, — продолжал я. — Я уговаривал его расколоться, но в этот момент налетели шестеро «макаронников», которые работают на Шеррилла, и похитили его. Они обращались с ним довольно грубо, и он умер, но все равно это убийство. Уже два убийства. А сейчас мы подходим к третьему. Вам нравится?

— Продолжайте, — скрипучим голосом сказал он.

— Помните сиделку Гэрни? Миссис Сэлзер признает, что похитила ее, только, по ее словам, сиделка Гэрни упала с пожарной лестницы и сломала себе шею. Миссис Сэлзер спрятала тело Гэрни где-то в пустыне. Это тоже убийство.

— Фантастично, — сказал Уиллет. — Невероятно.

— Невероятно всего лишь из-за мотива. Два человека, миссис Сэлзер и Шеррилл, совершают три убийства, не говоря уже о похищении Аноны Фридлендер и меня, ради того только, чтобы какая-то девушка не попала в газеты. Вот что невероятно. По-моему, многого в этом деле мы еще попросту не знаем. Мне представляется, эти двое попытаются утаить в мешке очень юркое шило, и мне хочется узнать, что же это за шило.

— Они переживают не из-за газетной шумихи, — заметил Уиллет. — Вы посмотрите, сколько тут замешано денег.

— Да, но я по-прежнему считаю, что есть какое-то шило, которого мы до сих пор не нашли. И я намерен поискать его. Во всяком случае, я продолжаю расследование. Кульминация приближается. Морин сказала мне, что, когда она стала наследницей, Шеррилл предстал перед ней в своем истинном свете. Он оказался шантажистом. Он заявил, что пустит слух, будто из-за того, что она отбила его у Джэнет, Джэнет застрелила отца и покончила с собой. Но если она купит ему «Шхуну-Мечту», он будет молчать. Она купила ему «Шхуну-Мечту» — вот почему она обратила деньги на страховку в облигации на предъявителя. Она отдала эти облигации Шерриллу. Вы только представьте

себе, какую шумиху подняли бы газеты, если бы стало известно, что Морин Кросби финансирует игорное судно? После этого все деньги Кросби наверняка бы отошли Исследовательскому Центру, правда?

— Она купила «Шхуну-Мечту»? — произнес Уиллет сдавленным голосом.

— Так она мне сказала. Она также заявила, что боится Шеррилла, — и в этот исполненный драматизма момент мистер Шеррилл предстал собственной персоной. Он заявил, что упрячет Морин туда, где ее никто не найдет, и подобным же образом избавится от меня. Я уже хотел было поспорить с ним, когда кто-то сзади оглушил меня, а в себя я пришел уже в санатории Сэлзера. Не будем тратить время на то, что произошло там. Достаточно сказать, что мой помощник, выдав себя за известного автора, добился того, что Лессоуэйз пригласил его нанести визит в этот санаторий совместно с членами муниципалитета. Такие посещения бывают ежемесячно. Он увидел меня и вызволил оттуда, и мы прихватили с собой Анону Фридлендер. Что нам надо узнать, так это исполнил ли Шеррилл свою угрозу относительно Морин. Если она завтра не появится, ставлю на то, что она упрятана, возможно, на судне Шеррилла. Если же она-таки появится, тогда я буду склонен думать, что она вместе с остальными замешана в этом деле, а к себе домой меня повезла только затем, чтобы Шеррилл мог добраться до меня.

Не слишком твердой рукой Уиллет налил себе еще рюмку.

— Не думаю, что это так, — сказал он.

— Посмотрим. Если Шеррилл держит ее, у вас есть какая-то возможность приостановить выплату денег с ее счета?

— Над ее деньгами я вообще не властен. Я лишь могу довести до сведения других опекунов, что она нарушила условия завещания.

— Кто эти другие опекуны?

— Мистер Глинн и мистер Коппли, мои шефы, которые, разумеется, в Нью-Йорке.

— С ними следует советоваться?

— На данной стадии — нет, — сказал он и потер подбородок. — Буду откровенен с вами, Мэллой. Они бы исполнили условия завещания безо всяких колебаний, даже не принимая в расчет, что девушка, возможно, ни в чем не виновата. На мой взгляд, завещание чересчур жесткое. Кросби поставил условие, что если Морин попадет в газеты, деньги достанутся Исследовательскому Центру. Я полагаю, он несколько устал от ее выходок, но не понимал, что дает безжалостному шантажисту оружие против нее. Вероятно, именно это и имело место.

— Вам не приходило в голову, что мы скрываем три убийства? — сказал я, наливая себе еще одну рюмку. От всех этих разговоров у меня пересохло во рту. — Пока что Брэндон не копает слишком глубоко, потому что его пугают деньги семейства Кросби, но если факты о том, что Морин замешана в этих убийствах, подтвердятся, ему придется забыть о ее деньгах и что-то предпринять. Нам с вами придется тогда изворачиваться.

— Одних подозрений мало, чтобы выносить ей приговор, — сказал Уиллет. — Я бы никогда себе не простил, если бы, предприняв поспешные действия, мы вынудили ее совершенно несправедливо потерять деньги. Как насчет этой Фридлендер? Сколько времени уйдет, прежде чем она сможет говорить?

— Не знаю. Судя по всему, через несколько дней. Она даже не помнит, кто она.

— Она в больнице?

Я покачал головой.

— За ней присматривает мой секретарь, мисс Бенсинджер. Я пригласил доктора, но он пока ничего не может сделать. Он говорит, что тут просто дело времени. Сегодня я еду в Сан-Франциско повидать ее отца. Он может помочь ей вернуть память.

— Мы оплатим любые расходы, — заверил меня Уиллет. Он закурил еще одну сигарету. — Каков наш следующий шаг?

— Придется подождать, не появится ли Морин. Если нет, я съезжу на «Шхуну-Мечту» и посмотрю, нет ли ее на борту. Есть и другие подходы, которые я прорабатываю. В данный момент у меня слишком много болтающихся веревочек, которые надо куда-то привязать.

В дверь постучали, вошла платиновая блондинка и, играя бедрами, направилась к столу Уиллета.

— Мисс Поллард теряет терпение, — пробормотала она. — А это послание только что поступило. Я решила, вам следует ознакомиться с ним немедленно.

Она протянула ему какую-то бумажку. Он прочитал ее, и брови у него подпрыгнули.

— Хорошо. Скажите миссис Поллард, что я приму ее через пять минут, — сказал он и посмотрел на меня. — Мисс Кросби завтра не приедет. Очевидно, она отправляется в Мексику.

— Кто звонил? — спросил я, подаваясь вперед.

— Он не назвался, — ответила платиновая блондинка Уиллету. — Он лишь сказал, что говорит от имени мисс Кросби, и попросил передать послание немедленно.

Уиллет вопрошающе поднял на меня брови. Я покачал головой.

— Хорошо, мисс Палметтер, — сказал он. — Можете идти.

Я выудил свою шляпу из-под стула и встал.

— Похоже, придется нанести визит на «Шхуну-Мечту», — сказал я.

Уиллет убрал виски и рюмки.

— Лучше не говорите мне об этом, — произнес он. — Обещайте, что будете осторожны.

— Вы удивитесь, до чего я буду осторожен.

— А может, она уехала в Мексику, — с сомнением продолжал он.

Я слегка ему улыбнулся, но он на мою улыбку не ответил.

— Пока, — бросил я и вышел в приемную.

В одном из кресел сидела, тяжело дыша, полная разодетая женщина с жемчужинами с луковицу на шее. Когда я проходил мимо нее, направляясь к двери, она взглянула на меня тяжелым взглядом.

Я посмотрел на платиновую блондинку и опробовал свою улыбку на ней.

Она очень широко раскрыла глаза, посмотрела на меня пустым взглядом и отвернулась.

Когда я ввалился, Джек Керман показывал Трикси, нашей телефонистке, как Грегори Пек целует своих партнерш по фильмам. Увидев меня, они отпрянули друг от друга. Трикси мгновенно уселась на место и с неубедительной демонстрацией эффективности принялась вытаскивать и втыкать переключатели в гнезда.

Керман грустно улыбнулся, покачал головой и прошел следом за мной в кабинет.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я, открывая ящик своего стола. — Не слишком ли она молода?

Керман презрительно усмехнулся.

Я вытащил револьвер 38-го калибра, изготовляемый специально для полиции, сунул его в набедренный карман и взял пару журналов.

— У меня есть новость, — сказал Керман, наблюдая за мной и слегка выпучив глаза. — Сказать сейчас?

— Расскажешь в машине. Мы с тобой едем во Фриско.

— С оружием?

— Да. Отныне я не рискую. Пушка при тебе?

— Сейчас возьму.

Пока он ее брал, я позвонил Поле.

— Как она? — спросил я, когда Пола взяла трубку.

— Да почти так же. Доктор Мэнселл только что ушел. Сделал ей легкий укол. Он говорит, пройдет много времени, прежде чем

она отвыкнет.

— Я еду к ее отцу. Если он ее заберет, мы вроде как освободимся. Ты в порядке?

Она сказала, что да.

— На обратном пути я заеду, — добавил я и положил трубку.

Мы с Керманом спустились в лифте на первый этаж и вышли к «бьюику».

— Вечером поедем на «Шхуну-Мечту», — сказал я, заводя двигатель.

— Официально или неофициально?

— Неофициально — точь-в-точь как в кино. Может, даже придется добираться туда вплавь.

— Акулы и все такое, да? — сказал Керман. — Может, они попытаются застрелить нас, когда мы будем взбираться на борт.

— Наверняка, если только увидят.

Резко прибавив газу, я обогнал грузовик и поехал по Центральной авеню.

— Ничего себе перспектива, — мрачно сказал Керман. Он опустился на сиденье пониже. — Я просто не могу ждать. Может, мне лучше составить завещание?

— А у тебя разве есть что оставить? — в удивлении спросил я и резко тормознул на загоревшийся красный свет.

— Несколько грязных открыток и чучело крысы, — ответил Керман. — Их я оставлю тебе.

Когда загорелся зеленый, я спросил:

— Так что там за новости? Узнал что-нибудь о миссис Сэлзер?

— Ну еще бы. Веди машину поосторожнее — от этой новости ты можешь заехать в кювет. Я копал все утро. И знаешь, кто она?

Я свернул на бульвар Фэйрвью.

— Расскажи.

— Вторая жена Макдоналда Кросби — мать Морин.

«Бьюик» шарахнулся в сторону и чуть не столкнулся с проносившимся мимо грузовиком, водитель которого обложил меня. Мне удалось выровнять машину и вернуть ее к обочине.

— Я же предупреждал, чтобы ты поосторожнее, — сказал Керман и улыбнулся. — Здорово, правда?

— Продолжай — и что еще?

— Примерно двадцать три года назад она была специалистом по ухо-горло-носу в Сан-Франциско. Кросби познакомился с ней, когда она лечила Джэнет от какого-то пустяка. Он женился на ней. Практику она не оставила, перенапряглась, у нее был нервный припадок, и работу ей все же пришлось бросить. Жизнь у них с Кросби не получалась. Он узнал о ее связи с Сэлзером и

развелся с нею. Когда он переехал в Орчид-Сити, она тоже переехала, чтобы быть поближе к Морин. Ну как, нравится?

— Да, информация очень важная, — сказал я. Мы уже выехали на трассу Лос-Анджелес — Сан-Франциско, и я нажимал на педаль газа. — Она многое объясняет, но не все. Теперь понятно, почему она принимала участие в этой игре. Естественно, ей страстно хотелось, чтобы все эти деньги достались ее дочери. Но боже мой! Ты только представь себе, на что она пошла! Готов спорить, она сумасшедшая!

— Вполне возможно, — самодовольно сказал Керман. — В Медицинской ассоциации о ней говорили весьма уклончиво. Сказали, что у нее был нервный припадок, но в подробности не вдавались. Она чокнулась прямо во время операции. Одна сестра, с которой я беседовал, заявила, что, если бы не анестезиолог, она бы перерезала пациенту горло.

— У Сэлзера есть какие-нибудь деньги?

— Ни гроша.

— Интересно, кто дал деньги на покупку санатория? Скорее всего Кросби. Но за смерть сиделки Гэрни ей придется отвечать. Когда полиция найдет тело, я все расскажу Миффлину.

— Они, возможно, никогда его не найдут, — сказал Керман — он был весьма низкого мнения о полиции Орчид-Сити.

— Я помогу им — после того, как повидаю Морин.

Мы ехали минут десять молча, размышляя.

Затем Керман сказал:

— А мы не тратим понапрасну время, направляясь к старику Фридлендеру? Не лучше ли было позвонить?

— Не поздновато ли тебя осеняет, а? Скорее всего он бы не горел желанием забрать ее. Телефонный разговор очень легко прервать. У меня такое чувство, что его придется уговаривать.

В начале четвертого мы проехали по мосту Окленд-Бей, свернули на Монтгомери-стрит, затем налево на Калифорния-стрит.

Дом Фридлендера стоял где-то посередине по правой стороне. Это был один из тех не поддающихся описанию многоквартирных домов: шестиэтажный «муравейник», где орали радио и дети.

Навстречу нам по каменным ступенькам с шумом высыпали ребятишки. Они облепили нашу машину и делали с ней все, только что не прокалывали покрышек и не бросали зажженных спичек в бензобак.

Керман выбрал самого большого и крепкого из них и дал ему полдоллара.

— Не разрешай своим дружкам подходить к машине, и ты

получишь другую половину, — сказал он.

Мы поднялись по ступенькам и увидели два длинных ряда почтовых ящиков. Квартира Фридлендера находилась на пятом этаже — № 25, лифта не было, мы пошли пешком.

— Для меня будет счастливый день, если его не окажется дома, — сказал Керман, когда остановился на четвертом этаже передохнуть.

— Ты слишком много пьешь, — сказал я и стал подниматься по лестнице на следующий этаж.

Мы оказались в длинном мрачном коридоре. У кого-то в квартире радио разрывалось от джаза. От его горячего дыхания, казалось, весь коридор ходит ходуном.

Из ближней к нам комнаты вышла неряшливо одетая женщина. На ней была черная соломенная шляпа, далеко не новая, в одной руке она сжимала сетку для покупок. Женщина окинула нас взглядом, полным праздного любопытства, и пошла по коридору к лестнице. Там повернулась, чтобы еще раз поглазеть на нас, и Керман помахал ей рукой. Задрав нос, она стала спускаться.

Мы прошли по коридору к квартире № 25. Ни молотка, ни звонка на двери не было. Я уже поднял руку, чтобы постучать, когда из-за двери раздался приглушенный хлопок: такой звук получается, когда надуваешь бумажный мешочек, а потом хлопаешь по нему рукой, и он лопается.

Я вытащил револьвер, положил руку на ручку двери, повернул ее и толкнул дверь. К моему удивлению, она открылась. Я увидел довольно просторную комнату, судя по всему, гостиную.

Керман тяжело дышал у меня за спиной. Я быстро оглядел комнату, но никого не увидел. Из нее вели две двери, и обе были заперты.

— Думаешь, это был выстрел? — пробормотал Керман.

Я кивнул и тихонько прошел в комнату, сделав ему знак оставаться на месте. Он повиновался. Я пересек комнату и прислушался у правой двери, но шум ревущего радио заглушал все другие звуки.

Махнув Керману, чтобы он спрятался, я повернул ручку и легонько толкнул дверь, а сам отступил в сторону и прижался к стене. Ничего не произошло. В открытую дверь доносился сильный, едкий запах кордита. Я пододвинулся поближе и заглянул в комнату.

Прямо посреди пола лежал человек. Ноги он подобрал под себя, а руки прижал к груди. Кровь просачивалась меж пальцев и сбегала по запястьям на пол. Ему было лет шестьдесят, и я догадался, что это Фридлендер. Пока я смотрел на него, он издал

удушливый вздох, и его руки стукнулись об пол.

Я не двигался. Я знал, что убийца должен быть где-то в комнате. Выбраться он не мог.

Керман проскользнул в комнату у меня за спиной и прижался к стене с другой стороны двери. Тяжелый револьвер 45-го калибра у него в кулаке казался самой настоящей пушкой.

— Выходи! — вдруг рявкнул я. Голос мой прозвучал, как пила, врезающаяся в сучок. — И руки вверх!

Щелкнул выстрел, пуля просвистела рядом с моей головой.

Керман завел руку за дверь и дважды выстрелил. От звуков его револьвера задребезжали стекла.

— Тебе не уйти! — сказал я, стараясь походить на крутого фараона. — Ты окружен!

Однако на этот раз убийца не ответил. Мы ждали, но ничего не происходило. Я уже представлял себе, как прикатывают фараоны, а мне не хотелось связываться с фараонами во Фриско — уж больно они деятельные.

Я сделал знак Керману оставаться на месте и прошмыгнул к окну. Когда я поднял раму, Керман снова выстрелил в комнату, а я в этот момент открыл окно и высунулся. Окно внутренней комнаты находилось в нескольких футах от меня. Это означало, что мне надо выбраться на оконный карниз и перебраться на другой на высоте около ста футов. Уже перекинув ногу, я оглянулся. Глаза у Кермана полезли на лоб, он покачал головой. Я указал большим пальцем на соседнее окно и взобрался на карниз.

Кто-то выстрелил снизу, и пуля обдала мое лицо цементом. Я до того перепугался, что чуть не отпустил руки, потом глянул вниз и увидел повернутые вверх лица довольно большой толпы. Прямо в центре ее стоял толстый фараон и целился в меня.

Я издал сдавленный крик, бросил свое тело вперед и в сторону, ударился об окно соседней комнаты, пролетел со звоном через стекло и приземлился на четвереньках на полу. Выстрелил чей-то револьвер, и тут же громыхнула пушка Кермана, от пули которой отвалился кусок гипса с потолка.

Я распластался на полу и, извиваясь ужом, пополз за кровать, а комнату сотрясали новые выстрелы.

Я вдруг увидел темное лицо, над кроватью, и злобное, с синевой дуло автоматического пистолета, направленное мне в голову, затем рука, державшая пистолет, исчезла вместе с грохотом выстрела и появилась вновь в виде губчатой кровавой массы.

Это оказался мой дружок «макаронник» в грязной рубашке. Он взвыл и, спотыкаясь, пошел к окну, а Керман бросился за ним.

Он ударил Кермана наотмашь, прошмыгнул мимо него, выбежал в другую комнату, а оттуда — в коридор. Раздались выстрелы, закричала какая-то женщина, глухо грохнулось на пол чье-то тело.

— Осторожно! — выдохнул я. — Там один кровожадный фараон. Он выстрелит, как только увидит тебя.

Мы молча стояли и ждали.

Но фараон не собирался рисковать.

— Всем выходить! — гаркнул он из-за двери. Даже с такого расстояния я слышал, как он дышит. — Если выйдете с пушкой, от вас мокрое место останется!

— Мы идем, — сказал я. — Успокойтесь и не стреляйте.

Подняв руки, мы вышли из комнаты в коридор.

В коридоре лежал «макаронник». Во лбу у него зияла дырка от пули.

Фараон оказался массивным мужчиной с толстыми ногами и крупной головой. Он оскалился, грозя нам своим револьвером.

— Спокойно, брат, — произнес я — уж больно мне не понравился его вид. — У тебя уже и так на руках два жмурика. Зачем тебе еще два?

— А мне плевать, — сказал он, показывая зубы. — Два или четыре — без разницы. Становитесь вон к той стенке, пока не приедет «ворон».

Мы стали к стене и вскоре услышали вой сирены. По лестнице, запыхавшись, поднялись две фигуры в белых халатах с представительной группой из отдела по расследованию убийств. Я обрадовался, увидев, что с ними Данниген, начальник районного отделения детективов. Нам с ним не раз приходилось работать вместе.

— Привет, — сказал он и уставился на нас. — Твоя работа?

— Чуть не стала моей, — ответил я. — Там внутри еще один. Ты не мог бы сказать этому сотруднику, что мы не опасны? Я все боюсь, как бы он нас не прикончил.

Данниген сделал знак фараону отойти в сторону.

— Сейчас я выйду и побеседую с вами.

Он зашел посмотреть на Фридлендера.

— Он наш дружок, — сказал я фараону, который вызверился на нас. — Надо смотреть, в кого стреляешь.

Полицейский сплюнул.

— Дурак я, что не убрал и вас, ублюдков, — с отвращением сказал он. — Прибыли бы они, а у меня четыре жмурика, глядишь, и сделали бы меня сержантом.

— Какой у тебя очаровательный умишко, — сказал Керман и попятился.

Обратно в Орчид-Сити мы отправились около пяти, после того как попотели пару часов в кабинете Даннигена. Он сделал все, что в его силах, чтобы заставить нас расколоться, но успеха так и не добился.

Моя версия была более или менее правдивой. Я заявил, что дочь Фридлендера уже два года числилась в пропавших. Это он смог проверить, позвонив в бюро по розыску пропавших без вести в Орчид-Сити. Я сказал ему, что нашел ее, когда она бродила по улицам, страдая потерей памяти, и, отвезя ее на квартиру своей секретарши, тут же сел в машину, чтобы приехать во Фриско и привезти к ней Фридлендера.

Даннигену захотелось узнать, как я догадался, что она дочь Фридлендера, и я ответил, что читал бюллетень разыскиваемых лиц, который рассылается полицией, и узнал ее по описанию.

Он окинул меня долгим хмурым взглядом, гадая, верить мне или нет, а я в ответ вытаращился на него.

— Мне представляется, у вас есть дела и поинтереснее, — сказал он наконец.

Затем я рассказал ему, как прибыл на квартиру Фридлендера, услышал выстрел, вломился в дверь, нашел мертвого Фридлендера и «макаронника», который пытался удрать. Я сказал, что он выстрелил в нас, а мы стреляли в него, и показал Даннигену наши разрешения на ношение оружия. Я сказал, что, возможно, этот «макаронник» — домушник. Нет, я не думал, что видел его раньше, хотя и не исключено. Просто для меня все «макаронники» одинаковы.

Данниген заявил, что я о чем-то умалчиваю. Я ответил, что он, должно быть, читает слишком много детективов, и попросил его отпустить меня, так как у меня уйма дел. Но он начал снова прощупывать меня, задавать вопросы, но все бесполезно. Когда он сидел и с ненавистью смотрел на меня, он был похож на сбитого с толку быка.

Хорошо, что «макаронник» прихватил деньги и золотые часы Фридлендера: единственные вещи в квартире, представляющие ценность, так что получился идеальный расклад для обычного вооруженного ограбления. Наконец Данниген решил отпустить нас.

— Может, это и ограбление, — тяжело сказал он. — Кабы не вы, двое залетных пташек, я бы и думать не стал, но ваше появление заставляет меня сомневаться.

Керман заметил, что если он будет волноваться из-за таких пустяков, то ему до пенсии не добраться до крупных дел.

— За меня не переживай, — кисло ответил Данниген. — Не

знаю, что в вас такое, ребята, но стоит только вам появиться в нашем городе, как начинаются неприятности, причем в основном для меня. Не лезли бы вы сюда, а? У меня и так работы по горло, а тут еще вы все время подбрасываете что-нибудь новое.

Мы оба вежливо засмеялись, пожали руки, пообещали, что будем на дознании у коронера, и ушли.

Когда мы проезжали по мосту Окленд-Бей, направляясь домой, Керман мягко сказал:

— Если этот парень когда-нибудь узнает, что именно этот «макаронник» похитил Стивенса, мне представляется, что жизнь может оказаться трудноватой для нас.

— Она и без того трудная. Теперь еще на нас висит Анона. — Я проехал с милю, прежде чем сказал: — Ты знаешь, это чертовски трудное дело. У меня все время такое чувство, что кто-то пытается утаить в мешке огромное шило. Мы что-то упускаем. Мы смотрим на мешок, но не на шило, а в нем-то и все дело. Иначе просто быть не может. Всех, кто его увидел, заставили замолчать: Юдору Дрю, Джона Стивенса, сиделку Гэрни, а теперь вот и Фридлендера. Мне представляется, что и Анона знает об этом шиле. Нам надо что-то сделать, чтобы у нее заработала память, да побыстрее.

— Если она что-то знает, почему же они ее не угрохали? — спросил Керман.

— Это-то меня и тревожит. До сих пор всех их убивали более или менее случайно, но убийство Фридлендера было умышленным. Это означает, что кто-то ударился в панику и что Аноне угрожает опасность.

Керман выпрямился на сиденье.

— Ты думаешь, они попытаются до нее добраться?

— Да. Нам надо спрятать Анону в безопасном месте. Возможно, мы уговорим доктора Мэнселла положить ее в свою клинику в Лос-Анджелесе, и я попрошу Кругера одолжить мне парочку его мордобойцев, чтобы они сидели у двери.

— Может, ты и сам слишком начитался детективов, — произнес Керман и покосился на меня.

Я вел «бьюик» на большой скорости, а сам все размышлял об убийстве Фридлендера, и чем больше думал, тем неспокойнее становилось у меня на душе.

Мы доехали до Сан-Лукаса, и я затормозил у драгстора.

— В чем дело? — спросил удивленный Керман.

— Хочу позвонить Поле, — сказал я. — Надо было сделать это еще в Фриско. Мне страшно.

— Спокойно, — сказал Керман, но вид у него был испуганный. — Уж больно у тебя разыгралось воображение.

— Надеюсь, что так, — ответил я и направился к телефонной будке.

Керман схватил меня за руку и потащил назад.

— Ты только посмотри!

Он указывал на стопку вечерних газет на полке киоска. На первой полосе аршинными буквами стояло:

САМОУБИЙСТВО ЖЕНЫ

ХОРОШО ИЗВЕСТНОГО НАТУРОПАТОЛОГА

— Купи газету, — сказал я, выдернул руку и вошел в будку. Я попросил соединить меня с квартирой Полы. Я слышал продолжительные гудки вызова, но никто не отвечал. Сердце у меня бешено колотилось.

Она должна быть дома. Мы же договорились, что Анону нельзя оставлять одну.

Подошел Керман и смотрел на мое напряженное лицо через стеклянную дверь. Я покачал головой, прервал связь и попросил оператора попробовать еще раз.

Пока она соединяла, я открыл дверь.

— Не отвечают. Она пробует снова.

Лицо Кермана помрачнело.

— Поехали. Нам еще целый час езды.

Как раз когда я уже собирался повесить трубку, я услышал оператора, которая сообщила, что линия исправна, но никто не отвечает.

Я бросил трубку на рычаг, и мы вместе выбежали из магазина.

Я принялся настегивать «бьюик» по главной улице, а как только мы вырвались за город, тут и вовсе наддал жару.

Керман попытался читать газету, но на такой скорости ему трудно было удержать ее в руках.

— Ее нашли сегодня пополудни, — проорал он мне в ухо. — Она приняла яд, после того как Сэлзер сообщил в полицию о смерти Куэлла. Об Аноне — ни слова. О сиделке Гэрни — тоже.

— Она первая из них, кто струсил, — сказал я. — Если только ее не отравили. Впрочем, черт с ней. Я боюсь за Полу.

Впоследствии Керман говорил, что никогда еще в жизни его так быстро не катали в машине и он ни в коем случае не хотел бы испытать это еще раз. Одно время стрелка спидометра замерла на отметке 92 и оставалась там, пока мы с ревом неслись по широкой прибрежной дороге, причем я все время нажимал на клаксон.

За нами погнался патрульный фараон, но у него ничего не получилось. Он торчал сзади две или три минуты, затем исчез из виду. Я догадался, что он сообщит о нас в следующий городок, поэтому свернул с основной трассы и поехал по проселку не шире двадцати футов. Керман просто сидел, закрыв глаза, и молился.

Мы добрались до Орчид-Сити за 45 минут, проехав за это

время шестьдесят с лишним миль.

Пола жила на Парковом бульваре, ярдах в ста от парковой больницы. Мы с ревом пронеслись по широкому бульвару и затормозили у многоквартирного дома, шины завизжали, как поросенок на бойне.

Лифт поднял нас на третий этаж, и мы рванулись к квартире Полы. Я нажал на кнопку звонка и не отпускал. Дверь никто не открывал. Пот выступил у меня на лице, как будто я только что вышел из-под душа.

Я отступил в сторону.

— Вместе, — сказал я Керману.

Дверь была добротная, но и мы не лыком шиты. После третьего удара замок сломался, и мы оказались в небольшой аккуратной прихожей.

Сжимая револьверы в руках, прошли через гостиную в спальню Полы. Постель была в беспорядке. Простыня и одеяло валялись на полу.

Мы заглянули в ванную и в запасную спальню: квартира была пуста — и Пола и Анона исчезли.

Я бросился к телефону, набрал номер конторы. Трикси сказала, что Пола не звонила, зато дважды звонил какой-то мужчина, отказавшийся назвать свое имя. Я велел ей дать ему номер Полы, если он позвонит снова, и положил трубку.

Керман слегка трясущейся рукой протянул мне сигарету. Я прикурил, не осознавая, что делаю, и сел на кровать.

— Нам, пожалуй, надо попасть на «Шхуну-Мечту», — сказал Керман напряженным голосом. — И попасть туда как можно скорее.

Я покачал головой.

— Какого черта! — взорвался Керман и направился к двери. — Они захватили Полу. Мы поедем туда и потолкуем с ними. Пошли!

— Спокойно, — сказал я. — Сядь, не будь дураком.

Керман подошел ко мне.

— Ты что, чокнулся?

— Ты думаешь, ты приблизишься к этому судну белым днем? — произнес я, глядя на него. — Пошевели мозгами. Мы поедем туда, когда стемнеет.

Керман сделал сердитый жест.

— Я еду сейчас. Если будем ждать, может оказаться слишком поздно.

— А, заткнись! — сказал я. — Найди чего-нибудь выпить. Ты остаешься здесь.

Он заколебался, потом прошел в кухню. Немного погодя

вернулся с бутылкой шотландского виски, двумя стаканами и кувшином ледяной воды, приготовил два напитка, дал мне один и сел.

— Вряд ли мы можем помешать, если они решили стукнуть ее по голове, — сказал я. — Даже если они еще этого не сделали, они тут же сделают, как только увидят, что мы приближаемся. Но не раньше. Поедем туда, когда стемнеет, но не раньше.

Керман ничего не сказал. Он сидел, стиснув руки.

У нас было еще четыре часа, возможно, чуть больше, прежде чем мы начнем действовать.

В половине седьмого мы все еще сидели там. Бутылка с виски была наполовину пустая. Мы готовы были полезть на стену.

И тут зазвонил телефон: пронзительный звук, показавшийся зловещим в этой тихой квартире.

— Я сам, — сказал я, прошагал на онемевших ногах через комнату и взял трубку.

— Мэллой? — говорил мужчина.

— Да.

— Это я, Шеррилл.

Я ничего не сказал, а просто ждал, глядя на Кермана.

— Твоя девушка у меня на борту, Мэллой, — голос у него был нежный, он прямо шептал мне на ухо.

— Я знаю, — сказал я.

— Лучше приезжай и забери ее. Скажем, часов в девять. Раньше не приезжай. Моя лодка будет поджидать тебя на пирсе. Приезжай один и запомни: если приведешь с собой полицию или кого-нибудь еще, то ее стукнут по голове и сбросят за борт. Понял?

Я сказал, что понял.

— Тогда до девяти, — произнес он и повесил трубку.

Лейтенант Брэдли из бюро по розыску пропавших, крепко сбитый разочарованный офицер средних лет, часами сидел за обшарпанным столом в небольшом кабинете на четвертом этаже полицейского управления, пытаясь ответить на вопросы, ответов на которые не было. Сутки напролет к нему приходили или звонили по телефону люди, чтобы сообщить о пропавших родственниках, и ожидали, что он найдет их. Нелегкая работа, ведь в большинстве случаев мужчина или женщина, которые исчезали, уезжали куда-нибудь подальше, поскольку им осточертели их дома, их мужья или жены, и они делали все, чтобы их ни в коем случае не отыскали. Работа, от которой я бы отказался, даже если бы жалованье мне положили в 20 раз больше того, какое получал Брэдли; впрочем, с этой работой я бы

все равно не справился.

Когда я постучал, за матовым стеклом двери его кабинета все еще горел свет. Его мягкий голос пригласил меня войта.

Он сидел за столом с трубкой в зубах, в его глубоко посаженных проницательных карих глазах застыло выражение усталости. Не человек — громадина: лысеющая голова, брюшко, мешки под глазами. Человек, который делал доброе дело и ничего от этого не имел — ни выгоды, ни почестей.

Лоб его сморщился, когда Брэдли увидел меня.

— Уходи, — без всякой надежды сказал он. — Я занят. У меня нет времени выслушивать твои неприятности — своих хватает.

Я закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Я был не в том настроении, чтобы обмениваться любезностями с лейтенантом полиции, к тому же спешил.

— Мне нужна одна услуга, Брэдли, — сказал я, — причем срочно. Ты сам окажешь ее мне или идти к Брэндону?

В светло-карих глазах появился испуг.

— Тебе необязательно говорить со мной таким тоном, Мэллой, — сказал он. — Что тебя гложет?

— Много чего, но у меня нет времени вдаваться в подробности. — Я пересек небольшое пространство между дверью и его столом и уставился на него. — Мне нужно все, что у тебя есть об Аноне Фридлендер. Помнишь ее? Сиделка доктора Сэлзера в санатории на бульваре Футхилл. Она исчезла 15 мая 1948 года.

— Я знаю, — сказал Брэдли, и его кустистые брови слегка подпрыгнули. — Ты второй, кто попросил посмотреть ее досье за последние четыре часа.

— Кто это был?

Брэдли нажал на кнопку на столе.

— А вот это уже не твое дело, — сказал он. — Садись и не дави на меня.

Когда я подтащил стул к столу, вошел полицейский клерк и стал в ожидании.

— Принеси-ка досье Фридлендер еще разок, — сказал ему Брэдли. — Да побыстрее. Этот гражданин спешит.

Клерк окинул меня ледяным взглядом и ушел.

Брэдли закурил трубку и легонько вздохнул.

— По-прежнему суешь нос в дела семейства Кросби? — спросил он, не глядя на меня.

— По-прежнему, — кратко ответил я.

Он покачал головой.

— Вы, молодые и честолюбивые ребята, никогда ничему не научитесь, правда? Я слышал, на днях к тебе заглядывали Макгро

и Хартселл.

— Заглядывали. Появилась Морин Кросби и спасла меня. Как тебе это нравится?

Он слегка ухмыльнулся.

— Жаль, что меня там не было. Это она ударила Макгро?

— Да.

— Молодчина.

— Говорят, в заведении Сэлзера вечеринка с танцами, — сказал я, наблюдая за ним. — Похоже, ваш спортивный фонд здорово пострадает.

— Ой, как страшно! Мне ли беспокоиться о спорте, в моем-то возрасте…

Мы размышляли друг о друге примерно с минуту, потом я сказал:

— Кто-нибудь сообщал об исчезновении еще одной девушки по фамилии Гэрни? Она тоже была сиделкой у Сэлзера.

Он почесал свой мясистый нос и покачал головой.

— Не-а. Еще одна сиделка Сэлзера, говоришь?

— Да. Славная девушка — такое тело… но, может, ты уже староват, и тела тебя не волнуют.

Брэдли подтвердил, что для таких дел он несколько староват.

— Впрочем, от нее тебе было бы мало проку, — сказал я. — Она мертва.

— Ты хочешь навести меня на какую-то мысль или просто умничаешь? — спросил он с ехидцей.

— Я слышал, миссис Сэлзер пыталась похитить ее из квартиры. Девушка упала с пожарной лестницы и сломала шею. Миссис Сэлзер положила ее где-то в пустыне, вероятно, неподалеку от санатория.

— Кто тебе сказал?

— Одна старушка, балующаяся с хрустальным шаром.

Он уставился на меня пустым взглядом.

— Об этом лучше скажи Брэндону — работа для отдела по расследованию убийств.

— Это лишь подсказка, браток, а не доказательство. Брэндон любит факты, а я, вероятно, еще не готов представить их ему. Я говорю тебе, потому что ты при желании можешь направить эту информацию по соответствующим каналам, а меня впутывать не будешь.

Брэдли вздохнул, увидел, что трубка погасла, и потянулся за спичками.

— Вы, молодые ребята, слишком хитрые, — сказал он. — Ну что ж, я передам ее моему почтовому голубю. Насколько она правдива?

— На все сто процентов. Как ты думаешь, почему миссис Сэлзер приняла яд?

Вошел клерк и положил папку на стол и медленно удалился. Вероятно, мозг у него работал так же быстро, как и ноги.

Брэдли развязал ленточки и открыл папку. Мы оба несколько секунд отупело смотрели на десяток сложенных листков чистой бумаги…

— Какого черта… — заговорил Брэдли, и его лицо налилось кровью.

— Спокойно, — сказал я, протянул руку и потыкал в эти листки пальцем — всего лишь пустые листки, ничего больше.

Брэдли нажал на кнопку звонка большим пальцем и не отпускал ее.

Вероятно, клерк почуял беду, потому как появился довольно быстро.

— Что это такое? — спросил Брэдли. — Что это еще за игрушки?

Клерк вытаращился на пустые листки.

— Не знаю, сэр, — сказал он, изменившись в лице. — Папка была завязана, когда я взял ее из вашей корзины для исходящих бумаг.

Брэдли тяжело вздохнул, хотел было что-то сказать, но передумал и махнул рукой на дверь.

— Убирайся, — сказал он.

Клерк ушел.

После небольшой паузы Брэдли сказал:

— За это я могу поплатиться местом. Этот подонок, должно быть, подменил бумаги.

— Ты хочешь сказать, что он забрал содержимое папки, а это подложил для видимости?

Брэдли кивнул.

— Вероятно. Когда я ее ему дал, там была фотография, описание и наш доклад о проделанной работе.

— Никаких копий?

Он покачал головой.

Я немного подумал.

— Тот парень, что попросил папку, — сказал я, — он был высокий, темноволосый, мощного телосложения — вроде кинозвезды?

Брэдли уставился на меня.

— Да. Ты его знаешь?

— Я его видел.

— Где?

— Ты намерен вернуть эти бумаги?

— Разумеется. Что ты хочешь этим сказать?

Я встал.

— Дай мне срок до девяти утра, — попросил я. — Я либо их доставлю тебе, либо человека, который их взял. Я работаю над одним делом, Брэдли, и я не хочу, чтобы в него вмешивался Брэндон. Тебе ведь необязательно докладывать о пропаже до утра, правда?

— Да о чем ты хоть говоришь? — спросил Брэдли.

— Завтра к утру, если ты будешь сидеть тихо и держать рот на замке, я доставлю тебе либо бумаги, либо этого мужчину, — сказал я и направился к двери.

— Эй! Вернись! — закричал Брэдли, вскакивая на ноги.

Но я не вернулся. Я сбежал по лестнице к входу, где в «бьюике» меня ждал Керман.

Нас было четверо: Майк Финнеган, Керман, я и маленький нервный парень в черной грязной фетровой шляпе с широкими опущенными полями, в грязной рубашке без пиджака и засаленных плотных белых хлопчатобумажных брюках. Мы сидели в задней комнате бара Дельмонико, на столе стояла бутылка шотландского виски и четыре стакана, в воздухе — хоть топор вешай от табачного дыма.

Малыша в грязной шляпе звали Джо Декстер. Он занимался перевозками и снабжением судов, стоявших на якоре в гавани. Финнеган утверждал, что он его друг, но, судя по тому, как он себя вел, вы бы ни за что об этом не догадались.

Я изложил ему свое предложение, и сейчас он сидел, вытаращившись на меня, словно на сумасшедшего.

— Простите, мистер, — сказал он наконец. — Этого я не сделаю. Это может погубить мое дело.

Керман раскачивался на стуле, в губах сигарета, глаза закрыты. Он открыл один глаз и сказал:

— Кого волнует какое-то там дело? Тебе надо расслабиться, браток. В жизни столько интересного, не одним же бизнесом заниматься.

Декстер с мольбой повернулся к Майку.

— Не могу я этого сделать, — сказал он. — «Шхуна-Мечта» один из моих лучших клиентов.

— Ей уже недолго осталось, — сказал я. — Не отказывайся от денег, пока тебе их дают. На этой сделке ты заработаешь сто долларов.

— Сто долларов! — Лицо Декстера исказилось в усмешке. — Шеррилл каждый месяц платит мне гораздо больше: постоянный доход. Нет, ребята, я пас.

Я сделал знак Майку относиться к этому спокойно. Он

напряженно подался вперед, уже готовый разругаться.

— Слушай, — сказал я Декстеру, — тебе только и нужно, что доставить сегодня вечером на борт ящик с припасами. Сделай — и ты получаешь сотню. Что тебя пугает?

— А в этом ящике будете вы, — сказал Декстер. — Нет уж, спасибочки. Без разрешения на судно никого не пускают. Если вас поймают — а вас поймают, — они поймут, что тут не обошлось без меня. Самое меньшее, что сделает Шеррилл, это прикроет мой счет. Скорее же всего он пошлет кого-нибудь, кто проломит мне череп. Нет, ребята, я пас.

Вновь наполнив стаканы, я взглянул на часы. Было уже половина восьмого. Время шло.

— Послушай, Джо, — сказал Майк, подаваясь вперед, — этот парень — мой друг, понимаешь? Он хочет попасть на борт судна. И если он хочет попасть на борт, он на него попадет, понимаешь? Шеррилл не единственный, кто может кому-то проломить череп. Ты сделаешь эту работу или мне придется тебя заставлять?

Керман вытащил кольт 45-го калибра и положил на стол.

— А когда он с тобой разделается, начну я, — заявил он.

Декстер посмотрел на кольт и съежился под сосредоточенным взглядом Майка.

— Вы что, ребята, грозите мне, что ли? — тихо спросил он.

— Даю тебе десять секунд, — спокойно ответил Керман, — прежде чем мы что-нибудь начнем по-настоящему.

— Не дави на парня, — сказал я и вытащил из бумажника десять десятидолларовых банкнотов. — Ну, бери свои деньги и давай пошевеливайся. Шерриллу конец. К утру им займутся фараоны. Не отказывайся от денег, пока их тебе дают.

Декстер поколебался, затем все-таки взял банкноты.

— Ни для кого другого я бы этого не сделал, — сказал он Майку.

Мы допили виски, отодвинули стулья от стола и вышли к причалу. Стояла тихая лунная ночь, небо грозило дождем. Далеко на горизонте я видел огни «Шхуны-Мечты». Мы прошлепали по переулку к пакгаузу Декстера. Он был погружен во тьму. Когда Декстер отпер и толкнул дверь, в нос нам ударил запах смолы, сырой одежды и резины.

Склад был большой, заваленный ящиками, мотками веревки и узлами, завернутыми в толь и ожидающими отправки на суда, которые стояли на якоре за гаванью. Посреди пола стоял пятифутовый квадратный упаковочный ящик.

— Вот он, — мрачно сказал Декстер.

Мы занялись распаковкой ящика.

— Мне нужен молоток и долото, — обратился я к Декстеру.

Пока он ходил за инструментами, Керман сказал:

— Ты уверен, что это надо сделать?

Я кивнул.

— Если хоть немного повезет, — у меня будет почти полчаса в запасе, до того как они прибудут меня встречать. За это время можно много сделать. Когда вы с Майком подъедете к девяти, я что-нибудь устрою, чтобы дать вам возможность взобраться на борт. После этого каждый действует самостоятельно.

Подошел Декстер с инструментами.

— Заколачивайте поосторожнее, — сказал я Керману. — Я хочу выбраться быстро.

Майк махнул Декстеру, чтобы тот ушел.

— Тут мы сами управимся, корешок. Иди посиди вон там да смотри, хорошо себя веди.

Ему не хотелось, чтобы Декстер видел, как Керман вытаскивает пулемет системы «Стена» из чемодана. Под прикрытием плотной фигуры Майка Керман положил пулемет на дно ящика.

— Места тут достаточно, — сказал он мне. — Ты уверен, что не хочешь, чтобы вместо тебя поехал я?

Я влез в ящик.

— Ты приедешь с Майком в девять. Если на лодке Шеррилла будет больше одного человека, а ты решишь, что не сможешь с ним справиться, тогда тебе придется приехать одному. Во всяком случае, они подумают, что ты — это я. Если услышишь пальбу на борту, возьми Миффлина и кучу фараонов и приезжай драться. О'кей?

Керман кивнул. Он казался очень встревоженным.

— Майк, ты поедешь с Декстером, — продолжал я. — Если он забудет свою роль, стукни его по башке и выкинь за борт.

Злобно нахмурившись, Майк сказал, что именно это он и сделает.

Когда Керман поставил крышку, в ящике оказалось достаточно места, чтобы я мог сидеть, подтянув колени к подбородку. Воздух проникал через щели в соединениях досок. Я полагал, что сумею выбраться примерно за минуту.

Керман прибил крышку гвоздями, и втроем они подняли ящик на тележку для мешков. Дорога до причала была довольно неровная, я нахватал синяков, прежде чем они погрузили ящик в лодку Декстера.

Заработал подвесной мотор и, пыхтя, повез нас в море.

В щель ящика прорывался крепкий ветер. Лодка, прокладывая путь, ныряла и подпрыгивала на волнах, что было не очень приятно.

Прошло несколько минут, затем Майк прошептал, что мы плывем вдоль корпуса «Шхуны-Мечты».

Откуда-то раздался голос, последовала перебранка между лодкой и судном. Кому-то, похоже, очень не хотелось выгружать ящик в такой поздний час. Декстер сыграл хорошо. Он заявил, что назавтра ему надо проведать больного брата и что, мол, если ящик не возьмут на борт сейчас, то им придется ждать еще сутки с лишним.

Человек на судне крепко обложил Декстера и велел оставаться на месте, пока он спустит деррик.

Майк, шепча в одно из отверстий в ящике, информировал меня о происходящем.

Вскоре ящик резко дернулся и пошел вверх. Я подготовился к жесткой посадке. И она была жесткой, можете не сомневаться. Ящик с грохотом опустился куда-то в недра судна, отчего у меня затрещали все кости.

Человек, обругавший Декстера, обругал его снова. Его голос прозвучал совсем рядом, затем хлопнула какая-то дверь, и я остался один.

Я ждал, прислушиваясь, но ничего не услышал. Немного погодя решил, что могу спокойно выбраться. Я взял долото и принялся за дело. Мне понадобилось меньше минуты, чтобы выбраться из ящика. Я оказался в кромешной тьме. Там стоял такой же запах, как и в пакгаузе Декстера, и я догадался, что нахожусь в трюме судна.

Я вытащил фонарик и посветил. Огромный подвал оказался забит припасами, спиртным и бочками с пивом. Кругом царила тишина. В дальнем конце подвала была дверь. Я прошел к ней, отодвинул в сторону на пару дюймов и увидел перед собой узкий, хорошо освещенный коридор.

Пулемет я прижимал к боку. Я не хотел его брать, но Керман настоял на этом. Он заявил, что с пулеметом мне не страшны и полкоманды. Я лично в этом не сомневался, но взял его не столько ради того, чтобы успокоиться самому, а чтобы успокоить Кермана.

Я бочком направился по коридору к стальной лестнице, которая находилась в дальнем конце и которая, как я догадывался, ведет на палубу. Добравшись до половины коридора, я резко остановился. На лестнице появилась пара ног в белых тренировочных брюках. Секундой позже передо мной предстал матрос с раскрытым от удивления ртом.

Он был здоровый парень, почти такой же здоровый, как и я, и крепкий с виду. Я направил на него пулемет и оскалился. Руки у него так быстро подскочили вверх, что он содрал кожу на

суставах, ударившись о низкий потолок.

— Только вякни, и я сделаю из тебя решето, — прошипел я.

Он стоял неподвижно, уставившись на пулемет, челюсть у него отвисла.

— Повернись, приказал я.

Он повернулся, и я стукнул его прикладом по затылку.

Когда он падал, я схватил его за рубашку и тихонько опустил на пол.

Теперь следовало убрать его с глаз долой, пока не появится кто-нибудь еще.

Рядом со мной оказалась какая-то дверь. Рискуя, я повернул ручку и заглянул в пустую каюту. Вероятно, это была его каюта, и он направлялся туда.

Я схватил его под мышки и затащил в каюту, потом закрыл и запер дверь на задвижку. Быстро сняв с него одежду, сбросил свою и облачился в его форму. Яхтсменская кепка оказалась мне великовата, зато скрывала лицо.

Я засунул ему в рот кляп, закатал в простыню и связал простыню ремнем и куском провода, который нашел в каюте. Затем взвалил его на койку, оставил пулемет рядом с ним, сунул свой револьвер за пояс брюк и пошел к двери.

Прислушавшись и ничего не услышав, я приоткрыл дверь и выглянул. Коридор был пуст, как разум мертвеца, и столь же тих. Я выключил свет, выскользнул из каюты и запер за собой дверь.

Часы показывали двадцать пять минут девятого. До появления Кермана оставалось всего тридцать пять минут.

Глава шестая

Я стоял в тени и смотрел вдоль лодочной палубы. Крепкий бриз трепал над головой кремово-красный навес. Вся палуба была покрыта тяжелым красным ворсистым ковром, а от зелено-красных огней на леерах образовывалась нитка блестящих бисеринок.

За мостиком я видел двух безупречно одетых моряков, стоявших под дуговыми лампами сходен. На борт только что поднялись девушка в вечернем платье и двое мужчин в смокингах. Они пересекли палубу и скрылись в ярко освещенном ресторане, размещавшемся между мостиком и полубаком. В большие продолговатые окна я видел парочки, танцующие под звуки саксофонов с сурдинкой и дробь барабанов.

Надо мной, на мостиковой палубе, трое, одетые в белое, висели над перилами, наблюдая за постоянным потоком прибывающих. Там наверху было темно, но я увидел, что один из

них курит.

Меня никто не замечал и, быстро глянув по сторонам, я кинулся к спасательной шлюпке; подождал, послушал, снова осмотрелся, затем сделал быстрый тихий рывок в тень под мостик.

— Все едут и едут, — протянул надо мной чей-то голос. — Будет еще одна хорошая ночь.

— Да, — ответил ему другой голос. — Посмотри на эту даму в красном платье. Посмотри, какая у нее фигура. Готов спорить, что она…

Но я не стал дожидаться, чтобы услышать, о чем они спорят. Я боялся, что, глянув вниз, они увидят меня. Рядом со мной оказалась какая-то дверь. Я отодвинул ее на пару дюймов и посмотрел на нижнюю палубу. Где-то недалеко засмеялась девушка, засмеялась громким, резким смехом, и я невольно бросил взгляд через плечо.

— Вдрызг пьяная, — сказал один из мужчин на мостике. — Вот такие женщины мне нравятся.

На борт только что поднялись три девушки и трое мужчин. Одна из девушек была до того пьяна, что едва шла. Когда они направились к ресторану, я скользнул по лестнице на нижнюю палубу.

Там было темно и тихо. Я отошел от лестницы. Свет появившейся из-за тонкого облака луны был достаточно яркий, чтобы я разглядел, что на палубе никого нет. Единственный источник света на палубе исходил от дальнего иллюминатора, и он столь же резко бросался в глаза, как пятно от супа на венчальном платье невесты.

Осторожно и бесшумно я направился к нему, но на полдороге остановился. Впереди вдруг возникла белая фигура, двигавшаяся мне навстречу. Укрыться на палубе было совершенно негде. Я отошел к перилам и оперся на них, а пальцы мои сомкнулись на рукояти револьвера.

Высокий широкоплечий мужчина в тельняшке и белых хлопчатобумажных брюках вошел в круг света от иллюминатора и вышел из него, направляясь в мою сторону. Он прошел мимо, мурлыча себе под нос и даже не взглянув на меня, и взобрался по лестнице на верхнюю палубу.

Тяжело дыша, я снова направился к иллюминатору, остановился перед ним, быстро заглянул в каюту и чуть не вскрикнул от радости — в кресле сидела Пола. Она читала журнал, на лице — легкая тревога. Она казалась такой красивой и потерянной. Я и рассчитывал найти ее на этой палубе, так как полагал, что больше им ее просто негде спрятать, но не ожидал,

что найду ее так быстро.

Я осмотрел дверь каюты — с наружной стороны она была закрыта на задвижку. Я отодвинул ее, повернул ручку и толкнул дверь. Она отворилась, и я вошел. Казалось, будто вошел в теплицу в разгар лета.

При виде меня Пола вскочила с кресла. Какое-то мгновение она не узнавала меня — я ведь был в белых брюках и яхтсменской кепочке, потом вяло опустилась в кресло и попыталась улыбнуться. Радость в ее глазах была уже сама по себе достаточным вознаграждением за то путешествие, какое я проделал в упаковочном ящике.

— Как дела? — сказал я и улыбнулся. Не будь она такой чертовски сдержанной, я бы ее поцеловал.

— Хорошо. Тебе было трудно добраться сюда? — она попыталась придать голосу небрежный тон, но голос дрожал.

— Ничего, добрался. По крайней мере пока что они не знают, что я здесь. Джек с Майком придут около девяти. Возможно, нам придется плыть.

Она сделала глубокий вдох и встала.

— Я знала, что ты придешь, Вик. Но тебе не следовало приезжать одному. Почему ты не привел полицию?

— Вряд ли бы они со мной поехали, — сказал я. — Где Анона?

— Не знаю. Не думаю, что она здесь.

От жары в каюте я уже вспотел.

— Что произошло? Только побыстрее.

— Раздался звонок, и я пошла открыть дверь, — принялась рассказывать Пола. — Думала, что это ты. Четыре «макаронника» втолкнули меня обратно в прихожую. Двое из них прошли в спальню, и я слышала, как Анона закричала. Двое других сказали, что они забирают меня на судно. Один из них угрожал ножом. Мне показалось, что он не преминет им воспользоваться, если только я дам ему малейший повод. — Она скорчила гримасу. — Мы спустились в лифте и вышли на улицу. Там ждала машина. Они затолкали нас в нее. Когда мы отъезжали, я увидела, как у моего дома остановился большой черный «роллс». Один из «макаронников» вышел, неся Анону на руках. И это белым днем. Люди просто глазели, но ничего не делали. Они положили ее в «роллс», и я потеряла ее из виду. Меня привезли сюда и заперли. Мне сказали, что если я буду шуметь, мне перережут глотку. Это страшные люди, Вик.

— Я знаю, я уже встречался с ними. Этот «роллс» принадлежит Морин Кросби. Вероятно, они отвезли Анону в ее дом на утесах… Около тебя кто-нибудь был?

Она покачала головой.

— Прежде чем мы уйдем, я хочу осмотреть судно. Возможно, Морин на борту. Как ты думаешь, будет безопасно, если ты пойдешь со мной?

— Если они обнаружат, что меня нет, то поднимут тревогу. Пожалуй, пока ты будешь заниматься своими делами, мне лучше остаться здесь. Ты ведь будешь осторожен, правда, Вик?

Я не знал, что делать: уйти с судна теперь, когда я нашел Полу, или прежде удостовериться, что Аноны и Морин нет на борту.

— Если их нет на этой палубе, я нигде больше искать не буду, — сказал я и отер лицо платком. — Меня лихорадит или в каюте слишком жарко?

— За последний час в каюте становилось все жарче и жарче.

— Как будто включили паровое отопление. Потерпи еще минут десять, детка, к тому времени я вернусь.

— Поосторожнее, пожалуйста.

Я похлопал ее по руке, улыбнулся ей, выскользнул из каюты и пошел на корму.

— Что это ты, черт побери, тут делаешь? — спросил голос из темноты.

Я чуть не подпрыгнул от испуга.

Передо мной возник невысокий, крепко сбитый мужчина в кепочке яхтсмена. Лиц друг друга нам было не разглядеть, хоть мы и пристально всматривались.

— Сколько раз говорить вам, ребята, чтобы не заходили на эту палубу, — проворчал он и пододвинулся поближе.

Он чуть не врезал мне. Заметив его руку, я резко ушел в сторону, кулак скользнул мне по плечу. Я изо всех сил дал ему в живот, вышиб из него дух, и он согнулся, хватая ртом воздух. В этот момент я вмазал ему в челюсть.

Он упал на четвереньки, потом на спину. Я нагнулся над ним, схватил его за уши и стукнул головой о палубу.

Все это дело заняло несколько секунд. Потом притащил бессознательного мужчину в каюту Полы и бросил его на пол.

— Наткнулся на него. — Тяжело дыша, я склонился над ним и приподнял одно веко. Судя по всему, он не скоро придет в себя.

— Спрячь его вон в тот шкаф, — сказала Пола. — Я за ним присмотрю.

Она была бледная, но совершенно невозмутимая. Что же нужно, чтобы вывести ее из себя?

Я протащил его по полу к шкафу. Мне буквально пришлось втискивать его, а дверь закрылась, только когда я приналег на нее всем телом.

— Уф-ф-ф! — сказал я и отер лицо. — Если только не задохнется, ничего с ним не случится. Тут прямо как в топке.

— Я и сама ничего не пойму. Даже пол горячий. Может, где-то пожар?

Я приложил руку к ковру — горячий, даже слишком. Потом открыл дверь каюты и дотронулся до досок палубы. Они оказались до того горячие, что я чуть было не обжегся.

— Боже мой! — воскликнул я. — Ты права. Это чертово судно где-то горит. — Я схватил ее за руку и вытащил на палубу. — Здесь я тебя не оставлю, детка, следуй за мной. Мы быстренько все осмотрим, а потом поднимемся на верхнюю палубу. — Я сверился по своим часам. Было без пяти девять. — Через пять минут подплывет Джек.

Когда мы шли по палубе, Пола сказала:

— Может, следует поднять тревогу? На судне ведь полно людей, Вик.

— Не сейчас. Чуть позже, — сказал я.

В дальнем конце палубы, у шпангоута, была дверь. Я остановился и, прислушиваясь, повернул ручку и открыл дверь.

Там было жарче, чем в полыхающей печи. Это была симпатичная комнатка — большая, просторная, хорошо обставленная, полукабинет, полугостиная. Из одного большого окна открывался вид на пляжи Орчид-Сити, из другого — на Тихий океан. Единственная настольная лампа отбрасывала лужицу света на стол и на часть ковра. Остальная часть комнаты была погружена во тьму. Сверху доносились звуки танцевальной музыки и мягкое шуршание движущихся ног.

Выставив вперед револьвер, я вошел в комнату. Пола последовала за мной. Там стоял запах гари и дыма, и, подойдя к столу, я увидел, что ковер тлеет, а из-под обшивки вырывается дым.

— Горит прямо под нами, — сказал я. — Держись у двери. Пол может провалиться. Похоже, это кабинет Шеррилла.

Я принялся вытаскивать ящики стола, ища что-то, но толком не зная, что именно. В одном из нижних ящиков я нашел квадратный конверт. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы увидеть, что это пропавшее досье Аноны Фридлендер. Я сунул его в набедренный карман.

— О’кей, — сказал я. — Давай выбираться отсюда.

Пола сказала тихим-тихим голосом:

— Вик! Что это там такое… за столом?

Я заглянул за спинку стола. Там лежало что-то белое, что-то весьма похожее на человека. Я направил на него свет настольной лампы и в этот момент услышал, как Пола ахнула.

Это был Шеррилл. Он лежал на спине. Одежда на нем тлела, а его руки на горящем ковре были обожжены. Ему выстрелили в голову с близкого расстояния.

Пока я, наклонившись, смотрел на него, раздался какой-то шипящий звук, и два длинных языка пламени подпрыгнули с пола и лизнули его мертвое лицо.

Маленький «макаронник» стоял в дверях и улыбался. Тупоносый автоматический пистолет в его маленькой смуглой белой руке был нацелен мне в грудь. Темное уродливое личико блестело от пота, темные глазки пылали ненавистью. Он появился беззвучно, словно из воздуха.

— Дай-ка это мне, — сказал он и протянул руку. — То, что ты сунул в карман. Быстро!

Мой револьвер находился в моей руке у ноги. Я знал, что не успею вскинуть его и выстрелить, прежде чем «макаронник» пришьет меня. Левой рукой я вытащил досье из набедренного кармана. Пока я это проделывал, выражение ненависти в его глазах сменилось выражением животной жестокости. Палец на спусковом крючке напрягся. Все это я отметил про себя в какую-то долю секунды, понимая, что сейчас он выстрелит.

Пола швырнула стул, который с треском упал на пол между мною и «макаронником». Взгляд его переместился, а вместе с ним и его цель. Раздался выстрел, пуля пролетела в двух футах от меня. Не успел еще он отвести взгляд от стула, как заговорил мой револьвер. Три пули врезались ему в грудь. Его отбросило к стене, пистолет выпал, лицо страшно исказилось.

— Бежим! — сказал я Поле.

Она нагнулась, подхватила пистолет «макаронника» и прыгнула к двери. Лежа на полу, я прямо почувствовал, как он уходит у меня из-под ног. Послышался неожиданный громкий треск ломающегося дерева. Меня обдало жаром, как будто я бежал по раскаленным докрасна колосникам. Пол прогнулся и проломился. На одно жуткое мгновение я подумал, что уйду вниз вместе с полом, но закрепленный ковер продержался ровно столько, сколько мне было нужно, чтобы добраться до двери и выскочить на палубу.

У меня за спиной, в кабинете Шеррилла, раздался страшный треск. Я успел увидеть, как мебель скользнула вниз в красную ревущую топку, но тут Пола схватила меня за руку и мы вместе побежали по палубе.

Из горящих досок сочилась смола, дыму становилось все больше и больше.

Примерно с середины палубы кто-то выстрелил по нам из

темноты. Пуля пробила деревянную перегородку у меня за спиной, и в одной из кают посыпались на пол осколки разбитого зеркала.

Я оттолкнул Полу, и тут же раздался второй выстрел. Я почувствовал, как пуля просвистела у самого виска. Судя по вспышке от выстрела, стреляли от спасательной шлюпки. Мне показалось, что я вижу неясные очертания фигуры, пригнувшейся у перил. Я дважды выстрелил, и второй выстрел достал его. Он, пошатываясь, появился из-за шлюпки и грохнулся на горячую палубу.

Мы снова побежали. Палуба уже была такая горячая, что жгла через подметки. Каким-то образом мы добрались до лестницы, ведущей на верхнюю палубу. Слышались пронзительные крики и звон бьющегося стекла, перекрывавшие рев пламени.

Мы вылезли на верхнюю палубу. У парапета стояли мужчины и женщины в вечерних платьях и орали во всю глотку. Черное облако дыма окутало судно, и там было почти так же жарко, как и на нижней палубе.

Я видел, что три или четыре человека из команды пытаются сбить панику.

— Джек уже должен быть где-то здесь, — прокричал я Поле. — Держись рядом, давай пробираться к перилам.

Мы стали продираться через толпу. Какой-то мужчина схватил Полу и оттащил от меня. Не знаю уж, что ему взбрело в голову. Лицо у него дергалось, глаза дико сверкали. Потом он по-сумасшедшему вцепился в меня, я заехал ему в челюсть.

Одна девушка с оторванным верхом платья повисла у меня на шее и пронзительно закричала в лицо. От ее дыхания винными парами у меня чуть волдыри на коже не повскакивали. Я попытался оттолкнуть ее, но она стала меня душить. Пола оттащила ее и надавала ей по ушам. Девушка, шатаясь и визжа, как свисток паровоза, смешалась с толпой.

Наконец мы добрались до перил. Целая армада небольших лодок сновала по воде. Море так и кишело ими.

— Эй, Вик!

Голос Кермана перекрыл рев, и мы увидели, что он стоит на перилах недалеко от нас, держась руками за навес и пинаясь, когда кто-нибудь из обезумевшей толпы пытался стянуть его оттуда.

— Сюда, Вик.

Я подталкивал Полу впереди себя. После упорной борьбы, в результате которой от платья на спине у Полы почти ничего не осталось, мы наконец добрались до него.

Керман возбужденно прокричал.

— Вот это паника! Прежде чем это корыто затонет, все посходят с ума.

— Где твоя лодка? — задыхаясь, спросил я и оттолкнул с дороги пожилого повесу — он пытался перелезть через перила. — Спокойно, папочка, — сказал я ему. — Вода очень мокрая. Сюда сейчас столько лодок понаедет, всех заберут.

— Прямо здесь, — ответил Керман, указывая вниз. Он поднял Полу на перила, а я отгонял которые хотели последовать за ней. Он поставил ее ноги на веревочную лестницу, свисающую по борту судна, и она спустилась, как заправский моряк.

— Не для вас, мадам, — закричал Керман, когда какая-то девушка стала пробиваться к нему. — Это частная вечеринка. Попытайте счастья чуть дальше.

Девушка, истерически крича, бросилась на него и обхватила его за ноги.

— Господи, боже мой! — завопил он. — Вы же стащите с меня штаны! Эй, Вик, помоги мне! Эта дамочка сошла с ума!

— Я считал, тебе нравится, когда они с тебя стаскивают штаны. Прихвати ее с собой, раз она так к тебе привязалась.

Не знаю уж, как он от нее избавился, но не успел я опуститься в лодку, как и он скользнул вниз по лестнице и чуть не столкнул меня за борт.

— Спокойно, — сказал я и схватил его за руку, чтобы он не упал.

Майк завел подвесной мотор, и лодка стала отходить от судна. Нам пришлось лавировать — стоило посмотреть, сколько лодок понаехало к «Шхуне-Мечте». Ни дать ни взять второй Дюнкерн!

— Отличная работа! — сказал я, хлопая Майка по широкой спине. — Вы, ребята, рассчитали все очень точно. — Я оглянулся на «Шхуну-Мечту». Нижняя палуба была уже в огне, дым валил из ее боков. — Интересно, на сколько она была застрахована?

— Это ты ее поджег? — спросил Керман.

— Да нет же, дурашка! Шеррилл мертв. Кто-то застрелил его и поджег судно.

— Довольно дорогие похороны, — с отсутствующим видом сказал Керман.

— Да нет, если судно застраховано. Ты поговори с Полой. Я хочу взглянуть на это. — И я вытащил досье Аноны Фридлендер из набедренного кармана.

Керман протянул мне фонарик.

— Что это? — спросил он.

Не веря своим глазам, я уставился на первую страницу досье.

— Вик, — сказала Пола, — может быть, нам лучше решить,

что нам нужно делать?

— Что делать? Мы с Джеком отправляемся за Аноной. Ты расскажешь Миффлину о Шеррилле. Пусть он поскорее приедет к дому Морин Кросби на утесе. Сегодня все закончится.

Она уставилась на меня.

— А не лучше ли тебе повидать Миффлина?

— У нас нет времени. Если Анона в доме у Морин, ей грозит беда.

Керман наклонился ко мне.

— Что это за бумаги?

Я сунул досье ему под нос.

— Тут все написано, а Миффлин даже не посчитал нужным сообщить мне. У Аноны с 1944 года был эндокардит. Я же говорил вам, что они пытаются утаить шило в мешке. Ну, теперь-то оно вылезло.

— У Аноны — больное сердце? — разинув рот от удивления, спросил Керман. — Ты, вероятно, имеешь в виду Джэнет Кросби?

— Ты послушай, как они описывают Анону, — сказал я. — Рост пять футов, темноволосая, карие глаза, пухленькая. Пошевели мозгами.

— Но это же не так. Она высокая и светловолосая, — сказал Керман. — О чем ты говоришь?

Пола догадалась первой.

— Это не Анона Фридлендер. Так ведь, да?

— Ну конечно, не Анона, — возбужденно сказал я. — Неужели непонятно? Именно Анона умерла в Крестуэйз от сердечной недостаточности! А девушка в санатории Сэлзер — Джэнет Кросби!

Мы стояли у подножия почти отвесного утеса и смотрели вверх в темноту. Далеко в море ярко горела «Шхуна-Мечта». В ночное небо поднялось грибообразное облако дыма.

— Залезть туда, наверх? — сказал Керман. — За кого ты меня принимаешь — за обезьяну?

— Эту проблему тебе лучше обсудить с твоим отцом, — ответил я, улыбаясь в темноте. — Другого пути нет. Парадный въезд нам заказан. Там двое автоматических ворот и вся колючая проволока, какая только есть в мире. Для нас это единственный вариант, если мы хотим попасть в дом.

Керман отступил назад, чтобы получше разглядеть отвесную стену.

— Не меньше трехсот футов, — с подобострастием в голосе сказал он. — И с каким удовольствием я буду преодолевать каждый фут!

— Ну, полезли. Давай хотя бы попробуем.

Первые двадцать футов дались нам довольно легко. Громадные валуны образовывали нечто вроде платформы у подножия утеса, и взбираться по ним было довольно просто. Мы стали рядом на плоском камне, и я посветил фонариком в темноту. Над нами вздымалась изрезанная, можно сказать отвесная, стена утеса, а почти на самой вершине она выдавалась вперед, образуя, казалось, непреодолимый барьер.

— Тот кусочек мне особенно нравится, — сказал Керман, указывая пальцем. — Вон там, где она выдается. Вот будет весело перелезать через этот выступ: цепляться зубами и ногтями.

— Может, он не так страшен, как кажется, — ответил я, хотя он и мне не нравился. — Эх, будь у нас веревка…

— Будь у нас веревка, — мрачно сказал Керман, — я бы потихонечку ушел куда-нибудь и повесился. Все было бы проще.

— Возьми себя в руки, пессимист чертов! — резко сказал я и полез вверх. Я довольно легко находил опору для рук и для ног, но я сознавал, что стоит мне один раз ошибиться, как придет конец не только моему восхождению, но и мне.

Пройдя футов пятьдесят, я остановился, чтобы отдышаться. Посмотреть вниз не решался. Малейшая попытка отклониться от отвеса нарушила бы равновесие, и мне пришел бы конец.

— Как у тебя дела? — спросил я, прижимаясь к скале и глядя вверх на усыпанное звездами небо.

— Лучше некуда, — со стоном ответил Керман. — Я удивлен, что все еще жив. Как ты думаешь, это действительно опасно или это всего лишь мое воображение?

Я переместил захват за каменный выступ и подтянулся еще на пару футов.

— Опасно, только если упадешь; тогда, наверное, даже фатально, — сказал я.

Мы продолжали подъем. Один раз я услышал, как вдруг посыпались камни, а Керман резко втянул в себя воздух. У меня волосы встали дыбом.

— Смотри поосторожнее с этими камнями, — переводя дух, сказал он. — Один из них отломился у меня под рукой.

— Хорошо.

Когда до верха оставалось примерно четверть пути, я вдруг, совершенно неожиданно, наткнулся на четырехфутовый карниз, взобрался на него, прижался к лицом к отвесу и попытался отдышаться. По шее и по спине у меня струился холодный пот. Знай я, что это окажется так трудно, я бы уж лучше попытался пролезть через ворота. Но теперь уже было слишком поздно. Взобраться-то наверх еще можно, зато совершенно невозможно

спуститься вниз.

Керман присоединился ко мне на карнизе. Лицо у него блестело от пота, а ноги дрожали.

— Данный эксперимент отбил у меня всякую охоту к скалолазанию, — задыхаясь, сказал он. — Когда-то я был таким дураком, что думал, будто это очень здорово. Ты думаешь, перелезем через этот выступ?

— Да уж, черт возьми, лучше перелезть, — сказал я, вглядываясь в темноту. — Иного пути, кроме как лезть дальше, нет. Ты только представь, что пытаешься спуститься!

Я снова посветил фонариком. Слева над нами была расщелина шириной около четырех футов. Она шла вверх рядом с выступом.

— Видишь ее? — спросил я. — По ней можно подняться наверх, минуя выступ, если упираться ногами в одну ее сторону, а плечами в другую.

Керман глубоко вздохнул.

— Ну и идейки ты подкидываешь, — сказал он. — Это невозможно.

— А я думаю, возможно, — возразил я, глядя на стенки этой расщелины. — И я попробую.

— Не будь дураком! — в его голосе вдруг зазвучала тревога. — Ты поскользнешься.

— Хочешь попытаться влезть по выступу — пожалуйста. А я полезу здесь.

Я соскочил с карниза, нащупал опору для ноги, пошарил рукой по отвесу, пока не нашел, за что ухватиться, и снова полез вверх. Это была долгая и трудная работа. Проглядывавшая из-за облаков луна почти не помогала, большей частью приходилось все делать на ощупь. Когда мои голова и плечи поравнялись с основанием расщелины, камень, на котором я стоял, обломился. Я почувствовал, что он движется, за какую-то долю секунды до того, как он таки отломился, и я, в безумной попытке удержаться, бросил все свое тело вперед. Пальцы мои, как крючья, уцепились за каменный гребень, и я повис.

— Спокойно! — истерически, как старушка, у которой загорелось платье, прокричал Керман. — Держись! Я с тобой!

— Оставайся на месте, — через силу ответил я. — Я только увлеку тебя вместе с собой вниз.

Я пытался отыскать опору для ноги, но носки туфель лишь скользили по отвесу. Тогда я попробовал подтянуться, поднять весь свой вес на кончиках пальцев, но это оказалось невозможно — продвинулся на пару дюймов, не более.

Что-то коснулось моей ступни.

— Спокойно, — умолял Керман подо мной. Он поставил мою ступню себе на плечо. — Обопрись на меня и лезь наверх.

— Я же столкну тебя вниз, дурак! — Я задыхался.

— Начинай. Я держусь крепко. Только не делай резких движений.

Больше мне ничего не оставалось. Очень осторожно я перенес вес своего тела на его плечо, затем уцепился пальцами за другой гребень.

— Лезу, — еле выдохнул я. — Хорошо?

— Да, — ответил Керман, и я прямо почувствовал, как он сжался.

Я подтянулся, скользнул наверх и оказался на дне расщелины. Полежал там, переводя дыхание, пока голова Кермана не появилась над карнизом. Тогда я подполз к краю и втащил его наверх. Мы лежали рядом, не говоря ни слова.

Немного погодя я нетвердо встал на ноги.

— Вот выпала нам ночка, — сказал я, прислонясь к стене расщелины.

— Да уж, — произнес Керман. — Будет мне за это медаль?

— Лучше я куплю тебе выпить, — сказал я и, сделав глубокий вдох, прижался спиной к стене, а ногами уперся в противоположную. Оказывая давление на плечи и на ноги, я сумел удержаться в сидячем положении между двумя стенками.

— Вот так ты будешь подниматься? — в ужасе спросил Керман.

— Да. Это старейший швейцарский способ.

— И мне тоже придется это делать?

— Если только не хочешь до конца своих дней остаться здесь, — безжалостно ответил я. — Иного не дано.

Я стал подниматься. Острые камни врезались мне в лопатки, работа шла медленно, но я постепенно продвигался. Если только мышцы ног не подведут меня, я вылезу на вершину. Ну а если подведут, тогда я быстро полечу вниз и упаду на камни.

Я продолжал двигаться. Уж лучше так, чем пытаться преодолеть выступ. Проделав примерно треть пути, я был вынужден остановиться и отдохнуть. В ногах было такое ощущение, как будто я пробежал сто миль.

— Как у тебя дела, дружок? — крикнул Керман, посветив мне фонариком.

— Ну, я еще по-прежнему цел, — с сомнением сказал я. — Подожди, пока доберусь до вершины, прежде чем сам попробуешь.

— Не торопись. Я никуда не спешу.

Я снова взялся за дело. Плечи у меня болели, ноги

деревенели. Все выше и выше, дюйм за дюймом, зная, что назад дороги нет. Либо я выберусь наверх, либо упаду и разобьюсь.

Расщелина пошла на сужение, и я понял, что миную выступ. Подниматься стало труднее, колени постепенно подходили все ближе к подбородку, рычаг силы становился все меньше. И вдруг я остановился. Расщелина надо мной сузилась примерно до трех футов. Я вытащил фонарик и направил луч вверх. В пределах моей досягаемости прямо из камня рос какой-то карликовый куст. Справа был узенький карниз — верх выступа.

Сунув фонарик обратно в карман, я потянулся к кусту, ухватился за него поближе к корню и слегка потянул. Он удержал меня. Я перенес на него часть тела. Тогда, сделав глубокий вдох, я ослабил давление ног на стенку. Куст согнулся, но корень у него оказался хороший. Я чувствовал, как пот ледяным ручьем струится по спине; затем я качнулся к карнизу и свободной рукой поискал опору. Пальцы нащупали трещину — опора была не ахти какая, но она помогла мне обрести равновесие. Я висел, прижимаясь всем телом к стенке расщелины, правая рука сжимала куст, а левая впилась в узкую трещинку на уступе. Одно неверное движение — и я полечу вниз.

Очень осторожно я стал давить вниз правой рукой и подтягиваться левой. Поднимался я очень медленно. Наконец голова и плечи оказались над выступом. Когда грудь коснулась его края, я стал клониться вперед и так и повис совершенно обессиленный. Немного погодя я набрался-таки сил и поднялся еще на пару дюймов. Подтащив одно колено, поставил его на уступ и, сделав невероятное усилие, рванулся вперед. И вот я уже на уступе, лежу, распростершись на спине, ничего не чувствуя, кроме бешено колотящегося сердца и хриплого дыхания.

— Вик! — Голос Кермана приплыл вверх по воронке расщелины.

Я издал какой-то звук и подполз к краю.

— Ты в порядке, Вик?

Казалось, его голос звучит за много миль от меня, слабый шепот из тьмы. Глянув вниз, я увидел точку света, ходившую взад и вперед. Я и думать не думал, что залез так далеко, и при виде этого света у меня закружилась голова.

— Да, — крикнул я в ответ. — Дай мне минуту.

Немного погодя я отдышался и пришел в себя.

— Тебе сюда не взобраться, Джек, — крикнул я ему. — Придется подождать, пока я раздобуду веревку. Тут слишком опасно. Даже и не пытайся.

— А где ты ее раздобудешь?

— Не знаю. Жди меня там.

Я повернулся и направил луч света в темноту. Я находился примерно в тридцати футах от вершины. Остальная часть пути не представляла трудностей.

Следующие тридцать футов я практически шел. Вскоре я оказался у украшенного бассейна. Надо мной возвышался дом. В одном из окон горел свет.

И я направился к дому.

На веранде, когда я туда добрался, никого не было, а кушетка-качалка казалась соблазнительно привлекательной. Мне так хотелось растянуться на ней и вздремнуть часиков двенадцать.

В большой гостиной горел торшер с желто-синим пергаментным абажуром. Стеклянные двери, выходившие на веранду, были открыты.

У начала ступенек на веранду я остановился при звуке голоса — женского голоса, который в тихую летнюю ночь звучал пронзительно громко. В нем были и злость, и едва сдерживаемая истерика:

— Да заткнись ты! Заткнись! Заткнись! Скорее приезжай. Хватит уже говорить. Просто заткнись и приезжай.

Я увидел ее: она стояла на коленях на одной из больших кушеток, крепко сжимая телефонную трубку в кулачке. Свет от лампы падал на ее красивую голову, высвечивая различные оттенки в черных как смоль волосах. На ней были брюки бутылочно-зеленого цвета с высокой талией и того же цвета блузка. Такие вот картины любит рисовать Варга. Она была женщиной его вкуса: длинноногая, с аккуратными бедрами, высокогрудая, очень живая и подвижная.

— Пожалуйста, перестань! — сказала она. — Зачем без конца повторять одно и то же? Приезжай, и все. Больше от тебя ничего не требуется, — и бросила трубку на рычаг.

Я считал, что ситуация не требует от меня, чтобы я таился или прибегал к сверхутонченной хитрости, мне вообще было не до учтивости. У меня подкашивались ноги, все тело было в ссадинах, я еще как следует не отдышался и готов был вскипеть по малейшему поводу. Поэтому я протопал в комнату, даже не подумав ступать осторожно. Каждый мой шаг на паркетном полу отдавался миниатюрным взрывом.

Я увидел, как напряглась ее спина. Голова неторопливо повернулась, и она посмотрела на меня через плечо. Ее большие черные глаза широко открылись. Последовала пауза, за время которой можно было не спеша сосчитать до десяти. Она не узнала меня. Ее взору предстал здоровенный матрос в потрепанных

белых брюках, порванных на месте колена, в рубашке, которую бы вернула любая прачечная (причем вернула бы с жалобой), и с лицом, на котором было больше грязи, чем веснушек.

— Хелло, — спокойно сказал я. — Помните меня? Ваш дружок Мэллой.

Тут она меня вспомнила. Она сделала глубокий вдох, оттолкнулась от кушетки и твердо встала на красивые ножки.

— Как вы сюда попали? — спросила она, а лицо и голос у нее были столь же невыразительны, как оборки на ее блузке.

— Взобрался по утесу. Попробуйте сами когда-нибудь, когда нечем будет возбудиться, — сказал я, проходя в комнату. — И для фигуры хорошо — правда, с фигурой у вас все в порядке.

Она согнула большой палец и уставилась на него, затем, будто для пробы, его укусила.

— Вы же ее еще не видели, — заметила она.

— Ключевое слово в этом предложении «еще»? — спросил я, глядя на нее.

— Как знать. Это зависит от вас.

— Да что вы? — Я сел. — Выпьем? Я уже далеко не такой, как прежде. Вы обнаружите, что от виски мои рефлексы лучше работают.

Она направилась через гостиную к горке.

— Это правда насчет утеса? — спросила она. — На него еще никто никогда не взбирался.

— Леандр еженощно переплывал Геллеспонт, а Гера и наполовину не была такой красивой, как вы, — небрежно сказал я.

— Вы хотите сказать, что действительно вскарабкались на него? — Она вернулась с высоким бокалом, полным виски со льдом. Виски выглядело гораздо соблазнительнее, чем она, но я ей этого не сказал.

— Я вскарабкался на него, — произнес я, принимая стакан. — За ваши красивые черные глаза и за фигуру, которой я не видел — еще.

Она стояла рядом и смотрела, как я отпил сразу треть бокала. Затем рукой, столь же неколебимой, как утес, о котором мы говорили, прикурила сигарету, вытащила ее из своего красного чувственного рта и дала ее мне.

Наши пальцы соприкоснулись. Кожа у нее была жаркая, как в лихорадке.

— Ваша сестра здесь? — спросил я и осторожно поставил виски на кофейный столик рядом.

Она снова задумчиво оглядела свой большой палец, потом посмотрела на меня уголком глаза.

— Джэнет мертва. Она умерла два года назад.

— С тех пор как вы мне это сказали, я сделал уйму открытий, — возразил я. — Я знаю, что та девушка, которую ваша мать около двух лет держала в заточении в санатории, и есть ваша сестра Джэнет. Рассказать вам, что именно я знаю?

Она скорчила гримасу и села.

— Можете рассказать, если хотите, — сказала она.

— Частично это догадки. Возможно, кое-где вы меня поправите, — начал я, устраиваясь поудобнее в кресле. — Джэнет была любимицей вашего отца. И вы, и ваша мать знали, что большую часть денег он оставит ей. Джэнет влюбилась в Шеррилла, который тоже знал, что у нее будут деньги. Шеррилл был довольно эффектный парень, а также в вашем вкусе. У вас с ним была тайная связь, но Джэнет узнала об этом и разорвала помолвку. Последовала ссора между вами двумя. Одна из вас схватила дробовик, и тут, весьма кстати, в комнате появился ваш отец. Кто его застрелил, вы или Джэнет?

Она закурила сигарету и бросила спичку в пепельницу, прежде чем ответить:

— Какая разница? Я, если вам непременно надо это знать.

— В это время в доме жила одна сиделка, Анона Фридлендер. Почему она там была?

— У моей матери было не все в порядке с головой, — небрежно ответила она. — Ну, и она считала, что и у меня тоже. Она убедила отца, что за мной нужно присматривать, и прислала сиделку Фридлендер шпионить за мной.

— Сиделка Фридлендер, когда вы застрелили отца, хотела позвонить в полицию?

Она кивнула и улыбнулась, но черных как уголь и совершенно невыразительных глаз улыбка не тронула.

— Мать заявила, что если это станет известно, меня, вероятно, упекут в сумасшедший дом. Сестра Фридлендер стала возникать. Мать отправила ее обратно в санаторий и заточила там. Только так можно было заставить ее замолчать. Тогда Джэнет принялась настаивать на том, чтобы и меня изолировали, и матери пришлось согласиться. Она отправила меня сюда. Это ее дом. Джэнет думала, что я в санатории. Она узнала, что меня там нет, но она не знала, где я. Потому-то, я думаю, Джэнет написала вам. Она собиралась попросить вас найти меня. А тут от сердечного приступа умерла сиделка Фридлендер. Нельзя было упускать такую хорошую возможность. Мать с Дагласом перенесли тело в Крестуэйз. Мать сказала Джэнет, что я хочу повидать ее, и та пошла в санаторий. Ее заточили в палате сиделки Фридлендер, а сиделку Фридлендер пригласили в

постель Джэнет. Довольно умная идея, правда? Я позвонила доктору Бьюли, который жил неподалеку. Ему и в голову не пришло, что мертвая женщина не Джэнет, и он подписал свидетельство о смерти. После этого все было очень просто. Опекуны ничего не заподозрили, и все деньги достались мне. — Она наклонилась, чтобы стряхнуть пепел с сигареты в пепельницу, и продолжала тем же ровным бесстрастным голосом: — О Дагласе я рассказала вам правду. Этот крысенок накинулся на меня, пытаясь шантажировать и вынудил меня купить «Шхуну-Мечту». Служанка Джэнет тоже меня шантажировала. Она знала, что Джэнет не умерла. Затем появились вы. Я подумала, что если я сообщу вам хоть часть этой истории, это поможет отпугнуть Дагласа, но не тут-то было. Он хотел убить вас, но я ему не позволила. Отправить вас в санаторий была моя идея. Я и не думала, что вы утащите оттуда Джэнет. Как только я узнала, где она, я дала указание, чтобы люди Шеррилла доставили ее сюда.

— А застрелить отца сиделки Фридлендер тоже была ваша идея?

Она скорчила гримасу отвращения.

— А что мне еще оставалось? Если бы он сообщил вам, что у нее было больное сердце, вы бы догадались, что произошло. Я ударилась в панику. Я думала, если мы заставим его замолчать и выкрадем бумаги из полиции, то, даст бог, сможем жить дальше. Но теперь я вижу, что никакой надежды нет.

— Значит, Джэнет здесь?

Она пожала плечами.

— Да, она здесь.

— И вы пытаетесь принять решение, что с ней делать?

— Да.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Возможно, и есть.

Я допил виски. Мне просто надо было выпить.

— Это вы застрелили Шеррилла и подожгли судно, правда?

— А вы многое узнали.

— Да что вы?

— О да. Я знала, что если его поймает полиция, он тут же меня выдаст. Да и все равно он путался под ногами. Я с такой радостью подожгла это мерзкое судно. Я всегда его ненавидела. Оно хорошо горело?

Я ответил, что горело оно очень хорошо.

— Я все думаю о вас, — сказала она вдруг. — Мы не могли бы сработаться? Бессмысленно отдавать все эти деньги каким-то старым ученым. Осталось почти два миллиона.

— И как же мы могли бы сработаться?

Раздумывая над тем, как мы могли бы сработаться, она укусила себя за большой палец.

— Понимаете, она моя сестра. Долго держать здесь я ее не могу. Если узнают, что она жива, я потеряю эти деньги. Было бы лучше, если бы она умерла.

Я промолчал.

— Я уже три или четыре раза заходила к ней с пистолетом, — продолжала она после долгой паузы. — Но каждый раз, когда я пытаюсь нажать на спуск, что-то меня останавливает. — Она уставилась на меня и сказала: — Я отдам вам половину денег.

Я погасил свой окурок.

— Вы предлагаете, чтобы это сделал я?

Уж на сей раз эта ничего не выражающая улыбка достигла-таки ее глаз.

— Вы только представьте себе, что вы могли бы сделать со всеми этими деньгами.

— Но у меня же их пока нет.

— О-о, я их вам дам. Сейчас я вам выпишу чек.

— Как только я сделаю это, вы сразу же можете объявить чек недействительным, разве нет? А то и застрелите меня, как застрелили Шеррилла, — сказал я и посмотрел на нее, прикидываясь дурачком.

— Я не шучу, когда я что-то говорю. А когда даю обещание, выполняю его, — терпеливо сказала она. — К тому же вы можете взять и меня.

— Да что вы? — Я попытался не дать ей почувствовать, что не испытал никакой радости. — Прекрасно. — Я встал. — Где она?

Она вытаращилась на меня, ее лицо оставалось по-прежнему невыразительным, но сверху на левой щеке задергался нерв.

— Вы это сделаете?

— Не понимаю, почему бы и нет? Дайте мне пистолет и скажите, где она.

— Разве вы не хотите, чтобы я сначала выписала чек?

Я покачал головой.

— Я вам доверяю, — сказал я, надеясь, что не слишком переигрываю со своим дурашливым взглядом.

Она указала на дверь в другом конце зала, напротив стеклянной двери.

— Она там.

— Тогда дайте мне пистолет. Надо обставить дело так, будто это самоубийство.

Она кивнула.

— Да, я тоже думала над этим. Вы… вы не причините ей боли?

Теперь уже в ее глазах появилось пустое, отсутствующее выражение. Ее разум, казалось, блуждает где-то в пространстве.

— Пистолет, — сказал я и щелкнул пальцами.

— Ах, да. — Она задрожала, нахмурилась, туманно оглядела комнату. — Где же он у меня? — Нерв у нее под кожей скакал, как лягушка. — По-моему, он должен быть у меня в сумке.

Сумка лежала на одном из кресел. Она направилась туда, но я ее опередил.

— Ничего, — сказал я. — Я сам возьму. Вы садитесь и расслабьтесь.

Я взял сумку и щелкнул застежкой.

— Не открывайте ее, Мэллой!

Я быстро повернулся.

В раскрытых стеклянных дверях стоял Манфред Уиллет. Автоматический пистолет в его руке был направлен на меня.

Морин пронзительно закричала.

— Дурак! Почему ты не подождал? Он бы это сделал! Глупый, безмозглый дурак!

Холодный взгляд Уиллета переместился с меня на нее.

— Разумеется, он бы этого не сделал, — кратко бросил он. — Ему нужен был твой пистолет. А сейчас успокойся, я сам во всем разберусь.

Она медленно повернулась ко мне. В ее черных глазах появился лихорадочный блеск.

— Разве бы вы этого не сделали? — спросила она. — Разве б не сделали?

Я покачал головой.

— Нет, — сказал я и улыбнулся ей.

— Все это зашло слишком далеко, — сказал Уиллет, проходя комнату. — Садитесь, — продолжал он, обращаясь ко мне. — Я хочу поговорить с вами. И ты тоже сядь. — Это уже к Морин.

Я сел, но она стояла неподвижно, уставившись на Уиллета, ее острые зубки грызли большой палец.

— Сядь! — сказал он и направил на нее свой пистолет. — Ты такая же сумасшедшая, как и твоя мать. Пора уже взять тебя под контроль.

Тут она улыбнулась и прошла к креслу, где прежде лежала ее сумочка, села, закинула ногу на ногу и продолжила грызть большой палец.

Уиллет стоял перед пустым камином. Он держал пистолет на уровне бедра. На лице у него было суровое и одновременно тревожное выражение, а его взгляд то и дело перемещался с нее на меня и обратно.

— Где Джэнет? — спросил он.

Поскольку Морин ничего не сказала, я указал большим пальцем на дверь напротив стеклянной.

— Она говорит, что там.

— Она в порядке?

— Насколько я знаю.

Он несколько расслабился, но пистолет не опустил.

— Вы отдаете себе отчет, что при данном раскладе по-прежнему можно неплохо заработать, если вы объединитесь со мной? — спросил он. — Пока что мы еще в состоянии держать это дело под контролем. Я дал маху, предоставив ей такую свободу. Я и понятия не имел, что она настолько опасна. Знал, конечно, что она взбалмошная, как и ее мать, но считал их безвредными. Я бы принял меры и пораньше, но мне помешал Шеррилл. Теперь, когда он мертв, все гораздо проще. Теперь единственное препятствие — это вы. Вам хватит пятьдесят тысяч, чтобы держать рот на замке?

Я поднял брови.

— Она только что предложила мне миллион.

Он сделал нетерпеливый жест.

— Послушайте, это деловое предложение. Не будем тратить время. Миллиона у нее нет. Она бы вам все равно ничего не дала, даже если бы у нее было что дать. Страховку за «Шхуну-Мечту» она получить не может. Страховка достанется мне.

— А что будет с ней? — спросил я и бросил взгляд на Морин.

— Я помещу ее в сумасшедший дом. Альтернативы у нее нет, если только она не хочет, чтобы ее сдали в полицию и привлекли к суду за убийство. — Уиллет говорил тихо и быстро. — Все это можно сделать без особого шума. Джэнет вряд ли станет возражать. Я сумею убедить ее сделать то, что надо. Ей достанется все состояние. Мы с вами поделим страховку за «Шхуну-Мечту».

— Позвольте мне кое-что выяснить, — сказал я. — Уж не вы ли с самого начала замыслили этот небольшой заговор?

— Не будем в это вдаваться, — кратко бросил он.

— Это была его идея, — сказала Морин. — С самого начала. Он погряз в махинациях с опекунством. Джэнет узнала об этом. Именно он убедил маму заточить Джэнет в санаторий. Если бы не Даглас, он бы и меня упек куда-нибудь.

— Замолчи! — отрезал Уиллет, и лицо его стало жестким.

— Я догадываюсь, что примерно так и обстоят дела, — сказал я. — Я понимал, что тут обязательно замешан кто-то, имеющий отношение к опекунству. Я стал подозревать вас, когда вы выразили нежелание поставить об этом в известность других

опекунов. А уж когда Джэнет забрали из квартиры моей секретарши, так и вообще все понял. Кроме вас, меня и Полы, никто не знал, что Джэнет там.

— Да какое это имеет значение? — в нетерпении сказал он. — Если бы не Шеррилл да не эта вот сумасшедшая, все бы сработало. Но я принципиально против убийства. Как только они повели эту игру, я решил остановить ее. И ее можно остановить. Вы со мной или нет? Страховку поделим пополам.

— А что будет, если я не соглашусь?

— Я готов уехать отсюда, — сказал он. — Я бы не хотел уезжать, но уеду, если придется. Пока получу страховку, мне придется держать вас обоих здесь. Это нелегко, но можно устроить. Однако если вы умный, вы пойдете со мной.

Я посмотрел на Морин.

— Неужто вам нечего на все это сказать?

— А что она может сказать? — в нетерпении возразил Уиллет. — Ей либо в лечебницу для душевнобольных, либо в тюрьму. Уж слишком она опасна, чтобы быть на свободе.

Я оставил его слова без внимания и повторил:

— Неужели вы ничего не хотите сказать?

Тут уж она улыбнулась натянутой и жесткой улыбочкой.

— Нет. Зато я могу кое-что сделать.

Ее пистолет, должно быть, все это время был прижат к боку кресла. Выстрел прозвучал, как удар грома. От вспышки обшивка кресла загорелась.

Уиллет выронил свой пистолет и сделал два нетвердых шага вперед, сжимая руками грудь. Я увидел, как у него подкосились колени, и резко бросился со своего кресла к Морин через разделявшее нас узкое пространство. Я схватил ее за запястье, когда пистолет уже повернулся в моем направлении. Раздался выстрел, и я почувствовал, как вспышка обожгла мне щеку. Мы с ней повалились на пол. Я вырвал у нее пистолет, резко толкнул ее и встал на ноги.

— О'кей, о'кей, спокойненько, — сказал Миффлин от стеклянной двери, и они с Джеком Керманом вошли в комнату.

— Ты в порядке, Вик? — спросил Керман.

— Да Вы все слышали?

— Слышали, — сказал Миффлин. — Он сильно пострадал? — И он направился к Уиллету.

— Смотрите за ней — крикнул я и прыгнул вперед.

Морин уже метнулась к стеклянной двери. Я попытался схватить ее, но она оказалась слишком быстрой. Она выскочила на веранду и сбежала вниз по ступенькам террасы.

— Он мертв, — с отвращением сказал Миффлин, когда мы с

Керманом выбежали за ней.

Мы добежали до первой террасы — она была уже на четвертой. Я схватил Кермана и потащил назад.

— Пусть за ней гонится Миффлин, если она ему нужна, — сказал он.

Миффлин, громко топая по ступенькам террасы, спустился и присоединился к нам.

— Куда она побежала? — спросил он.

Я показал.

Она бежала быстро и уже достигла нижней террасы. Миффлин направился было за ней, но остановился. Она бежала прямо к обрыву. Через несколько секунд достигла его и сорвалась вниз.

Несколько мгновений спустя мы стояли неподвижно, прислушиваясь в ожидании, но ничего не услышали. Казалось, будто само пространство между вершиной утеса и морем разверзлось и поглотило ее.

— Для нее это лучший выход, — сказал я и повернулся к дому. Меня подташнивало. Пусть она и была сумасшедшая, но все же была красивая, а мне всегда жаль, когда гибнет что-то красивое.

Когда мы добрались до веранды, я спросил:

— Ты покорил утес?

Керман кивнул.

— Я взобрался по выступу, — сказал он, нарочито дрожа. — Буду вспоминать об этом до конца дней своих. Туг где-то Пола. Она ищет Джэнет Кросби.

— Теперь уж придется объяснить ситуацию Брэндону, — сказал я, когда подошел запыхавшийся Миффлин. — То-то будет потеха.

— Разбилась вдребезги, — сказал Миффлин, вызверившись на нас. — Ну, умники, заходите, поговорим.

Мы зашли в дом и все ему рассказали.

Перевод с английского
Владимира ПОСТНИКОВА

По страницам «Искателя»

Василий Головачев
КАТАСТРОФА

Космотрон. Восемь часов сорок минут среднесолнечного времени…

Катастрофа произошла внезапно: исчезло защитное поле одной из секций гигантского ускорителя. Сверхплотный поток антипротонов проломил ослабевшие стенки магнитных ловушек и, минуя мишень, ушел в пространство. Лавина яростной энергии, сравнимая разве что с солнечным протуберанцем, но невидимая, устремилась под углом к плоскости эклиптики в направлении марсианской жилой зоны. Пятисоткилометровое двойное кольцо космотрона распалось, как игрушечное изделие из набора «Конструктор», породив вспышку жемчужного света. До ближайшей космостанции свет этот шел ровно семь минут.

Аварийно-спасательная служба, станция приема аварийных сигналов (СПАС-7). Восемь часов пятьдесят минут…

Шелгунов подогнал кресло по фигуре, подмигнул Стахову и подтянул к себе микрофон.

— Дежурство принял старший смены Шелгунов.

— Добро, — отозвался динамик, и весь объем экрана заняло смуглое черноглазое лицо Грехова, руководителя оперативной группы патруля. — Рапорт принял. Спокойного дежурства, Саша.

— Спасибо, Габриэль, желаю и тебе того же.

Шелгунов проверил связь с отсеками станции, дежурные энергетики и бортинженеры бодро сообщили о готовности аппаратуры к работе. Александр окинул взглядом черные квадраты пеленгационных экранов, покрытые координатной сеткой, и надел наушники. В течение четырех часов дежурства им предстояло вслушиваться в «тишину» космоса: такова была специфика работы дежурных смен станций СПАС.

— Юра, будь добр, погаси свет, — попросил Шелгунов.

Стахов улыбнулся и выключил светопанели.

…Но в то время, как дежурные других станций по всей солнечной системе обменивались шутками, проверяя связь друг с другом, и вели перекличку оперативные группы патрулей, страшная радиоактивная лавина уже вспарывала космос, с каждой секундой приближаясь к густо заселенной людьми

области солнечной системы…

Фобос, станция специальной ТФ-связи

В восемь часов пятьдесят три минуты среднесолнечного времени дежурный диспетчер станции получил странный сигнал из обсерватории «Полюс», располагавшейся в девяти астрономических единицах от Солнца, над полюсом эклиптики. Автоматы обсерватории зафиксировали в направлении гаммы Треугольника вспышку света с необычным спектром. Диспетчер сверил время: ТФ-связь доносит вести практически мгновенно, свет же вспышки должен был достичь орбиты Марса только через двадцать две минуты.

— «Полюс», повторите информацию и дайте точные координаты вспышки, — попросил диспетчер.

Обсерватория не отвечала.

Диспетчер, опытный инженер, в прошлом работник Управления аварийно-спасательной службы (УАСС), хмыкнул, переглянулся с помощником и связался с отделом УАСС на Земле.

Земля, Сахалин. Ночь…

Диего Вирт посмотрел на окошко универсальных часов: было восемь часов пятьдесят восемь минут среднесолнечного времени.

«Странно, — подумал он, вставая с постели. — На тревогу непохоже… Что там могло произойти? Неужели без меня нельзя обойтись?»

В кабине связи он появился уже одетым.

— Слушаю.

Томившийся ожиданием молодой диспетчер отдела встрепенулся и быстро проговорил:

— Получено сообщение от специальной-три с Фобоса. Обсерватория «Полюс» зафиксировала яркую вспышку в квадрате И-227 и замолчала. На дальнейшие вызовы не отвечает.

— Сигнал SOS?

— Нет, СПАС молчат.

— Кто передал?

— Ну, кто? Диспетчер на Фобосе. — Дежурный замешкался. — Сейчас…

Через несколько секунд, покраснев под взглядом Вирта, он сообщил:

— Диспетчер Михаил Мишин.

— Мишин? — Диего Вирт сжал кулак и легонько стукнул по

другой руке. — Любопытно… Свяжитесь со всеми СПАС этой зоны, я буду через пять минут.

СПАС-7. Девять часов две минуты…

В зале царила обычная дежурная тишина. Шелгунов вдруг открыл глаза и прислушался. В соседнем кресле Стахов доказывал кому-то преимущества земной школы хоккея над школой союза внутренних планет, это отвлекало.

— Тихо! — приказал Шелгунов.

Тотчас же слабо свистнул пеленгатор и затлели алым светом индикаторы приема. Из-под пульта прозвучал требовательный гудок, и голос автомата произнес:

— Сигнал SOS! Квадрат И-227, координаты…

Шелгунов вдавил педаль, и по отсекам пронесся звон тревоги, прервав отдых свободных от вахт операторов.

Динамики донесли людям быстрый скрип, будто ножом по стеклу. Стахов, спохватившись, подключил дешифратор, и все услышали:

— Говорит «Полюс», антипротонная атака… говорит «Полюс», антипротонная атака…

— Патруль, слышишь меня? — позвал Шелгунов. — Сигнал SOS, квадрат И-227, координаты… Обсерватория «Полюс», антипротонная атака. Люди, видимо, погибли, сигнал передает робот. Позаботьтесь о защите.

— Принял, стартую, — лаконично, отозвался Грехов.

— Откуда там антипротоны? — пробормотал Стахов. — Запрошу-ка я службу Солнца…

— Правильно, — кивнул Шелгунов. — А заодно физические центры и обсерватории.

Перед пультом неожиданно раскрылся видеом связи с базой, из диспетчерской на них взглянул начальник отдела УАСС Диего Вирт.

— Что у тебя?

— SOS, антипротонное облучение обсерватории «Полюс». Необходим информационный поиск: что за излучение, откуда? Вспышка на Солнце? Так служба Солнца не передавала никаких предупреждений…

Диего покосился на диспетчеров базы.

— Ответ получишь минуты через три. Я пока соединюсь со СПАС зоны Юпитера, СПАС внутренних планет ничего не слышали.

Видеом угас.

— Что же это? — тихо спросил Стахов.

База УАСС. Девять часов семь минут…

Диего Вирт крупными шагами вошел в командный зал базы и с размаху бросил свое сильное тело в пустующее центральное кресло.

Стены зала напоминали соты, в каждой ячее светился видеом, и один из них показывал искристую бездну. Звезды зигзагами исчерчивали ее, и Диего представил какие эволюции выполняет спасательный модуль, повинуясь пилоту.

— Подойти к обсерватории вплотную не могу, — прохрипел искаженный расстоянием и перегрузками голос. — Защита течет, радиация вне всяких норм!

— Что с обсерваторией? — спросил Диего, нагибаясь к пульту.

— Обсерватории как таковой не существует, вижу только часть отсека обеспечения и блок главной антенны, остальное радиоактивная пыль!

— Габриэль, возвращайся, — приказал Диего Вирт. — К вам сейчас подойдет «панцирник», это его работа. Возьми еще один модуль и прочеши трассу прошедшего антипротонного луча. Возможно, отыщешь пострадавших. Координаты запроси у СПАС-7.

Щелчок переключателя.

— Внимание! Патрулю УАСС зон Юпитера, пояса астероидов, Марса и свободного пространства подготовить средства к перехвату антипротонного луча в точке с координатами… Готовность к старту три минуты!

Еще щелчок.

Диего подождал и вызвал сектoриат УАСС.

Земля, сектoриат УАСС. Девять часов двенадцать минут…

Руководитель УАСС солнечной системы Джаваир заканчивал ужин, когда в комнате властно прогудел сигнал вызова и рабочий видеом отразил лицо Вирта.

Джаваир отставил в сторону стакан с соком и, стоя, выслушал сообщение начальника отдела о случившемся.

— Космотрон? — переспросил он. Тень недоумения появилась и исчезла в его узких непроницаемо-черных глазах. — Ведомство Эйлера… Какие хозяйства затронет антипротонный луч?

— Коридор входа трансгалактических разведчиков, — начал

перечислять Диего. — СПАС-7, рабочая зона завода безгравитационного литья… Детский полигон… Что еще? Сектор пассажирских сообщений примарсианской области… Это, пожалуй, наиболее серьезное. Натворит он там бед… если не задержим.

— Какие меры приняты?

— Начат монтаж силового экрана на пути луча.

— Сколько на это потребуется времени?

— Энергетическая масса луча очень велика, экран нужен мощный…

— Сколько?

— Два часа… может быть, полтора.

— А когда луч подойдет к сооружениям завода?

— Минут через сорок пять.

Джаваир опрокинул стакан, озадаченно посмотрел на лужицу рубиново-красного сока на столе и спрятал руку за спину.

— Космотрон уцелел?

— Нет, вспышка света и… все.

— А ученые доказывали, что космотрон безопасен, как стандартный вычислитель… Как же так получилось? Чего мы не учли?

— Не знаю. Космотрон работал почти год — и ничего. Может, стечение обстоятельств…

— М-да, — Джаваир задумался. — На СПАС, кажется, имеется собственный реактор?

— Имеется. Вы хотите?.. — осторожно начал Диего Вирт.

— Взорвать станцию. Пожертвовав СПАС, мы, если и не остановим, то хотя бы ослабим силу радиоактивной лавины. Сделайте необходимые расчеты.

Земля, секториат УАСС. Девять часов восемнадцать минут…

Джаваир навис над пультом видеоселектора, пробежал глазами по экранам и негромко проговорил:

— Составьте объявление по всем ТФ-станциям: кораблям в зоне с координатами… покинуть зону с немедленным отлетом в порты назначения! Правительству и техническому совету Марса принять срочные меры по эвакуации заселенных зон в районах по вектору двести двадцать семь! К зонам приближается радиоактивное облако! Сектору УАСС марсианской зоны обеспечить безопасность транспортных линий при изменении графика сообщений.

Джаваир закончил диктовать и обернулся к собравшимся по

тревоге начальникам отделов.

— Всех, кто не участвует в операции, прошу вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Вам, Эйлер, в течение двух суток выяснить причины катастрофы! Взрыв космотрона уже погубил двадцать шесть человек, и я не знаю, конец ли это. Найдите…

— Вас вызывают по коду Совета Мира, — обратился к руководителю УАСС диспетчер, смущенный тем, что пришлось его перебить.

Джаваир медленно повернулся…

Венера, орбитальная станция, зал Совета Мира. Двадцать две минуты десятого…

— Я уже в курсе, — сказал председатель Совета Мира Молчанов, пристально рассматривая Джаваира. — Вам потребуется какая-нибудь дополнительная помощь?

— Нет, — помедлив, ответил Джаваир. — Все, что надо, делается.

Молчанов сжал губы, и властное лицо его пошло морщинами.

— Причины катастрофы неизвестны?

Джаваир покосился на стоявшего рядом долговязого Эйлера.

— Пока нет. О результатах расследования я доложу на Совете через двое суток.

— Надеюсь, ты понимаешь, чем грозит вторжение луча в примарсианскую зону? Луч надо остановить во что бы то ни стало!

Джаваир не пошевелился.

— И вот еще что, — продолжал Молчанов. — Не допустите паники. Эго будет пострашнее самого взрыва.

СПАС-7. Двадцать пять минут десятого…

Антенны поймали еще один сигнал SOS, и Шелгунов накричал на Стахова, перепутавшего в волнении каналы приема.

В который раз перед ними в тесноте видеома возник Диего Вирт.

— Вот что, Александр, луч выходит прямо вам в лоб.

— Знаю, чепуха! — отмахнулся Шелгунов. — Станция может уйти из-под удара в любой момент. Каков диаметр луча?

— Около сорока тысяч километров, радиант расхождения две секунды.

— Уйдем, не беспокойся, сейчас дам команду.

— Уйти-то вы уйдете… — Диего покусал губу. — Конечно,

уйдете. Но за вами завод БГЛ, детские площадки…

— Знаю. Что ты предлагаешь? Говори прямо.

— Надо в нужный момент взорвать реактор СПАС. Взрыв создаст контрволну энергии, которая, по подсчетам, ослабит плотность антипротонного пучка в десять-двенадцать раз.

Шелгунов ощупал каменное лицо Вирта серыми запавшими глазами.

— Так. И сколько времени в нашем распоряжении?

— Около восемнадцати минут. За это время надо составить программу автоматам и эвакуировать персонал станции. Поспеши с эвакуацией, модуль за вами уже вышел.

— У нас же есть свой.

— Это для того, кто останется последним.

— Тогда для меня.

— Значит, для тебя.

База УАСС. Половина десятого…

Диего Вирт попросил помощника принести скафандр и, не отвечая на его изумленный взгляд, остался стоять посреди зала.

Шелгунов, видимый в одном из видеомов, что-то высчитывал на станционном компьютере, приглаживая время от времени волнистые свои волосы. Потом принялся разбирать пульт управления.

— Акутагава! — позвал Диего Вирт, поворачиваясь к боковому видеому. — Что вы там копаетесь? Скоро сделаете?

— Половину закончили, — отозвался голос руководителя монтажа поглощающего экрана.

— Не торопите его, Диего, — сказал присутствующий в зале Джаваир. — Он и так делает все возможное.

Шелгунов оторвался от работы и обратился к Вирту:

— Я уже вижу луч: хвостатая звезда по оси локатора. Пожалуй, пора уходить, автоматы теперь сделают все сами.

Диего открыл рот, собираясь ответить, и в это время короткий грохот донесся из динамиков, мелькнуло удивленное лицо Шелгунова, и связь со СПАС-7 прервалась.

СПАС-7. Девять часов тридцать три минуты…

Шелгунов закончил вычисления, вспорол по диагонали панель пульта, и достав ультразвуковую насадку, начал перепаивать схему командных цепей. Боковым зрением он видел в объеме экрана зал базы и нетерпеливого Вирта, но он и сам знал, что время не ждет, и работал быстро как только умел.

Через две минуты закончил пайку, отбросил насадку и собрал блоки пульта. Осталось лишь скорректировать положение станции по последним данным патрульных кораблей и дать команду исполнительным автоматам на подрыв реактора. После этого ему следовало покинуть СПАС.

И в этот момент пол командного пункта станции вздыбился, накренился, звенящий гул прилетел из недр причального отсека. Шелгунов выпал из кресла, но успел схватиться за стойку пульта и удержался. Пол выровнялся, гул стих, и в наступившей тишине координатор станции сообщил:

— Разрушены второй и третий причальные отсеки, оторван переходной биммер. Причина — автоматический старт спасательного модуля.

— В нем же никого нет! — удивился Шелгунов, еще не осознавая последствий происшествия.

— На модуле не были выключены системы безопасности, сторожевой робот отметил приближение опасности, и модуль стартовал…

База УАСС. Тридцать пять минут десятого…

— Ну что там? — Диего Вирт бросил взгляд на часы и почти подбежал к цепочке видеомов селектора.

— У нас все в порядке, — сухо ответил старший диспетчер. — Очевидно, что-то случилось на самой СПАС.

В зал, широко шагая, вошел напарник Шелгунова по смене Стахов, за ним весь обслуживающий СПАС-7 персонал.

— Есть связь! — радостно воскликнул помощник Диего. Видеом оперативной связи раскрылся и показал помещение командного пункта станции. Шелгунов сидел в кресле со свежей царапиной на щеке, но казался невозмутимым.

— Извини, Диего, — сказал он. — Как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Мне не на чем уйти со станции. Модуль… э-э, модуль поврежден. А в скафандре я все равно не успею выбраться с оси луча.

Даже в этот жестокий миг Шелгунов не смог заставить себя взвалить бремя вины на совершенную кем-то другим ошибку — включенные на модуле системы безопасности — на этого неизвестного ему человека.

— Саша! — ахнул Стахов, бледнея.

— Корабль патруля мне, — бросил Диего через плечо, направляясь к двери. — Без экипажа.

— Не успеешь, — пробормотал помощник, но Диего уже не было в зале. Прошуршали по коридору шаги, вздохнул шлюз.

Потом колебание прошло по цилиндрическому телу базы. Диего Вирт стартовал.

СПАС-7. Девять часов сорок минут…

Шелгунов пристально смотрел на экран локатора, испускавший белое призрачное сияние.

— Осталось восемь минут, — сказал появившийся в видеоме Джаваир. Шелгунов оторвался от созерцания бездны, криво усмехнулся и принялся за проверку правильности подключения систем.

Джаваир пожевал губами, радуясь самообладанию Шелгунова и одновременно чувствуя горечь от сознания собственного бессилия. К СПАС-7 стартовал еще один патрульный модуль — Грехов, но он уже явно не успевал. Оставалось уповать на оперативность и реакцию Диего, в данной ситуации не помог бы даже Господь Бог, если бы он существовал. «Если все сойдет благополучно, — подумал руководитель УАСС, — сниму с должности! Начальник отдела, а рискует как неопытный стажер!.. Впрочем, на его месте я поступил бы точно так же…»

Джаваир старался не думать, что произойдет, если Диего Вирт не успеет прийти на помощь, поэтому он принялся убеждать Шелгунова отвернуть станцию с пути луча.

Шелгунов покачал головой, поколебался, потом выключил связь, зарастил скафандр и стал ждать, когда отроется аварийный люк и в зал ввалится Диего Вирт, свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки.

notes

Примечания

1

Жреть — приносить жертву, устраивать кровавую трапезу божеству.

2

Кларк Гейбл (1901–1960) — выдающийся американский киноактер, исполнитель роли Ретта Батлера в фильме «Унесенные ветром» (1939).

3

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра. Создала систему подготовки кадров среднего и младшего медперсонала в Великобритании. Международным комитетом Красного Креста учреждена медаль им. Найтингейл (1912).

4

Бинг Кросби (1903–1977) — американский певец и актер.

5

И. Я. Падеревский (1860–1941) — польский пианист, композитор и государственный деятель.

6

Гиньоль — пьесы, спектакли, сценические приемы, основанные на изображении злодейств, избиений, пыток и др.